ЯНКА КУПАЛА

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ПАВЛИНКА

ЯКУБ КОЛАС

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Annotation

В 156 том БВЛ вошли стихотворения и поэмы первых народных поэтов Беларусии — Янки Купалы и Якуба Коласа. Их имена неразделимы в сознании, в сердце каждого белоруса. Ровесники и друзья, которых объединяли общие взгляды на жизнь и творчество, общие цели в борьбе за счастье, свободу и процветание родного народа, они являли собой пример боевого содружества писателей-единомышленников. Перевод с белорусского Вс. Рождественского, Б. Тимофеева, М. Исаковского, А. Прокофьева, Е. Нечаева, А. Андреева, В. Шефнера, М. Горького, М. Комиссаровой, И. Белоусова, Б. Турганова, Д. Бродского, Н. Брауна, В. Брюсова, Н. Сидоренко, А. Коринфского, М. Богдановича, Э. Багрицкого, М. Голодного, С. Городецкого, А. Чивилихина, Е. Мозолькова, С. Обрадовича, Л. Хаустова, М. Светлова, И. Сельвинского, В. Гусева, П. Кобзаревского, А. Твардовского, Л. Раковского, В. Цвелева, С. Родова, А. Корчагина, П. Семынина, А. Кленова, Б. Иринина, В. Азарова, Н. Вольпин, М. Тарловского, П. Карабана, С. Сомовой, А. Суркова. Вступительная статья П. Бровки и Е. Мозолькова. Составление и примечания Е. Мозолькова. Иллюстрации А. Кашкуревича.

- Янка Купала
  -
  - Певцы земли белорусской
  - Янка Купала
    -
    - Стихотворения
      - Мужик
      - Ну как тут не смеяться…

- Расшумелся лес туманный
- Там
- Все вместе
- Я не поэт
- Я мужик-белорус
- Из песен о своей сторонке
- Еще долголь?
- Из песен недоли
- Отповедь
- Это крик, что живет Беларусь
- А кто там идет?
- Песня вольного человека
- Я не для вас…
- Косцу
- Жили-были у отца…
- Из песен безземельного
- Где вы, хлопцы непокорные?
- Снова будет весна!
- С надеждою смутной…
- Брату
- Погибшим
- Памяти Т. Шевченко
- Поэту-белорусу
- Деревня
- Как я полем иду…
- Отцветание
- Полилися мои слезы
- Тут и там
- О мужицкой доле
- Ты взойдешь ли, наше солнце?
- «Не свирель играет…»
- Приветствие
- Мой дом
- На купалье
- Жниво
- Родное слово

- Я от вас далеко
- Брату на чужбине
- Летняя роса
- Над рекою…
- Две березы
- «Ты приди ко мне весною…»
- «Я казак, да не тот…»
- Ты зеленая дубрава…
- Выйди…
- Желание
- Я люблю
- Родичам по речи
- «Братец и сестрица»
- «А ты, сиротина, живи…»
- Песня
- «Всюду лето, лето…»
- Не ищи…
- Две доли
- Весна 1915-я
- Отчизна
- Что там?
- Наследство
- Песня
- Поезжане
- Лесное озеро
- Моя наука
- Где ты, хмель мой, зимовал?
- В полет!
- На смерть Степана Булата
- А кукушка куковала…
- Орлятам
- Две сестры
- За все
- Диктатура труда
- Уходящей деревне
- Новая осень

- Песня строительству
- Вперед — неизменно
- Волнуется синее море
- В нашем поле
- Тем, кого люблю
- Я — колхозница
- Мать сыночка провожала
- Украина
- Гости
- Сдается вчера это было
- Солнцу
- Вечеринка
- Как я молода была…
- Алеся
- Лен
- Партизаны
- На тему критики и самокритики
- Генацвале
- Из цикла «На западнобелорусские мотивы»
  -
  - Вдоволь сыты мы панскою лаской…
  - С новой думой
- Белорусским партизанам
- Снова ждут нас счастье и свобода

- Поэмы
  - Никому
  - Зимой
  - Извечная песня
    -
    - Картины
    - I. Крестины
    - II. На службе
    - III. Свадьба
    - IV. Весна
    - V. За сохою

- VI. Лето
- VII. Покос и жниво
- VIII. Осень
- IX. Праздник
- X. Зима
- XI. Похороны
- XII. На кладбище
- Курган
- Бондаровна
- Она и я
  - 1. Встреча
  - 2. В хате
  - 3. Проталины
  - 4. За кроснами
  - 5. Выгон скота в поле
  - 6. Осмотр поля
  - 7. Радуница
  - 8. Пахота
  - 9. Беление холста
  - 10. Сев
  - 11. Прополка огорода
  - 12. Яблони цветут
  - 13. На сенокосе
  - 14. Красота мира
- Над рекой Орессой
  - Вместо вступления
  - О минувшем
  - Зашумело и пошло
  - Коммуна
  - Совхоз
- Тарасова доля
- Павлинка
  -
  - Действующие лица
  - Действие первое
    -

        - Явление 1-е
        - Явление 2-е
        - Явление 3-е
        - Явление 4-е
        - Явление 5-е
        - Явление 6-е
        - Явление 7-е
        - Явление 8-е
        - Явление 9-е
        - Явление 10-е
        - Явление 11-е
        - Явление 12-е
        - Явление 13-е
        - Явление 14-е
        - Явление 15-е
    - Действие второе
        -
        - Явление 1-е
        - Явление 2-е
        - Явление 3-е
        - Явление 4-е
        - Явление 5-е
        - Явление 6-е
        - Явление 7-е
        - Явление 8-е
        - Явление 9-е
        - Явление 10-е
        - Явление 11-е
        - Явление 12-е
- Якуб Колас
    -
    - Стихотворения
        - «Не ищите, не просите…»
        - Край родимый
        - Врагам
        - Неман

- Белорусам
- «Что ж, Григорий, поправляйся…»
- Не верьте
- Наша возьмет
- На перепутье
- Не горюй
- «Где ты, моя доля…»
- Певец
- «Осади назад!»
- Конституция
- Жниво
- Кирила
- Мужик
- Плотовщики
- Наше село
- «Мы молчали как немые…»
- Под напев ветра
- «Шум затих по коридорам…»
- На заимке
- Призыв
- «Я помню, был и я богатый…»
- Мужик
- Родные песни
- Мать
- Я не знаю…
- Тюремная камера
- Письмо из острога
- Первое знакомство
- «Даром сохну я в остроге…»
- У порога
- Сельская учительница
- Янка
- «Надрывайся и шуми…»
- Тучи
- Верба
- Ночь перед грозой

- Памяти Л. Н. Толстого
- В суде
- «Верные друзья»
- Перед отправкой
- В школу
- Перед судом
- В зимний вечер
- Куда денешься?
- На перепутье
- «Эй, скажи, что это значит…»
- Будь твердым
- Будет гроза
- Как и прежде
- Призыв к весне
- Новому году
- Поле
- Гуси
- Врагам
- Полесье
- К труду
- Клич
- Эхо
- В полях Белоруссии
- Песня о весне
- Ночь
- Борцам за Октябрь
- Врагам
- Громадовцам
- Панам-воякам
- Колхозу «Слобода»
- Янке Купале
- Раскованный Прометей
- Осеннее
  - 1. «Поднимает гомон ветер непокорный…»
  - 2. Земля советская

    - 3. Вчера и сегодня
    - 4. За новое село
- Комсомольцам
- Счастливая минута
- С дороги
- Загибелька
- Поэтам советской земли
- Песней приветствую вас
- Май-победитель
- Живет Руставели
- Устье
- Устьинский холм
- Близко весна
- На новой земле
- Джамбулу
- Тарасу Шевченко
- Своему народу
- «Гудит земля, дрожат леса...»
- Над Свислочью
- Привет Москве
- Копайте яму, долокопы
- Засада
- Голос земли
- Весною
- Старый путь
- Над могилой друга
- Батьке Минаю
- Живет средь нас гений
- М. Д. М
- Узбекистану
- Салар
- Чимган
- Живи, народ!
- Из поэмы «Возмездие»
- В майские дни
- В родных местах

- На могилах героев
- Возвращенье
- В пути
- Лесам Белоруссии
- Минск
- Родному краю и народу

- Рассказы в стихах
  - Игрище
  - «Святой Ян»
  - Донял
- Поэмы
  - Новая земля
    - I. Усадьба лесника
    - IV. Первое хозяйство
    - V. Переселенье
    - VI. Около землянки
    - VIII. Смерть лесничего
    - IX. Новый лесничий
    - X. На панской службе
    - XIII. Выборка меду
    - XVII. Волк
    - XXI. Таинственные звуки
    - XXV. Летней порой
    - XXVI. Осмотр земли
    - XXVII. По дороге в Вильну
    - XXVIII. Дядька в Вильне
    - XXIX. На замковой горе
    - XXX. Смерть Михала
  - Хата рыбака
    -
    - Глава первая
    - Глава шестая
    - Глава тринадцатая
    - Глава двадцать первая
    - Глава двадцать третья
    - Глава двадцать четвертая

        - «И тут я распрощаюсь с вами...»
        - «Родные братья и соседи...»
    - Алфавитный указатель произведений
        - Янка Купала
        - Якуб Колас
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

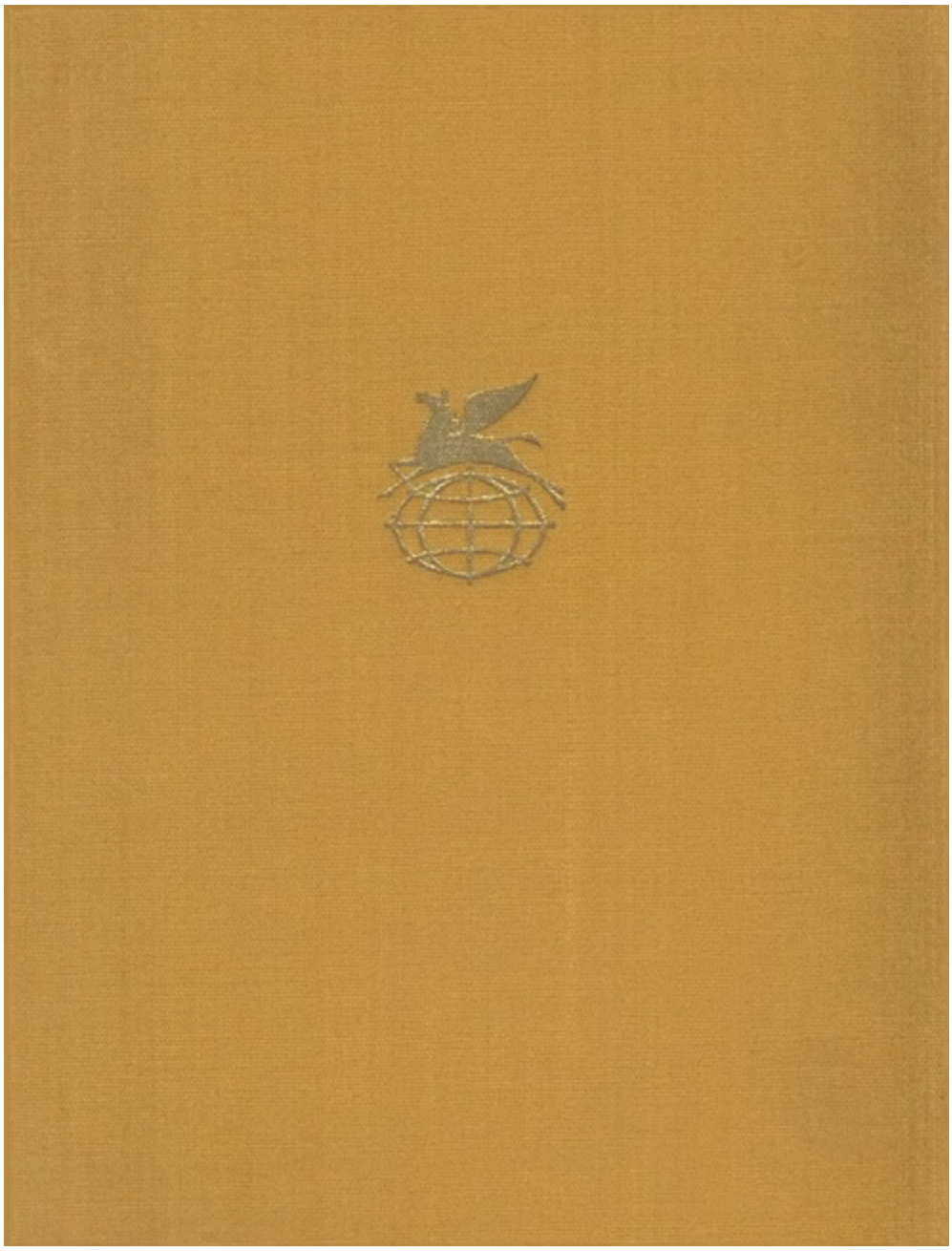
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62

- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98

- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108

Янка Купала
Стихотворения и поэмы
Павлинка
•
Якуб Колас
Стихотворения и поэмы

Перевод с белорусского.



Певцы земли белорусской

Первые народные поэты Белоруссии — Янка Купала и Якуб Колас стоят рядом в истории советской многонациональной литературы. Их имена неразделимы в сознании, в сердце каждого белоруса. Ровесники и друзья, которых объединяли общие взгляды на жизнь и творчество, общие цели в борьбе за счастье, свободу и процветание родного народа, они являли собой пример боевого содружества писателей-единомышленников.

Жизнь и литературная судьба Янки Купалы и Якуба Коласа во многом схожи. Оба начали творческую деятельность в одну и ту же эпоху, вышли из самой гущи народа, одни и те же чувства и стремления вдохновляли их, заставили взяться за перо и писать на родном языке.

Янка Купала и Якуб Колас по праву считаются родоначальниками современной белорусской литературы; исключительно велика их роль в создании и развитии родного литературного языка.

Начало творческого пути Купалы и Коласа неразрывно связано с освободительной борьбой и небывалым ростом классового и национального самосознания широких трудящихся масс Белоруссии в годы первой русской революции (1905–1907).

Это было время, когда народы бывшей Российской империи, пробужденные русским рабочим классом и его партией, поднялись на борьбу против социального и национального гнета. Революционный подъем масс послужил мощным толчком для развития белорусской художественной литературы. Со своими произведениями выступили Якуб Колас, Янка Купала, А. Тетка (Пашкевич); несколько позже пришли в

литературу М. Богданович, З. Бядуля, Т. Гартный (З. Жилунович).

Сотни лет талантливый и трудолюбивый белорусский народ не имел возможности развивать свою литературу, изнывал в тисках социального и национального гнета. Однако никакие самые жестокие меры не могли подавить в народе чувство социального протеста, сломить его волю к борьбе с угнетателями.

Напуганное революцией 1905–1907 годов, царское правительство вынуждено было отменить или ослабить суровые ограничительные законы, долгое время категорически запрещавшие белорусское слово, белорусскую печать. Осенью 1906 года появились первые газеты на родном языке: «Наша доля» (вскоре, впрочем, закрытая властями), а затем — «Наша нива», просуществовавшая до 1915 года. Знаменосцами молодой национальной литературы, — выразительницы интересов, дум и чаяний народа, — стали Янка Купала и Якуб Колас. Продолжая и развивая революционно-демократические традиции русской классической литературы, традиции великого украинского поэта Тараса Шевченко и белорусских поэтов-демократов XIX века, Якуб Колас и Янка Купала мужественно и упорно боролись за право творить на родном языке, за создание понятной и действительно нужной народу литературы. Буржуазные националисты, эстетствующие меценаты и декаденты всех мастей безуспешно пытались увести молодых белорусских писателей с революционно-демократических позиций, заставить их пойти на выучку к служителям «чистого», «аполитичного» искусства. Всем своим творчеством Янка Купала и Якуб Колас утверждали идейно-художественные принципы подлинно народного искусства.

Исключительно глубокое и плодотворное влияние на развитие всей белорусской письменной литературы и

на поэзию Янки Купалы и Якуба Коласа, в частности, оказала великая русская литература. Общность исторических интересов и судеб, близость языка и бытового уклада, кровное родство — все благоприятствовало сближению двух братских культур. По образному выражению Якуба Коласа: «Как ветви дерева тянутся к источнику света и тепла — солнцу, так и белорусский народ всегда тяготел к своему родному брату — могучему русскому народу». Традиции бессмертной поэзии Пушкина, Некрасова, Шевченко, Кольцова и устной народной поэзии живо ощущаются в белорусской революционно-демократической поэзии XX века, и прежде всего в творчестве Янки Купалы, Якуба Коласа, А. Тетки. Наряду с произведениями великих русских и украинских писателей значительную роль в развитии молодой белорусской поэзии сыграли произведения выдающихся представителей прогрессивной, демократической польской литературы — А. Мицкевича, М. Конопницкой и Л. Кондратовича (Сырокомли), оставившего после себя несколько стихотворений и на белорусском языке.

Интересно отметить, что свои самые первые юношеские стихи Якуб Колас написал на русском языке, а Янка Купала — на польском и что им обоим помогло осознать свое призвание, «сосредоточиться на белорусском языке, на белорусском писании» знакомство с белорусской поэзией XIX века. Не будь этого знакомства и не будь грозового, «освежающего влияния» революции 1905–1907 годов, возможно, их судьба сложилась бы так, как складывались судьбы многих талантливых представителей белорусской интеллигенции, которые шли работать на ниве русской либо польской культуры.

«Еще до революции 1905 года, — писал Купала, — мне попались книжки стихов Богушевича и Марцинкевича, и, насколько помню, я ими чрезвычайно

увлекся, не бессознательно, так как уже в это время я чувствовал социальную и национальную несправедливость, от которой страдал белорусский трудовой народ. Но мне тогда и в голову не приходило, что я сумею писать такие же стихи про долю и недолю белорусского мужика. Все же я сознавал, что книжки на белорусском языке не хуже других, потому что в них говорилось про горе близких мне людей, с которыми я вместе физически работал.

В 1904 году попадаются мне в руки белорусские прокламации и революционные брошюры на белорусском языке. Это окончательно вырешило, что я белорус и что единственное мое призвание — служить своему народу всеми силами своей души и сердца».

Неизгладимый след оставило и в душе Коласа первое знакомство с белорусской письменной поэзией XIX века. «Еще в начальной школе, — вспоминал он, — случайно попались мне в рукописном виде белорусские стихи, написанные Янкой Лучиной (как я потом узнал). Эти стихи я выучил наизусть и любил их декламировать. Среди моих родных и знакомых эти стихи пользовались большим успехом».

А ведь в те годы, вспоминает Колас, «все белорусское, начиная с белорусского акцента, в школе высмеивалось, изгонялось самим учителем.

Если творчество на белорусском языке и проникало в школы, то проникало лишь с целью осмеяния, забавы. Белорусский язык, казалось, и существовал только для того, чтобы позабавиться над ним; так что, когда я читал на белорусском языке свои стихи, где я, — как и на всяком языке, — говорил о серьезных вещах, то это вызывало недоумение».

Нужно было иметь большое мужественное сердце, чтобы в ту мрачную эпоху произвола и национального гнета поднять голос за народ, стать выразителем его заветных дум и чаяний.

Лучшие, передовые представители русской интеллигенции, боровшиеся за социальное и национальное раскрепощение всех угнетенных наций бывшей Российской империи, всегда стремились помочь выявлению народных талантов. Так, великий русский писатель Максим Горький тепло приветствовал появившиеся в печати первые произведения Янки Купалы и Якуба Коласа.

В письмах к русскому литератору А. Черемнову, украинскому писателю М. Коцюбинскому Горький еще в 1910 году обмечал искренность, простоту и подлинную народность поэзии молодых белорусских литераторов.

Стихотворение Купалы «А кто там идет?» Горький перевел на русский язык и в феврале 1911 года опубликовал в журнале «Современный мир».

«Я обращаю внимание скептиков, — писал Горький, — на молодую литературу белорусов — самого забитого народа в России, — на работу людей, сгруппировавшихся вокруг газеты «Наша нива». Позволю себе привести песню, изданную недавно «Нашей нивой», слова написаны белорусским поэтом Янком Купалой:

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такою толпой!
— Белорусы.
А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках?
— Свою кривду.
А куда они несут эту кривду всю,
А кому они несут напоказ свою?
— На свет божий.
А кто ж это их — не одни миллион —
Кривду несть научил, разбудил их сон?
— Нужда, горе.
А чего ж теперь захотелось им,

Угнетенным века, им, слепым и глухим?
— Людьми зваться».

Публикуя перевод этого стихотворения, Максим Горький назвал его гимном белорусского народа того времени. Внимание и поддержка Горького вдохновляла Якуба Коласа и Янку Купалу в их борьбе против царского самодержавия, за социальное и национальное освобождение.

Якуб Колас и Янка Купала отразили в своем творчестве революционный подъем белорусского трудового народа, его ненависть к социальному и национальному гнету, стремление «занять почетное место в семье народов» — «людьми зваться».

Обращаясь к огромному художественному наследию двух великих народных поэтов Белоруссии — Якуба Коласа и Янки Купалы, мы всегда обнаруживаем много общего в истоках и мотивах, идейной направленности их творчества, а также в той роли, которую они сыграли в развитии литературы белорусского народа. И вместе с тем было бы глубоко неверным видеть в них своеобразных литературных «братьев-близнецов». С первых лет своей писательской работы Я. Колас и Я. Купала формировались и росли как художники слова, независимо друг от друга и до конца жизни шли каждый своим путем. Трудно представить себе более разных поэтов по характеру их таланта, темпераменту, душевной настроенности, по их художническому восприятию окружающей действительности. Если Инка Купала прежде всего захватывает нас своей лирикой, которая характеризуется большим накалом чувств, нередко предельным драматизмом (вспомним многие его дореволюционные стихи или такое стихотворение периода Великой Отечественной войны, как «Белорусским партизанам»), то могучий талант Якуба

Коласа с наибольшей яркостью и полнотой проявился в поэмах «Новая земля», «Сымон-музыкант», «Хата рыбака», в многочисленных «рассказах в стихах» и в его прозе.

Эпичность, «повествовательность» как одна из особенностей таланта Коласа была отмечена известным русским поэтом Александром Твардовским: «Якуб Колас, в отличие от Янки Купалы, представляется русскому читателю как поэт повествовательного жанра, и в этом его большая сила... Он беллетристичен, что вообще является здоровой чертой жизненной, связанной с жизнью народа поэзии. Достаточно было бы назвать как пример Некрасова, который был необычайно беллетристичен, стихи которого насыщены диалогом, собственными именами, конкретными ситуациями».

* * *

Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич) родился в семье безземельного крестьянина, мелкого арендатора на хуторе Вязанка, недалеко от Минска. Родители Купалы, да и вся семья, должны были тяжело трудиться, чтобы выплачивать арендную плату помещику и зарабатывать себе на кусок хлеба. С малых лет гнул спину на помещика и будущий поэт. Он не имел возможности учиться, хотя жадно тянулся к знаниям. О своих детских и юношеских годах Янка Купала вспоминал в автобиографии, написанной в 1910 году:

«Отец мой некоторое время носился с мыслью приготовить меня в какую-нибудь среднюю школу, но это так и осталось несбыточной мечтой. Нужда заставила взяться за другую науку, а именно — читать грустную книгу помещичьей пашни и писать печальную повесть своего горя сохой да косой».

Менее двух лет ходил Янка Купала в народную школу и сам, как мог, пополнил впоследствии свое образование.

«Читать книги я начал рано... Когда отец посылал меня с сестрой «на ночлег» пасти лошадей, я брал с собой книги и при свете костра или луны читал. Конечно, случалось, что лошади попадали в потраву. Разумеется, отец за это меня не миловал и часто не давал с собой брать книжки».

И все же можно смело сказать: жизнь угнетенного народа, тесное общение с крестьянской беднотой — вот что определяло поэтические пристрастия Янки Купалы. Недаром в одном из своих стихотворений он говорил:

В науку нужда не давала мне ходу,
И книжной премудрости я не постиг,
Язык белорусский и думы народа
От матери знал я — без школ и без книг.

Учителем — с детства, с годов невеселых —
Служил мне простор в белорусском краю.
И всходы на нивах, и говор по селам
Мне в дар приносили науку свою.

Революция 1905–1907 годов застала Янку Купалу чернорабочим на винокуренном заводе. С горячим интересом следил он за ходом событий, откликался на них своими стихами. Среди рабочих завода распространялись прокламации, в том числе листовки и брошюры на белорусском языке. Купала не только сам читал, но и принимал участие в их распространении.

Весной 1905 года, в разгар революционного движения в Белоруссии, Янка Купала послал в редакцию минской русской газеты «Северо-западный

край» свое стихотворение «Мужик», которое и было напечатано 15 мая 1905 года.

В течение двух лет после этого произведения Янки Купалы не могли попасть в печать. Только в мае 1907 года белорусская газета «Наша нива» опубликовала второе стихотворение Купалы «Косцу». В нем поэт в слегка замаскированной форме, — ему приходилось приспосабливаться к условиям царской цензуры, — призывает к революционной борьбе.

В 1908 году в Петербурге вышла первая книга стихов Купалы «Жалейка». Затем выходят сборники «Гусляр», «Дорогой жизни», поэма «Извечная песня», драматическая поэма «Сон на кургане», комедия «Павлинка».

Через всю дооктябрьскую поэзию Купалы проходят образы нужды и горя, жестокой эксплуатации и угнетения.

В поэме Янки Купалы «Извечная песня», о которой Максим Горький писал: «Вот бы перевести ее на великорусский язык», — дан ряд потрясающих по своей силе и правдивости картин тяжелой, нищенской жизни белорусского крестьянина с детских лет до самой смерти.

В гневных и суровых песнях Купала не только изображал картины беспросветной нужды и страданий обездоленного белорусского мужика-бедняка, но и призывал к беспощадной расправе над тиранами-угнетателями.

Смерть тому, кто у голодных
Пищу отбирает,
Кто на наш народ свободный
Цепи надевает.

Вдохновленный революционно-освободительной борьбой белорусского народа, великими идеями передовой русской литературы, Купала стремится, чтобы его слово стало оружием в борьбе за освобождение родины от пут социального и национального рабства.

В 1910 году он пишет поэму «Курган», центральный герои которой — старик-гусляр — смелой правдивой песней навлекает на себя гнев князя-тирана. Он принимает мученическую смерть, но не отрекается от своей песни.

Инка Купала родился 25 июня 1882 года. Может быть, это натолкнуло его на мысль взять себе к качестве псевдонима имя той сказочной ночи, когда, по старинному преданию, цветет папоротник. В годы молодости поэта в белорусских селах и деревнях повсеместно соблюдался традиционный праздник Ивана Купалы. В ночь с 23 на 24 июня парни и девушки зажигали костры в лесах, водили хороводы, пели песни и прыгали через огонь. Среди них было немало людей, искренне веривших, что сбудутся все мечты о счастье, лишь стоит найти цветок папоротника, который цветет в эту ночь. Множество красивых легенд и песен связано с этим праздником. И когда молодой поэт задумался над тем, как подписать свои первые стихи, знакомые образы народной поэзий встали перед ним.

Творчество Купалы близко и понятно народу не только по своему идейному содержанию, мотивам и языку. Стих Купалы, как правило, очень музыкален, точен, эмоционально насыщен, предельно прост.

Блестящий знаток устной поэзии, Янка Купала с большим мастерством пользовался народной песенной формой и народной образностью. Стихи Купалы подкупают неподдельным лиризмом, искренностью, естественностью — качествами, всегда отличающими народную поэзию. Первый свой сборник он назвал

«Жалейка», второй — «Гусляр». Этими названиями, как и выбором псевдонима, Купала как бы подчеркивал близость своей поэзии к фольклору.

Много сделал Янка Купала для своего родного народа в дореволюционное время, но особенно ярко расцвело его творчество в годы Советской власти. Действительно «от сердца» (так называлась одна из книг поэта) слагал он свои стихи и песни о радостном, счастливом народе, обретшем свободу в дни Великого Октября, о народе — строителе новой жизни, и буквально не было такого уголка в родном краю, куда бы не заглянуло проницательное око писателя. Купала глубоко верил в победу великих идей коммунизма и обращался со своим пламенным словом к молодому поколению, которому суждено построить новое общество для счастья всех людей.

Серп и молот вам, отважным,
Доля даровала,
Чтоб отныне сила в каждом
Богатырской стала…

Чтоб свою взрыхляли ниву
Долго и упорно,
Чтоб бросали в час счастливый
Золотые зерна.

В числе его произведений, посвященных социалистическому преобразованию Белоруссии, центральное место занимает поэма «Над рекой Орессой». Не случайно избрал Янка Купала местом действия своей поэмы берега небольшой полесской речки. Полесье — край лесов и болот, край легенд, сказок и фантастических поверий, излюбленное место паломничества фольклористов — в течение долгого

времени считалось олицетворением вековой отсталости Белоруссии.

В первых двух главах: «Вместо вступления» и «О минувшем» — перед читателем проходит яркая картина глухих уголков Полесья. Громадные непроходимые болота были извечным врагом человека.

Только весной оживало Полесье: запоет соловей, застонет на заре пастушья жалейка. Изредка тишину нарушит кукушка — она считает невзгоды людские. И снова, как могила, застынет Полесье. Его сила спит в болотной пучине. «А люди? Что ж люди? Их много — немного, но давят им груди нужда и тревога». Они ютились на бесплодных землях, на песчаных островках, кое-где встречавшихся среди необозримого болота.

Убогой сохою
Пески поднимают,
Слезами, тоскою
Поля засевают.

Но вот в глушь Полесья, на просторы мертвых, «погиблых» болот пришли советские люди, объединенные общим стремлением победить «все невзгоды людские». Дружными усилиями, организованным коллективным трудом они осушают болота, отвоевывают у него гектар за гектаром огромные пространства плодороднейшей земли. На примере той части Белоруссии, которая в прошлом была наиболее бедной и отсталой, показывает поэт великую созидательную силу социалистического труда. Метод противопоставления, контраста, не раз использованный в стихах Купалы, с большим успехом применен в поэме «Над рекой Орессой». Унылые картины старого Полесья служат в ней фоном, на котором ярче, разительней

выступают перемены, происшедшие в жизни Белоруссии.

Купала хорошо почувствовал и изобразил великое, героическое в будничных, повседневных делах советских людей, показал глубочайшую одухотворенность жизни и труда своих героев.

За внешней обыденностью их облика он разглядел невиданную готовность к трудовым подвигам, всем сердцем прочувствованную преданность идее коммунизма, родной советской отчизне.

С неподдельной патриотической гордостью говорит Купала о новых взаимоотношениях людей, о богатой, полнокровной и радостной жизни советского народа, «что для чужеземца — словно сон миражный».

Поэма «Над рекой Орессой», правдиво отображающая картины социалистической перестройки Белоруссии, явилась значительной вехой в творчестве Янки Купалы. Стихи белорусских поэтов о социалистическом строительстве в начале тридцатых годов часто страдали декларативностью Поэма Купалы — первое крупное произведение белорусской поэзии, в котором дано такое широкое и вместе с тем исторически конкретное изображение борьбы рядовых советских людей за построение социализма.

В новых стихах Я. Купалы страстность трибуна, ораторские интонации сочетаются с мягким лиризмом белорусской народной песни. Преобладанием лирических тонов, глубокой внутренней музыкальностью характеризуются стихи Купалы, в которых воспевается радость свободного колхозного труда: «Лен», «Гости», «Вечеринка», «В нашем поле», «Я — колхозница», «Алеся», «Как я молода была» и другие, не случайно почти все они положены на музыку и стали любимыми народными песнями.

На фоне опоэтизированного земледельческого труда рисует Купала в стихотворении «Лен» любовь

молодой колхозницы. Таких солнечных, светлых картин земледельческого труда, такой гармонической полноты чувства любви нет и не могло быть в дореволюционном творчестве поэта.

Эта гармоничность чувств, глубокая жизнерадостность характерны и для всей послеоктябрьской лирики Купалы.

Влюбленный в родной край, Купала чужд какой бы то ни было национальной ограниченности. Он неоднократно подчеркивает, что раскрепощение Белоруссии стало возможным лишь после победы советских принципов жизни, в результате торжества национальной политики Коммунистической партии Советского Союза — политики дружбы народов. И сам Купала становится пламенным певцом новой, социалистической родины, где «казах, белорус поют песни одни, единой отчизны орлята-сыны».

О чем бы ни писал Янка Купала: о молодой колхознице, узнавшей радость свободной, богатой, достойной человека жизни, о красноармейце, пришедшем на побывку в деревню, о героическом комсомоле, о дружбе народов, — его стихи всегда согреты глубоким волнующим чувством, живым, неугасимым огнем любви к своей родине. Купала никогда не остается равнодушным к тому, о чем пишет. Все, чем живет народ, близко и дорого ему.

Горячий советский патриотизм, глубина чувства и мысли сделали стихи Купалы близкими, дорогими миллионам советских читателей. Особенно ярко проявилась патриотическая сущность поэзии Янки Купалы в годы Великой Отечественной войны.

Словно удары могучего колокола звучали его стихи в грозную, суровую годину смертельной борьбы с врагом.

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

Нет уголка на овеянной легендами белорусской земле, где не прогремел бы гневный, призывный клич Янки Купалы. Стихотворение «Белорусским партизанам», из которого взяты приведенные строки, облетело осенью 1941 года всю оккупированную Белоруссию. Его передавали из уст в уста, переписывали от руки и расклеивали на заборах и стволах деревьев.

В самые трудные дни войны Купала свято верил в полную победу советского народа, знал, что снова расцветет радостная, счастливая жизнь, зашумят сады молодой листвой и поднимутся к небу дворцы.

Исполнилось все, о чем писал великий белорусский поэт. Советский народ разгромил фашистских захватчиков. Еще богаче расцвела жизнь на освобожденной белорусской земле. Однако сам Янка Купала не дожил до счастливого Дня Победы. Он умер 28 июня 1942 года.

* * *

Большой, полный борьбы и творчества, тяжелый в дооктябрьские годы угнетения, радостный и светлый в победные советские годы, неповторимый путь прошел Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич). Начался этот путь в прошлом столетии (Я. Колас родился 3 ноября 1882 года), в горе и недоле, близ берегов славного Немана, в маленькой сторожке

лесника в Акинчицах, неподалеку от белорусского города Столбцы. Еще и сейчас шумят там многовековые сосны и ели, шумевшие некогда над колыбелью ребенка, которому доля сулила стать одним из замечательных сынов своего народа.

Якуб Колас нежно и глубоко любил отчий, «забытый богом край», неповторимую красоту белорусских просторов, полей, лесов и озер. Рано изведав тяжелую, горькую жизнь крестьянской бедноты, он часто обращался к окружающей природе, к Неману.

В одном из первых своих стихотворений поэт восклицал:

Сколько раз рыбачий невод
По твоей гулял волне.
Ой ты, Неман, быстрый Неман,
Сколько дум принес ты мне!

Ты знаком с постылой долей,
С горькой долей мужика.
Ты слыхал в пустынном поле
Причитанья бедняка.

Красив милый сердцу Неман. Чудесны окружающие пейзажи. Но, любуясь величественными картинами природы, поэт не забывает о бедности и темноте, в которой изнывают его земляки, и с могучей силой поднимает голос в защиту обездоленных людей труда, среди которых он родился и вырос.

Незаметный крестьянский мальчик, щедро одаренный талантом и пытливым умом, с детских лет чувствовал и понимал несправедливость окружающей жизни: княжеские палаты и рядом покосившиеся, обомшелые, курные хаты, роскошная одежда богачей и полуистлевшие лохмотья на крестьянских плечах,

широко открытые для богатых пути в науку и невозможность учиться бедным, необъятные просторы помещичьих владений и узенькие, гиблые полоски земли крестьян.

Тяжелым камнем ложилось на сердце поэта людское горе. С детских лет ощущая свою неотделимость от народа, не мог он петь о радостях жизни, если песни тоски и печали летели к нему из-под соломенных крыш угрюмых лачуг. И потому, обращаясь к народу со своей песней, Якуб Колас говорил так искренне и взволнованно:

Не ищите, не просите
Светлых песен у меня,
Только песню заиграю —
Жжет печаль сильней огня.

Нелегко жилось деревенскому мальчику, сыну малоземельного крестьянина — лесника, но, несмотря ни на что, его неудержимо влекло к ученью, к книге. Начальная школа в селе Николаевщине научила его грамоте и привила любовь к самостоятельному чтению. С той поры он навсегда подружился с книжкой. Особенно глубокое впечатление произвели на маленького Кастуся в первые годы учения басни знаменитого русского баснописца И. А. Крылова. Позже он вспоминал: «Крылов долгое время был моим богом. Полное собрание его басен я выучил чуть ли не на память, и с этими произведениями великого гения я долгие годы не разлучался. Моими первыми литературными опытами были басни, которые я начал писать в двенадцать — тринадцать лет».

Школа познакомила будущего поэта и с другими великанами русской классической литературы — Пушкиным, Гоголем, Некрасовым и Тургеневым. Глубоко

запали в его сердце и вдохновенные песни гениального украинского кобзаря Тараса Шевченко.

После окончания сельской школы перед юношей — крестьянским сыном — встала задача: где учиться дальше? Для детей бедняков это был очень сложный вопрос. И сколько было радости, когда в результате величайших усилий ему удалось наконец поступить в Несвижскую учительскую семинарию. Там значительно расширился кругозор деревенского парня, там нашел он и хорошего советчика в лице учителя Ф. А. Кудринского, о котором Якуб Колас писал впоследствии: «... преподаватель русского языка, прекрасный оратор, знаток литературы и сам литератор. Он интересовался этнографией Белоруссии». Познакомившись со стихами Коласа на белорусском языке, Ф. А. Кудринский сказал: «Вот ваше настоящее призвание».

Окончив семинарию, молодой Колас работает учителем на Полесье. На каждом шагу он видит ужасающую социальную несправедливость, произвол помещиков и царских чиновников. Могучее дыхание революции 1905–1907 годов пробуждает новые творческие силы поэта. «В 1905 году я уже был завзятым врагом самодержавия и в этом направлении вел работу», — читаем мы в автобиографии Якуба Коласа. Первое его стихотворение было опубликовано в сентябре 1906 года в белорусской газете «Наша доля», но еще раньше произведения молодого учителя из Полесья ходили в рукописях среди сельской интеллигенции и передовой части крестьянства. Эти стихи призывали народ к борьбе, к уничтожению ненавистного царского строя.

Активные революционные выступления молодого Якуба Коласа, конечно, не могли оставаться незамеченными полицией. За ним начали следить. Однако Якуб Колас не пугается этого и все свои силы

отдает борьбе с царизмом, за что вскоре попадает в тюрьму.

Закрылись за молодым поэтом тяжелые железные двери, но не порвалась его связь с народом. Протест Якуба Коласа против строя насилия и эксплуатации стал еще более гневным и целенаправленным. И сквозь тюремную решетку его поэтическое слово призывало к восстанию:

Я — мужик, но ум имею —
Будет время и мое.
Я молчу, кричать не смею,
Но когда-нибудь сумею
Крикнуть: «Хлопцы, за ружье!»

Вместе с революционным самосознанием растет и мастерство поэта. Стихотворения Якуба Коласа, полные боевого духа, проникнутые народной мудростью, все шире и шире распространяются в Белоруссии, а также за ее пределами.

Картины бедного, печального пейзажа в поэзии Коласа пронизаны такой острой, щемящей болью за родимый край, что они надолго и глубоко западают в память читателя. Суровая, неприглядная проза жизни не может убить в сердце поэта чувство духовной красоты простого белорусского крестьянина-труженика, красоты родного края, оно всегда живет в стихах и поэмах Якуба Коласа, придавая им особую притягательную силу:

Край родимый, край наш бедный!
Лес, болото да песок…
Там лужок, едва приметный…
Частый ельник — невысок.

А туман — стена сплошная!
Все закроет невзначай.
Ой, сторонка ты родная!
Ой, забытый богом край!

Много тропинок и дорог прошел за свою жизнь поэт. Хорошо узнал он нелегкий труд крестьянина-бедняка и самоотверженный благородный труд сельского учителя, сидел в тюрьме, служил в годы первой мировой войны в царской армии. И, возможно, никогда бы ему не выйти на широкий простор жизни и творчества, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция. Только после победы Великого Октября разносторонний художественный дар Якуба Коласа раскрылся со всей полнотой. В советские годы написал он несколько книг стихов, а также все крупнейшие свои произведения, в том числе замечательную поэму «Хата рыбака» и повести «Трясина», «На просторах жизни», «Отщепенец», трилогию «На росстанях», пьесу «Война — войне», закончил начатую еще в Минской тюрьме в 1910 году монументальную поэму «Новая земля», заново переработал поэму «Сымон-музыкант».

В своих поэмах и стихах Якуб Колас выразил чувства и думы труженика-белоруса, запечатлел самые существенные моменты в жизни своего народа.

Стало широко распространенным определение «Новой земли» как «энциклопедии белорусской крестьянской жизни конца XIX, начала XX веков».

В «Новой земле» дан почти полный «календарный» цикл народной жизни: весна, лето, осень, зима. Здесь радости и горести труженика, неповторимая красота родной природы, светлый и поэтический мир сельской детворы. И на этом фоне трагедия безземельного крестьянина, тяжело переживающего свою рабскую зависимость от богатейшего помещика-магната и его

управителей. Главный герой поэмы — Михал — все время в мучительных поисках новой, лучшей жизни. Он мечтает приобрести кусок земли, построить свою хату и жить, никого не боясь, ни перед кем не гнуться. Он верит, что «своя землица» даст ему счастье и независимость.

Михал еще не понимает, что свободный труд и подлинную независимость он сможет обрести в результате уничтожения того несправедливого строя, при котором полновластными хозяевами земли и жизни являются князья Радзивиллы, помещики и капиталисты. Михал погибает, так и не добившись осуществления своих мечтаний, сжигаемый неутоленной жаждой свободного крестьянского труда. И лишь незадолго до его смерти в сердцах героев поэмы возникает сомнение: действительно ли «своя» земля даст им счастье, уничтожит рабскую зависимость крестьянина от помещика и чиновников?

И хотя Михал все еще продолжает цепляться за свою «мечту», читателю ясно — это последняя отчаянная попытка измученного человека утишить боль от пережитой им глубокой душевной драмы. Крушение надежд и смерть Михала не случайны. В его судьбе читатель видит трагедию огромных масс безземельного и малоземельного крестьянства в старой, дореволюционной Белоруссии.

«Новая земля» не только по своему объему (около двенадцати тысяч стихотворных строк), но и по характеру поэтического строя, размаху и многоплановости явление исключительное и глубоко самобытное.

Тот, кто даже не знал дореволюционной Белоруссии, прочитав «Новую землю», будет очарован красотой края, богатством души трудолюбивого народа.

Широкое признание читателей завоевала поэма Якуба Коласа «Хата рыбака», посвященная борьбе

белорусского народа за воссоединение в едином советском государстве.

В этой поэме широко раскрылись особенности художественного дара Якуба Коласа — искусного рассказчика, владеющего секретом занимательности, тонкого лирического поэта и мастера гневной сатиры, памфлета. Именно эта разносторонность таланта помогла Якубу Коласу создать эпическое произведение, отличающееся богатством характеров, широтой охвата жизненного материала. Поэзия высоких человеческих чувств, красота мира живет в светлых, задушевных образах поэмы. Картины крестьянского быта, пейзажи занимают большое место в творчестве Якуба Коласа. Поэт сумел проникнуть в тайники народной души, почувствовать и передать сказочное очарование чудесной белорусской природы. В мелодичности и напевности его стиха, в богатстве и разнообразии ритмов, в прозрачной глубине поэтических раздумий отражены вековые богатства народной поэзии. Сказки, песни, легенды совершенно органично входят в повествовательную ткань «Новой земли», «Хаты рыбака», «Сымона-музыканта» и других произведений Якуба Коласа.

В годы Великой Отечественной войны Якуб Ко лас, так же как и Янка Купала, все свои творческие силы отдает борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Он пишет стихи, поэмы («Суд в лесу» и «Отплата»), рассказы, памфлеты, листовки, которые распространялись за линией фронта в оккупированной Белоруссии. Его произведения часто звучат по радио. За время войны вышли два сборника стихов Коласа: «Отомстим» (1942) и «Голос земли» (1943). Его военные статьи и памфлеты принадлежат к лучшим образцам белорусской художественной публицистики.

Вся жизнь Якуба Коласа была подлинным творческим подвигом. До самых последних дней он не

оставлял пера, работал над поэмой «На путях свободы», вел большую общественную работу. Внезапная смерть 13 августа 1956 года оборвала его светлую, кипучую, полную неустанного творческого горения жизнь.

* * *

Замечательные художники слова Якуб Колас и Янка Купала запечатлели в своем творчестве исторический путь героического белорусского народа от социального и национального угнетения к свободной, счастливой жизни. В самобытных неповторимых образах они сумели воплотить лучшие черты национального характера, искусно сочетая освященные вековой традицией приемы народной поэзии с высокой поэтической культурой современной эпохи. Жизнь и литературная деятельность Якуба Коласа и Янки Купалы — пример искреннего самоотверженного служения народу. Вот почему их творчество входит в драгоценную сокровищницу всей советской многонациональной литературы, пользуется мировой известностью.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

ЕВГЕНИЙ МОЗОЛЬКОВ

Янка Купала
Стихотворения и поэмы
Павлинка
(Комедия в двух действиях)

{1}

Стихотворения

Мужик
Перевод В. Рождественского

Что я мужик — все это знают,
И сплошь да рядом — свет велик —
Меня насмешкою встречают:
  Ведь я мужик, простой мужик!

Читать, писать я не умею,
Не гладко ходит мой язык.
Я всю-то жизнь пашу да сею —
  Ведь я мужик, простой мужик!

Трудом я хлеб свой добываю,
Нередко слышу брань и крик
И вовсе отдыха не знаю —
  Ведь я мужик, простой мужик!

Жена в лохмотьях, плачут дети,
Сам без сапог ходить привык.
Век без гроша живу на свете —
  Ведь я мужик, простой мужик!

Залиты горьким потом очи.
И молод я или старик,
Тружусь весь день, как вол рабочий,
  Ведь я мужик, простой мужик!

В болезнях, в бедности страдаю
И сам себя лечить привык.
Я вовсе доктора не знаю —
  Ведь я мужик, простой мужик!

Уж, видно, я повинен сгинуть,
Как в темной чаще лесовик,
И псом бездомным мир покинуть —
  Ведь я мужик, простой мужик!

Но если жить я долго буду,
Коль будет жизни путь велик,
Вовек я, братья, не забуду,
  Что человек я, хоть мужик!

И тот, кто жизнь мою узнает,
Услышит только этот крик:
Хоть мною каждый помыкает,
  Я буду жить — ведь я мужик!

1905

Ну как тут не смеяться…
Перевод Б. Тимофеева

На нашем хитром свете
Различный есть народ:
Один живет, как люди,
Другой живет, как скот…
Один другим торгует,
Как будто это квас,
Старается подножку
Подставить — и не раз…
    Ну как тут не смеяться
    И правды не сказать:
    Ворон на свете много,
    Да некому стрелять…

Вот пан спешит на паре,
Красив упряжки вид!
И вычищены кони,
И панский лоб блестит…
На целый свет надменно
Сейчас глядит козлом,
А был ведь он недавно
Базарным маклаком…
Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:
Ворон на свете много,
Да некому стрелять…

Вот ростовщик, собравший
Огромный капитал,
Он фабрику построил,
Работу людям дал…
И трудится голодный
На фабрике народ,
И с каждого хозяин
Кровавый гонит пот…
Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:
Ворон на свете много,
Да некому стрелять…

Вот доктор, пан богатый,
По-модному одет,
Больных он приглашает
В особый кабинет…
Постукает немного —
И надо рублик дать,
А сам мечтал, студентом,
Несчастным помогать…
Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:

Ворон на свете много,
Да некому стрелять…

Вот ксендз, служитель божий,
Он поучает всех,
Чтоб церковь посещали
И не впадали в грех…
Чтоб к женкам на свиданье
Не бегали чужим,
Чтоб бедным помогали,
А сам?… Да бог уж с ним!
Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:
Ворон на свете много,
Да некому стрелять…

Вот эконом пузатый,
Криклив и груб весьма,
Хотя и на копейку
Нет в голове ума…
Людей он деревенских
Ругает все сильней,
А пас еще недавно
В деревне той свиней…
Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:
Ворон на свете много,
Да некому стрелять…

Вот шляхтич, «знатный» родом,
Так, выскочка один:
Он щи хлебает с мясом —
Уже он господин!
Руки не даст тому он,
Кто для него мужик,
Хотя такие ж лапти

Сам надевать привык…
Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:
Ворон на свете много,
Да некому стрелять…

Вот мужичонка хитрый —
Избрали старшиной,
Как черт, переменился,
И свой ему не свой…
С урядником в согласье
И с писарями в лад,
Крестьянина что липку
Он обобрать уж рад…
Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:
Ворон на свете много,
Да некому стрелять…

Теперь свои припевки
На время уберу, —
Ведь многим, вероятно,
Они не по нутру:
Горит на воре шапка,
Ему все мнится сыск,
Укравший поросенка
Повсюду слышит визг…
Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:
Ворон на свете много,
Да некому стрелять…

1905

Расшумелся лес туманный
Перевод М. Исаковского

.....
Расшумелся лес туманный,
Вихрь прошел по полю.
Заметалися тираны,
Что несли неволю.

Зашумели, загремели
Молодые песни:
«Долго, долго мы терпели, —
Долюшка, воскресни!»

И глядите, что за диво!
Предрекать не надо —
Буйно встанет наша нива,
Будет нам награда!

И туда, где спины гнулись
Перед паном вечно,
Где казенные тянулись
Дебри бесконечно,

Где была одна пустыня,
Кочки да болота, —
Выйдут люди, пуща сгинет,
Закипит работа!

Наша сила и отвага
Вспыхнет, как зарница.
Наша воля алым стягом
Ярко загорится.

.....

Верьте песне — выйдут зори!
Время наступает:
На волнах людского горя
Правда выплывает.

Пусть противятся тираны,
В ноги к ним не ляжем,
Кровью вымоем поляны,
Но свое докажем!

Наше горе, наши слезы,
Жалобы глухие
Встанут силой, встанут грозной
За права людские.

По просторам в поднебесье
Звонко понесутся
Наши думы, наши песни
И в одну сольются:

«Смерть тому, кто у голодных
Пищу отбирает,
Кто на наш народ свободный
Цепи надевает!»

2 июня 1906 г.

Там
Перевод М. Исаковского

Дымятся свежей кровью дали.
На эшафот бойцы идут.
А вы, что больше всех страдали,
Стоите здесь, хоть вас там ждут.

Скажите мне: с такой отвагой
За что они на смерть пошли?
И за какие в жизни блага
Такую жертву принесли?

Никто из вас про то не знает,
Что шли они, огнем горя,
За тех, кто долю проклинает,
Над кем нависла плеть царя;

Кто кормит жадную ватагу,
А сам без хлеба каждый год;
Кто одевается в сермягу
И с торбой по миру идет.

Они пошли, чтоб для голодных
Хлеба густые зацвели,
Чтоб сделать узника свободным
И безземельным дать земли.

Они отчаянно дерутся
За бедный люд, за новый век,
А вы молчите, белорусы,
Как будто вас палач засек.

Вставайте ж каменной стеною
У всех путей, у всех дорог,
Вставайте крепостью стальною,
Чтоб враг осилить вас не мог!

Пока палач в литой короне
Всю кровь не высосал из вас, —
Вставайте! Край родимый стонет,
Зовет к борьбе, как звал не раз.

Вставайте! Пусть алеют стяги!
Свобода-солнце вас зовет.
Побольше силы и отваги —
И счастье навек зацветет!

Гоните черное ненастье,
Воспряньте сердцем и душой,
Ударьте в колокол согласья,
В несокрушимый станьте строй.

Идите силой неуемной
Туда, где льется кровь за вас,
Несите горечь жизни темной,
Несите кривду напоказ!

Пусть вражья кровь течет рекою,
Растет и ширится борьба.
Своей бесстрашною рукою
Разбейте цепи у раба!

1906

Все вместе
Перевод А. Прокофьева

Гей же, братцы, все мы вместе
Песню запоем
Дружно, смело, на свет целый,
О житье своем!

О тех тучах, что проходят
Над родной землей,
О той хатке, что дырявой
Светится стрехой.

О той звездочке, что часто
Оживляла нас
И надеждой светлой душу
Тешила не раз.

К доле нас звала и к счастью,
К радости труда,
Но ложилась вновь на сердце
Лютая беда.

* * *

Гей же, братцы, все мы вместе
Песню запоем
Дружно, смело, на свет целый,
О житье своем!

О той славе небывалой
Милой нам земли,
Где зарыли нашу долю,
Где беду нашли.

О работе неоплатной,
Той, что много раз
И мозолями и потом
Утешала нас.

Не могли мы жить с недолей,
С горем горевать,
Думы, силы молодые
По ветру пускать.

* * *

Гей же, братцы, все мы вместе
Песню запоем
Дружно, смело, на свет целый,
О житье своем!

По-над гаем, наша песня,
Птицею взлетай,
Где течет бурливый Неман,
Где родной наш край!

Там поит коней у брода
Хлопец молодой,
А пригожая дивчина
Вышла за водой.

И отрадно друг на друга,
Так светло глядят,
Словно в небе ясном звезды,
Их глаза блестят.

* * *

Гей же, братцы, все мы вместе
Песню запоем
Дружно, смело, на свет целый,
О житье своем!

Долетит, быть может, песня
До забытых сел,
Где сосед ее покличет,
Поведет за стол…

И поздравит хлебом-солью.
Чарку поднесет...
Будет песня красоваться,
Цветом зацветет.

И тогда настанет слава,
Не было такой...
Запоем, пусть всюду мчится
Наших песен рой!

1906

Я не поэт
Перевод В. Рождественского

{2}

Я не поэт — нет, избавь меня боже!
Славы такой не ищу я нимало.
Но песню сложить я сумею, быть может,
И просто зовуся: Янка Купала.

Слава поэтов ласкала на свете,
Много им песен хвалебных слагала...
Тихо пою я — кто тихих приметит?
Ведь я из деревни — Янка Купала.

В каждой стране, вдохновеньем согрето,
Слово певца о народе звучало.
У белорусов же нет и поэта.
Пусть уж им будет хоть Янка Купала!

Он незадачливый, тихий, несмелый,
Горькая доля его воспитала.

Слезы, обиду и горе век целый
Только и знал он — Янка Купала.

Песню сдружил он с той речью убогой,
Которая только насмешки снискала,
Пусть ее судят надменно и строго, —
Вот, скажут, выдумал Янка Купала.

Счастье так редко над миром восходит,
Нам оно светит так скупо, так мало.
Счастье увидев в родимом народе,
Сам бы стал счастлив Янка Купала.

Долго не цвесть этой песенной силе,
Смерть стережет нас, и дней у нас мало.
Спросит прохожий: «Кто в этой могиле?»
А надпись ответит: «Янка Купала».

1905–1907

Я мужик-белорус
Перевод Е. Нечаева

Я мужик-белорус,
Пан сохи и косы,
Худ и темен лицом
И седые усы.

Голод батькой мне был,
Маткой — горе-нужда.
Силу-мощь получил
От большого труда.

Хоть я много терплю,

Должен быть глух и нем;
Всех я хлебом кормлю,
Сам же высевки ем.

С нивы скудной моей
Могут все получить,
Только мне за труды
Не хотят заплатить!..

Глянь на бор вековой, —
Взглядом где охватить?
Я ж могу топором
Лес в поля превратить.

Корни вырву, впрягу
В соху лошадь свою,
Поле я распашу,
Жарким потом полью!

А созреет посев,
Женка ниву сожнет
И для панской семьи
Калачей напечет!

Вот как пахарь живет —
Пан сохи и косы —
С изможденным лицом
И седые усы!..

Ну, а если б меня
Букварю научить,
Про неволю свою
Мог бы песню сложить.

Мог бы громко сказать,
Что и я человек!..

Безысходно страдать
Надоело весь век!

1905–1907

Из песен о своей сторонке
Перевод А. Андреева

Невеселая сторонка
Наша Беларусь:
Люди — Янка да Сымонка,
Птицы — дрозд да гусь.

Поле залито слезами,
Все оно в камнях,
Сенокосы наши с пнями,
С кочками во мхах.

С полосы за труд упорный
В осень соберешь
Лишь ячмень, как сажа черный,
С головнею рожь.

Небогатые деревни,
Нет нигде садов,
Только кое-где деревья
Чахнут у прудов.

А в деревне люд убогий,
Горькое житье,
Вечно в лаптях преют ноги,
На плечах тряпье.

А как темен люд весь этот,

Трудно и сказать.
Необутый, неодетый,
Не учен писать.

Каждый ведь над ним смеется
И зовет дурным…
Бедный мой народ… сдается,
Плакал бы я с ним.

Так немило, что могилой
Словно отдает
Беларусь, моя сторонка,
А люблю ее.

С ней когда бы разлучился,
Плакал бы, грустил…
Волку лес, где он родился,
Тоже дорог, мил!

Дома голод коль узнаю —
Хлеб водой запью,
Но тоска — кручина злая —
Жить в чужом краю.

Там не жди участья в горе,
Каждый там — чужой.
Будешь жить, с тоскою споря,
Жить с бедой одной.

Кто подхватит, коль затянешь
Песнь в чужом краю?
Там любить свой край ты станешь,
Словно жизнь свою.

1905–1907

Еще долголь?
Перевод А. Прокофьева

{3}

Еще долго ль, братья, будем
Под неволею стонать?
Долго ль будем свое счастье,
Свою долю проклинать?

Или так же, как сегодня,
Будем мы терпеть беду?
Или горькая недоля
Всем нам пала на роду?

Обижают нас повсюду,
Все закрыты нам пути,
За людей нас не считают, —
Жизни хуже не найти.

Хоть твои в мозолях руки
И в труде ты каждый день,
Хоть ты от работы трудной
Сохнешь с голоду, как тень, —

Но твои жена и дети
Будут по миру ходить,
Но твоим жене и детям
Нечем грудь свою прикрыть.

По морозу и по снегу
Босиком бежишь на двор.
Ведь твоя такая доля,
Вечный жизни приговор.

Если смог ты заработать, —
То последний этот грош,
Весь свой заработок, бедный,
Ты за подати снесешь.

И хотя нам эту землю
Бог бесплатно даровал
И платить подушно подать
За нее не указал, —

Но здесь этого не помнят
И как могут, так дерут,
И последнюю коровку
Вмиг за подать продадут.

Кто виновен, угадайте,
То ли бог, то ль черт проклятый? —
Все же лучше не болтайте,
Сами тоже виноваты!

1905–1907

Из песен недоли
Перевод А. Прокофьева

Шумные березы
Побелил мороз.
Хотел бы я плакать.
Только нету слез.

Хотел бы запеть я
О беде своей,
Только нету песни,
Ноет грудь сильней.

Хотел бы, чтоб зимы
Ушли со двора,
Чтобы красовалась
Летняя пора.

Хотел бы, чтоб доля
В хате век жила,
Чтоб с бурливой речкой
Недоля сплыла.

Хотел бы, чтоб воля
Гуляла со мной,
Чтоб солнышко грело,
Как греет весной.

Только доли светлой
Не отыщет взгляд,
Кандалы неволи
На руках звенят.

Нет весны и солнца,
Вместо света — тьма,
Морозом морозит
Лютая зима.

Морозом морозит,
Вьюгами грозит,
На работу гонит,
Голодом морит.

Эх, пойду я в поле,
Доли поищу,
Острою косою
В поле засвищу!

Ой, пойду я в поле,
Словно на войну,
Поищу там воли,
Саблею махну!

Может, выйдет воля
Ясною зарей,
Может, встанет солнцем
Воля надо мной!

1905–1907

Отповедь
Перевод А. Прокофьева

Вы, паны, меня с песней к себе призываете,
Чтобы в ней воспевал я большие деянья,
Рай, не снившийся мне, на земле открываете,
Говорите: найду в этом славу, признанье...

Шумно ветер поет над родными дубравами,
Над залитою потом и кровью землею;
Не гонюся, паночки, ой, нет, я за славою,
Не взойдет надо мной доля светлой звездою.

Слышу я, слышит сердце мое неспокойное,
И душа моя боли во мне не избудет;
Как родился, несчастье досталось, бездольному,
Не утешили в горе и добрые люди.

Мать не тешила песней меня колыбельною,
Надо мной она пела о тяжкой недоле;
За окном подпевала зима ей метельная,
Ветер песни ее нес по снежному полю.

А когда я подрос, свет узнал, не утешила
Меня молодость, трудно пришлося мне с нею,
Холод, голод, беду на мои плечи вешала,
И участья и ласки не видел нигде я.

За столом не бывало мне места свободного,
Над моей нищетою смеялись убогой,
У порога мое место было, безродного,
И в колючках дорожка вилась за порогом.

Не ласкали меня руки девичьи белые,
Не глядели в глаза мне веселые очи,
Как пустынник, забытый людьми, я дни целые
Так живу и печалюсь с утра и до ночи.

Как бездомный, на свете век целый скитаюся
Без угла, без родимой приветливой хатки;
За чужою работой из сил выбиваюся,
Веры в долю счастливую гибнут остатки.

Так, паночки, в грядущую славу не верится,
Обещанья пустые мне слушать немило;
А что в сердце, в душе моей нынче имеется —
Буду вкладывать в песни до самой могилы.

Буду петь не за славу, что вы обещали мне,
Буду петь — ведь люблю я родные поляны,
Буду петь — ведь люблю свою песню печальную,
Отплачу я народу за дар, долей данный.

1905–1907

Это крик, что живет Беларусь
Перевод В. Шефнера

Волк завоет иль буря застонет вокруг,
Запоет соловей, загогочет ли гусь —
Всюду вижу свой край, бор, и речку, и луг,
Нашу родину-мать — Беларусь.

Пусть холмиста земля, камениста она,
Воробью по колено, что сею, растет,
Но душа моя этой земельке верна
Даже в годы тревог и невзгод.

Хата крыта соломой, и бедно гумно,
Не скрываю — на вид неприглядны они.
Но своею рукой здесь бревно на бревно
Положил я в минувшие дни.

Хата крыта соломой, — что ж делать, нужда,
Под соломенной крышей и рига стоит,
Но я в сердце, как веру, ношу их всегда,
Их всегда моя память хранит!

Здесь в далекие дни я узнал божий свет,
Я отсюда шагал в школу в утренний час,
При лучине здесь сказки рассказывал дед,
Здесь и труд я познал в первый раз.

В ригу складывал хлеб, сено клал каждый год,
Здесь впервые я Зосе сказал, что люблю…
А потом здесь с детьми собирал умолот,
А теперь рядом баню топлю.

И хоть горе познал, сгибло счастье навек,
Умерла моя Зося, нет в хате детей, —

Привыкает к родимой земле человек,
Будто куст, прирастает он к ней!..

Все здесь будто беседу заводит со мной —
И березка, знакомая с детства, и дуб,
Снег морозной зимой, травка вешней порой
И колодца знакомого сруб.

А бурливый ручей, а зеленый мой сад!..
Тут, брат, сердце отдашь ради этих чудес…
Этот сад посадил я лет двадцать назад, —
А теперь он разросся, как лес!

С этим садом я сжился, как с хатой своей,
Знаю, сколько он слив, сколько яблок дает,
Скоротал я в нем с Зосей немало ночей
И мечтал до утра напролет.

Ой, бывало, как солнце пригреет весной —
Дух захватит в саду этом, словно в раю,
Распевают здесь птицы рассветной порой,
Теша песнями душу мою.

Там кукушка считает мне годы мои,
Там запели скворцы, там звенит соловей,
Над крапивой, летая, кричат воробьи,
Солнце греет теплей и теплей!..

Брат, теперь погляди на поля и на луг,
Погляди на простор, где прошли косари, —
Здесь свистела коса, потрудился здесь плуг.
Труд кипел от зари до зари.

Далеко протянулась полоска овса,
Возле — поле, где что ни картошка, то шар,
Узким поясом ржи пролегла полоса,

Дальше — вспахано поле под пар.

Средь овса шелковистый пробился ленок —
Зеленеет, овес оттеняя собой…
Там усатый ячмень под росою прилег,
А подальше — лужайка с лозой.

Что уж тут говорить! Здесь, куда ни гляжу, —
Край любимый кругом и родная земля,
Здесь и люди… да что… о них после скажу…
Их судьбе не завидую я.

Только как не любить это поле и бор, —
Где б я ни был — всегда я к ним сердцем стремлюсь…
Если ж, часом, застонет от бури простор —
Это стон, это крик, что живет Беларусь!

1905–1907

А кто там идет?
Перевод М. Горького

{4}

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такою толпой!
— Белорусы.

А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках?
— Свою кривду.

А куда они несут эту кривду всю,
А кому они несут напоказ свою?

— На свет божий.

А кто ж это их — не один миллион —
Кривду несть научил, разбудил их сон?
— Нужда, горе.

А чего ж теперь захотелось им,
Угнетенным века, им, слепым и глухим?
— Людьми зваться.

1905–1907

Песня вольного человека
Перевод А. Прокофьева

Напрасно свистами нагайки
Тираны устрашить хотят,
Напрасно черной сотни шайки
Расправой дикою грозят, —
Душой я вольный человек,
Я им останусь целый век!

Мне не страшны Сибирь, остроги,
Меч палача и звон оков,
Пусть руки закуют и ноги,
Я пытки вынести готов, —
Душой я вольный человек,
Я им останусь целый век!

Нам хлеб мерещится тем боле,
Чем горше голод нас гнетет,
Тем больше люди рвутся к воле,
Чем меньше к ним она идет, —
Душой я вольный человек,

Я им останусь целый век!

Напрасно хохот раздается
Тиранов подлых над землей,
Что воля ими закуется,
Падет, задушена петлей, —
Душой я вольный человек,
Я им останусь целый век!

Ведь разве солнце кто потушит,
Погасит свет могучий дня?
Тираны воли не задушат,
Ведь воля солнышку родня, —
Душой я вольный человек,
Я им останусь целый век!

1905–1907

Я не для вас...
Перевод М. Комиссаровой

Я не для вас, паны, о нет,
Порою песенки слагаю, —
Что спало в сердце, там, на дне,
Бужу и в свет на суд пускаю.
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Подчас не ведаю покоя,
И слезы взор туманят мне,
Душевной вызваны тоскою.
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,

Дни лучшие свои теряю
И в вечной с муками войне
Живу и радости не знаю.
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Словесный пласт поднять стремлюся
В своей родимой стороне,
На скудном поле Беларуси.
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Лью слезы над судьбой людскою.
Вы грязь в лицо швырнули б мне
Своею подлою рукою…
Я де для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Пою. Вам не понять мученья,
Не вздрогнет сердце в тишине
На голос братского терпенья.
Не вздрогнет, нет, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет!
Одной утехой жить дано вам,
Черствея в сытости, в вине, —
Вас не растрогать правды словом.
Не тронуть вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Несу для бедных это слово,
Страдаю с ними наравне,
В одни закованный оковы.
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет, —

Для тех, для темных, несчастливых.
От них и отклики ко мне
Летят через леса и нивы, —
А не от вас, паны, о нет!

8 июня 1907 г.

Косцу
Перевод Е. Нечаева

Стук, стук, стук, молоток!
Отбей косу мужичок!
Отбей острую свою,
А я песенку спою.

Гоп, гоп, гоп!
Я тебе спою.

В старину был люд хитрей.
Не знавал ружья, ей-ей.
С заостренною косой
Смело шел на страшный бой.

Гоп, гоп, гоп!
Так вот шел на бой.

Косу ловко отогнет
И насадит. Как махнет, —
Подвернется кто, — готов.
Вот как резали врагов.

Гоп, гоп, гоп!
Резали врагов.

Пушек гром не страшен был,
У народа много сил:
Один ляжет, сто идет…
Кто осилить мог народ?

Гоп, гоп, гоп!
Кто осилить мог?

Так и ты — косу остри
Поскорее, раз, два, три,
И иди с ней на войну,
Я же песенку начну:

Гоп, гоп, гоп!
Песенку начну.

На войну с косой иди,
Не сломай ее гляди, —
Ноги шире, выше грудь!
На косьбе отважным будь!

Гоп, гоп, гоп!
Ты отважным будь!

Птицы реют над тобой
С песней воле золотой…
Будешь косу отбивать, —
На косьбу пора вставать.

Гоп, гоп, гоп!
Да, пора вставать!

1907

Жили-были у отца...
Перевод А. Прокофьева

{5}

Жили-были у отца
Три Василья-молодца.

Служил первый у господ,
Лил на панской ниве пот.

Второй стражником тут стал,
Пулей, саблей засвистал.

Третий сын в родном краю
За свободу пал в бою.

Батька старый в хате спит,
И дуда при нем лежит;

Он порой дуду берет,
Песню грустную поет:

«Ой ты, дудка, ой, дуда,
Жизнь не жизнь мне, а беда!

Тяжело и грустно мне
В моей бедной стороне».

1907

Из песен безземельного
Перевод М. Исаковского

1

Эти загоны,
Садик и хатка,
Луг тот зеленый —
Все без остатка
Не наше, братка.

Пашем мы поле
Чисто и гладко,
Сами ж в неволе,
Жить нам не сладко —
Нищи мы, братка.

Потом политы
Нива и грядка.
Луг наш и жито —
Все без остатка
Панское, братка.

Пусть мы без хлеба,
Но есть догадка:
Под этим небом
И мы достатка
Дождемся, братка!

Нужда промчится
С ее повадкой;
Дадут землицу,
И хлеб, и хатку
В могиле, братка!

2

Как от горя, от напасти
Я пошел,
Ни пристанища, ни счастья
Не нашел.

Светят звезды, светят ясно
Много лет.
Лишь моя звезда погасла —
Нет и нет.

К тем и к этим — поздно ль, рано ль —
Я спешу.
Кулаку, попу и пану —
Всем служу.

И пашу и бороную
Землю я.
А на прибыль погляжу я —
Не моя.

Вот пастух скотину гонит
И поет:
«Где ж мои коровы, кони,
Где мой скот?

То ль он тучей ходит в небе?
То ль в воде?
Где б я ни жил, где б я ни был,
Нет нигде».

Все за хлеб за этот черный
Ты отдай —
Силу, думы, будь покорный,
Ожидай.

Словно рыба в сетке, бейся

Каждый год.
На удачу ж не надейся —
Не придет.

Стонет ветер-непогода,
Лес клоня,
Будто просит он кого-то
За меня.

Тучи ходят чередою
Над землей,
Плачут, плачут надо мною,
Сиротой…

3

Ой ты, счастье, ой ты, доля,
Где ж вы, где вы?
Нету хаты, нету поля,
Нет посева.

По чужим углам скитайся,
Спи под небом;
И говей и разговляйся —
Все без хлеба.

Каждый день встречай слезою
Да заботой,
Надрывайся над чужою
Над работой.

Всюду горе, всюду муки
Ходят следом.
Ту же лямку тянут внуки,

Что и деды.

Жизнь постыла, жизнь уныла
Да без воли.
Хоть живым ложись в могилу
От недоли.

Выйду я к лесам зеленым
Радость кликать,
Расскажу, как тяжело нам,
Горемыкам.

Нету хаты, нету поля,
Нет посева.
Ой ты, счастье, ой ты, доля,
Где вы, где вы?

4

Тает снег. Чернеют
Земляные глыбы…
Гайда, безземельный,
Поищи селибы[{6}]!

Много хат на свете
И земли немало.
Только безземельных
Радость миновала.

Вот найдут полоску —
Засевать бы надо…
Глядь, погнали дальше —
Не дают пощады!

Ходит безземельный,
Стонет и вздыхает,
Солнце жжет беднягу,
Дождик поливает,

Ветер гнет, как травку,
Травку луговую.
И заводит песню
Грустную такую…

Не вздыхай, приятель!
Счастье ты добудешь:
Ровней всем — и бедным
И богатым — будешь.

Для тебя сколотят
Люди домовину,
Отведут участок
Ровно в три аршина.

И лежать ты будешь
Днями и ночами,
Позабыв тревоги,
Позабыв печали.

А пока… Чернеют
В вешнем поле глыбы.
Гайда ж, безземельный,
Поищи селибы!

5

Ты лети, звени, мой голос,
Песней неизменной

О той доле, о недоле,
Доле безземельной.

Полюбуйтесь, поглядите:
Я живу вельможей.
Ничего в моем хозяйстве
Вор украсть не может.

Мое поле, мои нивы —
Облака седые,
Мое стадо, мои кони —
Тучи вороные.

Ветер пашню мою пашет
И пасет скотину,
Песни длинные слагает
Про мою судьбину.

Мой дворец — вот это небо,
Голубые своды.
Светит солнце в нем и звезды
Водят хороводы.

И никто моих владений
Отобрать не сможет.
Податей за это поле
Никто не наложит.

Ой ты, поле голубое,
Высокая нива!..
А когда ж от вас, скажите,
Я дождуся жнива?

Мчатся думы горькой песней,
Песней неизменной
О той доле, о недоле,

Доле безземельной.

6

Ой, скажи мне, безземельный,
Ответь мне:
Ты откуда появился
На свете?

Иль тебя зимой морозы
Ковали?
Иль тебя из слез горючих
Отливали?

Где ты вырос? Где, бедняга,
Скитался?
Под какой такою крышей
Скрывался?

То ль сидел ты под забором
Богатых?
То ль стоял в селе знакомом
У хаты?

Кто тебя, младенца, кутал
В пеленки?
Кто певал над колыбелью
В потемках?

То ли ветер, что ночами
Рыдает,
Что с бедняцких крыш солому
Срывает?

Где тебя, в какой купели
Крестили?
Чем тебя на свете люди
Кормили?

То ли потом, что катился
Рекою?
То ли кривдой да обидой
Людскою?

Кто учил тебя подростком
Скитаться,
Чтоб искать на свете доли,
Богатства?

То ль ручьи, что землю роют
Весною,
Иль метелицы, что воют
Зимою?

И какой ты ждал удачи
Да блага,
Как на белый свет родился,
Бедняга?

То ль корчмы вот этой пьяной,
Шумливой?
То ль тюрьмы сырой и темной,
Тоскливой?

А как смерть тебя в могилу
Погонит,
На каком тогда погосте
Похоронят?

То ль в чужом краю далеком,

В неволе?
То ль вблизи лесов родимых,
Средь поля?

И докуда же ты будешь
Скитаться,
Без приюта, где попало
Валяться?

Каждый день бедняга солнца
Ожидает,
А роса ночная очи
Выедает.

7

Где мой дом, где ты, хата моя?
Где загон хлебородной земли?
Ой, беда! Ни путей, ни жилья, —
Знай горюй да могилку хвали.

День и ночь надо мной, сиротой,
Тучи стелются в темном краю.
Днем и ночью кровавой слезой
Орошаю я стежку свою.

Год за годом на запад, восток
Гонит в свет нас лихая нужда,
Словно буря осенний листок
Понесла неизвестно куда.

Знай несет все вперед и вперед…
Принесет и забросит в тупик.
Вот и звон… Кто-то в колокол бьет…

Вот и гроб... И у гроба — старик.

Жил иль нет, счастье знал иль не знал, —
Отнесли бедняка на погост.
Дайте ж камень на грудь, чтоб не встал,
Чтоб не знал он ни горя, ни слез!

1907–1912

Где вы, хлопцы непокорные?
Перевод И. Белоусова

Где вы, хлопцы непокорные?
Где вы с песней удалой?
Как на поле на просторное
Выходили вы толпой?

Может, в сторону далекую,
На чужбину вы пошли
И покой вы, одинокие,
Во сырой земле нашли.

Где вы, песни, где, народные?
Где ваш отзвук громовой?
Призывали вы, свободные,
Нас для жизни трудовой.

Так и замерли, унылые,
Средь лесов и средь нолей:
Беды злые, несчастливые
Наковали вам цепей.

Гей! Не видно друга сильного.
Спят все; кто б их разбудил?

Видно, из холма могильного
Песням вырваться нет сил!..

1908

Снова будет весна!
Перевод Б. Турганова

Не страшись, что тяжелые тучи
Надвигаются вновь без конца,
Что становится мрак неминучей,
Воронье закружилось над кручей:
Снова будет весна!

Не страшись, что листва пожелтела
И с деревьев летит без конца,
Что чириканье птиц ослабело,
Прошмыгнет только заяц несмело:
Снова будет весна!

Не страшись, что убогой и голой
Сиротеет земля без конца,
Что мужицкая горькая доля
Недожатым оставила поле:
Снова будет весна!

Не страшись, что свободные силы
Изнывают в плену без конца.
Что насилье всю правду убило,
Что смерть роет и роет могилы:
Снова будет весна!
Будет весна!

1908

С надеждою смутной...
Перевод А. Андреева

С надеждою смутной,
С горячей слезою
Брожу, бесприютный,
Сторонкой родною.

Брожу и не знаю,
Где правда, где сила,
Спросить лишь желаю
У думки немилой:

Пусть скажет мне просто,
Пусть мне напевает
О солнце, о звездах,
О радостном крае,

Где небо — как небо,
Где доля — как доля,
Где вдоволь всем хлеба,
Где воля — раздолье!

Где люди — как люди:
В содружестве тесном,
Где кривды не будет,
Где песни — как песни!

Где нет ни морозов,
Ни жгучего зноя,
Где горькие слезы
Не льются рекою,

Где ясное ясно,
Где светлое солнце,

Где доля прекрасна,
Как светлое солнце.

Хоть миг мне бы дали
Тех радостей милых,
Жить век свой в печали
Я, люди, не в силах.

1908

Брату
Перевод Д. Бродского

Ты мой нищий, ты мой темный,
Р**о**дный мой,
Вопрошаешь, кто такие
Мы с тобой.

Люди мы или скотина —
Вопрошай
Эту косу, эту соху,
Этот гай,

Это поле, где валился,
Ослабев,
Эту сгнившую лачугу,
Этот хлев,

Вопрошай старуху-долю,
Гнет лихой —
Люди мы или скотина
Здесь, родной?

1908–1909

Погибшим
Перевод Н. Брауна

Спите все те, что настойчиво правду искали
И, не найдя ее, рано в могилу сошли.
Грязью бросали в вас, вольно дохнуть не давали…
Пусть же утешатся: в землю навек вы легли.

Гулко несется стон леса в ночные потемки,
Ветер в трубе завывает, шумит за окном…
Спите спокойно, труда и недоли потомки,
Скоро над вами поминок огни разожжем.

Мало, так мало вас было меж темными нами,
Были сильны еще ложь и туман вокруг нас!
Вы, победившие все, поднялися орлами,
Были нам светом таким, что горел и не гас.

Грозно несли ваши кличи, могучие кличи;
Души из камня и те свой отбросили сон.
Бедный ваш край — он мечтал о грядущем величье,
Сил не хватило… Пропел похоронный вам звон.

Свежие насыпи травка еще не покрыла,
Светел песок на могилах, омытых дождем.
Спите! Навеки запомним мы ваши могилы.
Вами разбужены, больше уж мы не заснем.

2 февраля 1909 г.

Памяти Т. Шевченко
(25 февраля 1909 г.)

Перевод Б. Турганова

{7}

Сегодня справляет сестра-Украина
Свой праздник торжественный — дату из дат.
День славный — рожденья великого сына,
Чьи песни повсюду немолчно звучат.

Пророка, певца украинской свободы,
От сна пробудясь, поминает страна:
Поют ему славу днепровские воды,
Степная о нем говорит тишина.

Прекрасное имя певца не забыто —
Рожденный для песни, он в песне живет;
Ему не нужны надмогильные плиты,
Бессмертного слова ничто не сотрет.

Бедняк от рожденья, своими стихами
Штыкам и орудиям он угрожал;
Вязали его, точно зверя, цепями,
В темницы бросали, чтоб он замолчал!

Слепцы! Позабыли, видать, в их тревоге,
Что смерть не страшна для подобных людей,
Что можно связать только руки да ноги,
А вольное слово — не знает цепей!

Бывает порою и трудно и тесно,
Но песня творца возрождает народ.
Творец умирает… а песня?… А песня?…
Эх! Камень один лишь того не поймет.

Живет эта песня, как ветер, свободна,
Над лесом могил, над болотом летит,
Она разбивает тюремные своды, —
И злоба немеет, и сила дрожит.

Когда-нибудь мир эта песня изменит,
Другие для жизни укажет пути,
Сиянием правды просторы оденет,
Чтоб счастьем и волей земле расцвести.

Почтим эту песню, друзья! С Украиной
Сегодня любой, кто за правду стоит;
Помянем мы «батьку» — душою орлиной
Навеки он с долей народною слит.

Певец Украины, сын верный народа!
Ты слова родного в себе не глушил,
Учил побеждать, презирая невзгоды,
И поняли люди, чему ты учил.

Что кобзы, откликнутся души людские —
Затронул их струны твой вещий «Кобзарь»:
В избенке и в поле в годины глухие
Сердца ты тревожишь, как звоном звонарь.

И к нам твое слово порой долетало;
Мы слушали чутко, что скажет сосед.
В венок твоей славы листочек наш малый
Прими, брат, — прими белорусский привет!

Поэту-белорусу
Перевод Б. Турганова

Ты хочешь знать, какой дорогой
Идти, земли моей поэт?
Как в жизни скудной и убогой
Немеркнущий увидеть свет?

Ты от других не жди совета, —
В чащобе солнца не найдешь!
В себе самом ищи ответа,
Пойми, где правда и где ложь.

Пусть сердца сердце не страшится,
Душа с душой поет теплей;
Ты в лучшие свои страницы
Стремленья братьев перелей!

Борцом будь за родное слово,
Не отступая ни на миг.
Поэт — слуга слуги любого,
Поэт — владыка всех владык!

На звезд далеких хороводы
Гляди спокойно, не страшась,
Проникни в тайны небосвода,
Познай во всем живую связь!

Родной землицы слушай голос,
В ее ты недра загляни,
Чтоб наливался тучный колос,
Обильные пророча дни.

Всегда — и в счастье и в несчастье —
Сынов страны своей буди,
Ты к ним и в вёдро и в ненастье
С горящим светочем иди!

И ты увидишь — всколыхнется,

От сна пробудится народ,
И эхо славы разнесется
Из края в край, из рода в род.

Тогда в своем венце терновом
Лавровый ты найдешь венок
И в день грядущий новым словом
Войдешь, грядущих дней пророк!

Творец умрет. И, как мгновенье,
Вдаль пролетят за годом год;
Поэта поглотит забвенье,
Но песня — всё переживет!

14 апреля 1909 г.

Деревня
Перевод А. Андреева

1

Узкие полоски,
Кочки, мхи сплошные:
В нашей деревушке
Все поля такие.

Курные оконца —
Низкие, слепые:
В нашей деревушке
Хаты все такие.

Лапти да сермяги —
Рваные, худые:
В нашей деревушке

Люди все такие.

Кабаки, остроги
Да кресты гнилые:
В нашей деревушке
Судьбы всех такие.

2

Ой ты, деревня родная моя,
Сколько ты терпишь несчастий,
Бед сколько знает семейка твоя,
Сколько напрасных напастей!

Темные ночи над нами висят,
К счастью скрывают дороги,
Наши труды губят засуха, град,
Хаты стары и убоги.

Труд тяжкий летом, болезни зимой,
Родит могила могилу;
Где б ни прошел по сторонке родной —
Губит бесхлебица силу.

Бьешься ты с кривдою ночью и днем,
Бьешься, на правду надеясь, —
Небо заплачет холодным дождем,
Ветер же вздохи развеет.

Ветер и силу тебе принесет
С песней, могучей, как воля,
Станет, деревня, тогда твой народ
Дружно бороться с недолей.

3

Там за лесом-бором,
Где шумят деревья,
Век живет с недолей,
Как с сестрой, деревня.

Отдыха ей нету,
Нету ей покоя,
Рушит кровли ветер
Непогодой злою.

И хоть неказисто
Смотрят наши хаты,
В гости к нам приходят
Бедный и богатый.

Власти подчистую
Что могли забрали.
Что ж деревне делать?
Что деревне дали?

Дали ей ту долю,
Что все проклинают,
Дали ей ту волю,
Что рабской считают…

1909

Как я полем иду…
Перевод И. Белоусова

Как я полем иду, колос гнется ко мне,
С ним я смутной душой разговоры веду.

Колос слышит, стоит в очарованном сне;
Колос гнется ко мне, как я полем иду.

Как я лугом иду, травки вьются у ног,
Осыпают росой, — и роса на следу, —
Говорят о беде, полны тайных тревог;
Травки вьются у ног, как я лугом иду.

Как я лесом иду, дум своих не таю
И, любуясь на лес, с ним беседу веду, —
Я, как дома, в лесу громко песню пою;
Дум своих не таю, как я лесом иду.

Как я в хату войду, что-то давит, гнетет
И сомненье берет, словно чую беду, —
А в холодном углу пышно плесень цветет,
Что-то давит, гнетет, как я в хату войду!

1909

Отцветание
Перевод В. Брюсова

Замолчали колос**ы**,
Звон не слышится косы,
Не кладутся в стог пласты,
Только сыплются листы
На еловые кусты,
На сухие верес**ы**.

Не сверкает кругозор,
Не цветет трава чабер,
Не свирелит птичий стан,
Только ползает туман;

Ветер бьет в немой курган,
Что-то шепчет мглистый бор.

Сила мощная снует,
Устремляя взор в огне,
То поманит, то пугнет.
Сердце бьется в полусне,
Дума сердцу о весне
Лживый голос подает.

1909

Полилися мои слезы
Перевод М. Комиссаровой

Полилися мои слезы
На живые верболозы,
На былинки на сухие,
На невзгоды на людские.

Полилися мои слезы
На жару и на морозы,
На глухие непогоды,
Молодые мои годы.

Полилися мои слезы
На недуги, на занозы,
На надорванные груди
И на все, что было, будет.

Полилися мои слезы
На напасти, на угрозы,
С тяжкой думой — покорися! —
Полилися, полилися.

Полилися мои слезы
На пути, на перевозы,
На кровавые поляны,
На забытые курганы.

1909

Тут и там
Перевод Н. Сидоренко

Вы тут гуляете, панове;
Вы сыты, пенится вино.
И что там, в нищих деревеньках, —
Вам дела нет, вам все равно!

Тут, смочена людскою кровью,
Копейка сходит задарма.
А в деревеньке безутешной
Рубцы от рабского ярма.

Вы тут сошлись разбить над чаркой
И честь и славу пополам.
А там… там молча роют яму.
Кому? Не время ль вспомнить вам?

1909

О мужицкой доле
Перевод М. Исаковского

1

Дайте скрипку мне мою!
Подходи, народ:
Я сыграю, я спою,
Как мужик живет.

Погляди, стоит село —
Нет его бедней.
Словно ветром унесло
Счастье у людей.

Смотришь, будто человек
Молод по годам.
Слезы ж брызжут из-под век,
Гнет его нужда.

Силы нету — и не жди:
Сгибла ни за грош.
Боль в спине, и боль в груди,
И в коленях дрожь.

И зимою и весной
Жизнь его горька.
Спит, как видно, вечным сном
Доля бедняка.

Кто же, кто за тяжкий труд
Наградит его?
Голый камень там и тут,
Больше ничего.

Жадно пьет крестьянский пот
Мачеха-земля,
А в отплату — недород,
Тощие поля.

И зимой бедняк с семьей

Волком заведет,
Зубы с голоду весной
На полку кладет.

Так идет за годом год,
Жизнь пройдет, и — стоп!
Мор Микиту изведет
И уложит в гроб.

2

В нашей жизни счастья мало,
Горе бродит там и тут.
Грош найдешь, а два — пропало,
Кровь да слезы век текут.

Нет сапог — так лапти носишь,
Доставало б только лык.
Заработаешь, попросишь —
Вот уже и сыт мужик.

Я свою сгибаю спину
Перед тем, кто пьет мой пот.
Скажешь правду — как скотину,
Обругают на весь род.

Я трудился век свой целый,
Каждый день — в мороз и в зной.
Только, что бы я ни делал,
Бедность всюду шла за мной.

Я родился в злой невзгоде,
Я нагим и босым рос.
Старым стал, мой век проходит, —

Все же я и гол и бос.

Скоро в новое жилище
Смерть погонит бедняка…
Кто не видел на кладбище
Ту могилу мужика?

Крест еловый, крест унылый
Наклонился, мхом оброс.
Низкий холмик над могилой
Дождевой ручей разнес.

Шум крапивы да полыни
Вместо роз и георгин.
Под крапивой в домовине
Я лежу — крестьянский сын.

Я лежу одетый, сытый;
Жил землей и сплю в земле.
Отдыхаю, позабытый
Даже в собственной семье.

Ветер осенью дождливой,
Вьюга зимнею порой
Бродят с песнею тоскливой,
Словно плачут надо мной.

Воет вьюга, стонет ветер,
Людям жалуясь в тоске, —
Может, кто-нибудь на свете
И вздохнет о мужике.

Сгибаясь, будто крюк,
Поля пахал Павлюк
С рассвета до заката,
Но только каждый год
Весь Павлюков доход
Все исчезал куда-то.

Как кровь ушла из жил,
Пахать не стало сил,
Конец нужде и муке!
С косою смерть пришла,
Приказ свой отдала:
Пора сложить, мол, руки.

В могилу лег Павлюк,
Не гнет он спину в крюк,
Как вол, не пашет боле,
Он помер и не знал,
Что целый век пахал
Чужим чужое поле.

4

За сохой, бороной,
За серпом, за косой,
Что ни день, что ни год,
Плачет бедный народ.
Что же он получил,
Выбиваясь из сил?
Гей, го-го! Гей, го-го!
Мы живем и поем:
Хлеб другие едят,
Мы мякину жуем!..

С топором и пилой
Злой, холодной зимой,
Что ни день, что ни год,
Сосны валит народ.
Что же он раздобыл,
Выбиваясь из сил?
Гей, го-го! Гей, го-го!
Мы живем и поем:
Согреваем других,
Сами холод клянем!

На дворец на большой
На спине на худой,
Что ни день, что ни год,
Бревна тащит народ.
Что же он раздобыл,
Выбиваясь из сил?
Гей, го-го! Геи, го-го!
Мы живем и поем:
Людям строим дома,
Сами мрем под углом!

5

Как за хату выйду
Я на луг на свой,
Что ж косить я стану,
Боже дорогой?
Ой-люли, люли,
Что же мне косить?

Луг такой — ни дать ни взять,
Стыдно людям показать:
Там осока, кочки здесь —

Вот и все добро, что есть.

Как за хату выйду,
В поле погляжу.
Что же жать я стану,
Что на ток сложу?
Ой-люли, люли,
Что на ток сложу?

Хлеб такой — ни дать ни взять,
Стыдно людям показать:
Васильки, костер, осот —
Вот и весь доход-приход!

Как за хату выйду
В лес, в дремучий бор,
Что, скажите, будет
Мой рубить топор?
Ой-люли, люли,
Что срублю в лесу?

Я срублю — ни дать ни взять,
Стыдно людям показать:
Хлам, кустарник, пни, гнилье —
Это, значит, все мое!

Как за хату выйду,
Вдаль большак идет.
А куда ж, куда же
Он меня ведет?
Ой-люли, люли,
Куда ж заведет?

Он ведет — ни дать ни взять,
Стыдно людям показать:
На погост, в кабак, в тюрьму —

Вот и все. Конец всему.

6

Эй ты, друг! Что ж ты вдруг,
Сын нужды проклятой,
Лезешь, прешь, как слепой,
В панские палаты?

Кто ты: сват иль камрад,
Братец иль сестричка?
Иль прельстилась тобой
Панна-белоличка?

Иль тебе, голытьбе,
Всеми позабытой,
Веселей и вольней
Средь панов, средь сытых?

Или нас в этот час
Там за стол сажают
И вином дорогим
Поят, угощают?

Эх, Артем! Панский дом
Не твои гнилушки.
Не твои в нем друзья,
Не твои подружки.

Ты стоишь и дрожишь
С шапкой на пороге,
Как с обозом зимой
На глухой дороге.

Ты нагнись, поклонись,
Смирным будь и кротким.
Тебе пан поднесет,
Может, чарку водки.

Надо пить, закусить —
Ведь на то объедки!
Приложиться к руке
За прием за редкий.

Вот и панна идет
По своим палатам.
Не гляди — у нее
Есть паныч богатый.

Медлить брось: ты ведь гость, —
К дому отправляйся.
Своре псов на дворе
Ты не попадайся.

По тропе да к избе
Ты пришел, забытый,
Со слезой на глазах,
Ни пьяный, ни сытый.

Знать, не так ты, бедняк,
Думал разгоститься:
За столом с богачом
Думал веселиться…

Что ж тужишь? Надо жить,
Надо делать что-то.
Нам паны — не друзья,
Знай свои ворота!

Темноте, бедноте

Дворцы не сияют.
Наши слезы, нужду
В них не понимают.

Верь не верь, мерь не мерь —
Горю не поможешь,
Где ты жил, где ты рос,
Там и кости сложишь.

7

Вот моя полоска
Шириной в шнурок.
Как пустыня, жестка —
Камни да песок.

Ржи — считай, что нету,
Вымерзла зимой,
Яровое летом
Все испортил зной.

Бульба — как орехи,
Словно гвоздь — бурак.
Вот и все успехи,
Горький я бедняк!

С этой самой нивы
И налог плати,
Будь и сам счастливым,
Не пей, не кради!

Будь доволен небом,
Господа хвали,
Не бунтуй, не требуй

Для крестьян земли.

8

Что нам хлеб, зачем он в хате,
Если нам мякины хватит?

Что ботинки, черевики,
Если есть лоза и лыки?

Для чего земли мы жаждем?
Как умрем, получим сажень.

Для чего нам строить хаты?
Царь с казной и так богаты.

Что нам свет наук прекрасных,
Если слезы светят ясно?

Что лекарства, что больница,
Раз казенка не скупится?

Что нам знать всего помногу?
Мы и так придем к острогу.

1907–1912

Ты взойдешь ли, наше солнце?
Перевод Б. Турганова

С плачем думка-песня льется
По замученной сторонке,
Плачем эхо отзовется…

Ты взойдешь ли, наше солнце?

Мать-вдова да сиротинка
Смотрят, бедные, в оконце, —
Догорела уж лучинка…
Ты взойдешь ли, наше солнце?

Бродит путник подорожный,
Хлеба нет давно в котомке, —
Путь далекий, сбиться можно…
Ты взойдешь ли, наше солнце?

С горем пахарь ляжет, встанет,
Тешит басней деток, женку
И чуть слышно причитает:
«Ты взойдешь ли, наше солнце?»

Спину гнул бедняк без счета —
Не зерно, одна соломка, —
Ни красы, ни умолота…
Ты взойдешь ли, наше солнце?

Без земли — худая доля,
Видно, вешаться придется:
Нет ни хаты, нет и поля…
Ты взойдешь ли, наше солнце?

Сердце, полное тревоги,
Снова жалостно сожмется:
Где же правда, где дороги?
Ты взойдешь ли, наше солнце?

С плачем думка-песня льется
По замученной сторонке,
Плачем эхо отзовется…
Ты взойдешь ли, наше солнце?

Наше солнце?

1908–1910

«Не свирель играет…»
Перевод Б. Турганова

Не свирель играет
За лесом, у вески,
Не ветра качают
Белую березку —

Девушка-сиротка
Охает, вздыхает,
Над своей короткой
Жизнью причитает.

Полюбил сиротку
Паренек пригожий;
Лелеял лебедку,
Да недолго пожил.

Люди шли в оковах —
Заступился милый!..
Вырос холмик новый
Милому могилой.

Спит он, незадачный,
Дождик насыпь моет,
А девушка плачет,
А девушка стонет…

1908–1910

Приветствие
Перевод А. Андреева

Вновь я с вами, со своими,
Милые крестьяне!
Вместе повстречаем ночку,
Вместе утром встанем.

И пойдем за плугом дружно
Утром в чистом поле
Вместе борозды ворочать,
Наживать мозоли.

О простой работе нашей
Для родной сторонки
Будут ветру баять сказки
Тополя, сосенки.

Полосу за полосою
Вспашем мы на диво;
Зерна лягут, встанет колос, —
Вырастай счастливо!

Пашней проходя за плугом
На просторе божьем,
Чистым сердцем, вольной думкой
Песню-сказку сложим.

Разнесет та песня-сказка
Славу нашу всюду,
Удивится свет великий
Песне той, как чуду.

Пусть узнает свет, что могут
Для отчизны милой

Сделать сердце белоруса,
Труд его и сила.

1908–1910

Мой дом
Перевод А. Коринфского

Мой дом — приволье звездной дали,
Орлами мерянный простор,
Там, где ветров свободных волны
С семьею туч ведут раздор.

Мой дом — замшелой пущи своды,
Где сосны рвутся в небосклон,
Г де переливный смех русалок
Тревожит мирных дебрей сон.

Мой дом — песчаных нив равнины,
Где бродят вьюги, зной печет,
Там, где соха голодных кормит,
Где жизни цвет — кровавый пот.

Мой дом — поросший чернобыльем,
С сухой осиною курган,
Где тлеют прадедов останки,
Где плачет ночка да туман.

1910

На купалье
Перевод В. Брюсова

На купалье на святое
Рви, мать, зелье роковое,
Папоротником что зовется
И счастливым признается.

Как нарвешь его на воле,
В темном лесе, в чистом поле —
Положи за образами,
Освяти его слезами!

Дважды, трижды, многоразно
Окропи слезой алмазной!
Счастья жди — его приплода —
От восхода до захода.

Как цветы его проглянут,
Детям счастья дни настанут.
Будем, мать, под кровом хаты
Мы счастливы и богаты.

5 июня 1910 г.

Жниво
Перевод М. Богдановича

{8}

Созревших хлебов золотые посевы
За селами, там, где лесов рубежи,
Склонили колосья до самой межи
С призывным шептаньем: где, жнеи мои, вы?

И жнеи сошлися. Направо, налево,
Срезая колосья налившейся ржи,
Задвигались быстро серпы, как ножи,

Под жнивные, старые вечно напевы.

Тоскливая древняя песня плывет
В колосьях склонившихся шепчущей нивы
И в пуще теряет свои переливы.

Плывет эта песня ко мне, и зовет,
И в сердце, как звонкие косы, ноет:
«Ты так же, брат, сеешь… а где твое жниво?»

Июнь, 1910

Родное слово
Перевод В. Рождественского

{9}

Под ярмом неправды многие столетья
Тихо и покорно жили мы на свете.
Жили и тянули свой ярем устало,
И страна родная уж не нашей стала.

Не для нас и сосны по ночам шумели,
Не для нас и нивы в мае зеленели,
Оставалось с нами лишь родное слово,
Чтоб вести нас к счастью бытия иного.

И оно вело нас: кроткие душою,
Не клеймили дум мы злобой и тоскою,
Молча умирали, молча шли на муку —
Для чужой корысти, под чужую руку.

Умирая дома или на чужбине,
Отданы гоненью, отданы кручине,
В беспросветной чаще сбились мы с дороги

И напрасно ждали от людей подмоги.

Все отнимут люди — злобные невежды,
Вырвут веру в счастье, вырвут все надежды,
Но того не вырвут, что нам мать певала,
Как бессонной ночью колыбель качала.

Ой, не взять у сердца молодого слова,
Не запрятать песни в тесные оковы, —
Пусть берут младенца с материнской груди,
Пусть отца от сына отрывают люди.

Ты сроднилось с нами, слово речи милой,
Словно ива с корнем, словно с солнцем нивы,
Делишь с нами счастье, делишь с нами горе,
Словно мать родная с лаской во взоре.

Мы и сами даже никогда не знали,
Как тебя мы в сердце крепко сохраняли,
Как оберегали в счастье и в несчастье
От напрасной злобы, от людской напасти.

Ты вело нас в жизни с гордостью и славой,
Пред врагом ты низко шеи не сгибало;
Кто теперь со злобой над тобой смеется,
Тот подобен ветру, что в ракитах бьется.

Над тобой смеется, кто не знал от века,
Что такое думы, доля человека,
Кто по свету носит — зло и непритворно —
Вместо сердца — камень, а души — дым черный.

Вечно будешь с нами жить ты в мире этом,
Речью миллионов говорить со светом,
Из золы былого, дней слепых, кровавых,
Вырастать посевом самой светлой славы.

И рукой в мозолях тем родимым словом
В книге всех народов, в заголовке новом
Белорус напишет, гордо и не труся,
Горестную повесть милой Беларуси!

1910

Я от вас далеко
Перевод В. Рождественского

Я от вас далеко, полосы родные,
Я гляжу сегодня в небеса чужие,
Но душой и сердцем только вас я знаю
И стремлюсь, как прежде, к милому мне краю.

Нет еще на свете пропасти глубокой,
Нет еще на свете той стены высокой,
Чтоб хоть на минуту — днем, порой ночною —
Беларусь посмели разлучить со мною!

Я от вас далеко… Каждый упрекает,
Но чужие мысли кто же разгадает,
Кто понять сумеет тот огонь, то море,
Что бушуют в сердце и с неволей спорят?

Только тот поймет их, кто до смерти самой
Знал одни гоненья от судьбы упрямой,
Кого доля-ведьма с юных лет немало,
Словно лист осенний, по свету бросала.

Я от вас далеко… Пусть везде брожу я —
Дома только дума днюет и ночует.
Слышу только гомон Беловежской пущи,

Вижу только Неман, вниз плоты несущий.

Кто взрастит в чужбине садик возле дома,
Кто мне там построит крепкие хоромы,
Чтоб могли сравниться с хаткою веселой
И с гурьбой березок в белорусских селах?

Я от вас далеко… Делит нас полсвета,
А живу я с вами зиму всю и лето.
Осенью дождливой с вами я печален,
С вами у весенних радуюсь проталин.

На восходе солнца, на его заходе
Думаю я думы о родном народе,
И едва увижу — пролетают гуси,
Жду от вас вестей я с милой Беларуси.

Я от вас далеко… Из чужого края
Я на ваши песни эхом отвечаю.
Я пою вам, братья, сердцем и душою,
Сам хочу лететь к вам со своей тоскою…

Нет такой могилы, крепкой домовины,
Чтоб могли отчизну схоронить от сына,
Беларусь родную — и поля и реки, —
Как людей хоронят, схоронить навеки!

Я от вас далеко… Боже ты мой милый!
Неразлучный с вами до сырой могилы,
Буду день и ночь я думать неустанно,
Как вы там живете, в стороне желанной.

А когда придется лечь мне в домовине,
Этот холм могильный тень моя покинет,
И, на крест склоняясь, погляжу туда я,

Где мой край любимый, Беларусь родная.

17 июля 1910 г.

Брату на чужбине
Перевод Н. Брауна

Ты помнишь ли, мой друг старинный,
Где ты родился, где ты рос,
Напевы вьюг зимою длинной,
Сверканье летних чистых рос?

Свет солнца, звездные просторы
И месяц в сумраке ночном,
Во тьме русалок разговоры
И песни птиц погожим днем?

А помнишь ли ты взгляд несмелый
Родного дальнего села,
Откуда шел в свет этот белый,
Где молодость твоя прошла?

Леса, луга, поля немые,
Шуршанье лоз, цветы полян,
Кресты могил, где спят родные,
И древний прадедов курган?

Ты помнишь ли свой двор и хату
С завалинкой, с худым плетнем?
Все это было ведь когда-то
Построено твоим отцом.

Вдоль тракта старые ракиты,
Извилистый песчаный скат,

Мост, половодьями подмытый,
Берез плакучих грустный ряд?

Ты помнишь ли, как мать родная,
Склонясь над зыбкою твоей
И песню-байку напевая,
Ждала с надеждой светлых дней?

Святую песнь полей раздольных,
Людей нехитрый разговор, —
А эхо ловит темный бор
И звон протяжный колокольный?

Ты помнишь дни косьбы и жнива,
Ночное, отблески огней
И перелет гусей крикливых,
И аистов, и журавлей?

Знакомый, грустный вид деревни,
Обычай сельской простоты…
Край белорусский мирный, древний,
Свой край родимый помнишь ты?

1910

Летняя роса
Перевод Б. Турганова

Как брильянты, рассыпает
Ночь блестящие росинки
И туманом одевает
Все поляны и тропинки.

А едва рассвет настанет,

Заиграет солнце рдяно.
Росы тихо отцветают,
И уходят прочь туманы.

Как брильянты, никнут росы
На лужайке, света полной.
Солнца косы, наши косы
Не дадут им встретить полдень!

1911

Над рекою...
Перевод М. Исаковского

Над рекою весною
Зацветала калина.
А в селе за рекою
Подрастала дивчина.

Над зеленой калиной
Кукушка летала,
Молодая дивчина
Друга милого ждала.

Ой, сгубили калину,
Топорами срубили,
Ой, угнали детину,
Как в поход затрубили.

Перестала калина
В цветы убираться.
Перестала дивчина
С ненаглядным встречаться.

Горько было кукушке,
Что калины не стало.
Тяжко было старушке,
Что дочь тосковала.

Волны вдаль угоняли
Ветки гибкой калины.
Люди в речке искали
Самогубку-дивчину…

Над рекою зарею
Зацветала калина.
А в гробу под землею
Крепко спала дивчина.

30 июля 1911 г.

Две березы
Перевод Э. Багрицкого

За околицей в грозы две стояли березы, —
Как одна, две березы стояли.
И стонали сквозь слезы, истлевая, березы, —
Как одна, две березы стонали.

О восходе под грозы все шумели березы, —
Как одна, две березы шумели,
О закате сквозь слезы запевали березы, —
Как одна, две березы все пели.

Что в грозу и в морозы пановали березы, —
Как одна, на полях пановали,
Что качались и в грозы самовластно березы,
Как одна, погибая в печали.

Мстят небесные грозы — и качнулись березы,
Как одна, головою качнули,
И навеки сквозь слезы две заснули березы, —
Как одна, две березы заснули.

1911

«Ты приди ко мне весною…»
Перевод М. Голодного

Ты приди ко мне весною,
Цветиком приди,
Расцвети красой со мною,
Думу разбуди.

Ты приди в июле, летом,
Колосом приди,
Песней жатвы, блеском, светом
Думу услади…

Ты приди в глухую осень,
Звездочкой приди,
В свет далекий с шумом сосен
Думу поведи…

Ты приди ко мне зимою,
Солнышком приди,
Сказкой давней золотою
Думу пробуди.

Ты приди и на могилу,
Цветиком приди,
Ручкой белой, ручкой милой

Клен там посади…
Ты приди!

1911

«Я казак, да не тот…»
Перевод Д. Бродского

{10}

Я казак, да не тот,
Кто с нагайкой удал,
А удалый, кто встарь
За свободу стоял.

Кто гулял за Днепром
На коне-скакуне,
Ненасытцем гремел
По родной стороне,

Тот, кто грозно в простор
Песню-клич посылал
И свободных в свой круг
Принимал без числа,

Кто на легком челне
Шел в поход постоять
За страну, за народ
И за волюшку-мать,

Кто престолы, венцы
Вострой саблей сшибал
И врагам свой закон
Жаркой кровью писал.

1911

Ты зеленая дубрава…
Перевод Н. Сидоренко

Ты, зеленая дубрава,
Сон гони, расцветай,
Неустанно доброй славой
Ты шуми на весь край.

Полни край зеленым шумом
От межи до межи,
Дай надежду вольным думам,
Обо всем расскажи.

Крылья сказок знаменитых
Оживи, разогрей;
Вправо, влево разгони ты
Сухоцвет, суховей.

Молодые заговоры
Сотвори на пути;
Ясным взглядом долы, горы
Приголубь, освети.

Расскажи ты всему свету
О себе, о хлебах;
Словно клятву, слово это
Пронеси в небесах.

Ты родное в поле жито
Приласкай, обними;
Край забитый, позабытый
Всколыхни, подними…

15 января 1912 г.

Выйди...
Перевод В. Рождественского

Выйди, сторонка моя, из недоли,
Не покоряйся ты зимнему сну,
Полно вздыхать и томиться в неволе!
Выйди в луга и в зеленое поле,
Выйди, чтоб встретить весну!

Скинь все лохмотья, что долгие годы
Тело твое истомили в плену,
Выйди на волю из зимней невзгоды,
Крепко сковавшей свободные воды,
Выйди, чтоб встретить весну!

Злобные вьюги, крутясь над полями,
Вырыли яму тебе не одну.
Ночью и днем заметали снегами...
Видишь — снега побежали ручьями?
Выйди, чтоб встретить весну!

Северный ветер свистел над тобою,
Ветви ломал, нагибая сосну,
С запада звери к нам шли чередою
Рвать твою грудь... Ты осталась живою.
Выйди, чтоб встретить весну!

В школе детей лишь неправде учили,
Мучили, гнали к могильному сну,
Все уверяли, что ты уж в могиле.
Только свет солнца измену осилил.
Выйди, чтоб встретить весну!

Ясная сердцем, оденься цветами,
Пташкой свободной порхни в вышину,
Солнцем разлейся, рассыпься звездами,
Славой и песней разлейся над нами,
Выйди, чтоб встретить весну!

Терны взяла ты себе для короны,
Храм твой — лишь небо да нив ширина,
Царство — просторы равнины зеленой,
Слуги — мозолистых рук миллионы…
Выйди, уж близко весна!

10 марта 1912 г.

Желание
Перевод Б. Турганова

Со всем народом вести беседу,
Слышать биенье мильонов сердец, —
В жизни опорой мне только это,
Это одно мне — почетный венец.

Песню создать, прекрасную песню,
С нею быть другом любому в стране, —
Это одно — сокровищ чудесней,
Это желанье — одно лишь во мне.

Нет, не погубит злоба живую
Душу народа! Бессмертна она!
Радостью этой одной живу я,
Только такая нужна мне весна.

К ясному солнцу из тьмы безвестной,
К славе для всех наших бедных людей, —

Этой ищу я дороги на свете,
Этому богу служу я везде.

За мир и счастье родного края,
За моих братьев в великой борьбе, —
Только такой я смерти желаю,
Памяти этой прошу себе.

1912

Я люблю
Перевод В. Рождественского

Я люблю наших пашен цветенье,
Наши травы весенней порой,
Ропот бора угрюмый, глухой
И ручья еле слышное пенье…

Я люблю деревушку в лесу,
Век живущую в горькой недоле,
Свой народ — цвет, увянувший в поле.
Весь свой край, что я в сердце несу.

Я люблю взгляд, что смотрит глубоко,
Стан твой гибкий, девчина-краса.
Врежу им и в ночи, и средь дня.
Я люблю и зову — издалека
Слышат клич мой родные леса,
Клич: кто ж любит, кто любит меня?

1 ноября 1912 г.

Родичам по речи
Перевод В. Шефнера

Шлю вам песней, братским словом
Приветствие, люди,
Не гасите веры, что вам
Житься лучше будет!

Вы не слабы, не ленивы,
Вы — народ могучий,
Ваше царство — ваши нивы,
Царь ваш — труд живучий!

Не в хоромах ваша слава,
Не в богатой митре,
А в труде, в работе правой,
Честной и нехитрой.

Вы одеты не парадно,
Не в шелка и фраки, —
Нет почетней неприглядной
Трудовой сермяги!

Ваши руки в кровь избиты,
Песок на них виден,
Но на хлеб, вами добытый,
Никто не в обиде!

Ваша правда, ваша сила
Глаза врагам колет,
Вижу — свежие могилы
Роет вам неволя.

Кости дедов — не порука ль
Вашей давней силе,

Не звучат ли в песни звуках
Слезы, что вы лили?

Так пускай вас не осилит
Злоба непогоды,
Расправляйте смело крылья,
Как и все народы!

Сгинет кривда, сгинет горе,
Гнет мы сбросим вражий, —
Мы добьемся светлой доли
На земле на нашей!

1911–1912

«Братец и сестрица»
(Из народных мотивов)
Перевод М. Комиссаровой

Ой, в лугу, лугу зеленом,
Возле быстрой речки
Пела девушка-пастушка
И паслись овечки.

Золотое солнце с неба
Грело, в сон тянуло,
На траву легла пастушка,
Легла и заснула.

Ехал той порой солдатик,
Да и заблудился,
Он к молоденькой пастушке
С седла наклонился.

«Встань, голубка, мое сердце,
Говорю по чести, —
Ставь-ка лучше ногу в стремя
Да поедем вместе!»

Быстро девушка вставала,
Ножку в стремя клала,
В край далекий отъезжала
С молодцем удалым.

Вот уж поле, вот другое,
Въехали на третье,
Под дубок они присели,
Под густые ветви.

Тут прижался к ней солдатик,
Девушку милует,
И глаза ее и губы
Крепко он целует.

И, ласкаючи, сказал он
Ей слова такие:
«Ты откуда будешь родом,
Кто твои родные?»

И ответила пастушка,
Наклонившись низко:
«Старшины я дочка буду
Из деревни близкой».

Помрачнели ясны очи
Хлопца молодого:
Он от девушки ответа
И не ждал такого.

И тогда в ответ солдатик

Говорит ей тоже,
Что из той же он деревни,
Сын отца того же.
.....

Заслонили тучи небо
Черными крылами,
Налетела ливень-буря
С молнией, с громами.

И ударило грозою
В оба сердца сразу
Тех двоих, чьей мыслью грешной
Омрачился разум.

Под тем дубом их обоих
Схоронили люди,
Холм насыпали песчаный
На глаза и груди.

На холме взошли цветочки,
Только снег растаял,
Вместе с желтеньким цветочком
Синий расцветает.

Кто в могиле спит, успело
Все людьми забыться.
А цветочек окрестили
«Братцем и сестрицей».

23 мая 1913 г.

«А ты, сиротина, живи...»
Перевод М. Исаковского

А ты, сиротина, живи,
Как лист под осенним небом;
Ни счастья к себе не зови,
Ни места под солнцем не требуй.

И ношу недоли своей
Неси меж курганов могильных,
Не зная дорог и путей, —
Забытый, забитый, бессильный.

Как тень из могилы, броди.
Шагай, человек горемычный!
Ни доброго слова не жди,
Ни солнечной ласки девичьей.

Живи, да мечтай о весне,
Да думай одно, сиротина:
Никто не вздохнет в тишине
Над тесной твоей домовиной.

6 ноября 1913 г.

Песня
(Из народных мотивов)
Перевод М. Исаковского

Коль была б я перепелкой,
Волю б я имела,
Где б хотела, там летела,
Дома б не сидела.

То ль за ягодою сладкой —
В рощу, за усадьбы;
То ль в лесу, густом и темном,

Мне орехи рвать бы.

То ль в луга б ушла, где речка
Быстрая синеет,
За калиною за красной,
Что на солнце зреет…

Ой, не быть мне перепелкой,
Крыльев не иметь мне;
Ни до рощи, ни до леса,
Ой, не долететь мне!

Нет в лугах зеленых ягод
Горше, чем калина;
Нет судьбины тяжелее,
Чем моя судьбина.

Как я выйду, молодая,
За ворота в поле,
Слезы сами набегают
От тоски-недоли…

Ой, они ручьями льются,
Горестные слезы,
Словно росы летней ночью
С молодой березы.

Плачут очи век от века
И в избе и в поле —
Не о добром человеке,
А о вольной воле.

1913

«Всюду лето, лето...»
Перевод М. Исаковского

Всюду лето, лето,
Поле в солнце тонет.
Тихие колосья
Ветер книзу клонит.

Покажися, выйди,
Как заря выходит,
Смело закрасуйся,
Да при всем народе.

Ты возьми у солнца
Золотые нитки,
Солнечное платье
Поскорее вытки.

Из цветочков синих,
Из травы зеленой
Ты сплети веночек,
Ты сплети корону.

Пусть, как бриллианты,
На твоем уборе
Засверкают росы
В утренние зори.

Засверкай, зардейся
В славе, в силе, в ласке
Словно королева
Из чудесной сказки.

Покажися свету,
Свету да народу,

Сторона родная,
Как заря с восхода!

1913

Не ищи...
Перевод С. Городецкого

Не ищи счастливой доли
На чужом, далеком поле,
Нет, за шумным лесом-бором,
За широким, синим морем
Не ищи счастливой доли.

От тебя ведь счастье близко!
Там оно, где в хате низкой,
Колыбель твою качая,
Пела мать тебе родная.
Счастье рядом! Счастье близко!

Не ищи себе ты друга
Средь чужого сердцу круга,
Между пьяных и богатых
В панских каменных палатах
Не ищи себе ты друга!

От тебя ведь друг твой близко:
Возле хаты, возле низкой,
Где ходил ты пастушонком,
Где косой звенел ты звонко,
Там ищи! Ведь друг твой близко!

Не ищи отчизны, брат мой,
С ветром, спутником превратным,

Ни на суше, ни на море.
Ни в счастливых снах, ни в горе,
Не ищи ее там, брат мой!

Ты вблизи отчизну встретишь!
Как леса встречают ветер.
Только в сердце глянь свое ты
Зорко, с ласковой заботой,
Ты вблизи отчизну встретишь!

1913

Две доли
Перевод М. Комиссаровой

Растет береза среди поля,
Вдали от леса, сиротой;
Живет певец с своей недолей,
С своей печальною душой.

Береза под грозою гнется,
Мороз и зной ее сечет;
Певец в слезах с неправдой бьется,
За всех борясь, для всех поет.

С березы вихрь холодный, вея,
Срывает листья, гонит вдаль;
Певца напевы, не жалея,
Обида глушит и печаль.

Жила береза и увяла:
Срубил под корень дровосек…
В борьбе сложил певец усталый
Свою головушку навек.

В печи береза догорает…
До неба дымы ввысь плывут;
Певец в забвенье умирает,
А песню все его поют.

1913–1914

Весна 1915-я
Перевод А. Чивилихина

Так вот как в мир пришла она — желанная весна:
В короне зелени, в цветах и с шепотом берез!
Единственная меж своих былых сестер, она
Души твоей не веселит, не утирает слез.

Не росы светлые горят брильянтами на ней,
И не водой освящены, окроплены поля,
А рдеет пролитая кровь крестьянских сыновей,
Горячей крови напилась бесплодная земля.

Не с солнышком пришла весна благословить на труд,
Не зорьку ясную зажгла над кровлями села —
Пожаров зори занялись над ними там и тут.
Уничтожения огни на празднестве зажгла.

И сеятель совсем не так, как в прежние года,
Свой труд извечный совершить на полосу идет, —
Без веры совершает он простой обряд труда,
Лишь по привычке сеет он, не зная — кто пожнет.

Не хочет хату деревцем украсить селянин,
Как украшали с давних пор, когда приходит май.
Спроси: «Обычая отцов ужель не знает сын?»
Ответит: «Знаю, но теперь в печали отчий край!»

На тракт крестьянка, что ни день, с детишками идет,
У придорожного креста подолгу смотрит вдаль,
Глаза успела проглядеть, а все кого-то ждет,
Кого-то хочет увидать, тая в глазах печаль.

Девчина, косы распустив, бежит в зеленый бор,
К стволу березы прислонясь, поет в тоске такой,
Что не понять — терзает слух ей погребальный хор
Или пришла одна справлять день обрученья свой.

И аист, что у пирамид в тепле отзимовал
И вновь на лето прилетел в любимый край сюда, —
Он помнит все, но своего он места не узнал
И не отыщет своего обжитого гнезда.

Лишь звери, пробудясь от сна, справляют пир в лесах:
Ведь на побоище теперь поживы хватит им,
Пируют вороны — нашлась добыча на полях —
И не жалеют, что тоской и болью мир томим.

Так вот какой пришла весна, явилася на свет,
Как липу, землю принялась в те дни трясти она.
Пожары, кровь и страшный мор — таков ее

привет,
Огнем на знамени ее написано: война!

7 июня 1915 г.

Отчизна
Перевод А. Андреева

Меня связала нить и с небом и с землей —
Никем не расторжима связь та вековая:
Как сына, бережет меня земля родная,
И солнцу я открыт и сердцем и душой.

Еще от колыбельных песен надо мной
Я все здесь полюбил от края и до края,
Частицей родины себя я ощущаю
И в сердце берегу лучи звезды родной.

Да, мной земля моя родимой может зваться,
Других себе не заставляя покоряться,
Здесь, словно к матери, я прижимаюсь к ней.
Но если надо мной враги глумятся —
Глумятся, значит, и над родиной моей.
Когда ж над ней — в сто крат мне это тяжелей.

1915

Что там?
Перевод С. Городецкого

«Что за плач там над лугами,
Над речными берегами?
Чьи там слезы заблистали?

Мать ли это? Сирота ли?»

«Это мать! А кто ж иначе
Над детьми своими плачет?
Дети ей могилу рыли,
А себя в плену сгноили».

«Что за звон гудит, грохочет,
Оглушить всю землю хочет?
Это смерти звон проклятый?
Божий звон? Иль звон набата?»

«Это цепи и оковы
Звоном бьют по жизни новой,
Чтобы звоном тем унылым
Эту жизнь столкнуть в могилу».

«Чей там голос ходит-бродит
И такую песнь заводит,
Что дрожат в испуге недра?
Друг ли это? Или недруг?»

«Этот клич проходит полем,
Призывая к новой доле.
Он под окнами стучится
И зовет всех пробудиться».

«Что за вихрь там закрутился,
И землю врылся, в небо взвился
И несет огонь бесстрашный
На усадьбы и на пашни?»

«Полем клич проходит этот —
Смертный бой меж тьмой и светом!
Кто одержит верх, кто ляжет —

Глянь на солнце, солнце скажет».

1916

Наследство
Перевод А. Андреева

Мне испокон веков дано
Наследство драгоценное,
Как ласка матери, оно
Всегда со мной, нетленное.

О нем мне шепчут сказки-сны
Весенние проталины,
И шелесты вершин лесных,
И дуб, грозой поваленный.

Напомнят клекотом о нем
Мне аист над ракитою,
Замшелым, стареньким плетнем
Деревни, в рощах скрытые,

Вороньи стаи, что кричат
На деревенском кладбище,
И неумолчный крик ягнят
За речкою, на пастбище.

И сердце у меня одной
Заботою охвачено:
Наследство, что хранимо мной,
Напрасно не истрачено ль?

И в глубине моей души,
Как пламя негасимое,

На всех путях, во тьме, глуши
Горит оно, родимое.

С ним думы все мои давно,
И сны, и песни звонкие…
А называется оно
Родимою сторонкою.

19 сентября 1918 г.

Песня («Вспыхнет песня, словно искра…») *Перевод М. Исаковского*

Вспыхнет песня, словно искра,
Словно ключ она польется.
Тут и там — далеко, близко —
Звонким эхом отзовется.

Сердце с сердцем крепко сдружит,
Засверкает, загорится.
Вот уж в хате, вот снаружи —
Молодица молодицей.

Прыгнет к солнцу, захохочет,
Расцелуется счастливо;
Ясну месяцу средь ночи
Поглядит в глаза тоскливо.

Встретит зорьку-заряницу,
Прослезится с ней росою;
На поля слетит, как птица,
Ляжет шелковой травою.

Вместе с ветром выйдет разом,
Заиграет в хороводе;
Вместе с бором грозным сказом
Зашумит о непогоде.

Пробежит по листьям в чаще,
С птицей птицею засвищет.
Мимоходом весть о счастье
Бросит в чье-нибудь жилище.

Так летает да летает
Эта песня в белом свете,
Ни преград, ни пут не знает
От столетья до столетья.

29 октября 1918 г.

Поезжане
Перевод Э. Багрицкого

Разлетелась по просторам
Снежным пухом, тайным вором
Дым, поземка, завируха,
Злого духа злобедуха…

В поле дымно и тревожно,
Беспокойно, бездорожно…
Ни ночлега, ни путины,
Грозен сумрак домовины.

Как по морю, в пене снега,
Без костра и без ночлега,
В замороженном тумане
Едут, едут поезжане.

Едут, едут… след развеян…
Глуше, тише и темнее…
Ни надежды, ни просвета,
Только вьюга, только ветер.

А колдунья-завируха
Что-то шепчет, шепчет в ухо
О рожке, что в ночь взывает,
О пшеничном каравае.

Дразнит снеговым ночлегом,
Засыпает сном и снегом.
Лезет в сердце, лезет в очи,
Машет пугалом из ночи…

Молодого к молодухе,
Свата — к сватье-посидухе
Страх друг к другу прижимает,
Свищет, розвальни качает.

Прижимаются, как дети,
Как голубки на рассвете…
Нету свету, нету следу…
И все едут-едут-едут…

А над ними завируха,
Поползунья, злобедуха
Раскачнулась снежной вехой,
Задыхается от смеха…

1918

Лесное озеро
Перевод Б. Турганова

Спит, окруженное чащей лесною,
Озеро, скрытое в зарослях тины;
Шепчутся тихо осока и аир,
Грустные сказки кустарник бормочет.

Сосны и вязы, дубы и осины
Стали вдоль берега, будто на страже,
Молча кивают зеленой вершиной,
Небу молитву творят потаенно.

Озеро! Озеро! В смутном раздумье
Я подхожу по тропинке заглохшей.
Желтые листья шуршат под ногами,
Щеки царапает иглами хвоя.

Я, одинокий, сажусь под дубами,
Взоры и мысли далёко-далёко…
Тихо над озером, облачно в небе…
Где-то кричат перелетные гуси.

1919

Моя наука
Перевод М. Исаковского

В науку нужда не давала мне ходу,
И книжной премудрости я не постиг,
Язык белорусский и думы народа
От матери знал я — без школ и без книг.

Учителем — с детства, с годов невеселых —

Служил мне простор в белорусском краю.
И всходы на нивах, и говор по селам
Мне в дар приносили науку свою.

И душу мою окрыляло раздолье,
И в небо, под солнце, летела она;
Светилась, сияла, как радуга в поле,
Как радуга в небе, как сказка-весна,

И, пьяная чарами, буйным цветеньем,
Как будто в каком-нибудь сказочном сне,
Шептала о чуде поры предвесенней
И радостной песней лилась в тишине.

И мельницы шум над рекою бурливой,
И грохот, и говор, и всплески реки
Давали мне песенных ритмов извивы,
Давали мне ходы для каждой строки.

Густые березы, что шлях сторожили,
И цепью летящие вдаль журавли
Гармонию стройную в песню вложили,
Мелодию песни без фальши вели.

Зеленые всходы бескрайних просторов,
Цветов на лужайке веселая рать
Для песен моих не жалели узоров,
Учили венками слова завивать.

В напев мой — от шепота спелых колосьев,
От шелеста яблонь, черемух и груш —
Неслыханной музыки эхо лилося,
Сливаясь со стоном обиженных душ.

Шум древнего бора таинственным сказом
О жизни, о счастье мне смутно шептал,

И песню шум-говор захватывал сразу,
Заснувшие думы от сна пробуждал.

А солнце, что в небе безоблачном тонет,
Вливалося в песню лучистым огнем;
А ветер, что травы высокие клонит,
Дал крылья, чтоб песня взлетела орлом.

В той песне могучую силу взрастили
И цеп, и топор, и стальная коса;
Жара и морозы ее закалили,
И песня гремит, словно гром в небесах.

Так я, ни науки, ни школы не зная,
Отыскивал дар свой и долю свою.
Теперь моя дума, как сокол, летает,
Теперь я свободно и гордо пою.

1919

Где ты, хмель мой, зимовал?
Перевод Е. Мозолькова

«Где ты, хмель мой, зимовал,
Что не распускался?
Где ты, сын мой, ночевал,
Что не разувался?»

«Зимовал я в той стране,
Где бураны дули;
Ночевал я на войне,
Где гуляют пули».

* * *

«Где ты, хмель мой, летом цвел,
Что дождя не ведал?
Где ты, сын мой, день провел,
Что и не обедал?»

«Цвел я там, где дни стоят
Знойные, сухие;
Там дневал я, где гудят
Пушки боевые».

* * *

«Ты зачем, мой хмель, терпел
Зной и холод лютый?
Для чего, сынок, летел
С песней на войну ты?»

«Славный жребий выпал мне:
В зной и в стужу злую
Воевал я на войне
За страну родную».

1919

В полет!
Перевод В. Шефнера

Гей, к солнцу, к свободе, крылатое племя,
В полет! Все просторы открыты пред нами.
Взять солнце, как факел, настало нам время

И, крылья раскрыв, пролететь над мирами!

Гей, внуки отважных! Пора устремиться
К высотам, где молнии, тучи и громы,
С надеждою в сердце, как вольные птицы,
Мы к счастью рванемся путем незнакомым!

Гей, вольные птицы, властители песни,
В дорогу! Под стяг красоты и свободы!
Пора нам взлететь в высоту поднебесья —
Пусть огненной песне дивятся народы!

1919

На смерть Степана Булата
Перевод С. Обрадовича

{11}

Задремал ты. Над могилой
Ветер стихнул, пригорюнясь…
Смерть скосила — не спросила…
— Светел сон твой о Коммуне!

Солнце за косы хватая,
Думал думку о Перуне,
Что разбудит силы края…
— Светел сон твой о Коммуне!

Сиротами горевыми
Цеп с косой забыты в клуне, —
Кто ж их на врага подымет?…
— Светел сон твой о Коммуне!

Мир поднялся, встрепенулся…

Верь, свободный ветер дунет
По всей милой Беларуси!
— Светел сон твой о Коммуне!

Расцветая в славе буйной,
Зашумит золотострунный
Край родной одной коммуной!..
— Светел сои твой о Коммуне!

Над могилой ветер бродит,
Цвет колышет вешний, юный.
Солнце всходит и заходит…
— Светел сон твой о Коммуне!

9 августа 1921 г.

А кукушка куковала…
Перевод А. Прокофьева

Как на свет родился Янка,
Как заплакал много-мало,
Пела мать над колыбелью,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Спи, соколик, ку-ку, ку-ку!»

Как подрос, поднялся Янка,
Скот пасти пора настала,
На жалейке все играл он,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Паси стадо! Ку-ку, ку-ку!»

Как подрос, как вырос Янка,
Сеять стал, не уставал он
И за севом пел о доле,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Сей, как можешь! Ку-ку, ку-ку!»

Как ни жал, ни сеял Янка,
Все чего-то не хватало,
Янка сеял — люди жали,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Жать ты будешь, ку-ку, ку-ку!»

Как стал старым-старым Янка,
Как в нем удали не стало,
Баял байки-сказки внукам,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Хватит баять! Ку-ку, ку-ку!»

Как в могилу клали Янку,
Как родня затосковала!
Ах, зачем ты умер, пахарь!
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Спи, соколик! Ку-ку, ку-ку!»

8 сентября 1921 г.

Орлятам
Перевод В. Рождественского

{12}

1

Эй, орлята! Шире крылья!
Взвейтесь выше в битве ярой
Над былым, что спит в могиле,
Над недолей жизни старой!

И в раскатах гроз суровых,
15 ярком блеске молний алых
Для веков сложите новых
Правду мыслей небывалых.

Вам серпы и косы в руки
И мечи из крепкой стали
Дали бури, дали вьюги,
Что тут грозно бушевали.

Тень былого — день проклятый,
Где гуляли кнут с нагайкой...
Вы развеете, орлята,
Юной силой, песней-байкой.

Час уж пробил долгожданный,
Время выйти на свободу,
Выйти смело из тумана
Белорусскому народу.

В новом, дивном хороводе,
В расцветающей свободе,

Без оков, на вольной воле
В мир выходит наша доля.

2

Серп и молот вам, отважным,
Доля даровала,
Чтоб отныне сила в каждом
Богатырской стала,

Чтоб добытую свободу
Все вы уважали,
Чтобы в злую непогоду
Грозным валом встали,

Чтоб шумели и гудели
Вы грозой всесветной,
Не проспали бы в постели
Воли огнецветной.

** * **

Вам отцы и деды дали
Соху с бороною,
Чтобы землю вы пахали
Раннею весною,

Чтоб свою взрыхляли ниву
Долго и упорно,
Чтоб бросали в час счастливый
Золотые зерна,

Чтоб шумела над землею
Нива величаво
Рядом с вашей молодою
Соколиной славой.

* * *

Вам в наследство дали деды
Отбитые косы,
Чтобы вы за солнцем следом
Вышли на покосы,

Чтоб косить не уставали
Лебеду с бурьяном,
Кровь людскую не давали
Отравлять дурманом,

Чтоб звенели ваши косы
Над землею сонной
В час, когда сверкают росы
На траве зеленой.

* * *

Вам даны в наследство песни
Многих поколений,
Чтобы петь еще чудесней
О заре весенней,

Чтоб вы пели грудью полной
В радости и в горе,
Чтоб кипели, словно волны

Штормовые в море,

Чтоб гремел ваш гимн растущий
От поля до поля
И людей, в цепях живущих,
Звал из тьмы на волю.

1923

Две сестры
Перевод Д. Бродского

Как в далекой дали
Две сестрицы росли —
Две забытые в чаще калины;
Животворных криниц
Не было у сестриц,
Обе сохли от тяжкой судьбины.

Как всходила весна,
В чистом поле одна,
В три погибели гнулась, бывало,
А студеной зимой
В хате черной, курной
Пряла леи, и сновала, и ткала.

А другой, что ни год,
Дым фабричный, как крот,
Разъедает веселые очи;
И девичью красу,
Словно солнце росу,
Пьет кирпичный подвал темной ночью.

И от горя и мук

Плечи выгнулись в крюк
У сестрицы у первой в неволе;
Пела знать от нужды,
От великой беды:
Ах ты, женская горькая доля!

А вторая — детей
У чужих у людей
Все качала, в тоске изнывая,
И такой же, сквозь сон,
Слышен был ее стон:
Ах ты, женская доля глухая!

Ой, пришел уже час,
Счастье встало для вас,
Счастья не было прежде, сестрицы,
Голос ваш молодой,
Разлучившись с тоской,
Пусть, как светлый родник, заструится!

Полно, полно скорбеть,
Песни хмурые петь,
Время жить и привольно и ярко,
Песни новые в свет,
Дум пылающих цвет
Кинь, крестьянка,
С сестрой-пролетаркой!

6 октября 1924 г.

За все
Перевод Б. Турганова

За все, что было в жизни,
Что дал мне мой народ:
За уголок в отчизне,
За хлеб-соль без хлопот, —

Я отплатил народу
Всей силою своей:
Звал к свету, на свободу
Из мрака и цепей

И для родимой, бедной,
Измученной земли
Слагал напев победный
Среди могильных плит.

Борясь с бедой-напастью
По имя благ людских,
Не раз писал в несчастье
Я кровью каждый стих.

И этим свою долю
Вносил я — до конца.
А там?… Чего же боле
Хотите от певца?…

1926

Диктатура труда
Перевод Б. Турганова

Князей и пап обычай старый —
Гнилую, лживую культуру —
От полюса и до Сахары
Разрушит наша диктатура.

Мир спекуляций и разбоя,
Мир угнетателей и тюрем
Машинной мощью огневою
Очистит наша диктатура.

Властителей земного шара,
В крови погрязших, в злобе хмурой,
Серпа и молота ударом
Раздавит наша диктатура.

Иные, вечные законы
Для всех людей, в грозе и буре,
Рукой железной, непреклонной,
Напишет наша диктатура.

Жизнь светлую, как светлый гений,
Без горя, без тоски понурой
Для всех веков и поколений
Построит наша диктатура.

1929

Уходящей деревне
Перевод М. Исаковского

Ты, как тяжелый сон тоскливый,
Уходишь дальше с каждым годом.
А твой народ трудолюбивый
На путь становится счастливый,
Разбив оковы злой невзгоды.

Засеет он свои загоны,
Расчистит он свои дубравы,

В одну семью объединенный,
Как будто заново рожденный
Для новой жизни, новой славы.

Былого страшные обломки
Мы по земле развеем прахом.
И не пойдут твои потомки
С пустою нищенской котомкой
Искать приют сибирским шляхом.

Они горбы немых курганов,
Где спят рабы и спят магнаты,
Трудом распашут неустанным, —
И там, под солнцем долгожданным,
Сады раскинутся богато.

Где за поселком лег поселок,
Заводы загудят победно,
И в блеске солнечно-веселом
Электросвет вольется в села
И дым лучин сметет бесследно.

Твоей жалейки стон унылый
Заменит трактор песней новой,
И пахарь твой почует силу
И не пойдет, как раньше было,
С глухой мольбой под крест сосновый.

Твоим немазаным колесам
Автомобиль идет на смену,
А твой косарь русоволосый —
Придет пора — забросит косы,
Косить машиной будет сено.

Не станут девки молодые
Слепить за прялкой ясны очи:

Станки фабричные, стальные
Соткут полотна дорогие
Своим крестьянам и рабочим.

И голос радио свободный
Развеет тьму поверий древних.
И в тон ответит бор дремотный,
Ответит Неман многоводный,
И зашумят поля напевней.

Русалки, лешие отныне
Твоих людей пугать не смогут,
И водяной погибнет в тине,
И солнце ясное раскинет
Лучи у каждого порога.

Над куполами, над крестами
Труба взметнется заводская,
И заглушит она гудками
Звон заунывный над полями,
На труд рабочих собирая.

И будет дальше год от года,
С пути сметая все помехи,
Расти и радость, и свобода,
И сила твоего народа,
Освобожденного навеки.

Исчезнешь ты, как сон тоскливый,
Растаешь, как в лугах туманы.
Смотри: народ трудолюбивый
Уже нашел свой путь счастливый,
Нашел свой край обетованный.

Ноябрь, 1929

Новая осень
Перевод Л. Хаустова

Богатой хозяйкою осень
Полей осмотрела границы.
Справляют дожинки в колхозе
Довольные отдыхом жницы.

Крикливая галочья стая
Над желтою рощей хлопочет.
Цепы на селе заглушая,
С утра молотилка грохочет.

День ото дня тени длиннеют.
Осенние дали просторны.
И в поле распаханном сеют
Пшеницы отборные зерна.

И ветер гуляет суровый
В кустах, в перелесках, на пашне.
Добром наполняется новым
Силосная круглая башня.

Под синим крича небосводом,
В отлет собираются гуси,
И красных обозов подводы
Плывут средь полей Беларуси.

А в небе высоком и ясном
Осеннее солнце сияет.
Справляют под знаменем красным
Колхозники день урожая.

1930

Песня строительству
Перевод А. Чивилихина

Новый, мудрый придет летописец,
Он придет — он давно уж в пути, —
Чтоб, душою правдивой возвысясь,
Все понять, чем по праву гордитесь,
И чудесный рассказ повести.

Он создаст вдохновенную повесть,
Как давали народу закон
Большевистская правда и совесть,
Чтоб вся жизнь, ясным дням уподобясь,
Ночь бесправья забыла, как сон.

Он расскажет, как сомкнутым строем
Пролетарии шли на врагов,
Смело бой принимая за боем,
Как победа досталась героям
В годы бурь, под раскаты громов;

Как взялись перестраивать смело
Мы заводы и души свои,
Как преграды ломали умело,
Хоть кричали враги оголтело,
Что живем мы последние дни;

Как труда горделивые флаги
Мы на стройках в зенит вознесли.
Те, кто гнулись в батрацкой сермяге,
Делом доблести, чести, отваги
Ныне радостный труд нарекли.

Жизнь увидевший взглядом орлиным,
Нашей смене поведает он,

Как вставали на смену руинам
Те дома, где расти исполинам,
Где железо скрепило бетон;

Как ударники, славные ныне,
Соревнуясь в упорстве трудов,
Города возводили в пустыне
И, в леса пробиваясь густые,
Зажигали огни городов;

Как в просторы полей выходили,
Где полоски виднелись вчера,
И уснувшие села будили
К новой жизни — в довольстве и силе,
К новым, радостным дням — трактора;

Как вперед и вперед неуклонно
Смелых партия наша вела, —
Высоко поднимая знамена,
Штурмовать старый мир обреченный
С большевистской отвагой звала.

Новый, мудрый придет летописец,
Он придет — он давно уж в пути, —
Чтоб, душою правдивой возвысясь,
Все понять, чем по праву гордитесь,
И чудесный рассказ повести.

22 ноября 1931 г.

Вперед — неизменно
Перевод М. Исаковского

{13}

Ты слушай-послушай,
Товарищ и брат:
Вперед — неизменно!
Ни шагу — назад!

Гляди: разрастаясь,
Наш вихрь-бурелом
Чрез поле, сквозь чащу
Летит напролом.

Как вихри, машины
Несутся вдали;
По синему морю
Плывут корабли.

В моря и озера,
Смывая всю грязь,
И речки и реки
Текут торопясь.

Летят самолеты
Уверенней птиц,
Не зная в полете
Ни меж, ни границ.

Вперед — неизменно!
Ни шагу — назад!

.....
Вот так, не иначе,
Товарищ и брат.

Декабрь, 1931

Волнуется синее море
Перевод М. Исаковского

Волнуется синее море,
И ветер прохладою дышит,
А мы уплываем в просторы,
А мы улетаем все выше.

Вперед мы идем непреклонно,
Как солнце идет небосводом,
Мы строим мартены и домны,
Возводим гиганты заводы.

Мм строим, и сеем, и пашем
На радость и внукам и дедам,
И празднуем праздники наши,
Зовущие к новым победам.

Пусть лютая ненависть бродит,
Мы сможем ответить на вызов —
Оттуда ль, где солнце восходит,
Оттуда ль, где клонится книзу.

Повсюду, от края до края,
Плывет большевистская песня,
Плывет наша песня большая —
Великих боев буревестник.

1934

В нашем поле
Перевод М. Исаковского

В поле колхозном,
В поле раздольном
Дни пролетают
Весело, вольно.

Дружно работаем
Все мы совместно.
Горькое горе
Нам не известно.

Мы позабыли
Злую тревогу.
Вышли машины
Нам на подмогу.

Сохи забыты, —
Мы не горюем:
Трактором пашем
И боронуем.

Всходит-заходит
Солнце привычно.
Сев и прополка —
Все «на отлично».

Осень приходит —
Мы с урожаем.
Счастье людское
Мы умножаем.

1934

Тем, кого люблю
Перевод С. Городецкого

Я Марусю люблю всех сильнее,
А Марыся еще мне роднее,
А по правде — они наравне,
Одинаково дороги мне.

О судьбе их я складывал песни,
Еще раньше грозы нашей вешней,
И теперь наяву и во сне
Они обе со мною, при мне.

Чуть дымок я увижу фабричный,
Чуть я колос увижу пшеничный, —
Мчатся думы, шумят об одном!
Все о тех, кто мне дорог давно.

Я песок золотой им под ножки
Рассыпал бы на каждой дорожке,
Подстилал бы им солнце в пути,
Чтоб им легче до счастья дойти.

Навсегда свое сердце я отдал
Черноглазой Марусе с завода.
Я бы сплел ей из лилий венок,
Я б одел ее в бархат и шелк!

Навсегда в моем сердце заноза —
Синеглазка Марыся с колхоза.
Я бы сплел ей из лилий венок,
Я б одел ее в бархат и шелк!

1934

Я — колхозница
Перевод М. Исаковского

Я — колхозница
Молодая,
Живу весело,
Бед не зная.

Днем ли, вечером
Мои дети
И накормлены
И одеты.

Утром Настеньку
Приласкаю,
В ясли Настеньку
Отпускаю.

И Данилочка
Мой в порядке,
Он с ребятами
На площадке.

А как выйду я,
Их мамаша,
На колхозное
Поле наше —

Так и стелются
Вслед снопочки.
Песни слышатся
Аж до ночки.

Не тревожуся
Я за деток,
Дорогих моих
Малолеток.

Я — колхозница

Молодая,
Живу весело,
Бед не зная.

15 июля 1934 г.

Мать сыночка провожала
Перевод А. Прокофьева

Мать сыночка провожала
Из колхозной хаты,
Не в чужой край отправляла,
Не девчину сватать.

Провожала и сказала:
«Мой сыночек милый,
У тебя уже немало
И ума и силы.

В свет пойдешь сейчас ты, в люди,
В строй ты вступишь ратный,
Пред тобою, сын мой, будет
Край наш необъятный.

Знать крутых не будешь стежек,
Сытый и одетый, —
Будешь ты беречь надежно
Вольный край Советов.

Там найдешь дорогу в жизни,
Горя не узнаешь,
Сбережет тебя отчизна,
Словно мать родная.

Не царю служить идешь ты,
Не под кнут жандармский, —
Будешь ты служить Советам,
Власти пролетарской».

Мать сыночка провожала
Из хаты колхозной,
Не в чужой край отправляла,
А в строй краснозвездный.

1934

Украина
Перевод А. Прокофьева

{14}

Украина — цвет любимый,
Солнцем осиянный,
А в прошедшем край неволи,
Кандалов, курганов.

Избивали, угнетали
Гетманы, царицы,
И паны твоею кровью
Всласть могли напиться.

Вынесла войны всесветной
Ты большое горе.
Так текла кровь украинцев,
Как течет Днепр в море.

* * *

Украина, цвет мой милый,
Величавой силы
Революция с востока
Тебя разбудила!

Разбудила, а на путь твой
Вышел ворог дикий —
Скоропадские, Петлюры,
Махно и Деникин.

Запылал простор твой ясный,
Всюду встало горе,
Потекла кровь старой стежкой,
Как течет Днепр в море.

* * *

Украина, Украина,
Глянь ты, оглянися:
Как терпела, как вставала,
Как стремилась в выси;

Ясен путь твой, как пшеницы
Золотистый колос,
А людей твоих рабочих
Смел и звонок голос.

По волнам днепровским вольным
В простор синий моря
Плывут гордо пароходы
И не знают горя.

* * *

Украина, тебе ворог
Никакой не страшен, —
Реет равный твой меж равных
Стяг в Союзе нашем!

Как республики все наши,
С долей вольной, ясной
От побед идешь к победам
Ты под стягом красным.

Кто ж посмеет доле светлой
Вновь копать могилу —
Ты в Днепре своем потопишь
Вражескую силу.

16 января 1935 г.

Гости
Перевод С. Городецкого

Ко мне пожаловал колхоз всем миром,
Приветной песней взволновав мой слух.
Сам старшина пришел и бригадиры,
Наставница, доярки и пастух.

С подарками пришли родные гости,
Хозяева воспрянувшей земли.
Пирог пшеничный, мед, цветы, льна горсти
Они к столу с собою принесли.

Мы сели не спеша, друг другу рады,
За стол, где был пирог, и лен, и мед...

За хатой соловей завел рулады,
Гудел над хатой гулкий самолет.

Не видывал такой я чести сроду,
С тех пор как на земле моей живу,
Чтоб хлебом-солью трудовым народом
Почтен был не во сне, а наяву.

Мы разговор неспешно начинали,
И было нам о чем поговорить:
О том, как солнцем нынче светят дали,
О том, как трудно прежде было жить.

Про наши говорили зимы, весны,
Про добрый урожай и трудодни...
За окнами шумели славно сосны,
И пастухи в ночном зажгли огни.

«Сдаем положенное государству,
Дороги исправляем, лес везем.
Живем зажиточно в своем мы царстве,
Как прежде — не трясемся под тряпьем».

Решали: запрудить нам нужно речку,
Чтоб было озеро, чтоб мельница была,
Чтобы в хлева к коровам и овечкам
Вода сама с низин наверх текла.

«Училище у нас — четырехлетка.
Десятилетка нужно чтоб была!
Чтоб нашим умным и счастливым деткам
К учебе вдаль дорожка пролегла».

О многом мы еще поговорили,
А больше все о жизни молодой...
Петух спросонья где-то вздыбил крылья,

На небо вышел месяц золотой.

Взыграла музыка, и все девчата
С ребятами плясали во всю прыть.
Дрожали стены новой звонкой хаты,
Нам было весело — уж что и говорить!

И гости вышли. Тишина настала.
И вдруг так ясно я уразумел:
Моим гостям отваги недостало
Просить, чтоб о колхозе я пропел.

1935

Сдается вчера это было
Перевод М. Исаковского

Сдается, вчера это было:
Как нынче, шумели березы,
Но горькое горе бродило,
Роняя горючие слезы.

О тягостной доле напевы
Неслись по полям и дорогам.
Бесплодными были посевы,
И голод стоял у порога.

Сдается, вчера было это:
Как нынче, шумел бор высокий,
Но только не знал ты рассвета,
Что завтра сверкнет на востоке.

Стоял ты пред будущим свечкой,
Что гаснет, бесследно сгорая.

От деда ко внукам, как речка,
Плыла слепота вековая.

Сдается, вчера это было:
Как нынче, шумел бор зеленый,
Измучены жизнью постылой,
Шагали впотьмах миллионы.

Хотели найти свою долю,
Найти избавленье, как чудо.
Гудела лихая неволя
Тревожным своим перегудом.

* * *

Забурлило сине море
От ветров.
Вышли реки и ручьи
Из берегов.

Разбудило море спящих:
Эй, вставай!
Свой возьми у лиходеев
Каравай.

По земле живой криницей,
Кровь, теки!
Чтобы жили наши дети
По-людски.

Нам с востока веет ветер,
Мчится вдаль.
Вековечное проклятье
Бить не жаль.

И разбили неустанною
Борьбой —
И сегодня вспоминаем
Жаркий бой.

Полыхают наши зори
В высоте.
Нету песен о недоле,
О кнуте.

Зашумели над рекою
Тростники.
Распустился лес зеленый
У реки.

Сон растаял непробудный, —
Путь светлей.
Мы идем победно к солнцу
Новых дней.

1935

Солнцу
Перевод М. Светлова

Ой ты, мое солнце!
Как ты светишь ясно!
Где ж ты было раньше
Надо мной, несчастным?

Как я с малолетства
Радости не ведал,
Как за мной плелися

Беда, горе следом.

Как отца зарыл я
В темную могилу,
Как отца могилу
Паводком размыло.

Как я шел, забытый,
Не зная дороги,
Обивать с поклоном
Барские пороги.

Как я, одинокий,
Бедовал на свете,
Как погибла юность
В самом расцвете…

Ой ты, мое солнце!
Как ты светишь ясно!
Где ж ты было раньше
Надо мной, несчастным?

1935

Вечеринка
Перевод М. Исаковского

Летний вечер солнце гасит,
Вечеринку собирает.
Тут и Петьки, тут и Васи,
Тут и Зоси, тут и Стаси,
И гармонь вовсю играет.

Все пришли с работы жаркой,

Заполняя клуб до края, —
Бригадиры и доярки,
Бригадирши и свинарки,
И гармонь вовсю играет.

То ль старуха, то ль девчина, —
Всех веселье разбирает.
Зина шепчется с Мальвиной,
А Мальвина — с Катериной.
А гармонь вовсю играет.

Захватив для первой пары
Янка — Маньку, Юрка — Раю,
С дробью, с громом, с пылом, с жаром
Сербиянку, польку шпарят,
А гармонь вовсю играет.

1935

Как я молода была…
Перевод М. Исаковского

Как я молода была,
Бедовала много…
От села и до села —
Горе да тревога.

Тесным клином в те года
Свет сошелся белый:
Нет ни сала никогда,
Ни одежды целой.

В поле к пану гонит мать,
А отец в ночное…

Не пришлось мне испытать
Счастья и покоя.

А теперь не так живут
Сыновья и внуки:
Вдоволь все едят и пьют
И не знают муки.

Каждый стал у нас — поверь —
Знатным и богатым.
Всем шелка давай теперь,
Ситец — уж куда там!

Патефоны тут и там,
Радио играет,
Не давали раньше нам
Этакого рая.

Как была я молода,
Много бедовала.
Кроме тяжкого труда,
Ничего не знала.

1935

Извечная песня

Алеся
Перевод М. Исаковского

На заре куковала
Кукушка в Полесье.

Мать ласкала, качала
Дочурку Алесю.

Тьма ложилась ночная,
Сосны глухо шумели,
Песню мать напевала
У родной колыбели:

«Спи, заспи, мой цветочек, —
Пташки все позаснули.
Спи, веселый звоночек,
Люли, люленьки, люли.

Спи, расти без тревоги,
Спи, накапливай силы.
На свои встанешь ноги,
Будешь самой красивой.

Будешь зимней порою
Прясть, наматывать нитки,
Будешь теплой весною
Счастья ждать у калитки».

На заре куковала
Кукушка в Полесье.
Только мать не узнала,
Что будет с Алесей.

Это быль или небыль?
Дочка силы набралась,
Прямо в синее небо
Полетела, помчалась.

Понеслась на машине,
Пронеслась на крылатой
По счастливой краине,

Над родимою хатой.

Миновала дубравы
И речные затоны,
Опустилась на травы
С парашютом зеленым.

И опять над полями
Поднимается выше,
И стальными крылами
Тучи в небе колышет.

Что ни день, в поднебесье
Смотрит мать из оконца:
Не видать ли Алеси
Возле ясного солнца?

На заре куковала
Кукушка над нивой.
Мать не зря тосковала
О доле счастливой.

Июнь, 1935

Лен
Перевод М. Голодного

{15}

Только ринулся в поля
Ранний звон, весенний звон,
Раным-рано вышла я
Золотистый сеять лен.

Небо веяло теплом,

Дождик моросил в тиши.
Шла я, пела над зерном,
Песни пелись от души.

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Как расцвел он, как подрос,
Счастьем душу озарив,
Я полола с ранних рос
До вечерней до зари.

Сердце ныло — отчего б?
Не своя была я вся.
Встретила тогда его,
Бригадира Михася.

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Как отцвел и вдруг смелей
Голову приподнял он,
Поглядела у людей —
Мой не хуже, лучше лен.

За снопами снились сны,
Пелись песни о весне.
Бригадир мой у копны
Улыбался часто мне.

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Как пошла я лен сбирать,
Под ногой скрипел песок.
Бригадир мой обогнать

Захотел меня — не мог.

А валек мой, лясь да лясь,
Словно дятел — так да так.
Подошел ко мне Михась,
Подмигнул забавно так...

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

А как стлала я ленок
На зеленом на лугу,
Попадался Михасек —
Целовала на бегу.

Все от сердца отлегло.
Белый свет — веселый рай,
Хоть и осень, а светло,
Радость льется через край.

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Мяла мялкою я лен,
Вдоль трепалом шла по нем.
Засветился, словно сон,
Лен шелковым волокном.

Луч весенний пробежал
От забора по стене...
Хату новую кончал
Бригадир веселый мне.

Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

1935

Партизаны
Перевод И. Сельвинского

Как ушли во леса партизаны
На заклятого ворога-пана, —
Расступалися долы да взгорья,
Были вехами звезды да зори.

Когда пали на недруга «лавой»,
Березняк зашептался кудрявый…
Когда сели потом, закурили,
Рыжиною костры задымили…

Но когда в партизанском отряде
Меж бойцов оказался предатель,
Гул пошел по болотам зыбучим,
Плыли черные тучи по тучам!

Пепелище… да зольника горсти…
А в золе почерневшие кости…
И дрались бирюки на стоянке,
Подлеца доедая останки.

А как вышла победа над паном, —
Возвращались домой партизаны.
Расступалися долы и взгорья,
Подымалися песни и зори.

1935

На тему критики и самокритики
Перевод С. Городецкого

Мы нынче в критике серьезны
И самокритику мы чтим.
Подходим мы с отвагой грозной,
Но… не к себе, а лишь к другим.

Пылинку видим у соседа, —
Их у него ведь не одна! —
А вот в своем глазу разведать
Не можем даже и бревна.

Без лишних тонкостей, улыбок
У конкурента мы подряд
Так много выищем ошибок,
Что в горло нож вонзить он рад.

Случается, что мы и сами
Себя бичуем иногда,
Но больше блещем похвалами,
Других же хлещем мы всегда.

Для них Парнас недосягаем!
Чуть тронь — загиб или уклон!
Как смачно тех мы подпекаем,
Кто нашей милости лишен!

Вот я — поэт! Я — литератор!
Чудесно мастерство мое!
А он, мол, только агитатор,
Он стенгазетчик — вот и все.

В нас много стареньких заскоков,
Не отучились мы от них!
И часто судим однобоко
И о себе и о других.

* * *

А критик? Часто смотрит мимо,
Не видя выше сапога.
Вчера хвалил, как подхалим, он,
Сегодня, смотришь, обругал.

Не огляделся, влез в трясину…
Дешевый развалился мост.
Глядит, мычит, ломает спину
И влево-вправо крутит хвост.

Глядит. И что же? Ум за разум
Зашел — напишет невпопад.
Не разберет и трезвый сразу,
А сам доволен он и рад.

О критик, грызопер мой бедный!
Его, читатель, пожалей!
Вместить не может в лоб свой медный
Ни принципов он, ни идей!

Как баба над кутьей, гадает.
Над кем? Над чем? Поди узнай!
Кого куда, он сам не знает,
Загнать — в болото или в рай.

Мы мастера, мы инженеры
Сложнейших человечьих душ.
Какой же мерим души мерой?
И почему в писаньях глушь?

Посмотришь, вон бредет фигура.
Черняв он или белобрыс, —
Пойми, какая в нем натура!

В снах о почете он закис!

Ничем не славен он в народе,
Не дал стране он ничего,
И только кур на огороде
Пугает важный вид его.

* * *

Мы инженеры… Что ж не можем
Своих мы перестроить душ?
Лишь вгоним гвоздь иль клин подложим,
А музыка играй нам туш!

Играй мне славу! Я ведь имя!
Пишу я в области любой!
А ты подумал ли, как примет
Твои труды хозяин твой?

Хозяин тот, что сеет зерна,
Что косит, жнет, дает нам хлеб,
Что варит сталь в могучих горнах,
Что расковал тюремный склеп!

О показные вы поэты,
Прозаики и гусляры!
Вас позовет народ к ответу!
Жбан носит воду до поры.

Не спят дороги, жизнь не дремлет,
Шумит над речкой осокорь.
Поет нам солнце — кто мы, где мы?
Блестит, весь в звездах, кругозор.

Идут великих дней потоки,
А мы ни с места — тишь и глушь!
Мы инженеры недр глубоких
Сложнейших человечьих душ!

Идут по свету гулы-шумы,
И те, что сон прогнать могли,
Идут, слагая песни-думы,
Красу и радость всей земли.

Земля под нашим небом новым
Поет про вешний свой расцвет,
Жизнь нам из шелка ткет основу
Счастливой доли и побед.

1937

Генацвале
Перевод В. Гусева

Снег белеет на вершинах,
Льды на скалах засверкали,
Но цветут цветы в долинах,
Вся в цветах ты, генацвале[{16}].

Было любо мне в Цхалтубо,
Воды теплые ласкали.
Как любил я, как голубил
Тебя в думках, генацвале.

Ты улыбками лечила,
Твои взоры чаровали.
Молодые сны будила
Ты, грузинка-генацвале.

Ой, уеду я далеко,
Сердце дрогнет от печали.
Будет грустно, одиноко
Без тебя мне, генацвале.

Будет сниться край прекрасный,
Грузии чудесной дали.
Ты звездой далекой, ясной
Будешь сниться, генацвале.

Элико, очарованье!
Звезды грустно нам мерцали.
«Сулико»[{17}] мне на прощанье
Спой, грузинка-генацвале.

Январь, 1938

Из цикла «На западнобелорусские мотивы»

[{18}]

Вдоволь сыты мы панскою лаской…
Перевод П. Кобзаревского

Вдоволь сыты мы панскою лаской,
Горьких слез напились мы немало.
Что казалось вчера еще сказкой —
Явью, солнцем согретою, стало!

Расплывались по небу туманы,
Гнали ветры засохшие листья,
Соловей, что поет за курганом,
Никогда не певал голосистей.

Шум носился над рожью незрелой,
В городах, в деревнях отзывался,
Беловежская пуща шумела,
Темный лес августовский качался.

Перекличку свою начинали Днепр и
Неман по-дружески с Бугом.
И до Волги родной долетали
Всплески Немана, дальнего друга.

Перед нами за панской заставой,
За столбами с орлами — свободно
Новый день расцветал величавый,
Колыбель доли-воли народной.

Сердце чуяло, слышали уши
Стороны этой звонкое эхо.
Только враг этой вести не слушал,
Упивался недобрым он смехом.

Все мы ждали душой терпеливой,
Как с войны мать ждет сына родного,
Той минуты чудесной, счастливой,
Вести этой великой и новой.

И пришла к нам победа большая
Богатырской стопою с востока,
Кандалы и тюрьму разбивая,
Путь народу открыла широко.

Вдоволь сыты мы панскою лаской,
Горьких слез напились мы немало.
Что казалось вчера еще сказкой —
Явью, солнцем согретою, стало!

Сентябрь, 1939

С новой думой
Перевод А. Твардовского

С новой думой, с песней новой
Выйдешь ты на пашню,
Брат мой, труженик суровый,
Панский раб вчерашний.

По весне зерном отборным
Ты засеешь ниву.
Не свернешь с дороги торной,
Брат мой терпеливый.

Полон новой, гордой силы,
К свету, к счастью выйдешь,
Что вчера во сне не снилось —
Наяву увидишь.

По-хозяйски деловитый,
Будешь сам дивиться,
Как в дому твоем зажиток
Прочно поселится.

Распростишься с думой старой,
Безнадежно грустной,
Будет нынче и в амбарах
И в хлевах — не пусто.

Не ударит пан вельможный,
Как бывало, палкой,
Если вдруг, неосторожный,
Шапки не ломал ты.

Позабудешь ты навеки
Горе, гнет бесстыдный.
Будешь зваться человеком,
А не панским быдлом.

И в своей родной крайне,
Брат мой терпеливый,
Заживешь и ты отныне
Радостно, счастливо.

1939

Белорусским партизанам
Перевод М. Голодного

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

На руинах, на погосте,
На кровавых их следах
Пусть скликает ворон в гости
Воронов считать их кости,
Править тризну на костях.

Пусть у Гитлера-урода
Сердце вороны клюют,
Пусть узнает месть народа
Вурдалакова порода.
Партизан, будь в мести лют!

Враг народу нес мученья,

Резал женщин и детей,
Встал кошмаром-привиденьем
И закрыл кровавой тенью
День наш ясный, лиходей.

* * *

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

Вас зову я на победу,
Пусть вам светят счастьем дни!
Сбейте спесь у людоедов, —
Ваших пуль в лесу отведав,
Потеряют спесь они.

Слышу плач детей в неволе,
Стоны дедов и отцов.
Опаленный колос в поле
На ветру шумит: «Доколе
Мне глядеть на этих псов!»

За сестер, за братьев милых,
За сожженный хлеб и кров
Встаньте вы могучей силой,
В пущах ройте им могилы, —
Смерть за смерть и кровь за кровь!

* * *

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

Вам опора и подмога
Белорусский наш народ.
Не страшит пусть вас тревога —
Партизанская дорога
Вас к победе приведет…

Мы от нечисти очистим
Землю, воды, небеса.
Не увидеть псам-фашистам,
Как цветут под небом чистым
Наши нивы и леса.

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

1941

Снова ждут нас счастье и свобода
Перевод В. Рождественского

Лютует Гитлер оголтелый —
Тесны Германии границы.
Чтоб выйти за ее пределы,
Он кровью мир залить грозится.

Откормлен человечьим мясом
Палач; им попрана свобода,
Грозит он миру смертным часом,
Пьет кровь свободного народа.

На Беларусь мою родную
Он жадным ринулся шакалом,
На ту страну, что, торжествуя,
Свободным счастьем расцветала.

Он режет, вешает невинных,
Он топчет нивы наши, долы,
Кровавым пламенем, скотина,
Сжигает города и села.

Он вытоптал цветы и травы,
Затмил пожаром наши зори,
Ох, отомстит же местью правой
Народ ему за это горе!

Недолго нам терпеть страданья.
Разбойничает он, сжигает,
Но всенародное восстанье
Ему час смерти приближает.

Настал день мести и расплаты,
И поднялися партизаны
Крушить фашистский сброд проклятый,
Давить захватчиков поганых.

И Красной Армии в подмогу
Народ наш, сердцем вняв приказу,
Встал — к счастью проложить дорогу
И сжечь фашистскую заразу…

Пускай увидит враг заклятый

День роковой, жестоко мстящий
За наши выжженные хаты,
За детский труп, в крови лежащий!

Очистим наши лес и поле
От Гитлера орды кровавой
И заживем на вольной воле
В домах, отстроенных на славу.

Преодолев годину злую,
Отстроим все, залечим раны,
Чтоб Белоруссию родную
Свет снова залил несказанный.

Земля покроется дворцами,
Все выйдут в праздничной одежде,
И знамя, пламенное знамя
Над нами расцветет, как прежде.

1942

Поэмы

Никому
Из времен крепостного права
Перевод М. Исаковского

1

Кончена работа,
Солнышко зашло,
И осенний вечер
Прилетел в село.

В тихих избах тени
Черные легли.
Наступило время
Зажигать огни.

Вынимай лучину,
Хату освети,
И начнем, ребята,
Разговор вести.

Я готов поведать,
Рассказать готов
О тяжелой доле
Крепостных годов.

Только — слушать молча,
Не перебивать.
Стихли... Но с чего же
Мне рассказ начать?

2

Удалая думка,
Ты меня неси
По родной сторонке,
По Белой Руси.

Уноси в былое,
Расскажи, как тут
Тягостно и горько
Жил наш бедный люд;

Как входило горе
В тихие дворы,
Как паны справляли
Шумные пиры.

Смерть стучалась в двери,
И не к одному,
Жалобы людские
Были ни к чему…

Пронеслось, минуло
Время-лиходей,
Но навек осталось
В памяти людей.

3

Средь холмов песчаных
И густых лесов
Выросла деревня —
Больше ста дворов.

И в деревне этой,
Да из года в год,
Должен был работать
Каждый на господ.

Пан деревней правит, —
Грозен панский кнут.
Изошел слезами
Беззащитный люд.

Если ты ошибся,
Розгами секут;
Если провинился,
В рекруты сдают.

Батька пашет ниву,
Сын в солдаты взят,
А у пана вечно
Пьянство и разврат.

4

В той деревне дальней,
На беду, на грех,
Выросла девчина,
Да красивей всех.

Выросла Алена,
Девушка-душа.
Ну и полюбила
Крепко Тамаша.

И Тамаш — не против,

И Тамаш был рад,
Ведь его Алена —
Настоящий клад.

Так они любились —
Двое молодых,
Только, видно, счастье
Было не для них.

Лес шумел и плакал,
Предвещал беду.
Ох, не зря Алену
Пан имел в виду!

5

Раз, принарядившись,
Будто на кирмаш[{19}],
Со своей Аленой
К пану шел Тамаш.

В дом вошли и в ноги
Повалились враз:
«Разреши венчаться,
Осчастливь ты нас!»

Пан сказал: «Венчайтесь, —
Вам давно пора…
Но когда же свадьба?»
«Свадьба — на Петра[{20}]».

Весело с невестой
Шел Тамаш домой, —

Пан такой хороший,
Добрый пан такой!

Шли они, не чуя
Ни тоски, ни бед.
А за ними мчалось
Злое лихо вслед.

6

Шум, и гам, и крики
Средь высоких зал:
Пан собрал магнатов,
Пан устроил бал.

Дорогие яства
На столе горой,
Дорогие вина
Потекли рекой.

Спьяну забавляться
Стали господа
Так, что даже жены
Скрылись от стыда.

Это лишь и нужно!
Все кругом пьяны.
«Девок! Дайте девок!» —
Требуют паны.

И хозяин хочет
Угодить гостям.
Погулять с девчиной

Он не прочь и сам...

7

Стали молодые
Мужем и женой,
Ехали из церкви,
Ехали домой.

Он глядел в глаза ей,
О любви шептал,
У нее румянец
На лице играл.

Но, как видно, счастья
Нет для молодых.
Скверные приметы
Поджидали их:

Пересек дорогу
Заяц раз и два,
Ворон закружился,
Гукнула сова.

И друг к другу в страхе
Молодые льнут.
Если бы не знать им
Тягостных минут!

8

Над деревней звезды
Ясные встают.
Ближе, ближе, ближе
Бубенцы поют.

Едут поезжане —
Пыль из-под колес…
Сходят молодые
На белый помост.

Вышли молодые
Под руку вдвоем.
Устлана дорога
В хату полотном.

Стали возле входа
И отец и мать,
Чтобы хлебом-солью
Молодых встречать.

Музыка играет —
Аж трясется пол.
И садятся гости
За широкий стол.

9

Села молодая,
Рядом молодой.
По бокам родные
Тесной чередой.

Пьют, едят, гуторят —
Никаких забот.

Заиграла скрипка,
Танцевать зовет.

Весела невеста,
Радостен жених,
И глаза, как солнце,
Светятся у них.

Вдруг — беда!.. Ватага
Панских гайдуков
Ворвалася в хату,
Словно сто волков.

«Где, — кричат, — Алена?
Выходи вперед!
На свою пирушку
Пан ее зовет!»

10

Гости онемели,
Речь оборвалась,
Ой, не миновала
Черная напасть!

Знали, что с молодкой
Делать будет пан.
Знали — он распутный,
Знали — он тиран.

Побледнел и страшно
Задрожал Тамаш.
Что ж это такое?
Неужель шабаш?

Для того ль Алену
В жены взял теперь,
Чтоб над ней глумился
Сластолюбец-зверь?

Как стерпеть напасти,
Как снести позор?
И Тамаш несчастный
Выхватил топор.

11

«Эй вы, слуги пана, —
Закричал Тамаш, —
Подлые людишки,
Как хозяин ваш!

Понапрасну, шельмы,
Вы явились к нам:
Я не дам Алены,
На позор не дам!

Пусть сгнию в остроге
Иль в яру на дне,
Не видать Алены
Ни ему, ни мне!»

И в одно мгновенье,
Глазом лишь моргнуть,
Сталь вошла с размаху
В молодую грудь.

Рухнула Алена,

Сгибла красота,
И лежит Алена,
Кровью залита.

12

Так окончен праздник
Молодой четы,
Тихое кладбище,
Серые кресты.

Над могилой ранней
С тех глухих времен
Поднялася липа,
С нею рядом — клен.

В зиму клен и липу
Застилает снег;
И мороз находит
Там себе ночлег.

Летом клен и липа
Зеленью шумят,
Солнышку и ветру
Что-то говорят.

Люди к ним приходят
Раннею весной.
Люди их прозвали
Мужем и женой.

13

Много лет промчалось,
Много лет прошло,
Многое травою
Дикой заросло.

Но преданья жили,
Шли из года в год,
О неправде черной,
Что терпел народ.

Шли от дедов к внукам,
От отцов — к сынам,
И от них в наследство
Достаются нам.

И вот этот случай,
Случай страшных лет,
Рассказал мне как-то
Седовласый дед.

Вы узнать хотите —
Что же с Тамашом,
Как он жил на свете
И к чему пришел?

14

В кандалы беднягу
Заковали враз.
В рудниках сибирских
Каторжник угас.

Не увидел больше
Родины своей.

Умер возле тачки
Он под звон цепей.

Ну, а пану что же?
Как и всякий пан,
Властвовал в округе,
Был и сыт и пьян.

Когда ж отменили
Крепостной закон,
Видимо, от злости
Удавился он.

Опустели залы,
Только, говорят,
Призраки в них бродят,
Словно мстить хотят.

1906

Зимой
Перевод М. Комиссаровой

Колядная ночка весь мир покрывает,
Над белой от снега землею бредет;
Метелица в поле гудит, завывает,
И ветер спокойно заснуть не дает.

Он воет в трубе и затихнуть не хочет, —
Звучит его песня могильной тоской;
То стонет, то плачет, то дико хохочет,
Как будто смеется над долей людской.

Дорожки и стежки метель заметает,

Невесть где болото, где пашня, где лог;
И где-то с метелицей в лад завывает,
Бредет за поживою из лесу волк.

И синее небо от звезд не светлеет,
И месяц исчез за метельною мглой,
Нахмурилась ночь, и мороз не слабеет,
Снег сыплет и сыплет, как белой золой.

Прохожему горе такою порою,
С дороги собьется, тропы не найдет,
Легко ему здесь поплатиться душою —
Метелью засыплет, зверье разорвет.

Но кто это ночью, метельной такою,
Лишился покоя и полем идет,
Идет, опираясь на палку рукою,
И сзади и спереди ношу несет?

Но кто это, хату покинув, шагает
В такое ненастье ночною порой?
Как жутко на сердце, душа замирает:
Крестьянка с младенцем плетется домой.

История старая: бедная Ганна
На хлеб заработать в поместье пошла,
Нуждою и горем гонимая рано
От хаты своей, от родного угла.

Семнадцатый год шел Ганнусе пригожей,
Ей только б теперь припеваючи жить,
Гулять, и работать, и даже, быть может,
Кого-то любить, чтоб вовек не забыть.

На зависть подругам своим, на досаду,
Красавицей девушка эта слыла,

Но вот красота отняла и отраду
И радость навек у нее отняла.

О молодость, молодость! Сколько с собою
Ты горьких ошибок приносишь подчас.
Ты сердце волнуешь, играешь душою,
Ты путаешь мысли и чувства у нас.

И я побеждал то, что жить мне мешало,
Я тоже надеялся, тоже мечтал, —
Ты ж, молодость, злою мне мачехой стала…
Да что говорить! Я тебя и не знал!

Смотрела Ганнуся на свет этот божий
И верила людям неверным она;
Была эта девушка очень похожа
На тех, что в деревне встречались и нам.

Слуг разных в поместье немало найдется —
И добрых и честных, но встретишь и злых.
Тимох лучше всех, и за ним не ведется
Поступков, которые есть у иных.

Пригожая девушка, парень пригожий —
Два любящих сердца людей молодых,
Забудут они даже свет этот божий,
Как кровь молодая взыграет у них.

Кто в юные годы любви не изведал,
Хотя бы на миг ее не повстречал?
Кто милой о чувстве своем не поведал
И ей в тишине обо всем не сказал?

И ровня и пара Ганнуся с Тимохом.
Беднячка она, да и он не богат.
Любили друг друга, жениться б не плохо, —

Но счастье прошло мимо рук, словно клад.

И парня-беднягу угнали далеко,
Забрили в солдаты — его ты не жди!
И Ганна осталась совсем одинокой,
А доля ее — хоть на свет не гляди.

Сегодня, в такую-то стужу, плетется
С несчастьем своим и с отрадой своей,
Хоть воет метель и хоть дико смеется,
Как люди чужие, хохочет над ней.

Идет и идет. Снег все падает с неба,
И плачет ребенок. Ночь, жутко… беда.
В котомке краюха промерзшего хлеба,
Фунт сала, что дали за труд: коляда.

Идет по сугробам, по снежной дороге, —
Как путь этот трудный ее истомил, —
А ветер холодный и руки и ноги
Давно заморозил и заледенил.

* * *

Лежит среди поля широкого
В постели пуховой из снега, —
С ребенком усни, одинокая,
Не встретить вам лучше ночлега.

Не бойтесь, от ветра и холода
Метелица снегом укроет,
Затянет вам песню протяжную,
И волк с нею вместе завоет.

Но посвисты вихрей могильные
И жалоба волчья над бором
Пускай не пугают вас, бедные,
Печальным своим приговором.

И небо такое ненастное
Пускай не страшит темнотою,
И ваша судьба горемычная
Пускай вам не кажется злою.

Иль хаты встречали вас ласковей,
Чем это вот снежное поле?
Скажи мне, жена ты безмужняя,
Была ли светлей твоя доля?

Жила ль с тобой молодость ясная,
Что песни веселые пела,
Могли ли жалеть люди добрые?
Что люди? Какое им дело?

Подумай, моя горемычная,
Я в песню сложу твои думы,
С тобою споем мы протяжную,
Споем под метельные шумы.

* * *

Всю жизнь обездоленный стонет,
Дней лучших ему не видать,
Царь-голод несчастного гонит
Кровавого хлеба искать.

И хату спешит он оставить, —
Да вряд ли имел он ее, —

От бедности хочет избавить
Свое горевое житье.

И вот уж бедняк богачами
Затравлен, кругом обойден,
Он днями идет и ночами,
С дороги сбивается он.

Он в сети легко попадает,
Что недруг расставил тайком.
Богатый беднягу лишает
Всей силы, как есть, целиком.

Заплатит жестокой обидой
За кровь, за мозоли, за труд,
Медяк ему даст он для вида:
Работал, мол, ты не за кнут.

Всю силу возьмет понемногу,
Признает негодным к труду,
Погонит тернистой дорогой
На горе ему, на беду.

Утратит бедняк несчастливый
Здоровья и силы расцвет,
Пойдет через бор, через нивы
С бедняцкой котомкою в свет.

* * *

Ты, видно, уж дремлешь, девчина!
Не спи, мы еще пропоем!
Эй, что там, калина-малина!..
Нам петь будет легче вдвоем.

Ты песнею будешь довольна,
В ней горькое горе твое,
Ну, слушай, хоть сердцу и больно,
С твоей моя доля поет!

* * *

Ты помнишь, Ганнуся, как матушка в лапти
Впервые тебя обрядила,
Как ты подрастала и жесткую, грубую
Рубашку на теле носила?

Ты, в поле трудясь, голодала и плакала,
Ты вдоволь не видела хлеба,
На пастьбу гоняла ты стадо крестьянское,
Не видела милости неба.

Томил тебя зной, ты, одетая в рубище,
Слезой обливалась кровавой.
А осень студила ненастьем безжалостно,
Ты зябла в одежде дырявой.

И шла ли ты в поле широкое, вольное,
И шла ли обратно ты с поля,
Никто не встречал тебя лаской приветливой —
Ни свой, ни чужой и не доля.

Ты выросла, стала пригожею девушкой,
Но жизнь тебе горькую дали,
Семья твоя бедной была, обездоленной, —
И в люди тебя отослали.

Послали на хлеб тебя черствый и горестный,

Бездомной по людям ходила,
Не зная заботы и ласки родительской,
Навек ты себя погубила.

Все смотрят теперь на тебя, на заблудшую,
И все над тобою смеются,
И кровью все сердце твое обливается,
И слезы из глаз твоих льются.

Еда не мила тебе вовсе хозяйская,
Кусок, этот считанный каждый,
А в зыбке от крика дитя надрывается,
Наследник твой плачет сермяжный.

Ни мать, ни отца этим ты не утешила,
С ребенком ты лишняя в хате,
С работы тебя рассчитали, уволили
И отняли хлеб у дитяти.

Что ждет тебя нынче, жена ты безмужняя?
На свет ты сквозь слезы лишь глянешь.
Ты больше венка не наденешь девичьего,
На место невесты не сядешь.

Теперь навсегда твоя молодость сломлена,
Она темной ночи тоскливей, —
На этой дороге, в такую метелицу,
Пожалуй, ты будешь счастливей.

Метель, как ребенка, пушистою белою
Пеленкой тебя спеленала,
Внизу постелила и сверху закутала, —
Ты лучших ночлегов не знала.

Не знала, не правда ль? Как сладко сегодня ты
С ребенком уснула, не дышишь.

Спи! Песни, пропетой тебе, моя бедная,
Ты больше теперь не услышишь.

Усни ты, пока еще солнышко красное
Не вышло гулять над землею.
А может, заснешь навсегда, горемычная,
Чтоб век не бороться с судьбою.

Курган

* * *

Вечно не может мучить метелица,
Вечно не может ночь нависать,
Зимнее небо солнцем засветится,

Ветер немеет, туч не видать.

Искрится белое поле холодное,
Бор говорливый тихо стоит.
Дикая песня волчья голодная
Больше над полем уже не гудит.

Радостно всходит утро пригожее,
Светит над белой от снега землей,
Тихо сияют дали погожие,
Будто и не было бури ночной.

Гомон и скрип из деревни доносятся,
Солнышко всех разбудило и тут,
Дым, поднимаясь над крышами, клонится, —
Знак, что под ними люди живут.

Люди проснулись, из хат выбираются,
День коляды они встретить хотят.
Пар изо рта на мороз вырывается,
В инее брови, щеки горят.

Заняты бабы работою важною —
Все сковородники в дело идут;
Ждут и заботы и хлопоты каждую —
Праздник сегодня — блины пекут.

Ганнина мать встала ранью рассветною,
Мужа и дочку ждет на блинки,
Дров принесла она в хату бедную,
Печь затопила — ставит горшки.

В сотый уж раз она, может, с тревогою
В окна смотрела из хаты на двор:
Уж не беда ли случилась дорогою —
Что-то не едет с Ганной Егор.

Утром вчера он в дорогу отправился,
Думал вернуться к ночи домой,
С тощей лошадкой, наверно, намаялся
В поле такой непогожей порой.

Что за причина, что так задержался?
Трудно понять ей, как ни тужи:
Может, в сугробах где заплутался,
Может, заехал к родне в Рубежи.

Скрипнули сани… В окна морозные
Старая смотрит с тревогой на двор,
Смотрит, глаза напрягая слезные,
Видит — в ворота въезжает Егор.

«Где же, где Ганна?» — мать убивается.
«Разве и дома ее еще нет?»
И у обоих сердце сжимается,
И помутился в глазах белый свет.

Ганна в то время другою дорогою
Шла, когда ехал за нею отец.
«Думал, что дома, — сказал он с тревогою. —
«Нет ее. Где ж она, где наконец?»

Ищут напрасно в селе, у околицы,
В церковь идут, чтоб на свечку подать.
Стонет старик, а старуха все молится, —
Ганны не видно, нигде не слыхать.

С тех самых пор, как беда приключилася,
Стало поверье в народе ходить:
Если столбушкой метель закружилася,
Небо бедой начинает грозить,

Поздней порой у леска недалекого
Призрак увидишь — охватит страх,
Выбраться хочет из снега глубокого,
Ищет дорогу с ношей в руках.

Кто ни идет, кто ни едет — пугается,
Встретить такое путник не рад,
Полураздетый призрак шатается,
Косы растрепаны, очи горят.

Вырвана грудь до костей, и ужасная
Рана зияет, страх наводя.
Кровь из нее льется красная-красная,
Руки к груди прижимают дитя.

Жалобно стонет, песню печальную,
Страшную песню слезно поет, —
Слышат такую песню прощальную
В час, когда смерть к изголовью придет.

Песню о тех, что с миром разлучены,
И о потерянном в жизни пути,
Песню о матери бедной, замученной —
Молит ее обогреть, подвезти.

Крестятся люди, каждый пугается.
Страшное место обходит скорей,
Снова виденье в лес удаляется
С песней, с котомкой, с ношей своей.

В памяти это преданье далекое
В селах и ныне еще берегут:
В чаще сосновой яму глубокую
«Ганниным яром» люди зовут.

Эпилог

Скажет мне добрый читатель с досадою:
«Снова ты грустную песню поешь.
Ею ты сердце нам не порадуешь, —
Может, иную нам в дар принесешь?

Чтоб вместо снега над нашею нивою
Видели мы ликованье весны,
Видели Ганну живую, счастливую,
Чтобы ей снились веселые сны».

Знаю, друзья, вы неласково встретили
Полную горечи песню мою,
Вашу недолю беру я в свидетели,
Ею я мысль подтверждаю свою.

Дайте мне лето, где б землю печальную
Буря не била, не гнула людей,
Дайте мне хату, хотя бы случайную,
С вечно живущей радостью в ней.

Ночь опустилась тенями могильными,
Гибнет и старый и малый, — смотри —
Слабые гибнут, обижены сильными,
Стонут, горюют с зари до зари.

Цепи да казни, злоба звериная, —
Кто только в жизни их не терпел, —
А человека, считая скотиною,
И пожалеть никто не хотел.

К вечным страданьям горем приученный
Бедный не видит невзгоды своей,
Если ж порою и плачет, измученный, —

Ты хоть, читатель, его пожалей.

1906

Извечная песня
В 12 картинах
Перевод М. Исаковского

Картины

I. Крестины. VII. Покос и жниво.
II. На службе. VIII. Осень.
III. Свадьба. IX. Праздник.
IV. Весна. X. Зима.
V. За сохою. XI. Похороны.
VI. Лето. XII. На кладбище.

I. Крестины

Деревенская бедная хата. Ночь. Все спят. В осиновом корыте, завернутое в холщовые пеленки, лежит дитя. Над ним появляются тени и поют.

Жизнь

Всесильной рукою творенья
Даю ему жизнь и стремленья,

Все земли, леса, и моря,
И душу даю ему я.

В руках своих будет иметь он,
Что водится только на свете;

Всех сильных он будет сильней,
Всех мудрых он будет мудрей.

И реки, и долы, и горы
Внимать ему будут покорно;

Там высушит топи болот,
Там сроет, там насыпь взметнет.

Он вырубит пущи седые,
Распашет поля молодые,

Он выстроит богу чертог,
Себе же — тюрьму и острог.

Так будет он долгие годы
Царем, властелином природы.

И царь этот будет весь век
Названье носить — человек.

Доля

А я ему песню по праву
Спою про богатство и славу,

О радости светлой спою,
О солнце в счастливом краю.

И, песню услышав такую,
Не раз он вздохнет, затоскует,

И, счастья не в силах поймать,
Он будет меня проклинать.

И станет гоняться за мною
Он мыслями, сердцем, душою.

А я пропою, убегу
То ль в поле, то ль в лес, то ль в реку,

И будет он жить и молиться,
Своей незадачей хвалиться,

Покамест не смолкнет навек
Владыка земли — человек.

Беда

Вот тут моя сила и воля —
Ему уж не вырваться боле.

И летом и снежной зимой
Он будет повсюду со мной.

Напрасно меня будет гнать он, —
Я буду с ним в поле и в хате.

И так он сживется со мной,
Что стану его я душой.

Взвалю ему ношу большую,
В лозовые лапти обую.

И жить ему станет невмочь,
И день ему будет как ночь.

Голод и холод
(вместе)

Мы будем ходить за ним вместе,
Бросать его в дрожь и в болезни

И душу и хату трясти,
Извечные сказки плести.

Пусть знает он — силен и молод, —
Как страшен и холод и голод;

И рухнет в могильный песок
От стужи, за черствый кусок.

Хор

Мы, кровь со слезами мешая,
Крестины его совершаем.

Пусть будет ни мал, ни велик,
Пусть носит он имя: Мужик.

Дитя плачет. Тени разбегаются и исчезают.

II. На службе

Помещичье поле. Недалеко лес. День хмурый; моросит дождь. Пасется скотина; возле нее маленький **пастушок.** Одежда на нем рваная. Босой. В озябших руках он держит трубку из бересты. На дороге, идущей из леса, показывается женщина — **мать** пастушка.

Пастушок

Я у матери когда-то
Жил иль нет?
Горе выгнало из хаты
В белый свет.

Всяк толкает, всяк ругает —
Свой, не свой.
Ой ты, служба — жизнь лихая!
Боже мой!

Ой ты, доля, ой вы, слезы,
Тяжкий труд.
Люди дали до морозов
Мне приют.

Хлеб несут и смотрят строго, —
Знай, мол, честь;
Не съедай, мол, слишком много…
Есть?… Не есть?

Волк завоет за горою
В тишине…
Ой, ни ласки, ни покоя
Нету мне.

Мать
(подходя)

Что не весел, мой орленок,
Мой птенец?
Братья шлют тебе поклоны,
Шлет отец.

Говори же, сын мой кровный,
Мой родной, —
Как работа, как здоровье,
Как с едой?

С чем поутру провожают,
Что дают?
Может статься, обижают,
Может, бьют?

Ой, когда ж тот праздник будет,
Та пора,
Чтоб не шел ты больше в люди
Со двора?

Пастушок

Как живет за летом лето
Кровный твой,
Ты спроси у птицы этой
Полевой.

Разузнай у тучи мглистой,
Полной слез;
У цветка, у трав душистых
И у лоз.

И у груши среди поля,
У ручья:
Им видна моя недоля,
Жизнь моя.

Мать

Их расспрашивать не надо,
Сокол мой:
Для меня у них отрады
Никакой.

Родила тебя, растила,
Как могла…
Что ж теперь я получила?
Что нашла?

Пастушок

Что напрасно сокрушаться?
Что тужить?
Дай мне только сил набраться,
Будем жить!

Вечереет. Пастушок гонит скотину домой. Мать, всхлипывая, идет за ним.

III. Свадьба

Хата жениха. Много народу. На столе водка и всевозможная еда. За столом сидят на скамейках **сват, сватья, молодые, дружки и поезжане.** Все — веселые. Музыка, гулянье.

Сват

Вот где, братцы, разгуляться!
Вот потеху развели!
Поднимайся, не стесняйся!
Эй, в присядочку пошли!

Ходят чарки, пышут шкварки, —
Разговоры, шум и крик.
Вот где весело сегодня,
Где беду забыл мужик!

Всюду шумно, всюду людно,
Словно сходка иль кирмаш,
Здесь Марыся, Даминися,
Юрка, Савка и Тамаш.

Пальцы гибки, и на скрипке
Жарит, шпарит наш Авлас.
Бьет проворно и задорно
В звонкий бубен Апанас.

Трилли! Трилли! Вот кадриль вам,
Вот лявониха пошла.
Валят просто, словно с моста,
Ой, веселые дела!

Сватья

Вот забава! Честь и слава
Нашей паре молодой!
И достатком и порядком —
Всем доволен люд честной.

Всюду густо, все-то вкусно,
Хоть ты рот не закрывай.
Сыру, сала — до отвала!
А пирог! А каравай!

Девок наших нету краше —
Как заря у них лицо.
А ребята — тороваты,

Молодцы из молодцов.

Так не ели, так не пели,
Не гуляли так давно.
Ну-ка, спляшем-раздокажем!
Вот веселье! Вот оно!

Молодой

Тем, кто весел, хоть и в горе, —
Наша слава, наша честь!
Чем богаты, тем и рады, —
Будем пить и будем есть!
(Обращаясь к молодой.)
Ты, сестрица, брось журиться,
Прочь печаль свою пошли,
Ешь, лебедка, выпей водки,
Душу песней весели!

Час настанет, гости встанут, —
Всяк пойдет к себе домой.
По-другому, по-иному
Заживем тогда с тобой.

Молодая

Гуляй, милый, сколько силы!
Грусть-тоска моя пройдет,
Слезы брызжут, — я ведь вижу
Дом чужой, чужой народ.

Не родные здесь — чужие
Мать, отец и вся семья.
Что за люди? Что-то будет?

Что-то в жизни встречу я?

Хор

Редки смехи да потехи,
Часто горе входит в дом!
Громче бубен! Всё забудем!
Веселитесь все кругом!

Сват вылезает из-за стола и пляшет лявониху вместе со сватьей; за ним молодая и молодой и все гости.

IV. Весна

Раннее утро. Деревенская хата; вид ее бедный, безрадостный. Через маленькое оконце пробивается бледный свет. Полумрак. **Мужик** сидит на полатях, свесив ноги, курит трубку и напряженно думает. Входит **Весна.** На голове у нее венок из подснежников и куреслепов, в руках разорванная цепь.

Весна
(задорно, тоненьким голосом)

Как здоров, мужичок?
В гости в дом твой иду.
Живо вилами в бок
Бей нужду и беду!

Хватит зимнего сна!
Выходи из жилья.
Где соха, борона?

Где севалка твоя?

Уж просохли поля,
И луга зеленей.
Призывает земля.
На работу людей.

Слышишь, речки бурлят
И в просторы бегут.
Буйно рощи шумят,
Звонко птицы поют.

Да и солнце, гляди,
Ярко светит с утра.
Так иди же! Иди!
На работу пора!

Мужик
(поминутно вздыхая)

Я готов, я иду,
Ясна пани Весна,
Только нет, на беду,
У меня ни зерна.

Посмотри в закрома:
Все, что Осень дала,
Лиходейка Зима
Без метлы подмела.

Пуст чулан мой и ток,
Сам без хлеба живу:
Ведь последний мешок
Я смолол к рождеству.

И посеял бы я,
Только где ж семена?...
Ой ты, доля моя!
Ой, Весна, ой, Весна!

Весна

Что бормочешь ты там?
Надо в поле идти.
Я совет тебе дам,
Как беду провести.

Пуст и ток и чулан, —
Что же думать-гадать?
Значит, нужно семян
В магазине{21} достать.

Много ты не проси:
Твой загон не богат;
Пуда три принеси, —
Будет все в аккурат.

Мужик

Мой сердечный поклон
За хороший совет.
Но известен мне он
С незапамятных лет.

Знаю я магазин,
Только с ним каждый год
Результат все один:
Недород, недород.

Весна

Бог с тобой! Я иду,
Чтоб дать Лету наказ.
Знай одно: я в году
Не бываю двух раз.
(Исчезает.)

Мужик слезает с полатей, снимает с колышка хомут и дугу и выходит из хаты. В окошко приветливо светит солнце.

V. За сохою

Поле. Ясное небо. Недалеко, в соседней роще, кукует кукушка. **Мужик** пашет. Низкорослая и худая лошадь поминутно останавливается. Высоко в небе поют жаворонки. По большаку, приближаясь, идет **прохожий.**

Пахарь
(шагая за сохой)

Гей же бороздою,
Конь мой черногривый!
Гей же за сохою,
Пахарь несчастливый!

Экое раздолье!
Не окинешь взором.
Вспашем наше поле
Мы с тобою скоро.

Полной горстью смело

Разбросаем зерна,
Чтоб зазеленела
Ширь поляны черной.

И проедут люди,
И пройдут по шляху, —
Всяк дивиться будет,
Что тут сделал пахарь.

Гей же бороздою,
Конь мой черногривый!
Гей же за сохою,
Пахарь несчастливый!

Прохожий
(приближаясь)

С верой в дни иные,
С песнею весенней
Всяк поля родные
Вспашет и засеет!

Дождь ли поливает,
Буря ль плачет, воет,
Не переставая,
Птицы гнезда строят.

Никогда не знает
Труженик заране,
Чем земля отплатит
За его старанье.

С песнею весенней,
С верой в дни иные
Вспашет и засеет

Полосы родные.

Пахарь
(как бы про себя)

Лемехи — тупые,
Конь идти не хочет.
Руки — как чужие,
Пыль забила очи.

Боль в спине, ломота —
Сила, знать, пропала.
И с обедом что-то
Женка запоздала.

Стой же, стой, лошадка!
Покурю я малость.
Может, легче станет,
Как пройдет усталость.

Прохожий
(проходя мимо, кланяется)

Помоги вам боже
Силою своею!
Вспахано пригоже,
Осталось посеять.

Знать, живешь счастливо:
Хата есть и поле...
Где ж мой дом? Где нива?
Доля ж моя, доля!

(Идет дальше.)

Пахарь

Он идет и плачет,
Я порою — тоже…
Где же, где удача?
Где она, прохожий?

(Распрягает коня.)

Жена приносит обед.

VI. Лето

Поле. Вдали, по краям его, чернеют леса. На меже под дикой грушей сидит, задумавшись, **мужик**; напротив него **Весна,** а вдали — большак и помещичья усадьба, окруженная садами. Налево — залитый паводком сенокос; направо — засеянные полоски; яровые посевы покрывает сурепка; озимые, побитые градом, также наполовину с сорными травами. На небе с востока поднимается туча, слышен гром. К мужику подходит **Лето,** неся в одной руке серп, а в другой косу.

Лето

Что задумался так, мужичок?
Погляди хоть чуть-чуть веселей!
Вот коса, молоток и брусок,
Вот и серп для хозяйки твоей.

Травы выросли — нечего ждать!
И хлеба созревают как раз.

Ты косить собирайся и жать, —
День петров не напрасно у нас.

Час настал — не валяться в избе...
И коль вздумаешь силы жалеть,
Всё зимою припомнят тебе
И сарай запустевший, и клеть;

И припомнит голодный твой скот,
И семья не забудет твоя.
И пурга зашумит, запоет,
Хоть умри: ни пути, ни житья!

На! Бери, что тебе я даю,
И скорей на работу иди.
Собирай в поле жатву свою,
Тяжкий труд до конца доводи.

Мужик
(растерянно озираясь)

Что? Куда ты велишь мне идти,
Лето ясное, жать и косить?
Речь такую нетрудно вести,
А попробуй взаправду пожить!

Свой лужок я подчистил весной;
Сеял — брал семена под заклад;
Ныне ж, глянь! Луг мой залит водой,
А колосья — пустые торчат.

Ел, не ел я, одет, не одет,
Делал все, как у добрых людей;
Знает силу мою белый свет,
Только кто ж я на ниве своей?

Не поднимется с горя рука,
Опостылело это житье.
Эх ты, доля, — беда мужика!
Ой ты, ясное Лето мое!

Лето

И не стыдно ль тебе, — что ни год, —
Хоть и крепок, как дуб вековой,
Говорить про нужду, недород
И клониться увядшей травой?

Стоном ты не прогонишь беду,
Слез твоих не боится нужда,
Счастье ходит однажды в году
По полям, да и то не всегда.

Так не жди ж, не сиди, не зевай,
Не дремли, как под лавкой топор.
Поскорее свой хлеб убирай
И — в поденщики к пану на двор.

Мужик

Панский двор мне известен давно,
Там всю жизнь я работал не впрок,
И всегда выходило одно,
Что пуста моя хата и ток.

Вышибала мне барщина дух,
Думал: воля даст счастье и хлеб.
Вышла воля. А глянешь вокруг —

Как и прежде, я беден и слеп.

Лето

Ну, поехал же, братец ты мой...
Видно, толку не будет у нас.
На-ка серп со стальною косой!
Иду Осени дать я наказ.

(Бросает косу и серп под ноги мужику и уходит.)

Мужик точит косу, пробует ее на меже и, миновав деревню, идет на панский двор. Буря поднимается не на шутку. Сверкает молния, все сильней и сильней гремит гром. Полил дождь, посыпался град.

VII. Покос и жниво

Луг и поле, рядом груша. Жара стоит невыносимая. Расстегнув ворот, **мужик** косит. **Жена,** в одной рубашке, жнет. Возле нее на козлах, завешанных холстиной, висит в люльке **ребенок; двое других** ползают вслед за матерью.

Мужик
(обтирая пот руками)

Эх, работушка
Неизбытная!
Эх, коса моя,
Потом мытая!

А когда ж с тобой,
Да с блестящею,
Жизнь пойдем искать
Настоящую!

Век звенит коса
Закаленная,
Век течет слеза,
Да соленая.

Где-то вихрь гудит,
Лес качается,
Там поет косарь,
Потешается.

Здесь же — долюшка
Неизбытная.
Эх, коса, коса,
Потом мытая!

Жена
(перевязывает ногу, пораненную жнивьем)

Не пали огнем,
Красно солнышко,
Не коли мне ног
Ты, соломушка!

Трудно спину гнуть
Утомленную,
Трудно ниву жать
Поврежденную.

Тучным колосом
Не похвалишься,

Только потом вся
Обливаешься.

Бог везде гостил
С доброй ласкою,
Только, знать, забыл
Рожь крестьянскую.

Мужик

Уж рука моя
Утомилася
И коса моя
Затупилася.

Отобью ее
Молотком стальным,
Наточу ее
Оселком своим;

Снова в ход пущу!
С песней слезною!
Вновь пусть видит свет
Силу грозную!

Жена
(вытаскивая занозу из пальца)

Плачет дитятко,
Надрывается,
Посмотрю пойду,
Как там мается.

Надо полосу

Поскорей убрать:
За нее уже
Звали к пану жать.

Мужик и жена
(вместе)

Ох, житье, житье,
Жизнь голодная!
Ох, не лучше ли
Преисподняя?

Мужик садится отбивать косу. Жена идет к козлам и кормит грудью ребенка.

VIII. Осень

Предутренняя мгла. Ток. На стене чадит маленькая лампочка. **Мужик** молотит. Цеп гудит. Ему глухо подвывает ветер. Дверь открывается, входит **Осень**. В одной руке держит пучок сухих трав, в другой — пустой мешок.

Осень

Я повсюду ходила,
Я повсюду была.
Что земля уродила,
Счет всему я вела.

И к тебе добралась я
Посмотреть и узнать,
Как ты жил, как старался,

Что видать, что слыхать.

Весна, Лето бродили,
Гостевали в селе.
Хорошо ли растили
Урожай на земле?

Чем меня повстречаешь
Ты в родимом краю?
Что, скажи, получаешь
За работу свою?

Много ль собрано жита?
Хороши ли корма?
Ведь у пана набиты
До краев закрома.

Мужик

Осень, ясная пани,
Я не вру тебе, знай:
Хлеба мне недостанет,
Как угодно считай.

Наши песни знакомы —
Горевать да тужить:
Две копенки соломы,
Гречки с возик лежит;

Сена самая малость,
Да еще ячменя…
Вот и все, что досталось,
Все, что есть у меня.

Думай так или этак,

А расход-то велик
Сам, да семеро деток,
Да жена, да старик.

Осень

И правдиво и честно
Говоришь ты со мной.
Но тебе ведь известно
Это все не впервой.

Знать, такая дорога —
Все терпеть до конца.
Что ж, прикупишь немного
Для скотины сенца.

Купишь хлеба с мякиной,
Да гороху возьмешь,
Да картошки осьмину —
Как-нибудь проживешь!

Мужик

Да, совет твой хороший:
Докупать, покупать…
Только где ж мои гр**о**ши,
Где прикажешь их взять?

Все, что раньше собрал я,
На посев положил.
Летом штраф за потраву
Не однажды платил.

Осень

Беден ты, погляжу я,
Отчего — не пойму…
Будь здоров! Ухожу я,
Чтобы встретить Зиму.

(Уходит.)

На дворе все сильней завывает ветер. Капли холодного дождя хлещут по гнилым стенам. Мужик набирает вязку соломы и несет скоту. Дверь со скрипом закрывается.

IX. Праздник

Хата — та же, что и весной. На столе — стопка гречневых блинов. На полатях лежат **двое** больных **детей,** остальные, босые, в одних рубашонках, ползают вслед за **матерью** по хате. На печи кашляет **старый отец. Мужик** сидит на лавке и бормочет себе под нос.

Мужик

Ну, бедняга, ну, несчастный,
Нечего крушиться!
Что прошло, то — дело ясно —
Вновь не возвратится.

Спину гнул весной и летом,
Аж только держися!
Отдохни теперь за это
Да повеселися!

Женка что-то все болеет,
Захворали дети...
Выпей чарку! Веселее
Будет жить на свете.

Юрку надо было в школу, —
Только что ж стараться? —
Как и ты, он будет голым,
Лучше так остаться.

Башмачки бы нужно Насте,
Сымону шубенку.
Ох ты, горе! Ох, несчастье!..
Не пора ль в казенку!?

Жена

Что бормочешь там, проклятый,
Что скребешь за ухом?
Вишь, какой ты стал богатый,
Вишь, нашелся ухарь!

Прогуляться... до казенки...
Вот так молодчина!
А во что обуться женке?
Где дрова, лучина?

Нужно новое корыто
И кафтан для Зоей;
Просит фельдшера Никита, —
Плохо ведь пришлося.

Пить и бражничать, бездельник,
Нам с тобой некстати:
Не до песен и веселья,

Если горе в хате!

Староста

(входит подвыпивший; он немного смешон в своей важности и строгости)
Вот и я к тебе добрался…
Наступили сроки:
Ты бы, братец, рассчитался,
Заплатил оброки.

За тобой и поземельный,
За тобой и пени,
Был приказ, чтоб в срок недельный
Выколотить деньги.

Надоело мне с тобою,
Дорогой, возиться,
Ты с коровкой и с избою
Можешь распроститься.

Магазинщик
(входит; он также подвыпил)

Мир и счастье вам, соседи!
Наш почет и дружба!..
Уж Зима к нам в гости едет, —
Рассчитаться б нужно.

За ячмень, что брал весною,
За три меры жита…
Отсыпай своей рукою.
Вот и будем квиты!

Мужик

Что же это? Что же это?
Долго ли так будет!
Никакого нет просвета…
Ну житье, ну люди!

(Хватает шапку и выбегает вон из хаты.)

Жена платком утирает слезы. Староста и магазинщик выходят.

X. Зима

Лес. Деревья покрыты инеем. **Мужик** в залатанном кожухе и в войлочной шапке стоит по колено в снегу и рубит сосну. Издали приближается **Зима.** У нее в одной руке кувалда и молот, в другой — связка железных цепей. Когда она идет, молот ударяет по кувалде, и цепи звенят.

Зима

Как жил ты, как ты маешься?
Чем счастье отозвалося?
Повсюду я шатаюся,
Вот и к тебе добралася.

Звеня, гремя оковами,
Пришла к тебе — всесильная;
Припомнив жизнь суровую,
Пришла к тебе — могильная.

Над полем, над дубравами

Я панной разгостилася.
Мои снега — как саваны,
В мой лед река укрылася.

Шумливая, упрямая,
Гуляю я со стужами.
Смеюся над слезами я —
И все осилю, дюжая.

Взгляни глазами смелыми,
Оставь мечту унылую!
Сильней ты снега целого, —
Померяемся ж силою!

Мужик

Ой, Зимка, пани ясная!
Пусть верится, не верится,
Но речь твоя напрасная:
Не мне с тобою меряться.

Мы с силою разлучены,
Она из сердца вынута.
И я — нуждой замученный
И радостью покинутый.

Не мучь невиноватого,
Не бей меня, убитого,
Иди в дворцы богатые,
Под шубы, мехом крытые.

Семья моя голодная,
И хата моя валится.
Иди ж, Зима негодная, —

Не мне с тобою справиться.

Зима

Держи ответ свой иначе!
Не верю лживой повести,
Что ты слезами вынянчен,
Что ты родился в горести.

Зачем же сосны гордые
Твоей пилой загублены?
Кому дрова отборные
Твоей рукой нарублены?

Из той сосны крестьянская
Твоя изба ведь сделана?
В твоей печи ведь ласково
Горит береза белая?

Мужик

Весною в дни веселые
Деревья те высокие
Плывут водою полою,
Плывут в края далекие.

Широкими дорогами
Дрова те в город тянутся,
За нашими порогами —
Поленца не останется.

Зима

Перед тобою стелется
Вся жизнь-тоска проклятая...
Пошлю-ка я метелицу,
Она с бедой рассватает.

(Уходит.)

Начинается метель. Темнеет. Подрубленная сосна с треском и стуком падает и убивает мужика. Стая голодных волков приближается к бедняге. Лес стонет.

XI. Похороны

Хата. Напротив дверей в гробу лежит **мужик. Столяр** разбирает полати и из снятых досок делает крышку для гроба. За столом причитают **соседи. Жена** голосит и приговаривает. **Дети** всхлипывают. **Старик,** кряхтя, слезает с печи. Шумит метель. В трубе завывает ветер.

Жена

Ох, мой ты голубочек!
Навек закрыл ты очи.
Лежишь, не встанешь боле...
О, доля ж моя, доля!

Без времени могила
Житье твое сгубила.
В несчастную годину
Сироток ты покинул.

Покинул малых деток,

Голодных и раздетых.
Дров нету ни полена,
И нет в сарае сена.

Как жил ты с нами, милый,
То все иначе было:
И в поле ты… и в люди…
Что ж нынче с нами будет?

Зачем на свет родиться,
Коль надо с ним проститься,
Семью в беде оставить
И по миру отправить?

Отец
(утирая набежавшие слезы)

Смерть не берет седого,
Взяла вот молодого,
Раскрылась домовина
Не для отца — для сына.

Мне нету места в хате:
Работать сил не хватит.
При чьей тут жить опеке
Несчастному калеке?

Возьму с собою внука —
Тут не нужна наука;
Пойдем мы с ним по хатам —
И к бедным и к богатым.

Скорей, старик, сбирайся,
В лохмотья одевайся,
Иди, больной, голодный,

На ветер на холодный!

(Вытаскивает из-за печи лохмотья и лапти.)

Столяр
(кончив крышку для гроба)

Вот и готово дело,
И крышка подоспела.
Давайте же достойно
Простимся мы с покойным.

Простимся с ним навечно
Душевно и сердечно!
Жена, отец и детки,
Соседи и соседки!

Был неплохим соседом,
Шел прадедовским следом,
Людей он не обидел,
Но сам обиду видел.

Младший сын
(целует у покойника руку и, обращаясь к матери, спрашивает)

Зачем его, скажи мне,
В тот ящик положили?
Он весь холодный, синий,
Рукой и то не двинет.

Старший сын

Ты ничего не знаешь:
Он умер, понимаешь?
Душа его из тела
На небо улетела.

Дети отходят от гроба. Подходят прощаться другие. Столяр накладывает на гроб крышку. Соседи берут гроб на плечи и выносят из хаты.

Хор

Дай, боже справедливый,
Рай светлый и счастливый
Всем бедным, подневольным,
Забитым и бездольным.

Жена и дети голосят. Старик отец с нищенской сумой берет внука за руку, и все выходят из хаты. Хата остается пустой. Слышен звон. Воют собаки.

XII. На кладбище

Темная ночь. Кладбище. Летают совы и летучие мыши. На упавшем кресте — **тень мужика.**

Тень мужика

Зачем на могиле размыла
Песчаную насыпь вода?
Зачем эта темная сила
Слетается ночью сюда?

Прочь, гадины, жабы и слизни!
Все сгиньте в пучине на дне!
Явитесь, видения жизни
И добрые духи, ко мне!

Мне спать под землей надоело,
Мне хочется знать до конца:
Что слышно на свете на белом?
Как дети живут без отца?

Хватает ли на зиму хлеба?
Богато ли родит земля?
Иль, может быть, милости неба
Не знают, как некогда я.

Свободны иль, может, как мухи,
Попалися в сеть паука?
Про все говорите мне, духи,
Что сделано для мужика.

Слетаются те же **тени,** что и на крестинах. Они вертятся возле тени мужика и попеременно поют.

Беда

Тебе мы с большою охотой
Расскажем, как люди живут.
Не отперты к счастью ворота,
И слезы обильней текут.

Голод

Поля, как и раньше, пустые,
И голодно в каждой избе.
И по небу тучи густые
Плывут, как тогда, при тебе.

Холод

По всем городам и по селам
Проклятья, да скрежет, да стон.
Ни смеха, ни песен веселых,
А только кладбищенский звон.

(Хором.)

Завалены тропы к просвету
Гробами, крестами могил.
А брат твой, мужик безответный,
Живет без надежды и сил.

Доля

Ты хочешь услышать, как видно,
О жизни своих сыновей?
Живут они все незавидно,
И каждый с невзгодой своей.

Твой старший за сошкою ходит,
Порой веселится в корчме.
Второго чужбина изводит,
А третий томится в тюрьме.

Четвертый замучен, засечен
За горькую правду свою.
Машиной меньшой искалечен

И нищенством кормит семью.

Жизнь

Узнал, как живется на свете?
О детях услышал своих?
Я ловко расставила сети:
Попробуй распутай-ка их!

Я силам безжалостным в руки
Проклятое зелье дала:
Пусть сеют страданья и муки,
Пусть гибнут от горя и зла!

Тень мужика

Не радостно слушать, не мило
С земли моей этот привет.
Раскройся же снова, могила, —
Страшней тебя люди и свет!

Могила раскрывается. Где-то запел петух. Тени исчезают. Никнет тень мужика. Слышны крики зайцев и сов. В воздухе свистят крылья летучих мышей и ночных птиц.

1908

Бондаровна

Курган
Перевод Н. Брауна

{22}

1

Меж болот-пустырей белорусской земли,
На прибрежье реки быстротечной,
Дремлет памятник дней, что ушли-утекли,
Обомшелый курган вековечный.

Ветви дуб распустил коренастый над ним,
В грудь сухие впилися бурьяны,
Дикий ветер над ним стонет вздохом глухим,
О минувшем грустит неустанно.

В день Купалы там пташка садится, поет,
А в филипповки[{23}] волк завывает,
Солнце в полдень там косы свои расплетет,
Ночью ясные звезды сверкают.

Тучи в небе прошли, может, тысячу раз,
Били грозы от края до края, —
Он, как память людская, стоит напоказ…
Только ходит легенда такая.

2

На горе на крутой, над обвитой рекой,
Лет назад тому сотня иль боле
Белый замок стоял неприступной стеной —
Грозно, хмуро глядел на раздолье.

А в ногах у него расстилался простор
Сосен стройных и пахоты черной,
Деревушек и хат обомшелых узор,
Где рабы властелину покорны.

Князь-владелец известен был свету всему,
Неприступный, как замок нагорный,
Кто хотел не хотел — бил поклоны ему,
Спуску он не давал непокорным.

Над людьми издевался с дружиной своей:
Стражи князя — и дома и в поле;
Гнев копился в сердцах угнетенных людей
И проклятия горькой недоле.

3

В замке княжеском свадьба однажды была:
Замуж дочку-княжну выдавали,
Вин заморских река, разливаясь, текла,
Звуки музыки даль оглашали.

И немало на свадебный пир, как на сход,
Собралось богачей с полумира,
Все в роскошных одеждах, — дивился народ,
Он не помнил подобного пира.

День-другой уже в замке гульба эта шла,
Громко гусли и чарки звенели;
Что ни день, то потеха иная была,
У гостей было все, что хотели.

Третий день наступил — князь придумал одну
Для дружины потеху-забаву:
Приказал он позвать гусляра-старину,
Гусляра с его громкою славой.

4

Знал окрестный народ гусляра-звонаря,
Песня-дума за сердце хватала,
И о песне о той старика дударя
Сказок дивных сложилось немало.

Говорят — только к гуслям притронется он
С неотступною вольною песней, —
Сон слетает с ресниц, затихает и стон,
Не шумят тополя и черешни
...
Пуща-лес не шумит, белка, лось не бежит,
Соловей-пташка вдруг затихает,
И река меж кустов, как всегда, не бурлит,
Плавники свои рыба скрывает.

Притаятся русалки и леший седой,
Чибис «пить» не кричит, замолкает,
И под звоны гусляровой песни живой
Для всех папоротник расцветает.

5

Из деревни глухой гусляра привели
Слуги княжьи в тот замок богатый,
На крыльце посадили меж кленов и лип,
На кирпичном пороге магната.

Домотканая свитка — наряд на плечах,
Борода, словно снег, вся седая,
Полыхает огонь в его грустных очах,
На коленях легли гусли-баи.

Вот он пальцами водит по звонким струнам,
Петь готовится, строй проверяет,
Бьется отзвук от струн по холодным стенам
И под сводом, дрожа, замирает.

Вот настроил и к струнам, склоняясь, приник,
Не взглянув на пирушку ни разу,
Белый, белый, как лунь, и печальный старик:
Ожидает от князя приказа.

6

«Что ж молчишь ты, гусляр, нив, лесов песнобай,
Славой хат моих подданных славный?
Спой нам песню свою да на гуслях сыграй —
И с тобой расплачусь я исправно.

Запоешь по душе, на утеху гостям,
Гусли полные дам я дукатов[{24}];
Если ж песня твоя не понравится нам, —
То пеньковую примешь ты плату.

Знаешь славу мою, знаешь силу мою…»
«Нет людей, что тебя бы не знали.
И о том, что я знаю, тебе я спою…»
«Ну, старик, начинать не пора ли!»

Не ответил ни слова тут князю гусляр,
Лишь нахмурил он брови седые,
Раздается под сводами первый удар,
И заплакали струны живые.

7

«Гей ты, князь! Ты прославлен на весь белый свет!
Не такую задумал ты думу, —
Гусляра не подкупят ни золота цвет,
Ни пиров твоих пьяные шумы.

Не продам свою душу за золото я,
И не правит закон гуслярами:
Перед небом ответ держит песня моя,
Рядом с звездами, с солнцем, с орлами.

Лишь поля да леса могут ей приказать,
Правят только они гуслярами,
Волен, князь, заковать, волен голову снять —
Только дум не скуешь ты цепями.

Славен-грозен и ты, и твой замок-острог,
Льдом от стен его каменных веет,
Твое сердце — как этот кирпичный порог,
И душа, словно склеп, холодеет.

8

Посмотри, властелин, ты на поле свое:
За сохою там пахарь плетется,
А слыхал ли ты, князь, о чем пахарь поет,
Знаешь, как этим людям живется?

Ты в подвалы свои загляни лучше, князь,
Что под замком ты сам понастроил:
Братья корчатся в муках там, брошены в грязь,

Черви точат их тело живое.

Разве золото все, что ты хочешь, затмит?
Приглядись-ка: всего не затмило, —
Кровь на золоте этом людская горит,
И твоя не сотрет ее сила.

Ты усыпал брильянтами бархат и шелк —
Это сталь кандалов заблестела,
Это висельных петель развитый шнурок,
Это рук твоих черное дело.

9

На столе твоем яства, а что под столом?
Кости умерших в тяжкой неволе.
Утешаешься белым и красным вином —
Это слезы сиротской недоли.

Замок выстроил ты, и глазам твоим мил
Стен его отшлифованный камень —
Это памятки-плиты безвестных могил,
В них — сердец каменеющих пламень.

Любо слушать тебе этой музыки звон:
Ты находишь в ней, князь, наслажденье,
Но ведь в музыке этой проклятия стон
И тебе, и твоим поколеньям.

Побледнел и дрожишь ты, владыка земной,
И вся дворня твоя онемела…
Что ж, настала пора расплатиться со мной!
Ты прости, если спел неумело!»

10

Князь стоит, князь молчит, злоба бьет из очей,
Звуки стихли, ни шуток, ни смеха…
Думал князь, размышлял, стукнул саблей своей,
Только лязгом откликнулось эхо.

«Эй ты, солнцу родня, не затем тебя звал
Я на свадьбу из милости княжьей.
Ты безумный, старик! Кто тебя где скрывал?
Ты, знать, выродок голи сермяжной.

Как осмелился ты против князя восстать
И вызванивать трели пустые?
Что ж, немалою платой сумею воздать
Я за дерзкие речи такие.

Платой княжеской я расплачусь с храбрецом,
Ты не хочешь дукатов — не надо!
Старика вместе с гуслями — в землю живьем,
Пусть он панскую знает награду!»

11

И схватили тогда гусляра-старика,
Вместе с гуслями звонкими взяли
И на берег крутой, где шумела река,
На погибель седого пригнали.

В три сажени тут вырыли ров шириной,
Старика-гусляра в нем зарыли
И насыпали холм трехсаженный крутой,
Кол высокий осиновый вбили.

Не тесали и гроба ему столяры,
И ничьи не заплакали очи,
Смолкли гусли, замолк и гусляр — до поры:
Все затихло, как позднею ночью.

Только княжеский замок гудел, не молчал:
Гости музыке в такт хохотали,
Князь вина не одну уже бочку кончал,
Шумно, весело свадьбу играли.

12

За годами года потекли чередой…
На песчаном холме гусляровом
Распустилась полынь, вырос дуб молодой,
Зашумел непонятным он словом.

Может, сотня прошла, может, более лет,
Но хранится преданье в народе,
Будто в год один раз ночью с гуслями дед,
Бел как снег, из кургана выходит.

Гусли ладит свои, струны звонко звенят,
Он играет рукой онемелой
И все что-то поет, чего нам не понять,
И на месяц глядит он на белый.

Говорят, кто поймет, что звучит в песне той,
Горя горького как не бывало.
Можно верить всему, только слушай душой…,
У курганов преданий немало.

1910

Бондаровна
(По народной песне)
Перевод А. Прокофьева

{25}

I

То не буря лес колышет,
То не волки воют,
Не разбойники проходят
Буйною толпою, —

На Украйне пан Потоцкий,
Из Канева родом,
С бандою своей лютует
Над бедным народом.

Где попало он пирует,
Пьет и угощает
И ни старым и ни малым
Шуток не прощает.

Если же краса девичья
Пану попадется,
Обесславит, обесчестит,
Вдоволь насмеется.

Стоном стонет Украина,
Пана проклинает,
Но Потоцкого богатство
От беды спасает.

По сегодня у людей он
Проклят при вспомине
На родной на Беларуси
И на Украине.

В селах как его прокляли,
Так и проклинают,
И его в палатах панских
Только вспоминают.

О пригожей Бондаровне
И о пане этом
Песня с той поры далекой
Разнеслась по свету.

II

Жил в то время в Берестечке
Славный Бондаренко.
У него дочь Бондаровна.
Поглядеть — паненка.

Красоты такой на свете
Не было, не будет:
О ней люди говорили,
Словно бы о чуде.

Как малина ее губы,
А лицо — лилея,
Словно звезды ее очи,
Взглянет — свет милее.

С плеч спадают ее косы,

Золотые косы,
И искрятся, как на солнце
Алмазные росы.

Всем взяла: красивым станом
И высоким ростом,
В люди выйдет — загляденье,
Королевна просто!

Вот в корчме она сегодня,
Сердцу лишь послушна,
Шутки шутит с казаками,
Вся, как тень, воздушна.

В пляску первою выходит,
Хороша, нарядна,
Всех собою удивляет,
Как заря — отрадна.

Ой, красуйся, Бондаровна,
От зорьки до зорьки!
Тебя враг подстерегает,
Будет тебе горько.

III

Той порою в Берестечко
К дружине казачьей
Прикатил сам пан Потоцкий
С бандою пропащей.

Как прослышал, что в корчме той
Звон звенит чудесный,
Он пошел туда с недоброй

Славою бесчестной.

Он пирует с казаками,
Льется мед рекою,
К молодицам и девчатам
Липнет пан смолою.

Пуще всех он к Бондаровне
Пристает, — всем видно,
Целовать, обнять он хочет,
А девчине стыдно.

Осторожно, пан каневский!
Будет плохо, будет,
Не забудь, имеют совесть
И простые люди!

Не дадут они в обиду
Славу и свободу,
Хоть ты сильный, и богатый,
И панского роду.

Ой, порой народ умеет
За себя вступиться,
Осветить пожаром землю,
Местью насладиться.

Пристает пан к Бондаровне,
Не дает покоя, —
Бьет она его при людях
По лицу рукою.

IV

Страшно-страшно дым пожара
Заклубился ночью.
А страшней того у пана
Задымились очи.

Яро машет кулаками,
Угрожает люто:
«Вся родня ее в ответе
С этой вот минуты!»

«Ты угрозами, вельможный,
Не грози своими!» —
Старики так отвечали,
Молодежь — за ними.

Выбегает пан Потоцкий
Звать свою дружину,
И жалеют люди, учат
Бедную девчину:

«Убегай, пока есть время,
Дочка молодая,
Не настал пока день ясный,
Сил пока хватает!

Не помилует пан лютый
Красоты девичьей,
Не щадить ее вовеки —
Вот его обычай».

Бежит в поле Бондаровна
Прочь из теплой хаты,
Обнимала ее ночка,
А ветер крылатый

Расплетал льняные косы,

Ласкал ее груди;
Он жалел девчину больше,
Чем иные люди.

V

Убегала Бондаровна
Как можно скорее,
Трое кинулись в погоню
Гайдуков за нею.

Пробежала так два поля,
Вот уже и третье,
Только силы не хватает
Дальше так лететь ей.

Ой, голубка Бондаровна,
Отдохни, коль можешь,
За себя здесь помолись ты,
За Украйну тоже!

На сырой приляг землице,
Стан накрой косою,
Пусть тебе девичье сердце
Даст хоть миг покою.

Думай думки, что же делать
В злой беде нежданной,
Когда слуги пана схватят
И притащат к пану!

Но недолгий отдых выпал
Милой Бондаровне, —
Налетела, отыскала

Дикая погоня.

С диким смехом ухватились
За косы и руки,
Потащили к лиходею
На позор и муки.

Ночка темная глядела
И темнее стала,
Одна звездочка мерцала,
Да и та пропала.

VI

Кто спасти голубку сможет,
Смерть уйти заставит,
Коль голубку схватит коршун
И к земле придавит?

Вырвет сердце у несчастной,
Насладится стоном,
И останутся лишь кости
На земельке сонной.

И останется лишь память
В стае сизокрылой
О лихой беде кровавой,
О голубке милой.

Притащили Бондаровну
К пану во светлицу,
Как преступницу какую
Или чаровницу.

Наряд девичий изорван,
В беспорядке косы,
И в глазах искрятся слезы,
Словно летом росы.

Слезы то ли от обиды,
То ль от страшной злости,
Что ее к лихому пану
Притащили в гости.

И стоит она пред паном,
Словно та калинка,
Что в лугу за речкой ветер
Гнет, как сиротинку.

Думы в голове теснятся
И не затихают,
И она в глаза пустые
Смотрит, не мигая.

VII

Посадил пан Бондаровну
В красный угол хаты,
Как в чести невесту, в славе
На свадьбе богатой.

Ставит пан на стол дубовый
Вино дорогое,
Стол от яств обильных гнется,
Льется мед рекою.

Музыкантов пан вельможный
В хату призывает,

По всему видать, пирушка
Предстоит большая.

Не прельщает Бондаровну
Панская потеха.
Панской милости не верит
И не верит смеху.

Она свесила головку,
Руки заломила,
Пан из горницы выходит —
Здесь ему не мило.

Тотчас он ружье приносит,
Пулей заряжает
И последний Бондаровне
Выбор дать решает:

«Ну, что хочешь себе выбрать,
Пышная паненка:
То ль беседовать со мною
Вот у этой стенки,

Коротать со мною ночки,
Пить, гулять в светлице, —
То ль навеки кости парить
Во сырой землице?»

VIII

Закипело местью сердце,
И глаза зажглися,
Нахмурились черны брови
И совсем сошлися.

Не такую, пан вельможный,
Видишь пред собою,
Что захочет честь и славу
Продавать с тобою.

Свое золото, палаты
Оставь, пан, себе ты,
Сам вино пей дорогое,
В бархат разодетый.

Пей, гуляй с родней своею,
Пока ваша сила, —
Чем с тобою обручаться,
Лучше лечь в могилу.

Честь девичья неподкупна,
Совесть непродажна,
Не боится Бондаровна
Лютой смерти даже.

Перед паном тем каневским
Девчина стояла
И в глаза глядела смело,
Смело отвечала:

«Ты силен своим богатством,
Знатностью своею,
За мной правда и народ мой,
Я тебя сильнее!

Чем с тобою дни и ночи
Коротать в светлице,
Лучше вечно кости парить
Во сырой землице!»

IX

Тут как выстрелил пан лютый
В смелую девчинку,
И упала Бондаровна
Скошенной травинкой.

Захлебнулась кровью алой,
Сердце обомлело,
Не травинкой повалилась,
А березкой белой.

Золотые ее косы
Расплелися ровно,
Легли прядями льняными
Возле Бондаровны.

Лишь глаза одной обидой
Наполнены были,
Как бы всех спросить хотели:
«За что погубили!»

Видно, в сердце та обида
К лиходею входит —
Пан Потоцкий туча тучей,
Места не находит.

Проклинает сам себя он
И такую ночку.
Зовет мать, отца убитой,
Чтобы взяли дочку.

Пришел старый Бондаренко,
А с ним Бондариха,
И над дочкой причитали,

Причитали тихо.

Ой, они ломали руки
Над своей родною:
«Полегла ты, наша дочка,
За всех головою!»

X

Взяли мать с отцом скорее
Доченьку родную,
Несли тихо, осторожно,
О судьбе горюя.

Как шли с нею — кровь из раны
Каплями упала
И по всей тропе-дорожке,
Как роса, сверкала.

Внесли в хату Бондаровну,
И в светлице новой,
Как цветок, легла девчина
На скамье дубовой.

Наряжали, как невесту,
Ее, молодую,
Ленты алые вплетали
В косу золотую.

Позлащенные на пальцы
Кольца надевали,
В туфельки из белой замши
Ножки обували.

Из зеленой руты-мяты
Ей веночек свили,
Как короной королевне
Голову накрыли.

Из тесовых досок белых
Сбили домовину,
В нее, плача, положили
Бедную девчину.

Спит сном вечным Бондаровна,
И, ее жалея,
Вечную поют ей память
Старики над нею.

XI

Неспокоен пан Потоцкий:
В голову запало,
Что девчина молодая
Попусту пропала.

Хочет грех свой он загладить
И вину убавить,
Бондаровну хоть посмертно
Думает прославить.

Спесью панскою гонимый,
Он приходит в хату,
Он приказывает шелком
Гроб обить дощатый;

Шелка, золота, атласа
Тратить не жалея,

И чтоб кисти золотые
Путь мели за нею.

Обложить велел могилу
Каменной стеною,
Чтоб вовеки не размыло
Никакой водою.

Приказал он путь к могиле
Выстелить коврами,
Приказал тот путь усыпать
Белыми цветами.

Как из хаты Бондаровну
Провожать все стали,
Приказал он, чтоб печально
Трубы заиграли.

Как в могилу Бондаровну
Люди опускали,
То еще, еще печальней
Трубы заиграли.

XII

Закопали Бондаровну
В венке и вуали,
Только думок украинцев,
Нет, не закопали!

Пусть народ терпеть умеет,
Но и мстить умеет
Тем обидчикам смертельным,
Тем, кто зло посеет.

Весть о смерти Бондаровны
Разлилась, как море,
Зашумела Украина, —
Горе панам, горе!

Бондаренко созывает
Вольницу казачью,
За смертельную обиду
Пусть паны поплачут!

Всюду панские усадьбы
Охвачены дымом,
Полилася кровь рекою
По лугам и нивам.

Не удержит месть казачью
Панская Варшава, —
Много казаки терпели,
Бой идет кровавый.

Сколько крови пролилось тут,
Говорить не смею,
Написать тогда мне кровью
Надобно своею.

Про недолю ж Бондаровны
И про ту годину
Только сказки нам остались,
Песни да былины.

1913

Она и я
Перевод В. Рождественского

1. Встреча

Я с нею повстречался на раздолье…
Она не ведала, куда идти,
Не знал и я — в лесу наш путь иль в поле,
И многие предстали мне пути.

Как путники, блуждающие ночью,
Стояли мы под трудной ношей дум,
Один другому вглядываясь в очи,
В лесной неясный вслушиваясь шум.

Стояли мы. Невиданные дива,
Окутывая нас крылом своим,
Шептали мне: «Всегда будь с ней счастливым!»
Шептали ей: «Пусть будет он твоим!»

И руки нам сплели они навеки,
Благословенье дали нам свое.
Чтоб шли мы в мир чрез горы, долы, реки
И пополам делили бы житье.

Нам брачный гимн запели на прощанье,
Зарок нам положили не простой —
Над ней, невестой в белом одеянье,
И надо мной, укрытым темнотой:

«Пускай не победят вас силы злые,
Пусть ваши души не узнают ран,
Пусть ветры не согнут вас грозовые,
Могильный пусть не скроет вас курган!»

Такие положили нам зароки,
Цветов, плодов готовя пир для нас,
И расплылись, как дымка на востоке,
Расставшись с нами в добрый, светлый час.

И мы пошли, куда нас звали чары,
Без устали, все дальше ночь и день.
Светили нам широко зорь пожары,
Глухих лесов нас принимала тень.

2. В хате

Хозяйкой в хате будь моей отныне,
В ней будет жить отрадно мне с тобой.
В почетный угол сядь, моя богиня,
Подумаем над нашею судьбой.

Дворец мой, как ты видишь, небогатый,
Но сам его на славу я сложил,
Сам эти стены вывел я когда-то
И крышу сам соломою покрыл.

Атласом не обшиты эти стены,
И пол турецким не покрыт ковром,
Который бы сверкал своим бесценным,
Как пламя полыхающим, шитьем.

Над печкою, что стала у порога,
Печник не изощрялся. Посмотри!
Ее из глины и песка сырого
Сам клал я, побелив разочка три.

Кровать сбивал я собственной рукою,
Сосновые строгал я доски сам.

Сюда постель положим мы с тобою
Пуховую, чтоб мягче было нам.

В ночной тиши, в счастливом упоенье,
Вдвоем с тобой, вдали от всех людей,
Огонь души и сердца вдохновенье
С тобою сблизят нас еще тесней.

Над нами встанет радуги сиянье,
Нас молнии осветят на лету,
И полетят, как соколы, мечтанья,
Поднимутся до неба в высоту.

Любовь нас к счастью выведет с тобою, —
Ведь сердца жар ничем не одолим.
Моей ты вечно будешь госпожою,
И господином буду я твоим.

3. Проталины

Куда ни глянь, уже легли проталины,
Снега сползают, и звенит капель.
Пригорки сохнут, солнцем теплым залиты,
Ручей в овраге загудел, как шмель.

И там и тут уже глядят несмелые
Подснежники на яркий свет дневной,
То слез людских цветочки сине-белые
Днем ищут солнца, звезд — порой ночной.

А птицы с юга вереницей длинною
Уже плывут вдоль Млечного Пути
Над нашею весеннею равниною,
Чтоб гнезда старые скорей найти.

Небесное светило жаркое
На много верст свой удлинило шлях.
Лучи его, веселые и яркие,
Как светлый лен, ложатся на полях.

И к нам заглядывают в хату темную,
Хоть все оконца низкие у ней,
И озаряют нашу печку скромную
Семьей веселою своих лучей.

К подушкам белым и к постели ластятся,
Всё ласковей они целуют нас,
Как ветерок меж ульями на пасеке,
Гуляющий в июльский жаркий час.

Вставай, вставай, голубка сизокрылая,
И заспанные оченьки протри.
Подумаем, как будем жить мы, милая,
Как будем день свой начинать с зари.

В проталинах земля чернеет голая,
Подснежник пробудился ото сна.
Вставай скорее, солнышко веселое,
Нам златострунная поет уже весна!

4. За кроснами

За кросна сесть хотела ненаглядная,
Чтоб лен свой седоватый ткать,
Но не было станка у ней, и ладные
Я стал ей кросна собирать.

Я из березы сделал ставы новые,

Набелицы покрепче сбил,
Сам поножи ей выстругал кленовые,
Навой, как надо, смастерил.

Взял яблоню я дикую, сучкастую,
Челнок ей выстрогал простой,
Купил на рынке берда густо-частые,
А нитки плесть уж ей самой!.

Садится моя милая за кросенки,
Набелицами громко бьет.
Тугие со станка бегут полосыньки,
Сучу я цевки для нее.

Так дружно с ней взялись за это дело мы.
Она все ткет, а я сучу.
Слежу я за ее руками белыми,
Любуюсь ими и молчу.

Тки, милая! Недаром кровь взыгралася,
Мелькает молнией челнок, —
Вот только бы основа не порвалася
И скор и ловок был уток!

Пускай о берда твой уток колотится,
Широкий холст из рук бежит,
Как речка, что к морской волне торопится,
Как путь, что меж полей лежит.

Беги скорей, дорожка полотняная,
Туда, где клевер луг покрыл,
Беги туда цветущими полянами,
До самых дедовских могил!

5. Выгон скота в поле

Сползли в овраги зимние снега
И в море потекли живой рекою.
Запели жаворонки. И луга
Покрыты свежей первою травою.

Скотину в поле выгонять пора.
Есть и у нас буренка молодая.
Она — богатство нашего двора,
И сам хозяин в ней души не чает.

Буренушки не выгнала своей
Хозяйка в поле, где трава всходила,
Пока сама обряд старинных дней
Своей рукой над ней не сотворила.

Краюшку хлеба с солью и водой
Вокруг коровы обнесла три раза
И, к солнышку поставив головой,
Ее заговорила от заразы.

Три раза окунув кусок стекла
В криницу, прошептала над коровой
Хозяйка, как сумела и смогла,
Заветное от злых напастей слово:

«Ты, солнце ясное, ты, лунный свет,
Вы, в небе розовые зори,
Все, что кропит росой весенний цвет
И озаряет сушу или море,

Согрейте землю, чтоб дала траву,
Не пожалейте корма для скотины,
Ей лучшую стелите мураву,

Загон надежным оградите тыном.

Храните, стерегите от царя
Лесного, полевого, водяного,
От царенят его, от упыря
И от людского ока «нелюдского»!»

6. Осмотр поля

Как свет велик! Не оглядеть раздолья,
Что прадеды в наследство дали нам.
Вот лес, кусты, вот вспаханное поле,
Вот молодые всходы здесь и там.

Туда пойдем мы, милая с тобою.
Ты руку на плечо мне положи.
Я обниму тебя, и мы с тобою
Пойдем к холму, где носятся стрижи.

Как дети, позабытые всем светом,
Свои поля мы будем озирать
И, у загона солнышком согреты,
Начнем о жниве будущем гадать.

Полос у нас сейчас с тобою вволю.
Засеять их бы только, сжать бы их
Да в добрый час, вдвоем идя по полю,
Снопов расставить много золотых!

Вот так, рука в руке, родимым краем
С загона на загон идем мы с ней;
Где нам пахать и сеять, примечаем,
В надежде светлых урожайных дней.

И рядом мы на холмик с нею сели,
Там, где кресты по склону разбрелись.
Мы из-за них на ясный мир глядели,
И души наши улетали ввысь.

Мы небо синее благословили,
Что наши думы унесло к себе,
И в этот час судьбу благодарили,
Сдружившую нас в счастье и в борьбе.

Раскрыв земле и солнышку объятья,
Благословили вербы и цветы
И только смерти бросили проклятья,
Что возле нас расставила кресты.

7. Радуница

К могилам мы на радуницу[{26}] шли,
Забрав с собой остатки разговенья, —
По всем обычаям родной земли,
Как делали былые поколенья.

Мы навестить хотели прах отцов.
Народу много средь могил сошлося,
И люди там и тут среди крестов
В поклонах наклонялись, как колосья.

На плитах каменных зеленый вырос мох,
Березки, елки плакали над ними.
Часовня посредине, как острог,
На свет глядела окнами слепыми.

На холмике мы сели в стороне, —
Здесь мать ее спала в сырой могиле, —

Сказала милая, склонясь ко мне:
«Один ты мне остался, братец милый…»

И на могилку слезы из очей
Горошинами часто упадали,
И плакало, казалось, небо с ней
Над этим садом, полное печали.

Кольнуло в сердце. Пали в нем на дно
Слезинка за слезинкой мелким градом…
А я-то думал — вылил их давно
И видеть мир сухим умею взглядом!

В могиле братья и отец родной,
Сестер моих земелька обнимает.
А я живу на свете сиротой, —
Знать, за грехи земля к ним не пускает.

Тоски была полна душа моя,
И сердце мне терзали думы эти,
И, как она, шептал печально я:
«Одна ты у меня, сестра, на свете!..»

8. Пахота

Соха моя совсем уже готова.
Я сделал новенькую плаху,
И сошники повыточил, и снова
Прочней набил к палице бляху.

Коня запрячь бы, часу не теряя,
Махнуть бы длинною лозою
И, на рогач тяжелый налегая,
Идти глубокой бороздою!

Мы поутру с ней вместе закусили, —
Чтоб сытно — трудно похвалиться,
Но поровну мы хлеб свой разделили
И запили его водицей.

Пошел легко я в поле за сохою.
Ногами конь перебирает,
Ложится полоса за полосою,
И в небе солнышко сверкает.

А вы, над пашнею рукою белой
Так не привыкшие трудиться,
Вы даже не поймете век свой целый,
Как сердце человека может биться

Того, кто осенью или весною
Вслед за сохой идет упорно
И, разрыхляя землю бороною,
Для вас же рассевает зерна.

Час пахоты и сева в вешнем поле
Святым для пахаря бывает.
Его душа волнуется на воле,
Как деревцо листвой играет.

Пашите, сейте, люди, кто что может,
Идите нивой, солнцем обогретой!
И пусть удача кончить вам поможет
Счастливым урожаем лето!

9. Беление холста

Чтоб было ей работать веселее,
Валек ей обтесал я гладко
И, взяв ее холсты, пошел за нею
Туда, где сажалка и кладка.

Она весь свиток в воду окунула
И, на мостки пройдя босою,
Мешавшую ей юбку подоткнула,
С вальком склоняясь над водою.

И расстилала, выстирав, полотна,
Привычно расправляя складки,
Водою вся обрызгана холодной,
Как утренней росою грядки.

А брызги, словно искры, разлетались
Ввысь радугою многоцветной,
И по воде, как краски, расплывались,
И тотчас гасли незаметно.

Стекали по рукам и по коленям
Они в сверкании огнистом
И пред ее красою в умиленье
Горели на груди монистом.

Так милая холсты свои белила
Вальком и свежею водою,
А после на плечи себе взвалила
И понесла тропой крутою.

Она несла их, и вода стекала,
Сверкая струйками. Умело
Она холсты на землю расстилала.
Теперь и солнцу хватит дела!

Теперь белитесь добела, холстинки,

Чтоб стать как день, как месяц белый,
Как молоко в коричневатой кринке,
Как стебелек соломы спелой!

10. Сев

Подсохла пашня, стала мягкой «в**о**вной[{27}]»,
И сеять нам пора настала,
Бросать зерно по полю горстью полной, —
Отцы учили так, бывало.

От тех запасов, что у нас в избушке
Хранились, бережно укрыты,
Отмерили мы с нею две осьмушки
В мешок, ее рукою сшитый.

И вышел сеять я. Она стояла
Здесь на меже со мною рядом,
На небе солнце золотом сияло,
И ветерок дышал прохладой.

И золотые полетели зерна
Дождем на полосу сырую,
Что я вспахал своей сохой упорной,
На землю нашу дорогую.

Она же, как березка молодая,
С межи за мною наблюдала
И, юной красотой своей сияя,
Наш общий труд благословляла.

Ложитесь, зерна, в борозду и спите,
Накройтесь мягкою землею,
А пробудившись, на небо взгляните

И станьте рожью золотою!

И чтобы з**а**сухой вас не сушило,
И чтоб дожди вас не смывали,
Чтоб градом вас тяжелым не побило,
Чтоб рожь в «зал**о**мы[{28}]» не вязали.

11. Прополка огорода

Я выгон тыном городил, она полола гряды,
Чтоб всходам легче вырастать, рвала сорняк проклятый,
Подсаживала здесь и там по стебельку рассады
И пела, как поют у нас весенним днем девчата.

Кричали воробьи в саду над нашею черешней,
А над землею ветерок легко порхал крылатый,
И разливалася она такою песней вешней,
Какую любят петь у нас весенним днем девчата.

Веснянка

Ой, брала весна у солнца ключи,
Открывала ими землю сырую,
Выпускала на свет траву мураву,
Одевала в листья березы.

Где только ни шла она — на лугах
Густо сеяла, сеяла цветочки,
На край света она речки гнала,
Пташкам голос и волю давала.

Ой, выйду я, выйду на свежий луг,
Буду вить-завивать веночек,
Вместе с соловейкой буду я петь,
К сердцу песней весну закликая.

Приди ты ко мне, согрей ты меня,
Обними ты меня, как друг милый,
Посей на душе мне веселый мак,
А на сердце — любви пшеницу.

Чтоб доля моя, как мак, зацвела,
Чтоб любовь поднялась, как пшеница,
Чтоб милый меня всем сердцем любил
И голубил в светлице, как счастье.

* * *

Звенела песня и лилась, как рокот соловьиный,
И вместе с нею сад шумел — с беленой хатой рядом.
Весенний ветер шевелил березы и осины...
Я выгон тыном городил, она копала гряды.

12. Яблони цветут

Яблони в саду у нас цветут,
Покрыты белым легким пухом,
Пчелки от цветка к цветку снуют,
Гудят, жужжат над самым ухом.

В светлый праздник на траве рядком
Мы с ней под яблонею сели.

Под закатным солнечным лучом
Листки на яблоне зардели.

Легкий ветер ветки колыхал
И тихо шевелил цветами.
Пташек звонкий щебет не смолкал,
И плавала пыльца над нами.

Раем на земле казался сад,
Я в нем — Адам, она в нем — Ева.
Ветер нам в раю был брат и сват,
Нас зеленью венчало древо.

Нам на свадьбе пела птиц свирель,
И матерью нам посаженой
Пчелка стала, радуга постель
Постлала нам в траве зеленой.

Тихо осыпался яблонь цвет,
Как будто снег кружился белый,
Синевой был весь простор одет,
И мир душа обнять хотела.

Милая, так много принесла
Ты счастья сердцу молодому,
Сколько ласки, света и тепла
Ты отдала родному дому.

Этой лаской ты меня согрей,
К моей груди прижмись теснее,
Станем мы богами средь людей,
Небесных всех князей сильнее.

13. На сенокосе

Вышли с нею мы туда, где трав краса
Многоцветный свой раскинула ковер
И где острая не шла еще коса,
Где цветы соткали звездный свой узор.

Две души, соединенные навек,
Вышли мы из ночи в свет живой
Поглядеть на все, чем счастлив человек,
И весенней подивиться красотой.

Многоцветный улыбается нам луг —
Одуванчики, ромашек лепестки,
Колокольчики — куда ни глянь вокруг, —
От цветка к цветку порхают мотыльки.

Речка бурная струится средь камней,
На бегу вода приветливо блестит,
Что-то шепчет средь высоких камышей,
И, как в зеркале, в ней солнышко горит.

Рвем цветы мы с ней, венок себе плетем,
Он невиданной красою блещет нам,
Как мила ты, тем украшена цветком!
Густо волосы упали по плечам.

Мы, обнявшись, с ней плывем в траве густой.
По колени мы в цветах. Пылает день.
Грудь и щеки тронул пламень золотой.
Взор сверкает, ищем мы густую тень.

И чем громче в жилах кровь у нас поет
И чем ласковей к коленям льнет трава,
Тем вернее сердце с сердцем встречи ждет,
В забытьи у нас пьянеет голова.

И ногам идти по лугу все трудней,

Губы слились в поцелуй любви живой,
И друг к другу мы прижались потесней
И смешались — с солнцем, ветром и травой.

Она и я

14. Красота мира

Весна, весна! В тебе так много счастья,
И столько радости приносишь ты с собой!
Душа всегда в твоей пылает власти,
В груди порыв родишь ты огневой.

Весь мир ты залила горячим светом,
Зеленый в нем раскинула шатер
И, землю пробудив своим приветом,
На кроснах яркий выткала узор.

Смотри, как ты прекрасна, как богата!
Благословляют все красу твою,
Земля и небо, ветерок крылатый
Поют тебе, и с ними я пою.

И ожило земли былое пепелище!
Взыграли речки, плечи поднял лес.
Хор пташек весело поет и свищет,
Купаясь в вольной синеве небес.

И дума ввысь летит полетом вольным,
Как будто небу хочет рассказать
Об этом светлом празднике раздольном,
Каким весна умеет чаровать.

Лети же, дума, легче будь, чудесней,
Лети все выше в голубую даль!
Ты у грозы возьми стальные песни
И дай мне волю, твердую как сталь!

Я песней милую свою прославлю
Среди чужих народов и своих,
Чтоб, как цветок, не сгинувший в бесправье,

Она цвела бессмертно для живых.

А воли мне железной надо много!
Хочу я мстить за милую сполна.
Ведь горькою была ее дорога,
В цепях томилась столько лет она!

1913

Над рекой Орессой
Перевод М. Исаковского

Вместо вступления

Много есть на свете
И легенд и песен,
Что сложили люди
Про свое Полесье.

Но не знал я песни
Про большое дело:
Как сюда явились
Коммунары смело;

Как они работой
Топи покоряли,
Для страны советской
Славу добывали.

Но не знал я песни
О сраженьях жарких:
Как со всеми вместе
Вышли коммунарки;

Как они в работе
Завели обычай:
Не жалеть ни силы,
Ни красы девичьей.

Но не знал я песен,
Не слыхал я что-то
О героях славных,
Взявших в плен болото;

Как через преграды
В глухомани дикой
Шли они к победе,
К радости великой.

Но не знал, не знал я
Новых звонких песен,
Что поет сегодня
Новое Полесье.

О минувшем

Ворон клюв свой свесил
Над гнилой колодой...
Приснились Полесью
Ушедшие годы.

Здесь век вековали
Тростник да осока,
Росли и сгнивали
В трясине глубокой.

А сколько ж трясина
Людей засосала:

Оступишься — сгинул,
Пиши, брат, пропало.

Тут не было жизни
От гнуси летучей,
От дикого зверя,
От гадов ползучих.

Медведь без заботы
Лежал тут в берлоге,
И лось по болоту
Ходил без дороги.

Брели втихомолку
Кабан с кабанихой,
И серые волки,
И всякое лихо.

Меж кочек, бывало,
Где воды открыты,
Здесь лодка блуждала,
Как гроб не зарытый…

Полесье родное
Молчало, дремало,
И только весною
Оно оживало.

Весенней порою
Споет соловейка,
Застонет зарею
Пастушья жалейка.

На тихой опушке,
Где ветви густые,
Считает кукушка

Невзгоды людские...

И снова могилой
Полесье застынет,
И спит его сила
В болотной пучине.

А люди? Что ж люди?
Их много — немного,
Но давят им груди
Нужда и тревога.

На бросовых землях,
На горках песчаных
Избушки их дремлют,
Как будто курганы.

Сидят полешане
И лапти мастачат,
Готовясь заране,
Чтоб... по миру, значит...

Убогой сохою
Пески поднимают,
Слезами, тоскою
Поля засевают.

Их ширью болото,
Как в плен, захватило,
Заставило верить
В нечистую силу.

И мрачные сказки,
И страшные вести
Шагали по вязким
Равнинам Полесья...

Был сказ нерушимый
На вечные веки:
«Полешуки мы,
А не человеки».

Зашумело и пошло

1

Зашумело и пошло,
Словно наводненье,
На полесское село
Хлынуло движенье.

Тьма народу в эти дни
Наплыла, как чудо.
Для чего пришли они?
Для чего, откуда?

Белорусы там и тут,
С ними украинцы.
Как на ярмарку идут
Покупать гостинцы.

Сколько хлопцев молодых,
Дядек бородатых!
Вилы острые у них,
Топоры, лопаты.

Что-то будет здесь теперь?...
«Ничего не будет!» —
Хитро думали в четверг

Полесские люди.

А воскресный день настал,
И пошла работа.
И лопаты тут и там
Врезались в болото.

Тут и там пила поет,
Топоры сверкают.
Шум и гром кругом идет,
Люди наступают.

Роют торф не как-нибудь,
Роют неустанно,
Видят цель и видят путь,
Ясный и желанный.

Люди знают хорошо —
Горе не вернется.
Люди видят — клад большой
В руки сам дается.

За канавой, как струна, —
Новая канава.
Все похожи, как одна, —
И слева и справа.

Взбудоражил страх зверей,
Их покой потерян.
В чащи, в дебри от людей
Убегали звери…

Ну, а люди шли и шли,
Покоряя недра,
И канавам уж вели
Счет на километры.

Скоро, скоро день придет,
И настанет время —
В почву черную болот
Пахарь бросит семя.

Зашумят хлеба вокруг
Здесь под солнцем ясным...
Неудачу полешук
Предвещал напрасно!

Не видал он из своей
Безоконной хаты
Новых дел и новых дней,
Радостью богатых...

Ночь прошла. Заря встает.
Вновь кипит работа...
Героический народ
Покорил болото.

2

И лежат канавы —
Ленты-магистрали.
Воды по канавам
Уплывают в дали.

Тучное болото,
Как ножом, разрезав,
Докатились воды
До реки Орессы.

До реки Орессы

Пролегла дорога.
Но еще заботы
Человеку много.

Надо труд великий
Довести до цели,
Чтоб на ровном поле
Тракторы запели,

Чтоб на этих землях —
Буйный, ровный, чистый, —
Как тростник, поднялся
Колос золотистый.

Ждет к себе Полесье
Смелых да умелых,
Что придут и сразу
Примутся за дело.

Ждет к себе Полесье
Сил горячих, новых,
Ждет бригад ударных,
На борьбу готовых.

И они сойдутся,
Свой костер разложат,
Вековую темень
Дружно уничтожат.

Им искать не нужно
Сказочного клада.
За труды другая
Будет им награда.

Коммуна

1

Их семеро весной пришло[{29}],
Чтоб новый день начать.
А осенью пришли сюда
Еще семьдесят пять.

Самарская дивизия
Дала бойцов своих,
Коммуны пионеров,
Способных, молодых.

Пришли и фрунзенцы сюда
С болотом в бой вступить
И земли эти в первый раз
Заставить хлеб родить.

Чонгарцы дали восьмерых
Из стаи боевой.
И в край лесов, и в край болот
Пришли они весной.

Желанье строить новый мир
Их привело сюда,
И вера в радостный успех
Светила, как звезда.

Им, смелым, были не страшны
Ни холод, ни жара,
Ни мутный дождь, ни топкий снег,
Ни вьюжные ветра.

Звал Заболотьем тот бугор
В Полесье мал и стар,
Где ногу в первый раз тогда
Поставил коммунар.

Болото, заболоть иль топь —
Как хочешь называй,
Но раз пришли большевики,
Изменится весь край.

Палатки, пилы, топоры
Приволокли с собой,
И дружно, как одна семья,
Пошли они на бой.

Одни из них корчуют пни
И в груды их кладут,
Другие, сидя у огня,
Спешат сварить еду.

А третьи пилят, рубят лес,
Чтоб выстроить барак:
В палатке летом можно жить,
А уж зимой никак.

Корчуют вдоль, и вширь, и вглубь,
Вставая все чуть свет.
Палатки носят за собой —
Жилья другого нет.

Они идут — за метром метр,
Идут — за шагом шаг.
Просторней, чище с каждым днем
На торфяных полях.

2

Идет работа как нигде,
Кипит, горит она в руках.
И что ни час и что ни день —
Сильней удар и шире взмах!

И, кажется, чего б хотеть?
Работай, песни звонко пой...
Да вот паук расставил сеть
И здесь, в коммуне молодой.

Иные что-то хмурят бровь,
На свет невесело глядят,
Как будто здесь не их добро,
Как будто здесь враги сидят.

Кричат порою, разозлясь:
В коммуне, дескать, нелады...
Откуда ж та беда взялась,
И в чем причина той беды?

Причину ту легко понять,
Причина заключалась в том,
Что из восьми чонгарцев пять
Решили жить особняком.

Их потянуло к старине,
Им надоело быть в строю.
Палатку даже в стороне
Они поставили свою.

Им то и это не с руки,
Они едят, гуляют, спят,
На все глядят, как чужаки,

И сеют ссоры и разлад.

Цена такой работе грош, —
Успеем, дескать, не горит…
А что посеешь, то пожнешь, —
Людская мудрость говорит.

Пытливых взглядов не любя,
Стараясь быть всегда в тени,
От всех отдельно для себя
Участок выбрали они.

Но и на нем весь день-деньской
Они лежат да видят сны.
С работой «дружною» такой
Пришлось бы долго ждать весны.

Не стало больше сил терпеть
Таких людей, такой позор…
Пускай пустует лучше клеть,
Чем заводить в ней пыль и сор.

И молодежь собрала сход,
Негодованием полна,
И, как всегда, его ведет
Товарищ Модин, старшина.

И, слово взяв, сказал он так:
«Здесь не пристанище у нас
Для лежебок и для гуляк,
Здесь дорог каждый день и час.

Кто шел сюда привольно жить,
На хлеб надеясь даровой,
С такими — что нам говорить? —

Таким отсюда путь прямой!»

Один из пятерых

Легко ли здесь?
Руби, корчуй,
Вози, как вол,
В грязи ночуй!

Кругом комар
Затмил весь свет.
Воды и то
Хорошей нет.

Один из коммунаров

А что же, вы хотели
Пуховые постели,
Бутылок батарею,
Чтоб было веселее?

Да чтобы горка сала
С блинами тут лежала?
Да чтоб, не зная муки,
Сидеть, сложивши руки?

Второй из пятерых

Ты чепухи нам
Здесь не мели:
Много на свете
Свободной земли.

Земли хорошие —

Первый сорт.
Здесь же сломает
Ногу сам черт!

Один из чонгарцев
(пятерым)

Позорно вы себя вели,
И вам от нас один ответ:
Чонгарцами считались вы —
Вы не чонгарцы, нет!

Для славных дел и славных дней
Взяла коммуна вас к себе.
Чтоб новой жизни ясный путь
Прокладывать в борьбе.

Но вы коммуну подвели,
Вы потеряли стыд и честь.
И наше слово таково,
Что вам не место здесь.

Второй из коммунаров

Да что с ними нянчиться,
Да что хороводиться?
Подобных коммунщиков
Жалеть не приходится.

Не нам с отщепенцами
Дороги прокладывать.
Пора уж рассвататься
С такою «бригадою».

Третий из коммунаров

Мы идем к победе славной,
Шаг не замедляя,
Помогает нам в работе
Вся страна родная.

Мы старалися в коммуне,
Силы не щадили…
Разве ж мыслимо позволить,
Чтобы нам вредили?

С лежебокой, с нерадивым
Разговоры кратки:
«Уходи из нашей хаты,
Собирай манатки!»

Модин

Товарищи, потише!
Уймите пыл и жар.

Шуметь нам непристойно,
У нас ведь не базар.

У всех у вас, я вижу,
Желание одно:

Прогнать от нас «пятерку»
Пора давным-давно.

Но лучше сделать поздно,
Друзья, чем никогда…

Итак, проголосуем,

Проверим, как всегда.

Кто «за»? Повыше руки!
Чтоб лучше сосчитать…

Кто против? Воздержался?
Как будто не видать…

Прошло единогласно.
И наш таков приказ,

Что пятеро чонгарцев
Должны оставить нас.

Четвертый из коммунаров
(Модину)

Ты выдай им бумагу,
Чтоб каждый мог прочесть,
Какие «коммунары»
На белом свете есть.
……

А трое чонгарцев,
На радость краине,
В Полесской коммуне
Живут и поныне.

3

Горою с плеч свалилася
Постылая забота.
С «пятеркой» расквиталися

И снова — за работу.

И думы прояснилися
У коммунаров наших.
Коммуне укрепившейся
Разлад уже не страшен.

Кипит работа жаркая
С утра до темной ночи,
Идет вперед, старается
Вовсю народ рабочий.

Растет загон, расчищенный
От пней, корней, отростков,
И катят бревна пильщики
И пилят их на доски.

Готовят люди пахоту,
Уверены и стойки.
Деревья рубят звонкие
Под новые постройки...

Проходят дни и месяцы
За делом, за работой...
Но люди вдруг заметили,
Что нет у них чего-то.

Они переглянулися —
Земля кругом богата,
Но только жизнь налаживать
Без женщин трудновато.

* * *

Сход. На сходе, как обычно,
Председательствует Модин.
На собравшихся привычно
Он глядит и речь заводит:

«Я скажу всего два слова,
Я скажу вам без утайки:
Для коммуны нашей новой
Нам давно нужны хозяйки».

«Верно!.. Верно!..» — отвечало
Все собранье дружным хором.
«Верно!» — эхо повторяло
Над открывшимся простором.

«Ну, так что же, дело ясно,
Видно, всех забота гложет.
Голосую…» — «Мы согласны,
Возражений быть не может…»

«Значит, так теперь выходит, —
Продолжает снова Модин, —
Чтобы каждый понемногу
Собирался в путь-дорогу;

Чтобы каждый собирался
В дом родной, в село родное
Да скорей бы возвращался
С коммунаркою-женою.

Мы их примем, как родные,
Им у нас не будет хуже.
А ребята холостые
Пусть везут своих подружек».

Так на этом и решили

И пошли себе по хатам.
Нынче все довольны были —
Неженатый и женатый.

«Коль жениться так жениться! —
Рассуждает громко кто-то. —
Будет радостней в светлице,
Веселей пойдет работа!

И дружней любой порою
Выйдут жены на подмогу,
Будут вместе с нами строить, —
Только дайте им дорогу!»

* * *

Шум и говор кругом.
Что же здесь такое?
То в коммуне людей
Стало больше вдвое.

Коммунарам теперь
Стало веселее,
И работа пошла
Лучше и скорее.

Новый год настает —
Девятьсот тридцатый.
А какой будет он —
Бедный иль богатый?

Дни бегут, как вода,
Снег повсюду сходит,
И весна на земле

Речь свою заводит.

Лес зеленый шумит,
Ручейки смеются.
Высоко в небесах
Жаворонки вьются.

А в коммуне — гляди! —
Праздник и веселье:
Трактор много полей
Распахал, засеял.

И, гордясь, по полям
Ходят коммунары,
По-хозяйски глядят
На свои гектары.

Походили и вновь
Вышли на болото
Корчевать да пахать
Боевою ротой.

4

Много коммунары
Сделали в тот год:
Новые постройки
Встали средь болот.

Хаты и амбары,
Скотные дворы…
Стало жить в коммуне
Легче с той поры.

Мельницу пустили
Паровую в ход.
Рядом лесопилка
Целый день поет.

Мельница грохочет,
Мелется зерно,
Лесопилка пилит
За бревном бревно.

* * *

Был на лесопилке
Боец молодой —
Славный Борисенко,
Смелый и простой!

Подавал он бревна,
Доски убирал,
Да рукой могучей
Смерти не сдержал.

Смерть пришла нежданно,
Некуда уйти:
Доски сорвалися —
И прощай-прости!

Стукнуло беднягу,
Словно обухом…
Весь народ сбежался,
Обступил кругом.

Принесли носилки,
Унесли в барак.

Три дня и три ночи
Умирал бедняк.

Так погиб товарищ
На своем посту
За светлую долю,
За свою мечту!

Над могилой свежей
Много было слез.
Грустно речь над гробом
Модин произнес:

«Спи, наш Борисенко,
Коммунарский сын!
В племени отважном
Был ты не один.

В Армии ты Красной
Верный был солдат,
Шел вперед отважно,
Не глядел назад.

Ой, товарищ милый,
Рано ты угас,
Стойким коммунистом
Был ты среди нас.

Спи, наш Борисенко,
Спи спокойным сном,
Спи, не беспокойся
О сынке своем.

Будет он таким же,
Как его отец, —
Честный и отважный

Молодой боец.

Будет он ударник,
Будет бригадир...
Спи, всю жизнь отдавший
За счастливый мир...»

Полетели комья
На сосновый гроб,
И над гробом скоро
Вырос бугорок.

У могилы друга
Встал народ кругом,
Коммунарки горько
Плакали о нем.

Голосили бабки
Чуть не целый час:
«А куда ж ты, сокол,
Улетел от нас?»

5

Ширится работа —
Стройка, корчеванье,
Роют, пилят, рубят,
Воздвигают зданья.

Вот готовы ясли,
Школа вырастает.
Яркий свет динамо

Ночью зажигает.

Тучный скот в коммуне
Табунами ходит.
Буйно расцветают
Гряды в огороде.

А с пригорка глянешь —
Не окинуть оком:
Протянулось поле
Далеко-далеко.

Над рекой Орессой
Трактор громыхает,
Торфянище плугом
Пашет, поднимает.

Коноплю, пшеницу,
И овес, и жито
Коммунары в поле
Сеют деловито.

И растут посевы
Небывалым ростом.
Поглядишь, посмотришь —
Будто все так просто;

Будто здесь и раньше
Все так расцветало,
Будто и болота
Вовсе не бывало.

Так сдается… Только —
Создали все руки.

Их навек запомнят
Сыновья и внуки.

И всему, что было
На болотах этих,
Этот стих свидетель,
И весна — свидетель.

Сделана работа
Хорошо и чисто!
Тысяча гектаров
Да вдобавок триста!

* * *

Был я на усадьбе
И ходил по полю,
На житье коммуны
Насмотрелся вволю.

И не раз я видел
Чудо здесь такое:
Будто вся работа
Шла сама собою.

Каждый свое дело
Делал со стараньем,
Тут ни принужденья,
Тут ни понуканья.

Все равны в коммуне,
Всем дается право —
Жить, расти, работать
С честью и со славой.

Я еще такое
Видел не однажды,
Что для чужеземца —
Словно сон миражный.

И про то скажу я
Перед целым светом:
Здесь людей печальных
И в помине нету.

Не слыхать в коммуне
Жалоб и раздоров,
Вздохов затаенных,
Горестных укоров.

6

До совхоза «Сосны»[1]
Прямо из коммуны
Протянулись рельсы
Ровные, как струны.

Дружно коммунары
Их зимою клали;
Шла узкоколейка,
Уходила в дали.

Нелегко им было
Строить без прораба,
Сами это дело
Знали они слабо.

Было лишь понятно,

Что построить надо,
Что нужна дорога,
Как весна для сада.

Много было споров
О дороге этой,
Да к тому ж из Минска
Нет и нет ответа.

Вечером, бывало,
Соберутся люди —
Говорят и спорят,
Так и этак судят.

Вызвать инженера
Будет трудновато:
Средствами коммуна
Не так уж богата.

А самим за дело
Боязно им взяться:
Можно провалиться,
Можно просчитаться;

Зря растратить деньги,
Труд затратить даром…
Что же остается
Делать коммунарам?

Судят, рассуждают
Люди, брови хмуря,
Разговор то стихнет,
То шумит, как буря.

Только вдруг сорвался
С места Одериха:

«Сами все построим,
Что еще за лихо!

Был я на заводе
Мастером умелым:
Склепывал рессоры,
Шестеренки делал.

Сладим и чугунку —
Будьте уж спокойны!
Сделаем отлично,
Сделаем достойно…»

Под его командой
Началась работа.
Протянулась насыпь
Через все болото.

Протянулись рельсы,
Как на скрипке струны,
Новую дорогу
Принимай, коммуна!

Строил Одериха,
Делал свое дело,
Как красноармеец, —
Четко и умело.

Не был он во втузах,
Не был инженером,
Был он коммунаром
Стойким и примерным.

Был он коммунаром,
Был он коммунистом
И работу сделал

Хорошо и чисто.

Убегают рельсы
На семь километров,
Мчится паровозик,
Распевают ветры.

Пишут коммунары
О своих успехах,
Что по их дороге
Можно смело ехать.

Пишут: приезжайте;
Просят: поспешите,
На дорогу нашу
Сами поглядите.

* * *

Паровозик засвистел,
И — по перегонам —
Друг за другом, все быстрей
Катятся вагоны.

Ой, бегут они, бегут
По путям чугунным,
Прямо в «Сосны», в совхоз
От самой коммуны.

Из совхоза назад
До коммуны мчатся.
Сколько радости тут!
Сколько людям счастья!

То не шутка, не смех,
А в труде подмога!
Есть в хозяйстве теперь,
Есть своя дорога!

Ты кукуй иль не кукуй,
Птица, на опушке,
Но в коммуне паровоз
Все зовут «кукушкой».

7

А на речке на Оресссе
День встает высоко,
Снова люди наступают
С севера, с востока.

И красуется коммуна
На болоте буром.
Полешане ж одиночки,
Как и раньше, хмуры.

Ой, не хмурься, полешанин,
Погляди на поле!
Вырастает здесь коммуна
Для твоей же доли.

** * **

А по речке по Оресссе
Бегает моторка.
На нее глядит уныло

Старый челн с пригорка.

Он, убогий, доживает
Дни свои глухие:
Ведь теперь челны в Полесье
Новые, стальные.

Эти челны силы полны,
Силы и дерзанья.
И встречает их Оресса
Ласковым журчаньем.

* * *

А на речке на Орессе
Труд повсюду жаркий:
Вышли утром коммунары,
Вышли коммунарки.

И пошло соревнованье —
Пашут, строят, рубят.
Каждый знает свое место,
Каждый дело любит.

И для них не гаснет солнце
И не гаснут зори.
Расширяется коммуна,
Поле — словно море.

* * *

А на речке на Орессе
Растут октябрята,
Пионеры, комсомольцы —
Крепкие ребята.

Это — смена, это — люди
С ясными глазами.
Как отцы их, они будут
Стойкими борцами.

Не потерпят они кривды
Ни за что на свете.
Мил им, дорог край родимый,
Где им солнце светит.

* * *

А на речке на Орессе
Дома чередою
Пахнет свежею замазкой,
Свежею сосною.

Встали крепкие постройки,
Нет в округе выше,
Окна — в сажень вышиною,
Под железом крыши.

Электрические лампы
Светятся ночами…
Это сделала коммуна
Дружными руками.

* * *

А на речке на Оресссе
Много, много дива.
И живут все коммунары
Весело, счастливо.

И гремят в коммуне песни
Средь полей зеленых:
«Если недруги лихие
Край родной затронут;

Если с нами потягаться
Им придет охота,
Осушать пойдем с винтовкой
Пинские болота!»

Совхоз

1

Марьино болото,
Что весь век дремало,
Сколько же богатства
Ты в себе собрало?

Марьино болото,
Вековая сила!
То не ты ль коммуну
И совхоз растило?

Не в твоих ли топях,
Что людьми разрыты,

Зашумели травы,
Колосится жито?

* * *

Шла по белу свету,
Шла молва людская,
Как росла коммуна,
Топи побеждая.

Люди о коммуне
Многое узнали...
Рядом с ней совхозы
Создаваться стали.

(Всем земли хватало —
Жирной, плодоносной.)
Первый появился
Под названьем «Сосны».

А второй — «Загалье» —
Вырос за рекою,
Чтобы рассчитаться
С топью вековою.

Взял себе гектаров
Сорок тысяч смело.
Это вам не шутки,
Не простое дело.

Впрочем, не хочу я
Восхвалять «Загалье» —
Пусть его уж лучше
Критики похвалят.

А свое я после
Выскажу сужденье, —
Там еще болотом
Пахнет, без сомненья.

* * *

Сосны мои, сосны,
Сколько лет росли вы?
Видели немало
В век свой несчастливый.

Плеть царя и пана
Видели вы, сосны;
В зимние метели,
В солнечные весны.

Видели голодных,
Голых и забитых,
Видели убогих,
Видели убитых.

* * *

«Сосны» мои, «Сосны»,
Вы набрались силы,
Хоть расти в болоте
Нелегко вам было.

Выросли вы буйно
Всего за три года,

Поднялись высоко,
Зашумели гордо.

Днем вам солнце светит
Жаркими лучами,
К вам выходит месяц
Темными ночами.

***

«Сосны» мои, «Сосны»,
Вы богаты стали,
Шире, чем в коммуне,
Ваши магистрали.

Глубже и длиннее
Ровные каналы...
Силы положили
Люди здесь немало.

Не тебя ль с опаской,
Поле торфяное,
Обходить старались
Летом и весною?

А сегодня глянешь —
По твоей равнине
Ходят люди, пашут,
Едут на машине.

Все, что видел, все, что слышал,
Описать хочу я,
Как писали раньше в сказках,
Свой рассказ начну я.

Об ударных о бригадах
Вспомнить добрым сказом,
О рабочих, трактористах —
Можно другим разом.

Я начну, как в старой сказке,
Потому, признаться,
Что иначе не выходит, —
Слушайте же, братцы.

За горами, за долами,
Средь болот пустынных,
Вырастала, расцветала
Новая краина.

Где стояли над трясиной
Тростники да лозы,
Появились, зашумели
Нивы, сенокосы.

Поле ровное такое,
Словно стол огромный,
А на нем хлеба бушуют
Силой неуемной.

Тракторы снуют по полю,
Пашут, боронуют.
Трактористы распевают
Про страну родную.

Две дороги на совхозном

Сходятся вокзале.
Перекличку паровозов
Слышат и в «Загалье».

То везут сюда, привозят
На железных шинах
Удобренье для посевов,
Новые машины.

То составы поездные
Сеном нагружают,
То пеньку или картофель
В город отправляют.

Ой, всего в совхозе много —
Хлеб, машины, стадо...
Сосчитать его богатства —
Целый месяц надо.

И стоишь ты, удивленный:
Что с болотом стало!
Целый город на болоте,
И притом немалый.

Да, совхозу, безусловно,
Есть чем похвалиться:
Двухэтажные постройки,
Клуб — ну, как в столице!

Здесь леченья никакого
Не было вовеки,
А теперь свои больницы
И свои аптеки.

Навсегда теперь забыты
Знахари да бабки,

Наше время, наши люди
Дали им по шапке!

Широко наука наша
Распахнула двери:
Даже здесь, в совхозе дальнем,
Свой рабфак вечерний.

На рабфаке на вечернем —
Парни и девчата.
Будет племя молодое
Знаньями богато!..

Электричество в совхозе —
Что твоя жар-птица!
И по радио рабочий
Слушает столицу.

Да, совхоз везде и всюду
Приложил старанья:
Есть и школа, есть и ясли,
Прачечная, баня...

Всюду труд горячий, дружный, —
Нет здесь плети панской.
Здесь везде народ советский,
Рабоче-крестьянский.

Есть, наверно, недостатки,
Как везде и всюду.
Впрочем, их я не приметил,
Говорить не буду.

Я кончаю. И одно лишь
Чувствую при этом:
Сколько там простора, жизни,

И тепла, и света!

Вместо заключения

И коммуна эта,
И этот совхоз
Перед целым светом
Встанут в полный рост.

И чтоб их успехи
Оценить самим,
И идти и ехать
Будут люди к ним.

И, любуясь новой
Силою полей,
Вспомнят добрым словом
Отважных людей.

О новом Полесье
Запоет певец,
И помчатся песни
Из конца в конец.

Воспоют в тех песнях
Труд и героизм,
Как в глухие дебри
Шел социализм,

Как под руководством
Партии побед —
Большевистской партии —
Вспыхнул новый свет.

И хоть жаждет ворог
Снова навредить,
Наше дело вечно,
Вечно будет жить!

Май, 1933

Тарасова доля
Перевод Б. Турганова

Памяти Тараса Шевченко

{30}

1

Ходит весть по Украине
Пышно-величаво,
Ходит степью Поднепровья
Великая слава.

А ту долю, что когда-то
Тарас напророчил, —
Эту долю видят люди,
Узнали воочью.

А та воля, что когда-то
Тарасу приснилась,
Степной ширью разгулялась,
С солнцем породнилась.

А то счастье, что когда-то
Тарасу мерцало,
Всем теперь народам вольным
В Кремле засияло.

Добрым словом поминает
Великого сына
Украина молодая,

Краса Украина.

2

Как родился — не светили
Звезды на просторе,
Зубы скалила неволя,
Хохотало горе.

Песен радостных, веселых
Над его колыской
Не певали молодухи
Ни вдали, ни близко.

А как вырос, как поднялся,
Встал на свои ноги —
Преградили путь-дорогу
Панские пороги.

Надо гнуться перед паном
Да вздыхать несмело,
И порой терзали плети
Молодое тело.

Энгельгардты[{31}], энгельгардты!
Не бывать вам боле,
Отплатила Украина
За свою недолю.

3

Было в то глухое время
Темно, как в могиле,
Люди гибли, словно мухи,
Словно тень бродили.

Ни просвета, ни улыбки,
Ни искры единой, —
Ночь покрыла Украину,
Одну ль Украину?

И гремели и звенели
Цепи ежечасно:
Панство людом торговало,
Как скотом безгласным.

Продавало и меняло,
На карту швыряло;
Слезам-горю конца-краю
Беднота не знала.

Этой каторги да муки
Пером не опишешь…
Все минуло. Только в песне
О былом услышишь.

4

Народился на свет белый
И Тарас в оковах.
Счастлив, братцы, кто не ведал
Доли той суровой!

Мне вот тоже довелося
Знаться с миром старым.

Право, сжег бы эти годы,
Кабы мог, пожаром.

Прошли годы, Тарас вырос —
Тополь в чистом поле.
Выкупили молодого
Друзья из неволи.

Как брал выкуп пан вельможный
Проклятой рукою,
Кровь сверкала на дукатах
Мукою людскою.

Кровь родни закрепощенной,
Крепостного сына,
Кровь сверкала на дукатах —
Кровь всей Украины.

5

По дороге белорусской
В дальнюю столицу
За, господскою каретой
Паренек тащится.

Это наш Тарас бессчастный,
Служка «ясне пана»;
Пан — богач, а он, бедняга,
В одежонке рваной.

Белорусские березки,
У дороги стоя,
Украинцу-мальчугану
Кивали листвою.

Бор шумел над головою,
Журчали потоки, —
Молодому было любо
Видеть свет широкий.

Видел крытые соломой
Нищие избенки,
Людей видел подневольных,
Как в родной сторонке.

6

Как же в сердце белоруса
Музыкой чудесной
Отозвалась, зазвучала
Тарасова песня?

Как же ветер Украины
С думкою крылатой
Долетал до Беларуси
И шумел над хатой?

Рядом доля белоруса
С украинца долей
Шли дорогою тернистой,
Терзались неволей.

Рядом, с детства до кончины,
Гнулись без ответа
Под ярмом и ожидали
Ясного рассвета.

Как жилося, как велося,

Как слабели силы, —
Эту повесть сохранили
Курганы-могилы.

7

Полюбил Тарас девчину,
Полюбил нежданно
И до самой своей смерти
Не забыл Оксаны.

Вместе скот чужой гоняли
Пастись на полянку,
Вместе бегали босые
К речке спозаранку.

И о чем они, бедняжки,
Думали-гадали,
Знают только Днепр могучий
Да степные дали!

Было сердце у Тараса,
Что любить умело,
А глаза умели плакать
По милой век целый.

Только пан увез Тараса
С собой на чужбину,
И пошла в чужие люди
Бедная девчина...

8

Кто, скажите, мог подумать,
Что в такой неволе
У Тараса клад хранится,
Безвестный дотоле?

Ни цари, ни их вельможи,
Ни паны, ни каты
Не могли вовек похитить
Этот клад богатый.

А была его богатством,
Кладом небывалым,
Была песня, что из сердца
На свет вылетала.

Не тонула песня в море,
В огне не горела,
Заковать не мог ту песню
Сатрап озверелый…

Рисовал он и картины,
Но в неволе дикой
Счастье срисовать с натуры
Не мог, горемыка.

9

И не спится и не снится
Тарасу на свете:
Где ни глянь — неволя всюду,
Плачут мать и дети.

Украина под панами,
Под царской пятою

Стоном стонет, погибает,
Не зная покоя.

«Вешать катов, класть на плаху
Головы царевы!» —
Зашумело по Украйне
Тарасово слово.

Все то горе, все те муки,
Что его терзали,
Изливал он на бумаге,
Чтобы люди знали.

Звал искать иную долю,
Долю и свободу,
Искать солнца, искать счастья
Родному народу.

10

И пошли слова Тараса
Странствовать повсюду, —
Прямо в сердце западали
Крепостному люду.

Глаза люди проглядели,
Поджидая волю:
«Справедлива речь Тараса
О народной доле!»

А царя с кровавой свитой,
А панов кровавых
Обуял великий ужас
Перед этой славой…

Стали думать, как Тараса
Лучше покарать им —
То ли в поле на кургане,
То ль в отцовской хате?

И карали его карой, —
Чтоб немым томился,
Чтоб слагать такие песни
Навек разучился.

11

Ой, путь каторжный, нелегкий,
Вытоптанный горем
Да костьми людскими устлан,
Омыт слезным морем!

Тем путем вела Тараса
Его злая доля —
Через пущи, через чащи,
По дикому полю.

Глушь. Безмолвен, как пустыня,
Край тот сиротливый,
Только зверь подчас завоет
Жутко и тоскливо.

Вот куда загнал Тараса
Подлый царь-душитель!
Положил живым в могилу
Жестокий мучитель.

Тарасовы злые муки

Камень только знает,
Да залетный ветер слышит,
Как бедный рыдает.

12

Крепость Орская — острогом,
Да с царским указом,
Чтобы за перо, за кисти
Не брался ни разу.

Чтоб не брался, чтобы песен
Не слагал крамольных.
Вот какую терпел кару
Певец подневольный!

Сны приходят об отчизне
И в этой могиле.
Но писать хотя бы кровью —
И то запретили!

Песня просится из сердца,
Жаркой кровью рдея,
Но и кисти и бумагу
Взяли лиходеи.

Чахнет, сохнет отлученный
От родимой нивы,
Под казенной царской палкой
Тарас несчастливый.

13

Такой кары окаянной
Не снести другому!..
Шел Тарас из заточенья
К родимому дому.

Съела царская расправа
Тарасову силу, —
Меньше он глядел на небо,
А больше — в могилу.

Только песен, песен гулких
Не забыл, бедуя,
Не забыл он в песнях-думках
Украйну родную.

И писал бы думы-песни
Он кровью своею, —
Да всю кровь из жил горячих
Выпили злодеи.

Жадно кровь его из сердца
Пили кровопийцы.
Так пусть память о той муке
Навек сохранится!

14

И погиб Тарас. Не вынес
Жизни подневольной.
Загудели, зарыдали
Днепровские волны.

Шумно побежали волны
Прямо в сине море.

Расскажите, волны, миру
О великом горе!

И плакала Украина,
Плакала, тужила,
Когда сына дорогого,
Певца хоронила.

Холм насыпали высокий
Над Днепром ревучим,
Чтоб далеко Украину
Видно было с кручи.

Спит Тарас, уснул навеки
В той могиле тесной,
Да не спит, жива в народе,
Не спит его песня.

15

Эх, Тарас, кабы проснулся,
Встал ты из могилы
Да на Украину глянул,
Кобзарь ты наш милый!

Глянул бы, огни какие
В степях засверкали,
Новой песней повстречал бы
Днепровские дали.

Над твоей землей привольной
Солнце ярко светит,
Сбросили ярмо навеки
И отцы и дети.

Без царя живут, без пана
Свободные люди.
Всюду стройки, всюду радость —
Чудо здесь на чуде!

А о горе да печали
Нету и помину.
Эх, кобзарь, взглянул бы нынче
Ты на Украину.

1939

Павлинка
Комедия в двух действиях
Перевод Л. Раковского

{32}

Действующие лица

Степан Криницкий, шляхтич-хуторянин, 45 лет.
Альжбета, его жена, 40 лет.
Павлинка, дочь Криницких, 19 лет.
Пранцысь Пусторевич, свояк Криницких, 50 лет.
Агата, его жена, 43 лет.
Яким Сорока, учитель, 25 лет.
Адольф Быковский, 24 лет.
Гости, музыканты.

Действие происходит до революции, в доме Криницких.

Действие первое

Просторная горница. Направо от публики — окна в сад, ближе к оркестру — стол, возле стола — лавки и табуретки, над столом — висячая недорогая лампа, на стене — иконы. Налево — дверь в сени, ближе к оркестру — сундук. Напротив — стена и дверь в боковушку (каморку), справа от боковушки, у стены, — кровать, застланная одеялом, в головах высоко взбитые подушки; налево, — в углу, — печь, на стене — ружье, старинные часы с гирями и

несколько лубочных картинок. Время — осенний вечер перед покровом.

Явление 1-е

Павлинка одна. Стройная и довольно красивая девушка. Одета в недорогое, но чистенькое ситцевое платье, без платка, в волосах несколько гребней. Сидит на кровати и старательно шьет из фабричной материи кофточку. Когда подымается занавес, Павлинка поет.

Павлинка.

Ой, пойду я лугом, лугом,
Где мой милый пашет плугом;
Ой, пойду я лугом, лугом!
Пашет поле он волами,
А я плачу все слезами;
Пашет поле он волами.

(Перестав петь.) Э-э! Что-то не поется сегодня. Сердечко как-то дрожит, будто его кто неожиданно испугал. А может, это песня виновата. Ей-богу, никак себе не угожу. А ну-ка, начну, на счастье, другую. Какую бы? Ага!.. *(Поет.)*

Да чего ж ты, дуб зеленый,
Наклоняешься?
Да чего ж ты, мой миленький,
Сердцем маешься...

(Напевая, подходит к окну и посматривает, потом снова садится.) А все же как-то нехорошо на сердце. И чего ему, бедненькому, недостает? Пить-есть, слава богу, хватает; иногда папа дает деньги и на платья... Чего, ну чего, кажется, тут хотеть?.. Ох, ох, до чего же тошнехонько! Просто хоть собирайся и прочь из дому пускайся! Уже вечереет: скоро нельзя будет шить, а сегодня обязательно надо кончить. Завтра покров... в Михалишках ярмарка... Эх, эх! Если б хоть пришел тот, кого так хочется сегодня повидать. *(Садится у окна и снова начинает петь, продолжая шить.)*

Ой, летели гуси да над Беларусью,
Сели они, пали на седом Дунае!
Сели они, пали, воду замутили
Да нас, молоденьких, навек разлучили.
Пусть бы эти гуси ни за что пропали,
Как с тобой любились — теперь перестали.

(Посмотрев в окно.) Ну, уже без огня совсем нельзя шить! Надо зажечь лампу. Темнеет и темнеет, приближается ночь, а его нет как нет! А ведь обещал, негодный, прийти наверняка. *(Ищет спички и зажигает лампу.)* И что папа против него имеет? С тех пор как узнал, что он ласково на меня поглядывает, словно черная кошка пробежала между ними. Он-то ничего, но папа — живьем бы его съел. Ну, папа — свое, Яким — свое, а я — свое. Посмотрим, чей верх будет: папин, мой или его? *(Подумав.)* Сказал — придет сегодня, хоть бы там земля горела. «Надо, говорит, принять то или иное решение. Мы, говорит, не дети — у нас свой ум, и мы сами можем собою распоряжаться. Только ты, говорит, Павлинка, должна твердо стоять на этом, иначе, говорит, пропадем, как рыжие мыши». *(Вскочив.)* Ай! Кто-то идет. Он, он, наверно он!

Явление 2-е

Павлинка, Яким.

Яким. Вот и я — тут как тут. Добрый вечер ясно-прекрасной панне Павлинке. Что, золотце мое ненаглядное, немножко заждалась меня, негодника? *(Глянув по сторонам.)* А разве никого нет? *(Говоря, приближается к Павлинке, здоровается и хочет ее обнять.)*

Павлинка *(обороняясь).* Ой, ой, потише. Все дома, все дома. Только у Якима не все дома, потому что по ночам ходит к молодым девчатам. Дадут, дадут сейчас перцу старики. *(Топнув ногой.)* Разрешение есть так поздно приходить?

Яким *(садясь).* Есть, есть, цокотунья ты моя, щебетунья! Скажи только поскорее, голубка моя сизокрылая: отец твой дома или нет? Потому — сама знаешь, какая у нас с ним любовь.

Павлинка *(садясь за шитье).* Ой, отчего не знаю: что у кота с собакой. Но будь спокоен, как у бога за пазухой. Оба поехали на базар и, должно быть, поздно вернутся: взяли того-сего для продажи и собираются кое-что купить. Видишь, завтра к нам с ярмарки заедут гости. *(Обнимает Якима, вдруг находит в кармане книгу.)* А это что? *(Читает неумело первые строчки из «Песни о Соколе» М. Горького.)*

Яким берет у нее книгу и сам читает.

Яким. Та-а-ак! Значит, таким манером, вечеринка будет?

Павлинка. Да, да! Вечеринка-то будет, да не все на ней будут.

Яким. Эх, Павлинка! Ты все свое; у меня и так на душе горько, словно там полынь посеяли, а ты еще

сыплешь соль на рану. Возьму назло — и приду. Что они со мной сделают?

Павлинка. Сделать ничего не сделают, но и ты ничего не сделаешь, а только переделаешь…

Яким *(свертывая папироску).* Позволит ли ясная панна Павлинка закурить при ней?

Павлинка. Ого, откуда такая деликатность? Рукам, не спросясь, дает волю, а как папироску закурить, так просит разрешения. Не позволяю за это, вот и все тут!

Яким. А я закурю.

Павлинка. А я не дам! *(Бросает шитье и хочет отнять папироску.)*

Некоторое время они возятся, бегают друг за другом по комнате и нечаянно разбрасывают подушки на кровати.

Яким *(бегая).* Ну, уж хватит, хватит, Павлинка! Больше без твоего разрешения ничему не буду давать воли.

Павлинка. Ну, если так, то — мир!

Садятся. Яким курит. Павлинка шьет.

Яким *(помолчав).* Павлинка!

Павлинка. А! Что, пан Яким, забыл, как меня зовут?

Яким. Да нет! Я хотел бы, золотце, серьезно с тобой поговорить.

Павлинка. И-и! Знаю я эти серьезности. Перво-наперво будет: люблю ли я, потом — очень ли сильно, а потом — готова ли все, все сделать, что чернобровый Яким захочет, а там, а там… и поехало, как на немазаных колесах… Что, неправда?

Яким. Правда-то правда, но всему должен быть конец.

Павлинка. Ну, так слушаем вашу милость. А может, и новую песенку споете нам. Только с одним условием: либо очень веселую-веселую, чтоб даже лявониху захотелось станцевать, или такую грустную-грустную, чтоб, послушав ее, раз, два — и бултых в омут головой! Вот так! *(Показывает и чуть не падает.)*

Яким подхватывает ее и усаживает на лавку.

Яким. Это будет от тебя зависеть, мое солнышко. Какую захочешь, такая и песенка выйдет: или веселая, радостная, как само ясное небо, или грустная, печальная, как осенние тучи над этой черной землей. *(Помолчав.)* Эх, эх! И докуда все это будет тянуться! До каких пор, как суховей, будет сушить нас и мучить?

Павлинка *(шутливо).* Только надо говорить — не нас, а меня. Мне очень хорошо, весело и так легко, легко на сердце… что…

Яким *(с укором).* Павлинка!

Павлинка *(закрывая рот рукой).* Ну, ну, молчу уже… молчу, как рыба.

Яким *(как бы про себя).* Когда, когда придет такое времечко, что соединит нас навеки и мы уже никогда не расстанемся? Когда? Когда?

Павлинка. Ха-ха-ха! После дождика в четверг. Очень уж папа мой взъелся на тебя с тех пор, как узнал, что мы полюбили друг друга. Ну, а без папы это дело сладить будет очень трудно.

Яким. Трудно-то оно трудно, да нет худа без добра. Если бы, например, мы с тобой сделали так: выбрали подходящую минуту, когда старик будет подобрее, взялись за руки, подошли к нему, стали на колени и сказали: так и так, наш добрый батюшка, я люблю Павлинку, а я люблю Якимку — очень, очень сильно, так, что друг без друга нет нам жизни, ну и просим —

успокойте наши сердечки, дайте нам разрешение пожениться...

Павлинка. Э-эх! Не туда ты, мой глупенький Якимка, заехал! Въедешь в невод так, что ни вправо, ни влево. Если б это только с мамой, то еще туда-сюда, как я тебе не раз говорила, но со стариком — просто беда, настоящее горе. Хоть ему кол на голове теши, ничего не добьешься. «Чтоб и на порог, говорит, не осмеливался показаться, башку, говорит, раскрою, гаду!» Вот и делай с ним, что хочешь! Если б мог, так на первой осине тебя повесил бы. Ну и как в таком случае набраться смелости — идти становиться перед ним на колени и просить разрешения? Такого перцу задаст и тебе и мне вместе с тобою, что и женитьба в голову не полезет.

Яким. Так-то оно так! Но я все еще не теряю надежды — авось отойдет. Было же время, что любил меня и даже иногда в беде помогал.

Павлинка. Было, да сплыло. Помогал, пока не увидел, что надо и дочерью пожертвовать, а как дошло до этого, вот тут-то в нем и отозвалась шляхетская фанаберия. Иную теперь песню поет. Нож точит... острый нож точит родной мой папочка на того, кого сам когда-то любил и кого я полюбила... *(Вставая, горячо.)* И на веки вечные любить буду. *(Идет и поправляет подушки, за ней Яким, обнимает ее.)*

Оба садятся, обнявшись, на кровать.

Яким *(помолчав, ласково).* Павлинка!

Павлинка *(смеясь).* Снова забыл, как меня зовут?

Яким. А ты снова за свое... Послушай, миленькая: надумала ты сделать то, о чем я тебя давеча просил и молил? Сама же ты, золотце, говорила мне не раз и теперь говоришь, что твой отец не согласится ни на какие просьбы. Значит, сама хорошо понимаешь, что

иного выхода у нас нет. А лучше всего будет так, как я предлагаю. Что, мы первые или последние? Янка Лукашенок со своей Зосей так сделали, Игнась Маняковский со своей Доменисей, да и многие другие. Родители сперва посердятся, посердятся немного и отойдут, — известно: родительское сердце. Вот и мы с тобой, миленькая, таким манером сами устроим свое счастье и ничьей милости просить не станем. Только твое согласие — и все будет хорошо. Я уж, признаться, говорил с попом. Он завтра приезжает в Михалишки служить обедню и заночует. Ну, а мы к нему… раз, два, и готово…

Павлинка. Думать-то я думала, но как-то страшно. Может, лучше было бы еще немного обождать, а то так быстро, вдруг… Поспешишь — людей насмешишь.

Яким. Какая ты нехорошая, Павлинка! Ты сейчас же: страшно, страшно, обождать, обождать! Этак всю свою молодость в ожиданиях проожидаем. А ведь можно жизнь так хорошо наладить, так хорошо, было бы только желание и выдержка.

Павлинка. А если поймают? Я этого стыда не переживу, люди глаза выколют, нельзя будет на свет показаться. Теперь и то сколько всякой грязи валят на нас услужливые соседи и соседки, а что скажут тогда, когда нам это, избави бог, не удастся?

Яким. Не бойся, золотце, не поймают! Все сойдет гладко. Завтра у вас вечеринка, после вечеринки все будут спать так крепко — хоть из пушек стреляй, ничего не услышат. Я все аккуратно приготовлю, ты только свяжешь в узел самое необходимое, а там — миг, и ты моя на веки вечные.

Павлинка *(с притворной злостью).* Не я твоя, а ты мой на веки вечные.

Яким. Ну, пусть будет так, как тетка сказала. Но это только тогда выйдет у нас, если ты согласишься на то, о чем я тебя просил и прошу.

Павлинка *(подумав, смеясь).* Ну, согласна до... завтрашнего дня, а там посмотрим.

Яким *(повеселев).* И давно бы так, мой цветочек майский. Завтра вечером, как только все улягутся, я буду ждать тебя в саду под окном. Ты оконце отворишь, узелок под локоток да прыг из хаты в сад, как петух!..

Павлинка. Это ты как петух, а я, как...

Яким *(перебивая).* Как курица.

Павлинка. Не курица, а как кукушечка.

Яким. Как кукушечка через окно — фырр! А петух — цап, а поп кропилом — прсс! А там...

Павлинка *(смеясь).* А там снова — фырр! *(Взмахивает руками и хочет вырваться.)*

Яким сильнее прижимает ее к себе, чтобы поцеловать; она притворно обороняется, а потом обхватывает его за шею, и они долго, горячо целуются.

Яким. Ах, если бы так всю жизнь и каждую минуту.

Павлинка. Ого! Разлакомился! Оскомину набьешь, пока охоту собьешь. *(Прислушавшись.)* Ой! Где-то тарахтит! Не едут ли наши с базара?

Яким *(прислушавшись).* Да, кто-то едет!

Павлинка *(печально).* Значит, Якимка, тебе уже надо делать — фырр!

Яким *(вставая, со вздохом).* Ничего не поделаешь — надо! Ох, эти родители! И почему не рождаются на свет дочери без родителей?

Павлинка *(вставая).* Ах, чуть не забыла! Принес ты мне, что обещал?

Яким. Как же, принес, мое золотце. *(Достает из кармана фотографию и отдает Павлинке**.)***

Павлинка *(всматриваясь в фотографию, весело).* Вот хорошо! Вместо одного имею двух: одного, который

сам ходит к девчатам и рукам волю дает, а другого, которого надо носить за… пазухой.

Смеются.

Яким *(любуется ею, хватает и целует).* Ах ты, кукушечка моя ненаглядная!

Павлинка *(обороняясь).* Ну, ну, петушок! Не горячись, поспеешь с козами на торг. *(Выталкивая Якима из комнаты.)*Марш домой! Раз, два, три!..

Яким *(в дверях).* Помни, Павлинка, — завтра!.. *(Уходит.)*

Явление 3-е

Павлинка (одна).

Павлинка *(оправляет кровать, потом смотрит на фотографию, целует ее и прячет за пазуху. Прижимает руки к груди.)* А что, хорошо? Тепленько? А? Возле самого девичьего сердечка… Верно слышишь, как оно, бедненькое, трепещет. Хорошо тебе тут, как нигде никому! Но нет, нет! Так не годится. Еще немного рановато. Послезавтра — другое дело. А теперь *(идет к иконе)* посиди лучше, соколик, за иконочкой. Сидя этак у бога за плечами, меньше будешь держать в голове грешных мыслей, чем нежась тут *(показывает),* за пазухой у молодой девушки. *(Напевая, подходит к стене, прячет фотографию за икону и, как ни в чем не бывало, садится за шитье.)*

Да чем же твоя, девонька,
Головка занята?

Явление 4-е

Павлинка, Степан, Альжбета.

Степан *(подвыпивший, входит с Альжбетой из сеней и напевает):*

Где идем мы, где мы едем,
Корчмы не минуем;
Куда зайдем иль заедем,
Там и попируем.

Альжбета *(кладет покупки на сундук и раздевается. К Степану).* Не смеши ты людей. Если выпил, так ложись спать!

Степан. Молчи, баба!.. Ты, коханенькая-родненькая, ничего не понимаешь... Волос долог, а ум короток. *(Напевает.)*

Мужик сатана —
В соху впряжена жена.
А в борону теща
Под горой за рощей.

(Хочет обнять Альжбету.)

Альжбета *(отталкивая).* Ах ты гнилая кочерыжка! Может, тебе еще чего захочется?

Степан *(выделывая коленца).*

Дед боб молотил,
Баба подсевала...

Павлинка. Папа! Да бросьте уж! Раздевайтесь лучше и, может, чего-либо покушаете.

Степан. А может, это и верно, коханенькая-родненькая... Если б кислой да горячей капусты...

(Сбрасывает верхнюю одежду и кладет на сундук.)

Сброшу сапоги, армяк
Да обую лапти.
Каждый — умный иль дурак —
Пан у себя в хате.

(Садится за стол.)

Павлинка *(бросив шитье на кровать, Альжбете).* Мама, достаньте из сундука скатерть, а я принесу вам поесть.

Явление 5-е

Степан и **Альжбета.**

Альжбета *(достает из сундука скатерть).* С кем ты так нализался?

Степан *(закуривая трубку).* Я и с тем, я и с этим, а ты, коханенькая-родненькая, угадай с кем?

Альжбета. А леший тебя знает с кем!

Степан. Не говорил ли я, что у тебя тут *(стучит пальцем по лбу)* не все дома. Ну, слушай: с зятем!

Альжбета *(удивленно).* С зятем?

Степан. Да, да, коханенькая-родненькая. Кто со сватом, кто со сватьей, а Степан Криницкий — с родным зятем.

Альжбета *(накрывая на стол).* Правду все-таки говорят, что водка сбивает людей с панталыку. Когда же ты успел его нажить? Дочь еще замуж не вышла, а у отца уже зять есть!

Степан. Если еще не имею теперь, так будет в четверг. Это, видишь, он только еще собирается подмазаться к нашей Павлинке; а чтобы гладко все шло, так он сперва меня подмазал.

Альжбета *(садится).* Так бы и говорил сразу. А кто же это такой?

Степан. Адольф Быковский!

Альжбета. Э-э! Я думала — кто такой! Оказывается, ничего путного. Только ездит да вынюхивает, у какой девушки больше приданого, а сам гол как сокол.

Степан. Приданое вынюхивает, потому что нос имеет. Но все-таки это для нас блин, да еще смазанный маслом. Он сам мне, коханенькая-родненькая, хвалился, что у него хозяйство во сто раз лучше, чем у всех здешних хозяев. Говорит, за одного только коня заплатил в этом году три сотни. «На этом самом коне, говорит, завтра заеду к вашей милости с ярмарки». *(Щупает карман, про себя.)* Куда ж она девалась? *(Альжбете.)* Ты, баба, не видала книжки, что я купил сегодня? Куда она пропала?

Альжбета. Что я, пастушка твоим книжкам? Может, пропил с этим своим зятем.

Степан *(идет к сундуку, находит в армяке книжку и кладет ее за икону, куда Павлинка положила фотографию).* Коханенькая-родненькая, не думай, что я какую-либо дрянь выбрал себе в зятья. Завтра он приедет, посмотришь, так сразу запоешь иное. Одним словом, парень шляхетского рода, с форсом, со всякой деликатностью, и все такое.

Явление 6-е

Павлинка, Степан, Альжбета.

Павлинка *(входя с миской, с ложками и хлебом под мышкой).* О ком это, папа, говорите, что имеет всякую деликатность и все такое? *(Ставит еду на стол и садится за шитье.)*

Степан *(ест).* Очень ваша милость любопытна! Много будешь знать, коханенькая-родненькая, скоро состаришься.

Павлинка *(просит).* Скажите, скажите, папочка!

Степан. Ага, ни село, ни пало — захотела баба сала! Если уж тебе, коханенькая-родненькая, так хочется, то скажу. *(С почтением.)* Значится, этот паныч с деликатностью и со всяким таким — мой зять.

Павлинка *(прыскает со смеху).* Зять?!

Степан. Значится, он еще не совсем зять, но скоро им сделается.

Павлинка. А как же фамилия этого… этого, ну как его… что когда-нибудь сделается папиным зятем?

Альжбета. Да этот же, это… Ты, верно, когда-либо видела его… Адольф Быковщик.

Павлинка. Быковщик?!

Степан. Да, да! Пан Адольф Быковский.

Павлинка. Ну, разве папа для него обзаведется другой дочерью или сам с ним поженится, чтобы сделать его своим зятем.

Степан. А ты что? Лом?

Павлинка. Лом не лом, но и за ломаку не пойду.

Степан. А ремень для чего?

Павлинка. Для чего угодно, только не для того, чтобы гнать замуж.

Степан. Коханенькая-родненькая, еще придется посмотреть, где кто будет сидеть.

Альжбета *(Степану).* Ешь лучше, чем переливать из пустого в порожнее. Как приедет свататься, тогда то и будет.

Павлинка. Папа давно знает, за кого я пойду, или уж совсем ни за кого.

Степан *(изменившись в лице, бросает ложку на стол).* Что? За кого?

Павлинка *(встает и идет к кровати).* За кого? За Якима!

Степан *(стучит кулаком по столу).* Молчи, гадюка! Раз сказал, чтобы этого негодяя не было в моем доме, чтобы его имени я не слышал никогда... этого безбожника, этого... этого забастовщика. Так и не забывай об этом, коханенькая-родненькая...

Павлинка *(с обидой).* Зачем напраслину взводишь? Он никакой забастовки не делал и не делает.

Степан *(со злостью закуривает трубку).* Черт его возьми, не тут будь помянут, — делал или не делал! Знать и видеть его не хочу в своем доме, этого хама, это ничтожество.

Альжбета. Павлинка, убирай со стола!

Павлинка *(бросив на кровать шитье, идет к столу)*. А давно ли папа с ним целовался?

Степан. Коханенькая-родненькая, не попадайся на глаза. А не то — и тебя с этой дрянью выгоню из дома.

Павлинка идет с миской к двери; неожиданно дверь отворяется, в комнату вваливается пьяный **Пранцысь Пусторевич,** за ним его **жена.** Пранцысь нечаянно выбивает из рук Павлинки миску.

Павлинка. Ай! Что ж это вы, дядя, сделали?

Явление 7-е

Павлинка, Степан, Альжбета, Пранцысь, Агата.

Пранцысь. Пустяки, пустяки, пане добродею. Похваленый Езус! Собственно, откупим, откупим, вось-цо-да[{33}]!

Степан и Альжбета. Аминь!

Альжбета. Мои вы родненькие! Неужели вы все еще с базара едете? Кажется, раньше нас выехали?

Пранцысь. Собственно, вось-цо-да, кобыла заблудилась, пане добродею!

Агата. Туды-сюды, разве этот пьяница приезжал когда-нибудь вовремя домой? Он же, как тряпичник, шатается то туда, то сюда по дороге.

Пранцысь. Пане добродею, твое бабье дело — молчать. Я, собственно, вось-цо-да, ловкий, тонко понимаю, что и как делаю.

Альжбета. Садитесь же, мои миленькие!

Агата. Туды-сюды, где уж тут садиться! Ночь на дворе, кобыла у забора, пол версты до дома, а этот, туды-сюды, филин косоглазый, не выдержал, чтобы не наделать ночью беспокойства людям. *(Садится, а за нею остальные.)*

Степан. Э, что там! Выспимся! Слава богу, ночка не петровская, а покровская.

Павлинка *(подбирая черепки).* Завтра гости будут, а дяденька последнюю миску раскокал. Надо, чтобы на ярмарке две откупил.

Пранцысь. Пустяки, пане добродею, пустяки. Поминальную по миске, собственно, выпьем. *(Достает из бокового кармана бутылку, потягивает из нее и снова прячет назад.)*

Альжбета *(смеясь).* А если бы, сваток, и нам дал пососать эту соску. Разве мы со сватьей поскребыши…

Павлинка *(уходя с черепками).* Ого! Этих святых капель дядя и умирающему не дал бы, не то что… *(Уходит.)*

Явление 8-е

Степан, Альжбета, Пранцысь, Агата.

Пранцысь *(вслед Павлинке).* Пустяки, пустяки, пане добродею. Молоденькая еще, молоденькая! Лозы надо,

собственно, вось-цо-да!

Агата *(Альжбете).* Что, сватейка, туды-сюды, купили хорошего на базаре?

Альжбета. Да так, кое-что. Посмотрите, если хотите. Ничего интересного.

Встают, обе идут к сундуку и рассматривают брошенные на него покупки.

Пранцысь *(Степану).* Слыхал, сват, пане добродею, что сегодня говорили люди?

Степан. Нет, нет, коханенький-родненький, не слыхал: некогда было. А что?

Пранцысь. Да как же, вось-цо-да! Говорят, пранцуз, пане добродею, идет на Борисов за шапкой и рукавицами, которые когда-то там оставил. Четыреста тысяч войск с собой ведет и, собственно…

Агата *(перебивая, с места).* Не четыреста тысяч, а четыре сотни тысяч…

Пранцысь. Пустяки, пустяки, пане добродею. Все равно идет, вось-цо-да. Пружинный костел с собой несет, пане добродею.

Агата *(с места).* Туды-сюды, не несет, а везет на машине, что по воздуху летает.

Степан и Альжбета *(удивленно).* Ай-я-яй! По воздуху костел везут!..

Агата. Да, да! Туды-сюды, я сама своими ушами слышала.

Степан. Вот когда пошло все вверх ногами! Как поставят этот пружинный костел, так можно надеяться на какое-либо облегчение и для нашего брата. Слава богу, слава богу! А вот моя экономка, доченька моя, щебетушка, спуталась с этим… с этим безбожником, и хоть ты у нее кол на голове теши.

Пранцысь. Молоденькая, собственно, вось-цо-да. Березовой каши не мешало бы, пане добродею.

Альжбета. Очень трудно с теперешней молодежью. Такая распущенность пошла на свете, что не дай бог. Вместо молитвенников читают какие-то дрындушки. Ветер у всех у них в голове гуляет. Вот мне когда-то сказали: выходи за Степана — я и пошла без всякого спора со своими стариками.

Агата. А верно, верно, туды-сюды! И мой как ко мне посватался, так покойный отец и говорит: иди, все равно тебя никто лучший не возьмет; я подумала, туды-сюды, ну и пошла.

Смотрят обе на своих мужей, потом — друг на друга, плюют каждая в разные стороны и снова рассматривают покупки.

Пранцысь. Да, да, пане добродею, когда-то иначе было. *(Достает бутылку и пьет, а потом дает Степану.)* Собственно, пустяки, вось-цо-да, было, а ты, сват, выпей, чтобы то, что было, память позабыла.

Степан пьет. Пранцысь придерживает бутылку, чтобы тот не выпил лишнего.

Степан *(вытирая усы и сплевывая).* Щиплется, чтоб ее нелегкая!

Пранцысь *(пряча водку).* Ага, вось-цо-да, щиплется, собственно, потому, что чужая, пане добродею.

Оба закуривают.

Альжбета *(Агате).* А завтра, сватья, будете на ярмарке?

Агата. Да надо будет как-либо дотащиться.

Явление 9-е

Те же и Павлинка.

Павлинка *(входя, Альжбете).* Может, мама, положили бы сыр под гнет, потому что он до завтра не отожмется.

Альжбета. Успеется... Дай мне с тетей наговориться.

Павлинка. Идите, идите, мамочка, а я за вас с тетей поговорю.

Агата. Идите, сватейка, туды-сюды, не обращайте на меня внимания. Мы тут с Павлинкой обождем вас.

Альжбета *(выходя).* Ну, как хотите.

Павлинка и Агата садятся на сундук и оживленно о чем-то разговаривают.

Явление 10-е

Павлинка, Степан, Пранцысь, Агата.

Степан. Знаете, сваток, этого... этого... как его, а чтоб тебя. *(Павлинке.)* Павлинка, как этот зовется, что меня сегодня подмазывал?

Павлинка *(вспоминая).* Как же его, как? Кажется, Бык. Бычок.

Степан. Ага, он, он. Нет, не так! Быковский, коханенькая-родненькая, вот как! Пан Адольф Быковский. *(Пранцысю.)* Видишь, сваток, он, значится, подбирается к моей Павлинке. Что ты на это?

Пранцысь *(доставая водку).* Пустяки, пустяки, пане добродею. Собственно, бычок, вось-цо-да, и больше ничего. *(Пьет и дает водки Степану.)*

Степан *(выпив).* Завтра, таким манером, приедет понюхать, как и что, так и сваток со сватьей загляните к нам. Коханенький-родненький, может, торг будет

налаживаться, то закинешь какое словцо. Смотрите приезжайте.

Пранцысь. Пустяки, пане добродею. И прийти можно. Собственно, близко, вось-цо-да.

Степан. Близко-то близко, да чтоб не было склизко: как будто дождь собирается.

Павлинка *(с места).* А папа коня поил?

Степан. Нет, коханенькая-родненькая. Сейчас пойду. *(Пранцысю.)* Может, вместе со сватом пойдем? Я своего напою, а сват своего посмотрит, хорошо ли привязан.

Пранцысь. Пустяки, пане добродею. Собственно, женка довезет, если кобыла убежала. *(Агате.)* Правда, баба?

Агата *(с места).* Что правда?

Пранцысь. Собственно, если б кобыла убежала, так ты меня довезешь домой, пане- добродею.

Агата. А чтоб ты, туды-сюды, боками ездил! Иди скорей, посмотри! Это и у меня из памяти вылетело.

Степан. Пойдем, коханенький-родненький.

Обнимаются и, покачиваясь, выходят, напевая:

Чего ж нам не петь,
Чего ж не гудеть,
Коли в наших хатах
Порядок есть…

Явление 11-е

Павлинка, Агата.

Павлинка. Но если ж я его люблю, тетенька!

Агата. Мало ли что, детка, туды-сюды, любишь его, а если отец не хочет, так подумай, что скажут люди, если пойдешь против воли родителей.

Павлинка. А что люди? Не они с нами жить будут, и после моей смерти не им за меня страдать. Поговорят, поговорят, да и перестанут, как намозолят языки.

Агата. Как знаешь, моя детка. Что ж, я, туды-сюды, ничего посоветовать не могу.

Павлинка *(заломив на коленях руки).* Когда он такой хороший, такой умный, что и слов нет.

Агата. Все они хорошие, пока не возьмут девушку в свои руки, а как возьмет, тогда на иной лад, туды-сюды, заиграет, а ты пляши под его дудку. И мой, пока сватался за меня, был смирен, как теленок, а когда женился, так стал настоящим волком.

Павлинка *(не обращая внимания на слова Агаты)*. Книжки мне приносил... Хорошо так обо всем рассказывал... как надо жить, как надо всех людей любить, и много, много чего. И любит же он этих людей совсем не так, как мы их любим. Ведь надо знать, сколько мой папа наговорил на него всякой напраслины, очернил, а он хоть бы что. «Известно, говорит, человек: ему показалось что-то или не понравилось, оттого и злится. У нас, говорит, все идет не так, как надо. Люди, говорит, у нас как звери: друг на друга бросаются, друг друга травят, подзуживают, ненавидят. С малых лет, говорит, привыкают жить в ненависти, с малых лет учат их этому и дома и в людях. Слепые, говорит, все слепые. Не имеют друг к другу никакой жалости, хотя всех их давят нищета и всякие напасти».

Агата. Слыхала я, слыхала о нем не раз. Очень уж, говорят, туды-сюды, умный и хороший он.

Павлинка *(оживившись).* А что, разве неправда? И все было бы хорошо, если б не этот папа: что хочешь делай с ним.

Агата. Надо, детка, обождать, авось, туды-сюды, перемелется и все хорошо будет.

Павлинка. Третий год, тетенька, ждем, и ничего не выходит. Третий год дрожу и жду той минутки, чтобы только с ним увидеться. Повешусь, тетенька, повешусь, если меня с ним разлучат.

Агата *(крестясь).* Во имя отца и сына! Туды-сюды, что ты, Павлинка? Побойся бога говорить такие слова к ночи! Тьфу! Мать пресвятая!

Павлинка *(показывая).* Если тут, тетенька, сердце болит, что жить не могу. Такой он миленький, такой красивенький, такой послушный… *(Засмотревшись вдаль.)* Когда они с папой были еще в ладах, придет, бывало, воды за меня принесет, дров наколет. Не посмотрит на то, что учился наукам, а теперь сам учит и больших и малых. Никогда от него дурного слова не слыхала. Знаете, тетенька, так и хочется с кем-нибудь о нем говорить и думать без конца. И почему я такая несчастная? *(Со слезами.)* Родной отец хочет оторвать меня от того, кто мне теперь милее всего, — жизни, родного дома, целого света. И почему я такая несчастная?

Агата *(прижимая к себе Павлинку, сквозь слезы).* Тише, моя детка, тише. Не горюй, не печалься, миленькая. Как-нибудь все устроится. Всевышний бог, туды-сюды, милосерден и о твоей тяжкой доле не забудет.

Павлинка *(как бы очнувшись).* Ну, будь что будет, — я своего добьюсь или сгину, чтоб и следа не осталось.

Агата. А все-таки скажи мне, детка, почему твой папа так на него взъелся?

Павлинка. Потому… потому, что Яким из мужиков…

Явление 12-е

Павлинка, Агата, Степан, Пранцысь.

Пранцысь *(за дверью).* Пустяки, вось-цо-да. Никуда не делась. Я знаю, собственно, убежала домой, пане добродею.

Степан и Пранцысь входят в комнату.

Степан. И надо же было свату так плохо ее привязать, да еще в такую темень.

Агата *(схватившись).* Кого привязать?

Пранцысь. Кобылу, кобылу, пане добродею. Не тебя же, вось-цо-да.

Агата. Так где же кобыла?

Пранцысь *(доставая бутылку).* Собственно, нет кобылы, где была, вось-цо-да, пане добродею.

Агата *(подбегая к Пранцысю с кулаками).* Так чего же ты, туды-сюды, некрещеная кость, расселся, как в своей хате?

Пранцысь *(потягивая из бутылки).* Пустяки, пустяки, вось-цо-да. Окрестим, собственно, пане добродею, если некрещеная.

Агата *(хочет вырвать бутылку, Пранцысь не дает).* Вот я тебя сейчас, туды-сюды, как окрещу этой фляжкой по голове, так и своих не узнаешь, несчастный ты «вось-цо-да». *(Плачет.)* А, боже ж мой, батюшка мой! За что меня покарал этим, туды-сюды, пьяницей, этим лодырем, этой культяпой мордой, этим… этим…

Явление 13-е

Те же и Альжбета.

Альжбета *(вбегает, держа в руке мешочек с творогом)*. Что у вас тут случилось, мои миленькие?

Павлинка. Дяденькина кобыла убежала, или ее кто украл. *(Садится на кровать и шьет.)*

Альжбета *(Пранцысю).* Так чего же, сваток, ждете? Бегите скорее домой, — она, верно, там; это ей не впервой.

Агата. Разве эту, туды-сюды, трухлявую колоду сдвинешь с места? Сидит же вот, антихрист, чтоб ему моль пятки разъела, и с места не сдвинется.

Степан *(закуривая трубку).* Успокойтесь, сватья. Никуда она не денется. Коханенькая-родненькая, она дома, наверно дома.

Агата. А ты, сват, туды-сюды, не суй своего носа, куда тебя не просят. *(Пранцысю.)* Идем! Слышишь или нет!..

Пранцысь *(вставая).* Пустяки, пане добродею, пустяки. У меня голова ловкая. На тебе, вось-цо-да, поеду, собственно, домой.

Агата *(уводя Пранцыся).* Будьте здоровы! Похваленый Езус! Падаль эта, ломака, наделал работы!

Уходят, за ними Альжбета с мешочком.

Явление 14-е

Павлинка, Степан.

Степан. Ох, и дают же себя знать свояки. Но, слава богу, две дырки в носу — и конец: избавились от них.

Павлинка. А давно ли папин гнедой убежал из Лужанки и папа приплелся домой пешком?

Степан. Что было, то сплыло и больше, коханенькая-родненькая, не будет, как говорят люди.

Павлинка. Посмотрим. Завтра ярмарка.

Степан. Не бойся, коханенькая-родненькая. Я кобылу поймаю, но смотри, чтоб и ты поймала мне такого зятя, о котором я тебе сегодня говорил.

Павлинка. Что он — конь или вол, чтобы мне его ловить?

Степан. Не конь и не вол, а так себе, дойная скотинка.

Павлинка. Так вы, папа, его и доите, если он такой дойный, а я и не подумаю.

Степан. Ничего, ничего, коханенькая-родненькая. Подумаешь, как накормлю березовой кашей. Вот только бы погода была хорошая, а то он говорил, что не поедет на ярмарку, если будет дождь.

Павлинка. Черт его не возьмет! Такой сахар не размокнет.

Степан. Коханенькая-родненькая, как скажу, так и будет; две дырки в носу — и конец. Вот только надо узнать, будет ли завтра хорошая погода. Купил я сегодня календарь — какой-то белорусский, как говорит лавочник. Спрашивал я у него, пишут ли в нем о погоде, так лавочник говорит, что о погоде в нем написано больше, чем о другом. Значит, узнаем правду. *(Идет и достает из-за иконы календарь; оттуда же падает на пол фотография.)*

Павлинка, спрыгнув с кровати, подбегает, чтобы поднять ее, но не успевает.

(Поднимая фотографию.) А это что такое?

Павлинка *(пытаясь отнять).* Это мое. Отдайте мне, папа!

Степан. Я спрашиваю — кто это?

Павлинка. Разве не видите?

Степан *(с злобной усмешкой).* Ха-ха-ха! Яким!.. Пропади ты с ним. *(Хочет порвать.)*

Павлинка не дает.

Павлинка *(сквозь слезы).* Отдайте, папочка, отдайте, не рвите! Не издевайтесь над ним…

Степан *(оттолкнув от себя Павлинку).* Отцепись от меня, негодница. Я вам тут поразвожу шашни…

В сенях стук. Входят **Пранцысь, Агата,** за ними **Альжбета.** Павлинка стоит, потупившись, глотая слезы, теребит пальцами фартук.

Явление 15-е

Павлинка, Степан, Альжбета, Пранцысь, Агата.

Пранцысь. Пустяки, пане добродею. Я, вось-цо-да, говорил, собственно, никуда не денется.

Агата ***(дразнит).*** «Вось-цо-да, вось-цо-да»! Сам кобылу, туды-сюды, поставил под поветью, а ищет у забора. Напрасно только ползали, искали следов.

Альжбета. Ну, слава богу, что хоть нашлась. *(Степану.)* Что ты там вертишь в руках?

Степан *(тыча фотографией в лицо Альжбете).* На, на! Полюбуйся, какие подарки получает твоя доченька!

Альжбета *(закрывая лицо рукой).* Чего тычешься? Такая же она твоя, как и моя.

Степан. Врешь! Если б она была моя, то была бы такая, как я.

Пранцысь. Покажи, покажи, пане добродею, что это за птица?

Степан *(показывая).* На, смотри, сваток! Поздравь меня с такой доченькой и с этим... с этим еретиком!

Пранцысь *(рассматривая).* Эге! Это тот умненький, ученый, грамотей... Собственно, Сорока, вось-цо-да.

Степан. Да, да! Яким Сорока.

Агата *(Степану).* Туды-сюды, покажите и мне, сваток.

Пранцысь *(Агате).* Ты, пане добродею, баба, не лезь с любопытным носом. Собственно, стереги свою юбку и чулки, вось-цо-да. А мы, судьи, суд сделаем... правый и скорый.

Павлинка *(подходя к Альжбете, ласково).* Мамочка, возьмите ее у папы.

Альжбета. Что я с ним, детка, сделаю? Еще драться начнет.

Степан *(Пранцысю).* А ты правильно, сваток, говоришь. Сделаем суд-пересуд добрым складом над этим гадом. А какой?

Пранцысь. А такой, пане добродею: стражников позвать, исправнику донести. Собственно, инквизиторский суд сделать: пополам — раз! — и готово! Вось-цо-да!

Павлинка *(бросаясь к Степану и целуя его руки, сквозь слезы).* Папочка, отдайте. Не издевайтесь над ним!.. Он же вам ничего худого не сделал...

Степан *(со злостью).* Спать, спать пошла, коль такого нашла! Спать! *(Рвет фотографию.)*

Павлинка *(с плачем опускается на лавку).* Папа, погубить меня хотите, насильно выгнать из дому.

Пранцысь *(доставая бутылку).* А теперь, собственно, выпьем поминальную, вось-цо-да. *(Пьет.)*

Павлинка *(вскочив с лавки, бросается к Пранцысю)*. По кобыле своей пей поминальную, а не по человеку, которому и в подметки не годишься! *(Вырывает и разбивает о землю бутылку.)* Вось-цо-да!

Пранцысь *(разведя руками, удивленный, как и все)*. О-о-о-о!

Занавес

Действие второе

Та же горница, что и в первом действии. За столом сидят: **Степан, Альжбета,** и гости — **три парня и три девушки.** Мужчины сидят на одном конце стола, а женщины — на другом. Пьют чай, наливая в блюдце, закусывают. Парни шутят с девушками, перебрасываясь хлебными

катышками. С левой стороны (смотря от публики), у стены, где боковушка, сидят **двое музыкантов** и, настраивая инструменты, тихо переговариваются между собой. Возле дверей в сени, у сундука, стоит на табурете самовар. **Павлинка,** принарядившаяся по-праздничному, увивается вокруг гостей. Немного изменилась в лице; время от времени вздыхает и незаметно посматривает в окно; вместе с тем старается быть веселой и бойкой. Когда подымается занавес, Павлинка несет чай.

Явление 1-е

Павлинка, Степан, Альжбета, гости, музыканты.

Павлинка *(ставя чай перед Степаном).* Что ж это о папином зяте ни слуху ни духу? Не пронюхал ли он, что у меня нет приданого?

Степан. Коханенькая-родненькая, не горюй. Не будет Сысой, будет черт иной.

Павлинка *(насмешливо).* Мало ли что будет… Но если меня уже как магнитом стало тянуть к этому Бык… Бычку. Ах, как его?

Степан *(с ударением).* Быковскому.

Павлинка *(подходя к другому концу стола).* Может, Адели еще стаканчик?

Гостья. Спасибо. Напилась.

Альжбета. Да бери. Чего спрашиваешь? Панна Аделя только два выпила.

Гостья. Если ж больше не хочется.

Один из гостей. Пусть паненке захочется за компанию со мной.

Павлинка *(берет стакан).* Выпьешь, выпьешь, Аделька, — поместится.

Альжбета *(пододвигая гостям еду).* Старайтесь, гости дорогие, старайтесь. Вот — сыр, масло, ветчина. Сегодня неплохо поработали за полькой да лявонихой.

Гости *(угощаясь).* Спасибо, спасибо! Мы стараемся!

Степан. Чем богаты, тем и рады. Хлеб на столе, руки — свои. Извините только, коханенькие-родненькие, что водки нет.

Но я в этом не виноват. Хотел взять в Михалишках, так, как назло, монополька была целый день закрыта.

Музыкант *(в сторону, другому).* Не проживет, если не соврет. Я сам видел, как после обедни у монополькі вечерню с бутылками справляли.

Второй музыкант. Слушай его! Скряга, и больше ничего.

Павлинка *(поставив Адели стакан, к одному из гостей)*. Может, пан Викентий еще выпьет?

Гость *(утирая концом скатерти губы и лоб).* Оно было бы уже довольно, но если панна Павлинка так ласково просит, то можно еще стаканчик.

Павлинка *(идя со стаканом, в сторону публики).* Этот уже пятый стакан дует. Наделает себе хлопот, честное слово.

Степан *(Альжбете).* Да хорошо ли ты просила Пусторевичей? Почему их так долго нет?

Альжбета. Если бы и не просила, то приедут. *(С насмешкой.)* Должно быть, собственно, кобыла заблудилась.

Один из гостей. Почему сегодня на ярмарке не было Якима Сороки? А то, бывало, этаким франтом похаживает — фу-ты ну-ты, ножки гнуты!

Павлинка *(ставя чай).* А пану Бенедикту завидно, что не сумеет приодеться, хотя, может, и есть на что?

Гость. Чем тратить деньги на одежду, я лучше их кому-либо дам взаймы.

Павлинка *(садясь на кровать).* И процентик хороший слуплю, чтоб в пятках у того закололо.

Гость *(самодовольно).* Хе-хе-хе! А у панны Павлинки злость еще не прошла, что я когда-то этому господину Сороке не дал ни под какие проценты.

Павлинка. Не очень ему этим и повредили. Нашлись люди, что одолжили и без процентов и дали ему возможность поехать на учительские курсы. Теперь ни в чьей милости не нуждается.

Одна гостья. Конечно, нет! Такой человек нигде не пропадет.

Степан *(до этого прислушивавшийся к разговору о Сороке).* Коханенькие-родненькие, бросьте об этом свинопасе говорить. Приелись мне разговоры о нем хуже горькой редьки. И говорите о нем или не говорите — все равно ничего не выйдет. Я его уже отправил.

Павлинка *(встревоженно).* Куда отправил?

Степан. А ты, коханенькая-родненькая, не слушай, развесив уши, а лучше за гостями смотри. Две дырки в носу — и конец.

На минуту наступает тишина. Павлинка угощает, но все отказываются.

Альжбета. Что ж, извините, гости дорогие! Не хотели пить и есть, потом сами будете жалеть.

Степан. Извините, извините, коханенькие-родненькие, только не говорите потом: всего было вдоволь, да потчевали плохо.

Гости *(вставая из-за стола).* Спасибо, спасибо пану хозяину и пани хозяйке. Подкрепились, слава богу, лучше и не надо.

Павлинка *(вставая с кровати).* Прошу паненок пересесть сюда; паны кавалеры, возьмите себе табуретки и посидите, а я тем временем угощу чаем наших музыкантов.

Степан и Альжбета *(вставая из-за стола).* Как же, надо, надо!

Девушки садятся на кровать, парни возле них на табуретах; шутят между собой.

Альжбета *(подходя к музыкантам).* Идите, миленькие, выпейте по стаканчику чая.

Музыканты. Спасибо, пани! Мы уже сегодня пили.

Альжбета. Мало что когда было, а теперь надо еще подкрепиться. *(Берет инструменты и кладет их на сундук, усаживает музыкантов за стол и садится сама. Павлинке.)* А ты, детка, налей музыкантам чаю!

Степан *(закуривая трубку).* Простите только, коханенькие-родненькие, что водки нет.

Музыканты. И без этих капель будем живы.

Слышен стук в сенях.

Степан. А вишь, кто-то наконец появился. Надо пойти посмотреть, а то еще в дверь не попадет. *(Идет.)*

Один из гостей. Неси, боже, неженатого да богатого!

Одна гостья. Женить будем.

Павлинка *(ставя музыкантам чай, подходит и смотрит в окно. В сторону.)* Ах, как же темненько!

Один из гостей. Кого панна Павлинка так высматривает?

Павлинка. Того же — неженатого да богатого.

Явление 2-е

Те же и Адольф Быковский.

Степан *(встречая Адольфа в дверях).* А-а! Наконец-то гость дорогой явился! Что же это, коханенький-

родненький, так долго ждать себя заставил?

Адольф *(вешая пальто на стене у порога).* Мир дому сему!

Несколько голосов. Навеки! Навеки!

Адольф *(здороваясь со Степаном).* Простите, что немного опоздал. Но в этом виноват мой жеребец. Как понес с горы, что возле Притык, — выбросил меня и сломал ось, так что должен был взять другую повозку, потому и задержался.

Один из музыкантов *(в сторону, другому).* Чтоб ему пусто было! Какой черт его нес? Конь чуть ноги тянет, да и все тут.

Второй музыкант. Конечно. На моих глазах заплатил весной за какую-то падаль тридцать рублей, и та уже его понесет?

Степан *(Адольфу).* Пожалуйста, пожалуйста, дальше, сюда, где близок кут — и где все тут.

Адольф. Благодарю, благодарю вашу милость. Прошу из-за меня не беспокоиться. *(Идет, со всеми здоровается; Альжбете целует руку, стоя к ней боком и не сгибаясь.)*

Альжбета. Прошу пана Адольфа пожаловать за стол! Может, выпьете чайку и чего-либо закусите? *(Павлинке.)* Павлинка, налей пану Быковскому чаю!

Адольф *(садясь за стол по другую сторону от музыкантов и закуривая папироску).* А что ж у вашей милости хорошего слыхать?

Степан *(присаживаясь к столу).* Да что у нас слыхать? Старая баба не хочет подыхать, а молодая замуж идти.

Адольф *(самодовольно).* Хе-хе-хе! Старую — на тот свет отправить, а молодую — заставить.

Альжбета *(Степану).* Сходи посмотри, хорошо ли привязан конь пана Быковского.

Адольф. Не беспокойтесь. Я его хорошо привязал.

Степан. Коханенький-родненький, хоть и привязал, но сена, верно, не дал. У нас так: гости как попало, а скотину надо хорошо досмотреть. *(Уходит.)*

Явление 3-е

Те же без Степана.

Павлинка *(ставя перед Адольфом чай и сама садясь поодаль).* Что это, у пана Адольфа конь с горы понес?

Адольф. А как же! Три сотни весной заплатил и только хлопот нажил. Но у меня все так! Коровы мои стоят каждая по целой сотне рублей; как начнут летом беситься, так и на хорошем коне их не догонишь.

Павлинка *(с хитрецой).* Верно, и овцы у пана Адольфа тоже бесятся?

Адольф. Да, да! У меня пятнадцать старых и двадцать молодых. Как ударит жара, так они чуть не все крутятся на одном месте.

Павлинка *(идя за чаем, в сторону).* Мотыль[{34}] овец мучает, и у самого тут *(показывает пальцами на свою голову)* мотыль, а думает, что овцы бесятся.

Альжбета. Какой же в этом году урожай у пана Адольфа?

Адольф. А ничего себе. *(Нагло врет.)* Жита нажал копен около двухсот, овса также двести, ячменя — около сотни.

Один из гостей. А сколько ж у пана земли?

Адольф. Волоки[{35}] с полторы хороших будет.

Гость. А лес есть?

Адольф *(вытирая платочком лоб).* А как же, есть, с пол-волоки, если не больше. Сосенка в сосенку!

Гость. А сенокос есть?

Адольф. Есть, есть! Над самой речкой, тоже с полволоки. Мурава как шафран.

Музыкант. Так у пана всего с полволоки пахотной земли?

Адольф. Н-ну да! С добрую полволоку.

Альжбета. У нас пахотной земли, должно быть, около трех волок будет, и то мы столько не нажали.

Павлинка *(садится с чаем у стола).* Видно, пан Адольф хозяин получше, чем мы.

Адольф. О, у меня хозяйство ни в чем не подкачает. У меня жена и то будет лучше, чем у всех.

Один из гостей. Не попалась бы только с норовом.

Павлинка. Интересно, пан Адольф уже приторговал себе такую?

Адольф. Это пока что секрет.

Павлинка. А мне пан Адольф скажет?

Адольф. Да, но сперва папе и маме, а потом уже вашей милости на самое ушко.

Павлинка *(берет у него стакан).* Хорошо, хорошо! Пан Адольф как знал, что я немного глуховата.

Адольф. Глуховата?!

Павлинка *(идя за чаем, в сторону).* Надо шершня поводить за нос, чтоб и десятому заказал, как жен покупать.

Альжбета. Пан Быковский, кажется, у нас в первый раз?

Адольф. Да, в первый.

Гостья. Так пану надо дать поцеловать старую бабу.

Гость. Пан Адольф падок только на молодых и богатых, а старые у него в счет не идут.

Адольф. Правда, правда! Меня только к молодым тянет.

Альжбета *(в сторону).* И дурак же он, как видно.

Павлинка *(подавая Адольфу чай).* К кому это вас тянет: к дорогим коровам или к дорогим кобылам?

Альжбета. Да нет! Пана Быковского тянет только к молодым девушкам.

Адольф *(пьет чай).* Да, да. Только к молодым девушкам.

Павлинка. А болячка на языке от этого не вскочит?

Альжбета. Что ты? Разве пан Быковский конь?

Музыкант *(в сторону, другому).* Конь не конь, а, видно, порядочная скотина.

Адольф *(Павлинке).* Панна Павлинка все говорит мне комплименты.

Павлинка *(рассеянно).* Да! Комплименты. *(Музыкантам.)* Подкрепляйтесь, подкрепляйтесь, музыкантики! А то уж ноги чешутся. Так и хочется топнуть с паном Адольфом лявониху.

Адольф. Фи! Я не танцую таких мужицких танцев.

Музыканты *(Павлинке).* Спасибо! У же подкрепились как надо. Теперь можем и резануть что-либо для паненки. *(Садятся на свои места и настраивают инструменты.)*

Павлинка *(Адольфу).* А какие же танцы вы танцуете?

Адольф. Герц-польку, пойди-спать, манчиз, пойди-кварту. *(Встает из-за стола, целует Альжбете руку, к Павлинке.)* Ну что ж? Может, мы с паненкой попробуем?

Павлинка. Я этих мудреных танцев не только не умею, но даже никогда их и не видела.

Адольф. Не бойтесь! Я научу паненку плясать на все лады. *(Берет Павлинку за руку, музыкантам.)* Сыграйте нам герц-польку.

Музыканты. Этого мы не умеем.

Адольф. Ну так пойди-спать!

Музыканты. В первый раз слышим.

Адольф. А может, пойди-кварту знаете?

Музыканты. И это в первый раз слышим.

Павлинка *(как бы жалея).* А-яй-яй! Вот тебе и на! Так и не научусь этим панским танцам.

Адольф. Вы не огорчайтесь. Я буду выщелкивать языком, а вы, панна Павлинка, только прислушивайтесь

да выделывайте ногами так, как я.

Павлинка. Значит, будем танцевать под язык?

Смех. Адольф выщелкивает языком, изображая музыку, и бестолково вертится с Павлинкой.

Адольф *(показывая).* Вот так, вот так! Правую ногу сюда, а левую туда. Голову влево, а спиной к порогу, да вот так! Раз, два, три, то направо, то налево…

Все смотрят на них и смеются.

Явление 4-е

Те же и Пранцысь, Агата, Степан.

Пранцысь *(пьяный).* Похваленый Езус! Вось-цо-да, пане добродею.

Несколько голосов. Аминь!

Пранцысь *(взглянув на Павлинку и Адольфа).* А! Это что, собственно, за выкрутасы такие, как в цирке или в сумасшедшем доме?

Один из гостей. Это пан Быковский учит панну Павлинку новомодным танцам.

Пранцысь и Агата раздеваются.

Пранцысь. Можно, можно дальше крутиться, как в пляске святого Витта. Дальше, дальше! Раз, два, три, вось-цо-да!

Адольф *(продолжает показывать Павлинке).* Вот так, вот так. То направо, то налево. Раз, два, три! То туда, то сюда, ножка в ножку, раз, два, три!

Павлинка *(вырываясь).* Нет, ничего все-таки не выйдет. Не способна я к науке.

Адольф *(усаживает Павлинку).* Это только в первый раз трудно, а потом пойдет гладко, как по маслу. *(Ходит по комнате, обмахивая лицо платочком.)*

Пранцысь, Агата и Степан садятся за стол, Альжбета подает чай.

Пранцысь *(закуривая со Степаном трубку).* Собственно, пане добродею, кобыла с дороги сбилась, и потому немного опоздали. Но это пустяки, пустяки. Еще время будет, вось-цо-да!

Агата. Какого черта с дороги сбилась? Пока объехал, туды-сюды, всю околицу, как погорелец, так и полночь чуть не захватила. Туды-сюды, все гору искал.

Пранцысь. Ты, баба, собственно, молчи, вось-цо-да! Ты ничего никогда не соображаешь, а у меня голова ловкая. Я, пане добродею, Барнашев, Барнашев — куда пошел, туда и пришел. *(Гостям.)* А вы, молоденькие, не обращайте внимания, вось-цо-да, танцуйте, пане добродею, пока еще ноги держат.

Павлинка. А верно дядя говорит. Будем танцевать, зачем зря время терять! *(Музыкантам.)* Сыграйте, будьте добры, польку, но такую, знаете, чтоб аж свет ходуном пошел.

Музыканты. Хорошо, хорошо! Мы для паненки постараемся. *(Играют польку.)*

Все, кроме стариков, танцуют; Адольф с Павлинкой, остальные гости — кто с кем. За столом Пранцысь со Степаном угощаются водкой из бутылки, которую Пранцысь принес с собой.

Адольф *(танцует, припевая).*

Танцевала брюква с маком,
А петрушка с пастернаком,
А цыбулю диво взяло,
Что петрушка танцевала.

Павлинка *(отвечая).*

А на печке девки спали,
Девки денежки считали;
Насчитали пол-талера
И купили кавалера.

Адольф.

Ой, к девчине на беседу
Скоро в гости я приеду.
Лошадей не пожалею,
Чтоб увидеться мне с нею.

Павлинка.

В огороде ячмень всходит,
А ко мне Яким мой ходит.
Расти, расти, ячмень, гуще,
Ходи, ходи, Яким, пуще!

Адольф.

Сидит голубь на суку,
Соловей на ветке;
С одной девушкой гуляю,
Другая в приметке.

Павлинка.

Ты женися, не ленися,
Будешь пановати:
С одной будешь свиней пасти,
С другой загоняти.

Адольф.

Наше поле каменисто —
Ни проехать, ни пройти;
Наши девочки форсисты —
К ним никак не подойти.

Павлинка.

Я форсунья, ты католик,
Не тронь меня за подолик,
Мой подолик шелком шитый,
Кто полезет, будет битый!

Степан *(когда перестали танцевать).* Браво, браво, пан Адольф! Способен к танцам, как — не сравнивая — костельный служка к четкам.

Пранцысь *(потягивая из фляжки).* Пустяки, пустяки, вось-цо-да! Собственно, хоть в кармане пусто, зато ноги сыплют густо. Если б ему еще да мой расторопный ум, так совсем было бы хорошо, пане добродею.

Агата. Брось ты уже, туды-сюды, лопотать, как лоток на мельнице! Танцуют — пусть танцуют; ты своими кочергами так не сумеешь.

Альжбета *(Пранцысю).* Может, сваток, чего-нибудь закусили б?

Пранцысь. Пустяки, вось-цо-да. Собственно, закушу, закушу. *(Гостям.)* А вы, пане добродею, забавляйтесь, пока хозяин из хаты вон не гонит, вось-цо-да.

Павлинка *(Адольфу).* Может, пан Адольф споет нам что-либо? Я слышала, что у вас очень красивый голос.

Адольф *(останавливаясь).* Э-э! Какой там красивый! Так себе. Конечно, лучше, чем у других.

Несколько голосов. Так просим спеть. Мы все просим!

Адольф. Если уж так сильно просите, то можно. А какую же панна Павлинка хотела бы?

Павлинка. Все равно, какую угодно! Ну, которая лучше у пана Адольфа выходит.

Адольф *(поет нескладно, обмахивая платочком лицо).*

Плывут голубочки,
Лебеди летают.
От нашей любови
Мало ожидаю.

Павлинка. А верно; ничего не будет.

Один из гостей. Разве голуби плавают, а лебеди летают?

Адольф. Ну, если перебиваете, то совсем не буду петь.

Альжбета. Пусть пан Быковский не обращает на них внимания: известно — молокососы, что они знают!

Павлинка *(посмотрев в окно).* Простите, пан Адольф! У меня нечаянно вылетело словцо.

Несколько голосов. Простите, простите! Просим, просим. Больше не будем!

Пранцысь. Собственно, пане добродею, заведи еще свою шарманку, она у тебя прямо как граммофон, вось-

цо-да, трубит.

Адольф. Спою. Но если еще хоть раз перебьете, тогда обижусь и совсем брошу петь. Пойте тогда сами!

Несколько голосов. Нет, нет! Не будем!

Адольф *(поет).*

Гляжу я без толку на хладную шаль,
И черную душу терзает печаль.

Павлинка *(давясь от смеха).* Разве у пана Адольфа душа черная?

Один из гостей. Зачем же, пан, глядишь на нее без толку?

Адольф *(насупившись).* Больше петь вам не буду, хоть на коленях просите. Пойте сами, если такие умные! *(Садится.)*

Павлинка. И споем, если пан Адольф такой несообразительный, что даже шуток не понимает. *(В сторону.)* Эх, скорее бы все это кончилось!

Один из гостей. А верно, споем все вместе.

Павлинка *(Адольфу, лукаво).* А пан Адольф нам поможет?

Адольф. Не подумаю.

Несколько голосов. А что мы споем?

Павлинка. «Да куда ж ты, дуб зеленый, наклоняешься»?

Адольф. Фи, мужичья!

Павлинка. А пан Адольф, может, хотел, чтобы мы затянули какой-нибудь манчиз?

Пранцысь. Собственно, вось-цо-да, если такой панской натуры, так заткни куделей уши, пане добродею!

Степан *(Пранцысю, тихо).* Коханенький-родненький, не трогай его! Он, видишь, как я уже говорил, подмащивается к моей Павлинке. Если будешь

насмехаться, он может еще отбиться, а я его стараюсь приручить.

Павлинка. Ну так что? Согласны?

Несколько голосов. Согласны, согласны! А потом другую.

Павлинка. Только не сбиваться. Смотреть, как я буду отбивать такт руками.

Несколько голосов. Хорошо, хорошо!

Поют. Павлинка, грустно улыбаясь, дирижирует. Потом и Пранцысь подходит и отсчитывает такт бутылкой, музыканты помогают своей игрой.

Да куда ты, дуб зеленый,
Наклоняешься?
Да зачем ты, милый мой,
Сердцем маешься?

Пранцысь *(когда все перестали петь).* А теперь, вось-цо-да. «Чего ж мне не петь», пане добродею.

Адольф. Опять мужичью?

Пранцысь. Да, вось-цо-да! А ваша милость, собственно, оставь свою панскую свиньям на завтрак.

Агата *(подходит и тянет Пранцыся за полу).* Брось ты уже, туды-сюды, с ума сходить!

Пранцысь. Вось-цо-да, отцепись от меня, пане добродею.

Павлинка. Ну, будем петь «Чего ж мне не петь, чего не гудеть».

Поют так же, как первую песню.

Пранцысь *(когда окончили).* А теперь, собственно, «Чечеточку», пане добродею.

Несколько голосов. «Чечеточку», «Чечеточку»! *(Поют.)*

Спородила чечеточка семь дочерей,
Спородила чечеточка семь небольших…

Альжбета *(когда стихли).* Отдохните, миленькие, хоть немного, а то очень устали. *(Пранцысю.)* Идите, сваток, за стол да, может, чего закусите, потому что и вы помогали.

Пранцысь *(садясь).* Собственно, пустяки, вось-цо-да… Молодым надо показать, показать, пане добродею, а они все сумеют… только правильно их научить. *(Выпивая из бутылки, Степану.)* А ты, сват, держись, вось-цо-да. Им не дам, они еще молоденькие, успеют.

Степан. Правда, правда, сваток! Их время еще не ушло. ***(Пьет.)***

Павлинка *(возле гостей).* А что мы теперь будем делать? Уже напелись, так, может, опять потанцуем?

Пранцысь *(закусывая).* Собственно, обождите, я сейчас скомандую, пане добродею, за что и как взяться, потому что у меня ум расторопный, а вы ничего не знаете.

Павлинка. Хорошо, обождем. *(Адольфу.)* Что же это пан Адольф надулся, как мышь на крупу или как будто последнее в горшок засыпал?

Одна гостья. Пан Адольф, видно, влюбился.

Адольф. Ну так что, если влюбился?

Пранцысь *(угощаясь).* Собственно, теперь, вось-цо-да, пойдем плясать лявониху, пане добродею.

Все. Лявониху! Лявониху!

Адольф. Опять мужичья!

Павлинка *(подлаживаясь к Адольфу).* А мы с паном Адольфом топнем лявониху, в самом деле топнем!

Простите меня, грешную, удастся ли еще так весело с вами потанцевать.

Адольф. Да я не очень и сержусь. Если уж так хотите, то пойдем, что там такое?

Пранцысь *(музыкантам).* Собственно, жарьте, пане добродею! *(Альжбете.)* А мы со сватьей топнем, вось-цо-да!

Степан *(Агате).* И мы со сватьей, коханенькая-родненькая!

Музыканты играют лявониху. Женщины немного упираются, но потом идут; за ними остальные гости. Павлинка с Адольфом.

Пранцысь *(припевает).*

Ох, Лявониха-Семениха была,
Ох, Лявону хлеба-соли не дала!
Ой, Лявониха-Семениха, ай-ей!
Не ходи ломать капусты моей!

Альжбета.

Хоть капуста заросла лебедою,
Не пойду ее полоть за тобою,
Пропади ты и с капустой своей,
Не суши красы девичьей моей!

Степан.

Ох, Лявониха, ты женка моя,
Мне немытую сорочку дала,
Не катаную, немытую,
Только шелком всю расшитую.

Агата.

А мой тата, деверюсенька,
Веди меня помалюсеньку,
Не веди меня по поженьке,
Веди меня по дороженьке:
По поженьке мои ножки нейдут,
По дорожке они сами бегут.

Адольф.

Как я бегал, как ни бегал,
Лишь бы милую проведал,
Как катился, ни катился,
Лишь бы к милой привалился;
Как и скок, так и скок,
Лишь бы к миленькой под бок!

Павлинка.

А когда же я у маменьки жила,
Словно вишенка в садочке цвела,
Досталась я злому духу — мужику,
Иссушил меня, как липочку в духу.

Адольф.

Ты березочка, березка моя,
Ты березка нетребленная,
Твои листья не серебряные.
Наши девки непоседливые.

Павлинка.

Не веди меня ни в лес и ни в сад,
Ты веди-ка лучше к батюшке назад.
Не веди меня ни в лес, ни в бор,
Отведи-ка лучше к батюшке во двор.

Пранцысь *(когда перестали танцевать, Степану).* Собственно, и задала же мне твоя баба жару, вось-цо-да. Аж ноги трясутся, пане добродею.

Степан. И твоя, коханенький-родненький, не отстала, чуть одышку мне не нагнала.

Агата. Оба вы, туды-сюды, кузнечные мехи, неповоротливые, вот и кажется, что кто-то задавал вам жару.

Альжбета. А правда, сватьюшка, правда. Им только вокруг бутылки вертеться, а не лявониху плясать.

Пранцысь. Ага, собственно, хорошо, что, сватьюшка, пане добродею, вспомнила. *(Достает бутылку и угощается со Степаном.)*

Павлинка *(Адольфу).* Ну как же, понравился пану Адольфу наш мужицкий танец? Как я замечаю, у вас лявониха лучше выходит, чем какая-то пойди-кварта. И припевки складные знаете!

Адольф *(с деланной скромностью).* Да немного кое-каких выучил.

Один из гостей. Пора нам и честь знать! Верно, уже близко к полуночи.

Несколько голосов. Да, да, время двигаться домой.

Павлинка *(с облегчением, в сторону).* Слава богу! ***(Гостям.)*** А может, еще потанцевали бы?

Альжбета. Кому далеко, то оно конечно, а кому близко, так не вредно еще повеселиться.

Несколько голосов. Нет, нет! Уже поздно, да и пора!

Павлинка. Ну, так пусть музыканты сыграют напоследок марш, чтобы всем приснилось веселое и всем крепко-крепко спалось.

Степан. А это не мешает. *(Музыкантам.)* Что ж, коханенькие-родненькие, будьте добры, сыграйте еще что-либо на прощанье дорогим гостям, а там — две дырки в носу — и конец.

Музыканты играют марш. Гости одеваются, прощаются и выходят, за ними музыканты.

Явление 5-е

Павлинка, Адольф, Степан, Альжбета, Пранцысь, Агата.

Степан. Вот и потише стало в нашей хате, некому уже плясать.

Пранцысь. Собственно, пустяки, вось-цо-да. Было шумно, пане добродею, и будет шумно.

Агата. А да, да, туды-сюды, когда будет свадьба Павлинки.

Павлинка. Э-э! Моей свадьбы никогда не будет, значит, и шумно не будет.

Адольф. Разве вы думаете, паненка, у родителей жениха не хватит на свадьбу?

Павлинка. Хватит не хватит, а моей свадьбы никто не увидит.

Степан. Это, коханенькая-родненькая, посмотрим. Еще я в своей хате — как гвоздь, хозяин, а не гость! Жита полон сусек, и сала хватит для всех.

Пранцысь. Собственно, пустяки, вось-цо-да. Бывает, что свадьба, что похороны, пане добродею, — одно на одно выходит.

Агата. А ты, вось-цо-да, прикуси свой язык и не тычься, туды-сюды, куда тебя не просят. Напился,

наелся, так и молчи.

Альжбета *(Агате).* Что же, сватейка, такого? Сват ведь ничего худого не говорит. *(Павлинке.)* Собирай-ка со стола, детка.

Пранцысь. Собственно, то ли свиньи ели, вось-цо-да, то ли шляхта угощалась, — так стол выглядит, пане добродею.

Павлинка. Хорошо, мама, сейчас. ***(Адольфу.)*** А пан Адольф мне поможет?

Адольф. Если потрафлю, так почему же нет?

Убирают со стола, посуду ставят на табурет возле самовара.

Альжбета. Вы бы, детки, вынесли посуду на ту половину.

Павлинка. Все равно, я потом вынесу сама, а теперь… *(плутовато посматривает на Адольфа)* я боюсь с паном Адольфом идти одна на ту половину.

Адольф *(неся посуду, в сторону).* Видно, девка втрескалась в меня по самые уши.

Павлинка *(идя к столу, в сторону).* И угораздило же бога создать такую кочергу несуразную.

Пранцысь *(Павлинке).* А правда, собственно, лучше будь строга, чем нажить врага, пане добродею.

Агата *(Пранцысю).* А ты не мели попусту, а думай, как домой дойти.

Пранцысь. Пане добродею, так и пойдем, что там, собственно, такого.

Оба прощаются и выходят. Альжбета помогает убирать со стола.

Явление 6-е

Павлинка, Адольф, Степан, Альжбета.

Павлинка. Не так, пан Адольф, берете стаканы; надо вот так. *(Показывает.)* Ну, подходит! Не сравнивая — как вол к карете.

Адольф. А панна Павлинка все мне комплименты говорит.

Павлинка *(в сторону).* Дураку плюнь в глаза, он скажет: божья роса!

Альжбета *(Степану, который за столом клюет носом)*. Что ты табак вешаешь? Ступай ложись спать. Тут тебе не корчма.

Степан *(сонно).* Коханенькая-родненькая, я навешаю, а ты купишь. Сон — не плохая вещь. Почему колядки — добрые святки, потому, что поел да на полатки. *(Вылезая из-за стола, Адольфу.)* Коханенький-родненький, прости... Веселись тут с Павлинкой, а я немного прикорну. Сегодня моя еще до света меня подняла. *(Отводит Адольфа в сторону.)* Ну что? Как моя Павлинка, подошла?

Адольф. О, прекрасная девушка! Хоть сегодня готов на ней жениться.

Степан. Ну, так топай возле нее, только смело: она девка податливая, хотя, может, немного и с мухой в носу.

Адольф. Хэ-хэ-хэ! Я ко всякой сумею подлизаться. Степан. Ну, так подлизывайся, коханенький-родненький. *(Прощается и идет в боковушку.)*

Явление 7-е

Павлинка, Адольф, Альжбета.

Альжбета *(вытирая стол).* А ты, Павлинка, может, поиграешь в карты с паном Адольфом?

Адольф. Да и мне уже надо собираться домой.

Павлинка. Разве пан Адольф рассыпался, что думаете собираться? Еще доедете, конь же у вас — не шуточки!

Адольф. О, конь у меня хороший!

Альжбета. Ну, так зачем же спешить? Это у нас, стариков, как говорится, одна речь — поел, да и на печь.

Павлинка *(в сторону).* Чего доброго, заночует, вот беда будет! *(Посматривая в окно.)* И темень страшная! *(Вслух.)* А погода сегодня неплохая. Даже месяц светит, что редко бывает в покров. Пану Адольфу хорошо будет ехать домой.

Адольф. А хоть бы и плохая, мне близко: жеребец в момент домчит.

Альжбета *(Павлинке).* Ну, так посмотри, где карты, да позабавьтесь еще немного с паном Адольфом, а я, должно быть, пойду следом за дедом. Сегодня таки натопалась за день.

Адольф. Пожалуйста, пожалуйста, панечка! Не обращайте внимания на нас, молодых.

Альжбета. Вот я и пойду.

Адольф *(целуя Альжбете руку).* Скоро и я поеду, вот только дам одного хозяина панне Павлинке.

Павлинка. Посмотрим, кто кого! *(Ищет карты.)*

Альжбета уходит в боковушку.

Явление 8-е

Павлинка, Адольф.

Адольф. Что паненка ищет?

Павлинка. Того, чего еще не имею. Карт.

Адольф *(глянув на окно).* А вот они — на окне.

Павлинка *(в сторону).* Думала, что не увидит; может, скорее бы из дома выпроводила, не найдя карт.

(Адольфу.) Ну, раз есть, так будем играть. *(Посмотрев в окно.)* А во что?

Адольф. В хозяина.

Павлинка. Это значит в дурака?

Адольф. Ну, так говорят только мужики. *(Раздает карты.)*

Павлинка. А как пан Адольф думает, кто мы? Также — мужичьего рода.

Адольф. Первый раз слышу.

Павлинка. Да и пан Адольф тоже мужичьего рода.

Играют в карты.

Адольф *(удивленный).* И я?

Павлинка. Да, да! Когда-то все были мужики, оттого теперь каждый человек мужичьего рода, хоть кто и прикидывается паном. Да и что говорить! Адам и Ева и то были мужиками.

Адольф *(удивленный).* Адам и Ева?

Павлинка. И Ной и Иисус.

Адольф. Что я слышу? Откуда это, панна Павлинка, все знаете?

Павлинка. Нет, уж не скажу!

Адольф *(просит).* Прошу сказать.

Павлинка. Не той бьете! Вот разиня!

Адольф *(поправившись).* Да скажите!

Павлинка *(нетерпеливо).* Ну, хорошо. Спросите у Якима Сороки: он вам все расскажет.

Адольф проигрывает.

Пан дурень! Пан дурак!

Адольф *(поправляет).* Хозяин. *(Раздает карты.)*

Павлинка *(в сторону).* Какого черта хозяин, если дурак?

Адольф. Что панна Павлинка говорит?

Павлинка. Говорю: да, хозяин. *(Минуту молчит. В сторону.)* О чем говорить с этой телятиной! И, как на грех, не уходит! *(Адольфу.)* А что, пан Адольф хочет жениться?

Адольф. Ой, страшно хочу. А панне Павлинке замуж хочется?

Павлинка. Ого, еще и как хочется!.. Если удастся, то, может, даже сегодня выйду.

Адольф. А я же еще с вашими родителями ничего об этом не говорил.

Павлинка. О чем — об этом?

Адольф. Ну, о том, как я буду жениться, а панна Павлинка замуж идти. *(Проигрывает.)*

Павлинка. Снова пан в дураках! Снова дурак!

Адольф. Хозяин!.. *(Раздает карты.)*

Павлинка. А может, уже хватит? Что-то спать хочется. *(Зевает, встает и посматривает в окно. В сторону.)* А что, если не пришел?

Адольф *(не расслышав).* Кто не пришел?

Павлинка. Я говорю, хоть бы дождик не пошел. *(С притворной жалостью.)* Я так жалею, так жалею пана Адольфа, чтоб он не вымок, — даже тут что-то трясется. *(Показывает на грудь.)*

Адольф. И я также панну Павлинку жалею, и теперь и потом...

Павлинка. Когда это — потом? Когда пан Адольф еще в дураках останется?

Адольф. Да нет! Тогда, как будем... как будем... ну, как это сказать.

Павлинка. Опять сплутовал! *(Поправляет.)* Вот так было, этак бить надо, а этой хожу, и пан Адольф снова дурак, дурак, дурак!

Адольф. Хозяин!

Павлинка. Все равно, хоть хозяин, но как карты показывают, то — дурак!

Адольф. Пусть будет и так! Теперь за то, что панна Павлинка меня обыграла, возьму и уеду. *(Встает.)*

Павлинка *(с облегчением, в сторону).* Собрался-таки наконец.

Адольф. Доброй ночи панне Павлинке! Прошу ждать — я приеду за ответом.

Павлинка. Возьмите лучше его сейчас!

Адольф. Кого?

Павлинка. Да тот ответ.

Адольф. А панна Павлинка все шутит. *(Прощается. Выходя, в сторону.)* Вот так девка — по всем статьям. Одним словом, как сторублевая кобыла. Такая женка — по мне!

Явление 9-е

Павлинка (одна).

Павлинка *(беспокойно).* А тот, может, лучше бы и не приходил! Так внутри все как-то дрожит... И зачем это я ему обещала? Лучше было бы подождать! Что делать? *(Ходит от окна к окну и посматривает.)* Дернула же меня нелегкая согласиться! А может, не придет? ***(Грустно.)*** А если не придет, то, значит, он уже меня больше не любит. Нет, пусть лучше придет, а там будь что будет. Надо погадать. *(Загибает пальцы.)*Придет, не придет, придет, не придет, придет. *(Весело.)* Придет, придет! А теперь — любит или не любит? Ну, это надо погадать на картах. *(Берет и раскладывает карты.)* Любит, не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлет, любит, не любит, к сердцу прижмет... *(Весело.)* Да, да, любит, прижмет к сердцу. Раз карты так показали, то надо собираться. Но должна сперва послушать, спят ли старики. *(Идет и подслушивает у дверей боковушки.)* Спят, даже храпят, как будто суконки рвут... *(Подходит,*

смотрит в окно, задумывается.) Что взять? Ага, надо заглянуть в сундук. *(Открывает сундук, копается в нем; достает бусы и примеряет.)* Вот! Это надо взять — они мне к лицу. Платье новое тоже надо взять. Все это свяжем в платок. *(Расстилает платок и складывает свои вещи.)* А-а, и ботиночки должна взять, потому что в чем же я с ним бежать буду? Корсажик тоже возьму — кому его тут носить? И-и... уже больше, кажется, ничего! *(Завязывает, идет к кровати.)*

За окном слышится шорох.

(Тихо.) Ай, кто-то пришел! Карты все-таки сказали правду. *(Глядя на публику.)* Пришел, мой миленький, пришел! *(Идет к окну.)* Кто там?

Голос из-за окна (приглушенный): «Я! Я!»

(Всматриваясь в окно, в сторону.) Ничегошеньки не видно! Темень страшнейшая! *(В окно.)* Кто — я?

Голос: «Я! Я! Разве не узнала?»

Обожди минутку. Вот я сейчас. Только подушечку свяжу и одеяло.

Голос: «Да мне ничего не надо!»

Мало что не надо, а я возьму, мягче будет спать. *(Быстро идет к кровати, связывает подушки и одеяло в простыню.)* Ну, уже готово! *(Отворяет окно и выкидывает узлы.)* Принимай, а сейчас-и меня! *(Про себя.)* Надо из боковушки взять верхнюю одежду и платок, только бы старики не проснулись. *(Уменьшает в лампе огонь и идет в боковушку. Через некоторое время выходит оттуда одетая.)* А теперь надо и самой выброситься. *(Быстро идет к окну.)*

В боковушке слышен шорох.

Ах, кто-то встал!

Явление 10-е

Павлинка и Степан.

Степан *(выбегает из боковушки, закутавшись в одеяло).* Кто тут? Кто тут лазит в полночь? Альжбета! Альжбета! Скорее сюда! Караул!

Павлинка, перекрестившись, бросается в окно. Степан увидел.

Вор! *(Бежит к окну и хватает Павлинку за ноги.)* Альжбета! Скорее сюда! Ружье давай!

Явление 11-е

Павлинка, Степан, Альжбета.

Альжбета *(выбегает, как и Степан, закутавшись в одеяло, вся трясется).* Матушка пресвятая! Что тут делается? *(Шарит по стене.)* Сейчас, сейчас несу ружье. *(Хватается за гирю часов, часы с грохотом падают со стены и разбиваются.)* Ай! Что же я натворила!

Степан *(держит Павлинку за ноги, Альжбете).* Куда тебя немочь унесла? Скорее подкрути фитиль да помоги тянуть!..

Альжбета *(бежит к лампе).* Сейчас, сейчас!

Павлинка *(перевесившись через окно).* Тащи, братец, сильней!

Альжбета *(подкрутив фитиль, бежит к Степану).* Боже мой! Это ж Павлинка! Откуда ты взял вора?

Степан. Коханенькая-родненькая, не мели языком, а помогай тащить, — там какой-то гад ее за руки держит.

Павлинка. Сильнее, сильнее, братец!

Альжбета *(помогая Степану тащить).* Что ты, детка, одурела, что ли?

Вытаскивают Павлинку через окно на середину горницы.

Степан. Ты это, коханенькая-родненькая, куда собралась лететь?

Павлинка *(опираясь рукой о стол, потупившись)*. Я! Я… хотела замуж идти!

Степан и Альжбета. Через окно?

Павлинка. А что ж, если, папа и мама, не пускаете через дверь.

Явление 12-е

Те же и Пранцысь, Адольф, Агата.

Пранцысь *(без шапки, вваливается в комнату, держа за ворот Адольфа).* Собственно, пане добродею, вора, вора поймал, вось-цо-да.

Агата *(таща узлы).* А как же, туды-сюды, с этими котомками возле вашего окна копался.

Павлинка, Степан, Альжбета. Пан Быковский?!

Пранцысь. Так, так, пане добродею, Адольф, Адольф! Вор, собственно, вось-цо-да!

Степан *(Адольфу).* Так это ты у меня хотел дочь украсть, ворюга, коханенький-родненький?

Адольф *(заикаясь и не понимая, в чем дело).* Я… я… сбился тут возле сада с дороги, хотел у панны Павлинки спросить через окно, как выехать…

Пранцысь. Собственно, вор, вор! Узлы из хаты через окно повытащил. Может, и шапку мою украл?

Агата. Ты сейчас, пьяница, туды-сюды, и голову забудешь. Уже домой дотащился и только тогда осмотрелся, что шапку забыл.

Пранцысь. Собственно, а баба зачем, — чтобы все стерегла. Но вора, пане добродею, поймал, поймал, вось-цо-да.

Степан *(Павлинке).* Так это ты, коханенькая-роднень-кая, за него хотела замуж убежать, как узнала, что этого гада, эту дрянь за прокламации арестовали?

Павлинка *(глухо).* Боже мой, боже! Якимку арестовали!

Степан *(самодовольно).* Хе-хе-хе! Теперь это мужичье отродье не будет больше поганить наши стежки.

Павлинка. Якимку арестовали! Моего соколика ненаглядного арестовали!

Степан *(Адольфу).* А ты, коханенький-родненький, негодяй, обманщик, вон из моей хаты, чтоб и ноги твоей тут не было! Не мог как полагается, по-христиански — со сватом, с церковным оглашением — мою дочь взять, но, как вор, хотел выволочь через окно! Вон! Вон!

Адольф. Я… я… только хотел спросить дорогу…

Пранцысь *(развязывая узлы.)* Собственно, вор, пане добродею! Подушки и платья девичьи через окно украл. К уряднику марш! К уряднику, ворюга, вось-цо-да!

Павлинка. Якимку арестовали! Мою зореньку ясную арестовали! *(Дико.)* Ха-ха-ха! Звери слепые! *(Как сноп, падает на землю.)*

Суматоха. Крики: «Воды, воды!»

Пранцысь. Собственно, пане добродею, у меня есть капли. *(Достает из кармана бутылку и брызгает в лицо Павлинки водкой.)*

Агата *(бросаясь к Пранцысю).* Туды-сюды, ошалел…

Степан *(хмуро).* Коханенькие-родненькие, две дырки в носу — и конец!

Занавес

1912

Якуб Колас
Стихотворения и поэмы

{36}

Стихотворения

«Не ищите, не просите...»
Перевод Е. Мозолькова

{37}

Не ищите, не просите
Светлых песен у меня,
Только песню заиграю —
Жжет печаль сильней огня.

Я шутил бы и смеялся,
Чтобы вас развеселить,
Да на жизнь вокруг посмотришь —
Начинает сердце ныть.

Несчастлива наша доля:
Ничего нам не дала.
Не ищите цвета в поле,
Ведь весна к нам не пришла.

1904

Край родимый
Перевод Б. Турганова

{38}

Край родимый, край наш бедный!
Лес, болото да песок...
Там лужок едва приметный,
Частый ельник — невысок.

А туман — стена сплошная!
Все закроет невзначай.
Ой, сторонка ты родная!
Ой, забытый богом край!

Наше поле плохо р**о**дит,
Нищий тут живет народ.
Весь в грязи он, бедный, ходит,
Льет над пашней тяжкий пот.

Пригорюнились избушки,
Глянешь — сердце защемит,
На дворе — зола да стружки,
Мусор кучами лежит.

Крест замшелый при дороге,
Купа тощих тополей…
Так тоскливо, что в остроге,
На кладбище — веселей.

А как песня понесется —
Сколько муки в песне той!
Эх, бежать, куда придется,
От той песни проклятой!

Край родной, родное поле,
Ты глядишь, как сирота,
Грустен ты, как наша доля,
Ты — как наша темнота.

1906

Врагам («Каты-лиходеи...»)
Перевод М. Исаковского

Каты-лиходеи,
Паны-богатеи!
Мы зовем на суд вас,
Подлые злодеи!

Вас зовет к ответу
Бедный да голодный,
Спрашивает смело
Голос всенародный:

«Чьими же руками
Жар вы загребали?
И на чьи вы слезы
Счастье покупали?

И за что, скажите,
Нас прикладом били,
Били-катовали,
Голодом морили?

Чьим трудом-заботой —
Отвечайте, каты, —
Строили вы замки,
Пышные палаты?

Всё у нас забрали, —
Что же принесли вы?
То не наше ль поле
Смотрит так тоскливо

И не наша ль это

Нива — в пол-аршина?
Не у нас ли в хлебе
Каждый год мякина?

Чья земля песчана,
Поле каменисто?
В чьих сараях пусто,
В чьих амбарах чисто?

Чьи овины, хаты
Гнутся сиротою?
Чьи струятся слезы
Летом и зимою?

Чья скотина бродит
По земле бесплодной,
Без травы, без корма
Гибнет ежегодно?

Чьи, скажите, песни
Ходят полем, бором,
Жалуются, стонут
И звучат укором?»

Слушайте же, каты,
Бойтеся сермяги!
Много в сердце гнева,
Много в нас отваги.

Вас давно веревки
Наши ожидают,
И по вас осины
Слезы проливают.

1906

Неман
Перевод Б. Турганова

Льется Неман по долинам,
Светлый, чистый, как роса;
Проложил он путь свой длинный
Сквозь зеленые леса.

Ты, наш Неман, вечно с нами!
Поишь ты и кормишь нас.
Ты кипучими волнами
Бедный челн бросал не раз.

А весною на просторы
Древний дуб, лютуя, гнал,
Подымал ты льдины-горы,
Луг и поле заливал.

Затоплял леса и долы,
Все смывая невзначай,
За плотами плот тяжелый
Уносил в далекий край.

Сколько раз рыбачий невод
По твоей гулял волне.
Ой ты, Неман, быстрый Неман!
Сколько дум принес ты мне!

Ты знаком с постылой долей,
С горькой долей мужика.
Ты слыхал в пустынном поле
Причитанья бедняка.

Вечерами над тобою
Плакала свирель не раз,

Как слезинка за слезою,
Песня падала в тот час
...
А у берега, под дубом,
В ночь ненастную рыбак
Под разодранным тулупом
До утра дрожал, бедняк.

В непогоду ветер шалый
Лозы над тобой сгибал,
И в тебе косарь усталый
Пот кровавый омывал.

Над тобою месяц круглый
В ясном небе тихо плыл,
И с тобой, высокий, смуглый,
Лес шептался-говорил.

Ты прошел сквозь край раздольный
Белоруса-мужика...
Ты наш чистый, ты наш вольный
Неман — быстрая река.

1906

Белорусам
Перевод Е. Мозолькова

{39}

Встаньте, хлопцы, встаньте, братья!
Встань ты, наша сторона!
Ведь не зря к нам сквозь ненастье
Шлет тепло свое весна.

Иль мы сил своих не знаем?
Иль нам руки бог связал?
Иль над бедным нашим краем
Луч свободы не блистал?

Выйдем вместе на работу,
Дружно встанем, как стена.
И стряхнет с себя дремоту
С нами наша сторона!

1906

«Что ж, Григорий, поправляйся...»
Перевод В. Цвелева

«Что ж, Григорий, поправляйся:
Слухи есть — земли дадут!
Не хворай, брат, поднимайся,
Веселей берись за труд».

«Эй, Никола, брось нас тешить!
Стар ты, сед, а как дитя.
Нет, не будет нам житья,
Коль панов не перевешать!..»

1907

Не верьте
Перевод М. Исаковского

{40}

Десять лет Никола думал,
И взбрело на ум ему:

Посадили в Думе с паном
Янку, Гришку да Кузьму.

Недель восемь посидели —
Разозлился Николай,
Дал по шапке депутатам[{41}]:
Мол, манатки собирай!

Ой, чего же мы дождались!
Обманул ты нас, царек!
Чтоб тебе дал бог на старость
Лапти, посох и мешок!

Нет ни хлеба, нет ни соли,
Ни купить нам, ни продать...
Никогда царю не верьте,
Подведет он нас опять.

1907

Наша возьмет
Перевод Б. Турганова

Мы ходим, спотыкаемся,
Шатаемся, как пьяные,
Мы с голодом сроднилися,
Истерзанные, рваные.

Осмеяны, обруганы,
Идем, совсем заплеваны.
Богатыми обмануты,
Неволею окованы.

В густой грязи затоптаны,

В глухие щели брошены,
И видеть нам не велено,
И слышать не положено.

Одно мы знаем на твердо:
Хоть и от века маемся,
А все-таки когда-нибудь
Мы с правдой повстречаемся.

1907

На перепутье («Ты скажи мне, тьма глухая...») *Перевод Е. Мозолькова*

Ты скажи мне, тьма глухая:
Долго ль будешь ты лежать?
Долго ль будет дума злая
Сердце грустью колыхать?

Не шуми ты, лес высокий,
Песнь тоски не напевай,
Дней счастливых, дней далеких
В песне той не вспоминай!

Не видать моей дороги —
Горы, лес, болота, грязь...
Сколько скорби и тревоги
В этот тяжкий, темный час!

Где ж дороженька иная?
Я стою, ответа нет,
Ночь вокруг лежит глухая
Иль сошелся клином свет?

Так скажи мне, тьма глухая:
Долго ль будешь ты лежать?
Долго ль будет дума злая
Сердце грустью колыхать?

1907

Не горюй
Перевод Е. Мозолькова

Не горюй, что солнце низко,
Что тосклив короткий день,
Не горюй, что осень близко,
Что легла на землю тень.

Не горюй, что снег холодный
Скроет землю от очей;
Не погибнет край твой р**о**дный
В этой темени ночей!

Верь, брат, времечко настанет —
Сгонит снег с полей весна,
Тихо с неба солнце глянет,
Зацветет твоя страна.

Не горюй, что тяжко стало
Жить в извечной темноте,
Что судьба нас в крюк сгибала,
Что живем мы в нищете.

Не горюй, что туч отары
Бродят — солнца не видать,
Что в ночи сильней пожары

Стали небо заливать, —

Дымом все пойдет лихое,
Все, что давит нас и гнет.
Верь, брат, время золотое
В край родимый наш придет.

1907

«Где ты, моя доля...»
Перевод Е. Мозолькова

Где ты, моя доля,
Где ты, я не знаю.
Иль судьба судила
В жизни быть мне с краю?

Иль то люди злые
Счастье отобрали,
На моей дороге
Ямы покопали?

Иль за грех заклятый
Я не знаю доли,
Как забытый колос
На крестьянском поле?

Оттого ль горюю,
Что искал на свете
Я тепла и солнца
И вздыхал о лете.

Песни горевые
Мне в удел достались.

Много дум тоскливых,
Что в слезах рождались,

Чтоб чужие слезы
Я смешал с своими…
Только сердце злое
Разве тронешь ими?

Будут плакать очи,
Сердце надрываться,
Не легко мне, видно,
С долей повстречаться.

1907

Певец
Перевод М. Исаковского

«Что ты грустен? — мне сказали. —
Что поешь ты все про горе?
Эти песни — крик печали,
Слезы ветра на просторе.

Ты сложи нам песню воли,
Чтобы дух наш разыгрался,
Чтоб напев широкий поля
В струнах сердца отозвался.

Чтоб на нас весна дышала,
Грела душу теплотою,
Чтобы сердце нам ласкала
Тихим счастьем, добротою».

«Ой вы, люди! Нет ведь воли:

Мысли скованы цепями,
На пустом, бесплодном поле
Злобный вихрь шумит над нами.

Я ли сердцем не болею?
Я ль душою не томился?
Но пою я, как умею, —
Радость петь не научился».

1908

«Осади назад!»
Перевод С. Родова

Дрянь мое житьишко,
Все идет не в лад,
Мне кричат повсюду:
«Осади назад!»

Боже ты мой милый!
Бьюся я, как гад,
Ведь куда ни кинусь:
«Осади назад!»

Сватал я девицу,
Ловок был мой сват,
Но дошло до дела:
«Осади назад!»

Девушка что надо!
Да сосед Кондрат
Ножку мне подставил:
«Осади назад!»

Раз попал я в город,
В городе — парад.
Лезу я поближе:
«Осади назад!»

Нет зерна в амбаре,
Жито выбил град.
«Старшина, дай ссуду!»
«Осади назад!»

Без гроша оставшись,
Я работать рад.
«Нет ли работенки?»
«Осади назад!»

Весь я оборвался,
С головы до пят.
«Помогите, люди!»
«Осади назад!»

Сына вывесть в люди
Захотел Игнат.
«Господа, вот сын мой!»
«Осади назад!»

Хлеб в село прислали,
Для голодных клад;
Я иду с мешочком:
«Осади назад!»

Голову имею,
Был бы депутат,
Ну, так ценза нету[{42}] —
«Осади назад!»

Правда (что таиться!),
Был и мой перед:
Два разочка в жизни
Вышел я вперед.

Взбунтовал село я.
Ой, был тяжкий год!
Приезжает пристав:
«Выходи вперед!

Это ты, мерзавец,
Взбунтовал народ?
Гей, городовые!
Дать ему «вперед»!»

1908

Конституция
Перевод М. Исаковского

Конституцию ввели,
Отворили двери
И в острог нас повели[{43}],
Стали бить, как звери.

Витте[{44}] важно заявлял:
«Помните свободу!»
После ж кукиш показал
«Верному народу».

Речь вели насчет земли[{45}]
В Думе депутаты.
Им кулак преподнесли —
Разошлись по хатам.

Наш епископ Михаил,
Туровский и Минский,
Только черной сотне мил[{46}] —
Делает по-свински.

Стаей гончих по Руси
Пристава летают,
Травят нас: «Куси! Куси!»,
Словно дичь, стреляют.

Развелося, как грибов,
Стражников ретивых,
От кокард их и шнуров[{47}]
Покраснели нивы.

Сколько всяких строгих мер —
Ни конца ни краю.
Конституцию теперь
Мы отлично знаем.

1908

Жниво
Перевод В. Цвелева

Сельским женщинам

Чахлая рожь пополам с лебедою,
Колос все гнется зерном до земли.
Здесь несчастливою, видно, порою,
Зерна бросая, с лукошком прошли.

Жницы с серпами прошли спозаранок,

В лапти обулись, а кто — босиком.
Нива не радует взора крестьянок,
Нива пустым шелестит колоском.

Жарче, все жарче… Горячее поле,
Жницы работа безмерно тяжка!
Плечи и спину им сводит до боли,
Деревенеет, слабеет рука.

Спутано жито, цепляется колос,
Горстку пажнет — распрямится жнея,
Натуго свясло завяжет, как пояс…
Тяжкая, жница, работа твоя!

На поле тихо, а полдень горячий!
Жарко, ни кустика, просто беда.
Только услышишь — ребенок заплачет,
Только над ухом жужжат овода…

1908

Кирила
Перевод Н. Сидоренко

Как посмотришь, боже милый,
Что с людьми творит почет…
Ставши старостой, Кирила
До отвала ест и пьет.

У него и кони гладки,
В клети много полотна,
Все дела его в порядке,
Ходит павою жена.

У него ума палата,
С башлыком армяк хорош,
Новая, на диво, хата,
Денег — за год не сочтешь.

С писарями чай лакает,
Растолстел — как три снопа.
Он частенько зазывает
В гости местного попа.

В карты режется с панами,
Словно сам с рожденья пан;
Разозлясь, стучит ногами
И кричит: «Дурак! Болван!»

А недавно, боже милый,
Как и все, он был мужик.
Где же пузо взял Кирила?
Отчего здоров как бык?

1908

Мужик («Я мужицкий сынок...»)

Перевод Б. Турганова

Я мужицкий сынок:
Ни двора, ни кола!
Поле — желтый песок,
Хата в землю ушла.

Не живу, а гнию,
Словно мышь в западне.
Видишь долю мою:

Крест тяжелый на мне!

Я болота сушу,
Надрываю живот,
За бесценок кошу,
Рою землю, как крот.

Каждый угол глухой
Своим телом подмел,
Лес расчистил густой
И дороги провел.

Да не езжу по ним,
А шагаю пешком
По тропинкам глухим
Без сапог, босиком.

Сколько з**а**мков возвел,
Сколько фабрик, мостов —
А сам гол как сокол,
Побираться готов.

Под окошком не раз
Я с котомкой ходил,
Подаянья у вас
Христом-богом просил.

Меня мочит роса,
Меня солнце палит,
Запою — лишь слеза
На глаза набежит.

Исходил я весь свет,
Труд свой всюду пронес.
Где, в каком краю нет
Моих слез, горьких слез?

То не дуб вековой
Заскрипел, застонал, —
Это я, молодой,
Богу душу отдал.

Мерно колокол бьет,
Стонет в далях сырых.
Дьяк, гнусавя, поет
На поминках моих.

На могиле моей
Крест подгнивший стоит,
А над грудой костей
Вольный ветер шумит.

Я мужицкий сынок —
У меня нет дорог.
Моя школа — шинок,
Моя доля — острог.

1908

Плотовщики
Перевод Б. Турганова

Торбы за плечами,
Вдавленные груди, —
Вот на сплав толпами
Двигаются люди.

Необуты ноги,
Лицо загорело,
Рубищем убогим

Чуть прикрыто тело.

Сзади чуть ступает,
Хлеб везет кобылка, —
Злобно понукает,
Бедную, Кирилка...

Солнце жжет жестоко,
Лист не колыхнется,
По спине широкой
Пот ручьями льется.

Серебром сверкает
Неман, как зеркальный.
Долго не стихает
Шум и говор дальний.

Слышна перебранка,
Слышен голос бодрый:
«На барбару, Янка![48]
Бери гартоль[2], Пётра!

Опускай шырыгу[49],
Прысом[50] двигай влево!
Попроворней! Мигом!
Не зевать там, эй, вы!»

Кормовой без толку
Толстый руль толкает.
Головной Миколка
Бедняка ругает.

Ломит плот дугою,
Вот на берег сбросит,
Быстрою волною,

Точно змея, носит.

На мели застряли.
Крик, сердитый голос.
Порты поскидали,
Все в воде по пояс.

Бомы ухватили:[3]
«Рразом, хлопцы, рразом!
Ну же, что есть силы!
Ну, еще наляжем!»

А на самой зорьке
Ветер расшумится, —
Плотовщик в каморке
Спать без сил ложится.

Плотовщик в походах
Знает стужу, холод,
Знает он невзгоды,
Знает он и голод.

Что ж? Нужда погонит —
Силы зря и тратишь;
Кости только ломит,
Как простуду схватишь.

Эх ты, доля, доля!
Голод да забота!
Не своя тут воля,
Не своя охота.

1908

Наше село
Перевод Н. Сидоренко

Средь пригорков над рекою
Приютилось сиротою
Наше бедное село;
Стрехи старые замшели,
Хаты сгорбились, осели,
Будто в землю все вросло.

Сбились в кучи, как в испуге,
Наши жалкие лачуги,
Тряпкой заткнуто окно.
Школа наша развалилась, —
Подточила стены сырость,
И забор подгнил давно.

Как старушка с грустным взглядом,
Вербочки кривые рядом
Одинокие стоят.
Неман корни омывает,
Ветер веточки качает,
Листья жалобно шумят.

На пригорке в отдаленье —
Пустошь, холмики, каменья:
Смерти горестной приют.
В черных ямах, под крестами
Перемытые слезами,
Кости родичей гниют.

Плачут ветры над могилой,
С песней скорбной и унылой
Уносясь на крыльях вдаль.
Как припомнишь угол р**о**дный,

Край заброшенный, голодный, —
Сердце защемит печаль.

1908

«Мы молчали как немые...»
Перевод Е. Мозолькова

Мы молчали, как немые,
Мы вздыхали что ни час,
Грызли думы нас лихие,
Слезы падали из глаз.

Мы брели во мгле ненастья,
Среди муки, среди яла;
Злой туман глаза нам застил,
Тень от туч на нас легла.

Боль обид мы с детства знали,
Тот бранил нас, этот сек,
Гордость нашу в грязь втоптали,
В нас заплеван человек.

Пусть же свет науки новой
Словно солнце заблестит,
Пусть родным, свободным словом
Наш народ заговорит.

1908

Под напев ветра
Перевод В. Цвелева

Ветер дует, плачет горестно,
В печь со свистом забивается,
До сих пор мне это пение
Наяву припоминается.

Помню: хата обветшалая,
А кругом леса дремучие,
Крыши ветками касается
Ива старая, плакучая.

Полночь зимняя, холодная,
Ветер злой не унимается,
А по лесу грозный гул идет,
Трубным звуком разбегается.

И в печи все ветер песенки
Знай выводит тонким голосом
И по крыше снегом шоркает,
Словно жита спелым колосом.

То несмело в двери стукнется,
Будто нищий в хату просится,
То закружится под окнами,
Горький плач его доносится.

И притихнет на минуточку,
Видно, силы набирается.
Ноет сердце, разрывается,
Песне ветра отзывается.

Помню, помню свою хату я,
Обветшалую, далекую,
А как вспомню, обоймет печаль
Мою душу одинокую.

1908

«Шум затих по коридорам…»
Перевод М. Исаковского

Шум затих по коридорам,
Люди приумолкли.
На замок закрыты крепко
Тесные каморки.

Замер звон цепей железный,
Замер звон унылый…
Смотрит злобно, смотрит дико
Этот дом постылый.

Люди спят. На грязных нарах —
Тел нагроможденье.
Мучат бедных арестантов
Тяжкие виденья.

Сон тревожный, воздух спертый
Не дают покоя…
Эх, напрасно пропадает
Время молодое!

Лампа светит и не светит…
Грустно и обидно.
Сквозь решетку глянешь в темень —
Ничего не видно.

Только видно: чуть заметный
Огонек мигает.
Только слышно: вольный ветер
Песню запевает.

2 декабря 1908 г.

На заимке
Перевод Н. Сидоренко

Глухомань, ночь, снега,
Бор столетний шумит.
Тихий дом лесника
Одиноко стоит.

Волчьим оком окно
В тьме полночной блестит.
Дети спят уж давно,
Мать за прялкой сидит.

Сучит нитку она,
Все кудельку прядет.
Глушь, леса, тишина,
В дверь метелица бьет.

Воет ветер, как зверь,
Стонет вяз над стрехой;
Жутко в чаще теперь,
Только в доме — покой.

Но привыкла она
До полночи сидеть
И сквозь стекла окна
Ночке в очи глядеть.

А в трубе-то опять
Ветер песню завел,
Начал биться, стонать,
Сбросил вьюшки на пол.

«Мама, страшно мне тут,
Я боюся один;
Чертенята ползут
Из-под старых овчин», —

Младший сын Василек
Маму кличет к себе.
«Бог с тобою, сынок,
То приснилось тебе!

Чудачок, никого
Нет в овчинах, молчи!
Я сынка моего
Охраняю в ночи».

«Мама, сядь на постель.
Слышишь? Чей это плач?»
«То, мой мальчик, метель
Мчится по лесу вскачь».

«Мама, баба-яга
Бьет по крыше метлой...»
«Это, детка, снега,
Это ветер шальной».

«А что нужно ему?
Отчего он не спит?
Он зачем, почему
В наши двери стучит?»

«Ой ты, баловень мой!
Ты, я вижу, храбрец!
Не тревожься, родной,
Засыпай наконец!

Ветер добрый, сынок».

«Он живой или как?»
«Спи, усни, голубок!
Это — вздох, это — мрак».

«Что он делает?» — «Кто?»
«Вздох тот самый, скажи!»
«Да неведомо что
Ты болтаешь! Лежи…»

Василек вдруг притих,
Ветер в чаще крепчал,
На руках ледяных
Ветер сосны качал;

Ветер выл, словно зверь,
В непроглядную тьму.
«Где мой тятя теперь,
Нет его почему?

Ночь, мороз; он один,
В чаще рыщет зверье…»
«Тятя храбрый, мой сын,
Да к тому же ружье

На ремне за плечом,
А на поясе — нож,
И ему нипочем
Страха мелкая дрожь;

Ходит он по лесам,
Не боясь ничего.
Плохо будет волкам,
Если тронут его!»

«Мама, слышал я сам,
На селе говорят,

Будто дарят слепцам
Вместо хлеба — ребят».

«Ты не верь! Ох, беда!
Эту басню сплели,
Чтоб послушно всегда
Себя дети вели».

За окном — ветра шум.
«Спи, я песню спою…»
Детский маленький ум
Думал думу свою.

Лампа тускло горит,
В доме — сон, тишина.
Все шумит да гудит
Старый бор у окна.

13 октября 1909 г.

Призыв
Перевод М. Исаковского

{51}

Где скрылись вы, хлопцы? Вас нету и нету,
Развеял вас ветер по белому свету.

По всем уголкам вы молчком расползлися,
От дум своих прежних давно отреклися,

Забыли вы песню про вольную волю
И битву за счастье, за лучшую долю.

Растаяла песня, бесследно пропала, —

Знать, хлебная корка язык ваш связала.

Знать, низко пригнули вас первые бури,
Знать, смелость и стойкость не в вашей натуре.

Ярмо вековое, что вы осудили,
Вы снова покорно на плечи взвалили!

Где скрылись вы, хлопцы? Где ваши дороги?
И вечный покой вам пою я в остроге.

19 октября 1909 г.

«Я помню, был и я богатый...» *Перевод Е. Мозолькова*

Я помню, был и я богатый,
В довольстве жизнь текла моя,
Не обходили моей хаты
Мои товарищи, друзья.

И не чуралися девчата,
Цветы, венки дарили мне,
Я был счастливый и богатый,
Но это было все... во сне.

19 декабря 1909 г.

Мужик («Я — мужик, бедняк постылый...») *Перевод М. Исаковского*

Я — мужик, бедняк постылый,
И меня «жалеет» всяк:
Кровь сосет и тянет жилы,
Надрывает мои силы,
Прижимает так и сяк.

Я — мужик. В неволе лютой
На мякине вырос я:
От ботвы — живот раздутый,
Ноги в лапотки обуты,
Рвань — одежда вся моя.

Я — мужик, я — сын заботы,
Не доем и недосплю.
Надрываюсь над работой,
День стараюсь за два злотых,
Издевательства терплю.

Я — мужик, не слышу звона,
Все же ест меня червяк:
А не врет ли поп с амвона,
Что царю бог дал корону?
Ой, не может быть, — не так!

Я — мужик, но ум имею —
Будет время и мое.
Я молчу, кричать не смею,
Но когда-нибудь сумею
Крикнуть: «Хлопцы, за ружье!»

1909

Родные песни
Перевод Н. Сидоренко

Жалобу приносит Неман,
На волне качая,
Всюду бедность, всюду темень,
Беларусь родная!

Села сбились в кучу тесно,
Под застрехой — плесень.
Слышит темный лес окрестный
Отзвук скорбных песен.

Крест подгнивший — знак печали —
Здесь и там чернеет.
И тоска, что полнит дали,
Мне на душу веет.

Вся-то горем ты повита,
Сторона родная!
И тот ветер, что сердито
Ломит ветви гая,

И те песни, что на поле
Жнеи запевают,
И те думы, что до боли
Сердце мне сжимают.

Не оставлю без ответа
Я такого горя,
Сердце, жалостью согрето,
Песне грусти вторит.

Пусть же плачем в этих далях
Песня разольется,
Чтобы все на свете знали,
Как нам здесь живется.

1909

Мать
Перевод А. Корчагина

Неприветливо в окошко
Смотрит ночь глухая.
Тихо в хате. Все семейство
Смолкло, отдыхая.
Только мать сидит за пряжей,
Хоть и ноют плечи.
Старая не спит. Согнулась,
Примостясь у печи.
И прядет, прядет кудельку,
Не переставая,
По стене за веретенцем
Тень бежит густая.
Перед ней горит лучина,
Искрами стреляя.
За окошком плачут вербы
И метель гуляет.
Зябнут вербы на морозе,
Ветер колобродит,
Забивая снегом двери,
Хороводы водит.
Вьется пить воспоминаний
И картин угрюмых,
Вторит вой седой метели
Материнским думам.
И встает перед глазами
Дней былых обличье:
Даль промчавшегося детства
И лета девичьи.
Солнце промелькнувших весен,
Дни ненастий частых —

Все, что жизнь преподносила,
Где-то спрятав счастье.
Все припомнилось старушке,
Горько бедной стало —
Набок голову склонила,
Пряжу оборвала.

С болью вспомнила о муже:
Рано смерть скосила.
Малых деток он покинул —
Без поры могила.
Жил он тяжко! Жил мечтою:
Дни придут когда-то,
Купит он клочок землицы
И поставит хату…
Ведь так горек хлеб батрацкий,
Труд на панском поле…
Только бился он напрасно:
Умер в злой неволе.
Гаснет дымная лучина,
В хате потемнело.
Петухи пропели. Полночь.
Мать сидит за делом.
Тянет нитку, веретенце
Торопливо вертит,
Словно нищий запоздалый,
В дверь стучится ветер.
Подгоняет думка думку
Нудной вереницей,
Выплывает, уплывает…
Женщине не спится.

Тяжело она вздохнула:
О сынке гадает,
Что в остроге, под замками
Кару отбывает.

И за что?... В толк взять не может
Бедная старушка...
Ну какой закон мудреный
Сын ее нарушил?
Ветер воет за углами,
По полям бродяжит.
А за думой ткутся думы,
Словно нити пряжи.
Зябнут вербы на морозе,
Лес шумит тревожно.
Думка думку выкликает,
Мать заснуть не может.

1909

Я не знаю...
Перевод Н. Сидоренко

Я и сам, друзья, не знаю,
Почему мне милы
Мгла осенняя, глухая,
Бури плач унылый.

Шум болота, гул нестройный
Бора векового,
Боязливый, беспокойный
Шорох тростниковый.

Я не знаю, чем мне дорог
Вид полей убогих,
Тишина родных просторов,
Вербы у дороги.

Я не знаю, чем так манит,

Взор мой привлекает
Та сосна, что на поляне
Сохнет-умирает.

Дуб ветвистый и высокий,
Прежде полный силы,
И тот крест у одинокой
Сироты-могилы.

Где так грустно ветры веют,
Улетая к тучам,
Где людские кости тлеют
Под песком сыпучим.

Я не знаю, я не знаю,
Чем так приковали
Взор и сердце в этом крае
Образы печали!

1909

Тюремная камера
Перевод П. Семынина

Тесно в камере убогой,
Нары, тьма — руками шарь!..
Свет закрыт решеткой строгой;
Над дверями — «календарь»[{52}].

Разлинован четко, чинно,
Да «буфет» из трех досок[{53}];
Все промозгло, паутиной
Заткан каждый уголок.

Два оконца, две решетки,
Два ведерка для воды,
Столик узкий и короткий,
Сенников гнилых ряды.

Сверху сыплется известка,
Сырость, грязь — куда ни глянь,
В ржавых стенах, в старых досках
Клоп и всяческая дрянь.

Пахнет потом человечьим,
Тяжкий, спертый кислый дух.
По утрам дышать тут нечем,
Просто вешай хоть обух.

1909

Письмо из острога
Перевод М. Исаковского

«Напиши, дружок, будь ласков,
Письмецо до хаты!
Сына, пишет мне Параска,
Приняли в солдаты».

«Охо-хо!» — Прокоп вздыхает,
Думая о сыне,
А в руке письмо сжимает
И конвертик синий.

Просит-молит грамотея,
Шапку снял уныло.
Сам писать он не умеет,
Где учиться было?

На мякине вырастал он,
С горем да с бедою.
«Сладость» жизни познавал он
Собственной спиною.

А теперь, гляди, попался
В список арестантский:
Донесли, что собирался
Подпалить лес панский.

«Что ж тебе писать, кручина?»
«А пиши-ка с богом,
Что поклон жене и сыну
Шлю я из острога.

Напиши: родные, вас я
Здесь не забываю.
Каждый божий день и час я
Дом свой вспоминаю.

Женка моя дорогая,
Не обидь Ивана,
Попроси, коль не хватает,
Денег у Степана.

Пусть сосед не поскупится —
Отдадим, отплатим,
Парню надо нарядиться,
Не идти ж в заплатах.

Приодень его в дорогу
И обуй, как люди,
Денег дай хотя немного —
Веселее будет.

Подкорми свинью, Параска,
Если корму хватит.
Ветчина своя на пасху
Будет очень кстати.

Если ж дома недохватки,
Если корму мало,
Заколи и с полдесятка
Фунтов вышли сала.

Сын мой! Снастью рыболовной
Нечего бросаться —
Пригодится… вентерь новый
Почини-ка, братец.

И еще прошу, сыночек,
Лодку спрячь в сарае:
Ветер пусть ее не точит,
Дождь не поливает.

Все, что можно, сохраните,
Будет срок — вернусь я.
Старый нерет отнесите
Михасю с Габрусем.

Книги, кроме Часослова,
Все отдайте Гришке,
Пусть читает на здоровье,
Он ведь любит книжки!

Сын родимый! Попрощаться
Загляни ко мне ты, —
Не увижусь, может статься,
Не узнаю, где ты.

Не горюйте, не грустите —

День настанет новый.
Что ж поделать? Потерпите...
Будьте все здоровы!»

1909

Первое знакомство
Перевод М. Исаковского

Помню, помню эту ночку,
Не забуду этот час,
Пел соловушка в садочке,
О любви слагал рассказ.

Выплыл месяц, круглый, полный,
Подрумяненный, как блин.
Полумрак бродил безмолвный,
И пьянил меня жасмин.

Ты нежданно появилась[{54}],
В дом, суровая, вошла.
До рассвета провозилась,
Ночь со мною провела.

Приказала первым делом,
Чтобы руки поднял я,
Строгим взглядом осмотрела
Все карманы у меня.

Ты сенник мой потрошила —
Как противиться я мог!
Ты бумаги ворошила
И бросала за порог.

На лице твоем суровом
Я читал и злость и месть.
Ты, сказав мне два-три слова,
Вдруг спросила: «Паспорт есть?»

Набрала моих ты книжек
И в портфель, и в свой подол,
А чтоб знать меня поближе,
Написала протокол.

1909

«Даром сохну я в остроге…»
Перевод А. Кленова

Даром сохну я в остроге,
Даром трачу силы.
Рвется дух мой на свободу
Из сырой могилы.

Жаль мне хатки кособокой
С выцветшей стрехою,
Что над Неманом склонилась
Горькой сиротою.

Жаль овсов, побитых градом
На заречном поле,
Дуба старого, седого,
Росшего на воле.

Жаль боров и рощ тенистых,
Луга заливного,
Где под ветром ходят волны
Моря травяного.

Жаль мне родников холодных
В берегах песчаных,
Что звенят, как колокольцы,
У седых курганов.

Жаль полоски запустелой,
Где горюет пахарь,
Где зимой студеной вьюга
Ткет и ткет, как пряха.

Это — образы простые
Беларуси милой...
Край ты наш! Ты сердцу дорог,
Бедный край, унылый.

Эх, не век же здесь томиться,
Доживу до воли
И услышу в крае отчем
Песни лучшей доли.

1909

У порога
Перевод С. Родова

Пред железными дверями
Темного острога
Ждет крестьянка, хочет видеть
Сына дорогого.

Ох, сынок! Сидит, соколик,
За стеной высокой,
В злой беде, в терзаньях долгих

И в нужде глубокой.

Поглядеть хотя б немного
На него охота...
К сыну рвется мать, и тяжко
Грудь томит забота.

И стоит и ожидает —
Час длиннее года.
Злые люди, их не тронет
Матери невзгода.

Сыро. Пронял ветер-сивер
До костей все тело,
И к дверям тюрьмы подходит
Старая несмело.

Мокрый узел обвернула
Ветхою тряпицей
И иззябшею рукою
Робко в дверь стучится.

Загремел ключом тюремщик,
Выглянул в оконце.
«Что тебе?» — спросил сердито.
«Ой, мое ты солнце,

Повидать нельзя ль сыночка?
Я с дал**я**, соколик...»
«Опоздала ты, старуха,
Приходи во вторник.

А теперь домой ступай-ка
И — бывай здорова!»
И оконце загремело
Злобно и сурово.

Боже! Сколько простояла,
Времени убила,
Сколько денег на дорогу
Даром загубила.

Как ей быть? Кто растолкует?
Кто помочь ей в силе?
И к кому пойти с поклоном,
Чтоб к сынку пустили?

Жалость к сердцу подступила,
Охает бедняжка.
Сын в тюрьме уж третье лето,
Сын страдает тяжко.

Забастовку сын устроил
На дворе у пана,
И за то враги в темницу
Отвели Степана.

Постояв, опять стучаться
В двери начинает:
У начальства найти правду
Старая мечтает.

Вот начальник сам подходит
К воротам железным.
«Милый барин! Золотой мой,
Золотой, любезный,

Повидать позволь мне сына!
Из села я, милый.
Пожалей меня, старуху,
Больше нету силы!

Видишь, дождь холодный сеет
Меленько и тошно».
...Поглядел начальник зверем,
Рявкнул: «Невозможно!»

Тяжко, тяжело вздохнула
Женщина от боли.
Видно, ей такое горе
Выпало на долю.

И в отчаянье взглянула
Мать, скрестивши руки,
На тюрьму, на дом страданья
И безмерной муки.

И никто не отозвался
На ее стремленье.
И осталось без ответа
Горькое моленье.

1909

Сельская учительница
Перевод Н. Сидоренко

Там, где липы при дороге
С ветерком судачат,
Примостился дом убогий,
Как слепец бродячий.

Нет ворот и ставней даже,
Дыр не счесть на крыше;
И на ладан — каждый скажет —
Школа наша дышит.

Сгнил забор, а двери скоро
С петель в пыль сорвутся.
На лужайке, полной сора,
Две березки гнутся.

Ночь. Ни звука. Снится липам
Вешний день погожий.
Только крыша нудным скрипом
Тишину тревожит.

Спит село. Пора глухая.
Поле звездам внемлет.
Только в школе молодая
Девушка не дремлет.

Светит лампочка, мигая.
Тихо, как в могиле.
Жизнь — в ребятах: помогает
Расправлять им крылья.

Делай все, чтоб озарило
Знанье ум ребячий.
Нелегко! Но ей по силам
Трудные задачи.

Хоть житье-бытье глухое,
Темнота без меры, —
Только сердце молодое
Не теряет веры.

Детвора ее сильнее
Любит, чем вначале,
Радость детства вечно с нею,
С ней — его печали.

Каждый день детишек учит,
Говорит о жизни.
Сердце верит: из-за тучек
Луч свободы брызнет!

Так проходят мерным шагом
Дни, стучась в оконце,
Чтобы к темным бедолагам
Заглянуло солнце.

Дремлют хатки. Злая дума
Душу замутила.
Сердце стиснула угрюмо
Горькой жизни сила.

Одиночество, что ветер,
Набегает снова.
Трудно человека встретить
Чуткого, живого.

Поп и писарь ей чужие, —
Без худого слова
Грабят, словно волки злые,
Мужика слепого.

Тяжко бедной временами:
«Власти» наседают,
Поп и земский с писарями
Взгляд косой бросают

На «учительшино дело»…
Но упрямы руки,
Потому что нет предела
Вере в свет науки!

Беспросветно в деревеньке,

Тяжко, тяжко в школе.
Но… от стоптанной ступеньки
Вьется стежка воли.

Не погибнут край и люди,
Пасынки народа,
Если слать сквозь тучи будет
Светлый луч свобода.

1909

Янка
Перевод Б. Иринина

Спотыкаясь, Янка
Чуть бредет, хмельной,
Скрежеща зубами,
Он кричит: «Долой!..»

Слышит Янку стражник —
«Я ж тебя, постой!»
И за ним… А Янка
Знай кричит: «Долой!..»

Так бы стражник Янку
И схватил рукой,
Сам бы надоумил
Крикнуть — чт**о** «долой»,

Но не дурень Янка —
Сладит он с собой,
Лишнего не скажет,
Лишь кричит: «Долой!..»

Вытянул, как цапля,
Шею стражник злой —
«Ну! Да говори же,
Что, брат, что «долой»?»

Янка — без вниманья,
Крутит головой:
«Нет, брат, не скажу я,
Что хочу «долой».

Между 1908 и 1910 гг.

«Надрывайся и шуми...»
Перевод С. Городецкого

Надрывайся и шуми,
    Ветер злобный, в поле!
Как сердито ни греми,
    Ни гуляй на воле,

Как дорог ни заметай
    И тропы далекой,
Как в трубе ни завывай
    Хаты одинокой, —

Все ж ты стихнешь, и теплом
    Скоро ты повеешь,
Игры с ивовым кустом
    Ласково затеешь.

29 января 1910 г.

Тучи
Перевод Б. Турганова

Тучи, тучи, вы, что в небе
Ходите горами,
Были б крылья, полетел бы
Я на волю с вами!

Полетел бы в край родимый,
Сердцу вечно милый,
Где я вырос, где мне радость
Молодость сулила.

Полетел бы в край, где Неман
В берег бьет волною,
Где, играя, легкий ветер
Говорит с листвою.

Где над Неманом избушки
Лепятся убого,
Где пылит дорога летом,
Где песков так много.

Полетел бы я к курганам
Тихим, молчаливым,
К тем пригоркам, где весною
Зеленеют нивы!

Ой, летел бы с вами, тучи,
Я в тот лес тенистый,
Где вдыхаешь всею грудью
Хвои дух смолистый!

Тучи, тучи, вы, что в небе
Ходите горами,

Если б крылья — полетел бы
Я на волю с вами!

8 марта 1910 г.

Верба
Перевод С. Городецкого

Ручеек расспрашивал
Вербу сиротливую,
Что над ним закинула
Голову шумливую
И, склоняясь ветками
Прямо в воду светлую,
С ветерком полуденным
Зашепталась, сетуя.
«Ты скажи мне, вербочка,
Ты ответь, унылая,
Что ты все печалишься,
Жалуешься, милая?
До поры, до осени,
Горем утомленная,
Все роняешь листики,
Венчики зеленые?
И о чем ты шепчешься
С ветерком так жалостно,
Будто ищешь гибели,
Сотрясаясь яростно?
Кудри твои пышные
Жолкнут, высекаются,
А листы упавшие
На земле валяются.
Ты скажи мне, вербочка,
Ты ответь мне, милая,

От какого горюшка
Ты так обессилела?»
Зашумела тихо Верба-сирота:
«Горько мне, любимый,
Горько неспроста!
Тяжко моим ножкам,
Камень их сдавил,
Ты своей водою
Корни мне подмыл.
Землю под ногами
Взрыл ты, раскопал.
Сок из сердца выпил,
Все себе забрал.
Зря я загубила
Молодость свою!
Ох, зачем так крепко
Я тебя люблю?»

2 апреля 1910 г.

Ночь перед грозой
Перевод Н. Сидоренко

Встал месяц круглый, меднолицый,
Созвездье робкое зажглось.
Как косы, вспыхнули зарницы,
Как будто в небе сенокос.

Бурлит криница огневая,
И мнится: грозный вихрь рукой
Швырнул, гремя и завывая,
Огнистый гравий за рекой.

Дневных забот умолкнул голос,

Затих пичуг болотных свист,
На ниве чутко дремлет колос,
На ветке не шелохнет лист.

Люблю я ночи час тот дивный,
Когда простор, объятый сном,
Разбудит голос переливный —
Далеких туч могучий гром,

Когда протяжно загрохочет
И ухнет в небе тяжело;
И лес, взметнувшись, забормочет,
И в доме задрожит стекло.

А туча грозно наседает,
Вся в лентах молний золотых...
А ночь... а ночь еще не знает,
Что грянет буря через миг!

17 июня 1910 г.

Памяти Л. Н. Толстого
Перевод Б. Иринина

{55}

Ты сошел с дороги жизни,
Свет погас твой чудный.
Что сказать и как поверить
В сон твой непробудный?

Ты сошел с дороги жизни,
И мрачнее стало
Царство ночи, что над нами
Крылья распластало,

Царство зла, — все, с чем ты бился
В гневе благородном!
Ты сошел с дороги жизни
Славным и свободным.

Ты сошел с дороги жизни,
Но всегда душою
С нами будешь, чтобы честных
Звать на битву с тьмою.

11 ноября 1910 г.

В суде
Перевод С. Городецкого

Янке приговор читает
Член окр**у**жного суда:

«Суд законным полагает
За проступок, что Дуда
Совершил по доброй воле,
В твердой памяти, в уме,
За покражу хлеба в поле —
Год держать его в тюрьме.

А когда тюрьму отбудешь, —
Добавляет член суда,
Чтоб кольнуть его больнее, —
Помни, прав иметь не будешь,
Даже сотским не посмеешь
Избираться никогда!»

Поклонившись, осторожно

Янка хочет разузнать:
«А нельзя ли, пан вельможный,
Те права и с сына снять?»

1910

«Верные друзья»
Перевод М. Исаковского

Был одинок я. Братья, сестры,
Друзья забыли обо мне.
И боль была смертельно острой
В моей душе на самом дне.

И в этот горький час утраты,
Когда поник я головой,
Со мной один был провожатый,
Со мною был городовой.

Да в стороне, играя усом,
Помощник пристава следил
(Что Никодим за Иисусом[{56}]!),
Как «нижний чин» меня тащил.

Приволокли, в острог впихнули,
В сырую яму, к черту в пасть!
И тяжело они вздохнули,
Как будто горя взяли часть.

На этом я расстался с ними,
И мне подумалось тогда:
«Пускай вас водят так слепыми,
Как вы вели меня сюда!»

1910

Перед отправкой
Перевод П. Семынина

Их надолго осудили,
Тяжко покарали,
Обездоленных, несчастных
В камеры загнали.

Где их детушки, где семьи?
Нынче из острога
И старухам и молодкам
В каторгу дорога.

И не знают горемыки,
На какой край света,
И куда загонит доля,
Где пройдут их лета.

И не знают, что их встретит
На пути кандальном,
Сколько им бродить под стражей
По этапам дальним.

На челе их знаки скорби
Горе написало, —
Жизнь поругана, разбита,
Ни за грош пропала!

А в глазах тоска немая
Навсегда скипелась;
Горем тяжким, горем горьким
Сердце изболелось.

Все растоптано, распято,
Жизнь — как ночь глухая,
И над будущей судьбою
Тоже тьма без края.

И, как сон, житье былое
В мыслях пронесется,
И от тех видений сердце
Больно всколыхнется.

Встанет в памяти деревня,
Хатки дорогие,
Тропки все, где пробежали
Годы молодые.

Вспомнят родственников кровных —
Близких и далеких.
Ну, а их помянут дома —
Бедных, одиноких?

Вдруг в толпе примолкшей кто-то
Грустно запевает,
Песня тихими слезами
Душу наполняет.

«Я умру, — тоскует голос, —
Труп мой не обмоют,
И далече на чужбине
Кое-как зароют.

И не будут знать родные,
Где моя могила...»
Льется песня, плачет сердце
О сторонке милой.

Сколько их, сиротских песен,

Слышно на дорогах,
Сколько силы, сколько жизней
Губится в острогах!

1910

В школу
Перевод В. Азарова

Чинит сыну свитку
На скамейке матка:
Завтра утром в школу
Побежит Игнатка!

Ярко пень смолистый
На шестке пылает.
На колодке батька
Лапти доплетает.

Он дровец подбросил —
Огонек на диво!
За его работой
Сын следит пытливо.

Светлая головка
Мыслями объята,
И от этих думок
Блеск в глазах Игната.

Ну, Игнат, гляди, брат,
Не балуй, учися.
Хватит жить без дела —
За букварь возьмися.

Будь, сынок, прилежным,
Подрастай скорее.
Будешь ты читать нам, —
Мы ведь не умеем.

Что мы в мире значим,
Кто мы в мире этом?
Ведь темны мы сами
И не видим света.

Слушай, что учитель
Говорить там будет
Про науку в книге
И о темных людях.

А прилежным будешь,
Мой сынок, наследник,
Я продам коровку
И кожух последний,

Чтоб ты шел в науку,
Только б не ленился,
Чтобы ты к ученью
Всей душой стремился.

На игру пустую
Ты махни рукою,
Чтобы мы гордились
С матерью тобою».

На наказ отцовский
Отвечал Игнатка:
«Буду так учиться,
Как велишь ты, батька!»

А как спать улегся,

Мысли поневоле
В грезах говорили
Мальчику о школе.

1910

Перед судом
Перевод М. Исаковского

Не в солдаты провожает
Мать родного сына,
Не на заработки к пану —
Едет в суд детина.

Знает мать, что там не шутят, —
Судьи судят строго,
Хоть сынок ее не грабил
По глухим дорогам.

Не убил, не обесславил —
Нет, помилуй боже!
Он сказал, — но что же в этом? —
Что так жить негоже.

Жить и гнуться пред богатым,
Ползать червяками,
Что достаточно терпели
Долгими веками.

Что давно пора за разум
Бедным людям взяться,
Что порядков справедливых
Нужно добиваться.

И чтоб справиться с неправдой
Да с бедою, нужно
Всем подняться неимущим
На богатых дружно.

Конь запряжен. Все готово.
Смутная дорога.
От нее седой старухе
Лишь одна тревога.

Закипают в сердце слезы:
«Что же, что же будет?»
В уголок зашла и плачет,
Чтоб не знали люди

Ни печали материнской,
Ни кручины лютой.
«С богом, милый! Пусть пошлет он
Добрую минуту».

Конь пошел, и заскрипели
Сани полозками.
Посмотрел назад бедняга
Грустными глазами —

У двора стоит старуха,
Головой кивнула
И непрошеные слезы
Рукавом смахнула.

Вот и поле. Конь — рысцою.
Ветер поддувает.
Оглянулся парень — хата
В далях пропадает.

И слезу смахнул скорее

Горькую украдкой:
Ох, не скоро ведь увидит
Он родную хатку!

1910

В зимний вечер
Перевод М. Исаковского

Скоро вьюги на раздолье
Загуляют, зашумят,
Белой пылью задымят
И застелют луг и поле,
Чтобы в холоде-неволе
Всходы яркие примять.

Ночь свои распустит косы,
Разметает над землей,
Сядет панной-госпожой,
А мороз беловолосый
Проведет по ним прочесы,
Сам в одежде ледяной.

И взметнется гомон дикий,
Загудят кусты, леса
На все тоны-голоса.
И начнется бал великий —
Завыванье, грохот, крики
Полетят под небеса.

Ты же сядешь, мать родная,
Будешь тихо кросна ткать,
Будешь сына вспоминать,
Что в тюрьме сидит, страдая,

Что ходил, не отступая,
Волю вольную искать.

За окошком, за стеною
Будет злобно ветер петь,
Будет белый снег лететь,
И, окутано тоскою,
Словно эта полночь мглою,
Сердце будет плакать, млеть.

1910

Куда денешься?
Перевод М. Исаковского

Черт не так уж страшен,
Как его малюют.
Пусть порою люди
Злятся, негодуют, —

От собак от злобных
Палка есть отбиться,
От стражников-гадов
Можно откупиться!

От мундиров синих
Можно дать и драла,
И твоя свобода
Не совсем пропала;

И с людьми лихими
Можно столковаться,
И от кредиторов
Способ есть скрываться;

Ноги есть — и можно
Там и тут носиться, —
От себя же только
Никуда не скрыться!

1910

На перепутье («На большой дороге...»)

Перевод В. Цвелева

На большой дороге,
Где стоит камора[{57}],
Я на свет родился
Под глухой шум бора,
Позднею порою,
Осенью гнилою.

По дороге торной
Днями и ночами
Люд спешит рабочий,
Пеший и с возами,
Словно кто их гонит,
Вся дорога стонет.

В разные сторонки
Мимо той сторожки
Серой паутиной
Разбрелись дорожки,
Узкие, глухие,
Стежечки кривые.

И моя, как осень,

Доля беспросветна,
Взгляд куда ни кину —
Глухо, неприветно,
Даль-то не видна мне,
Лишь коряги, камни…

И меня людская
Буря подхватила,
В омуте глубоком
С силой закружила
И несет с собою
Тяжкою волною.

Не на путь открытый
Ставит мои ноги,
Узки мои стежки,
Заросли дороги.
Я иду, хромаю,
А куда — не знаю!

2 января 1911 г.

«Эй, скажи, что это значит…»
Перевод М. Исаковского

Эй, скажи, что это значит,
Ты, кого в ярмо впрягают,
Чью свободу попирают!
Сам тоскуешь, доля плачет,
И повсюду недостача…

Сеешь в поле ты немало,
Хоть и скупо всходит нива,
Отвечай же мне правдиво:

Что тебя здесь приковало?
Иль других путей не стало,

Или мир тебе закрылся?
Иль ты слеп и глух, как прежде?
Ребра видны сквозь одежду,
А сквозь шапку чуб пробился;
Что ж, ты век терпеть решился?

Не слыхал о лучшей доле?
«Ой, пустился б я в дорогу,
Только слез ведь пролил много,
Только пота море пролил
Там, где всходят песни боли;

Только твердо верю в то я,
Что посев наш в поле диком
Гневом вырастет великим
И затопит он все злое,
Все несчастье вековое».

28 февраля 1912 г.

Будь твердым
Перевод Б. Турганова

Ты не гнись, мой брат, в ненастье
Высохшей травою, —
Выкуй собственное счастье
Ты своей рукою.
Хоть толкуют, что с поклона
Голову не ломит, —
Знай, с татарского полона
Слово это ходит.

Не проси и не надейся
Вовсе на подмогу:
Сам с судьбой-злодейкой бейся,
Сам ищи дорогу!
Хоть помогут тебе люди
Отыскать дороги,
А собьешься — снова будешь
Обивать пороги.
Не ласкайся к сильным, милый,
Лестью честь не купишь:
Будешь жить чужою силой —
Честь свою забудешь.
А едва начнешь шататься —
Люди отшатнутся,
Лучше вольным, брат, сломаться,
Чем терпеть да гнуться!

1912

Будет гроза
Перевод Б. Турганова

Ночь наступает, и тучи встают,
Лозы тревожно беседу ведут,

Шепчутся робко листы меж собой,
Спрятался месяца рог золотой.

Начали грозно зарницы играть,
Гром посылает могучую рать.

Тьма подступает мрачней и мрачней…
Грянь же ты, буря, да грянь посильней!

1912

Как и прежде
Перевод П. Семынина

Был я малым, часто думал,
Как нагреют спину:
«Подождите, и на вас я
Припасу дубину!

Дайте мне войти в годочки
Да ума набраться!»
А покуда всем, кто старше,
Должен покоряться.

Так и рос я помаленьку,
Отдали учиться.
А учитель был сердитый —
Знал одно: браниться.

Хорошо, когда сходила
Криком заваруха;
Худо то, что паи учитель
Часто драл за ухо.

«Ну постой же! Вот избавлюсь
От твоей опеки,
Я тебе мученья эти
Не прощу вовеки!»

Так за партой размышлял я,
Ухо оттирая,
И тайком кулак в кармане
Стискивал, вздыхая.

Что ж поделать — молча терпишь,
Отомстить мечтаешь.
Дни идут, а ты в неволю
Больше попадаешь.

Вырос я, усы под носом
Тенью пролегают,
А меня честят, как прежде,
Все клюют, шпыняют.

И на сердце накипело,
Злости полны кости.
Не стерпел я, распрямился, —
Я вам, егомости![58]

Подождите ж, коли этак!
Я ведь не кусался!
Хватит кривды! Хватит гнета!
Взял да взбунтовался

Против власти и порядков!
Хуже всех я, что ли?
Пусть себе на вид невзрачный,
Да желаю воли!

Власть взъярилась не на шутку,
Погнала в три шеи:
«Знай, мужик, почем фунт лиха
У царя в Расее!»

Так трясли и колотили —
В чем душа осталась!
Наконец в острог загнали! —
Мол, опомнись малость.

Вот сижу я за решеткой,
Тут с уменьем мают:
Из одной норы в другую
С сенником гоняют.

Я иду, куда прикажут,
Рассуждаю тихо:
«Ничего. Переживу я
И такое лихо».

До сих пор за мной обида
Знай шагает следом,
И кулак держу в кармане
И зимой и летом.

И дают мне, как и прежде,
В ухо, в шею, в спину.
Как тут быть? Видать, потомкам
Передам дубину.

1913

Призыв к весне
Перевод П. Семынина

Ты приди, весна желанная,
Приди!
Песней жизни, песней воли
Загуди!

На пригорки, на ложбиночки
Взгляни,
Сон тревожный, сон тяжелый
Разгони.

Ты нам силушку и радость
Подари,
Нашу темень вековую
Озари.

Ты лети на крыльях солнышка

Скорей,
Обласкай теплом несчастных,
Обогрей.

Нашу жизнь и долю трудную
Узнай,
Буйным дождичком над нивой
Просверкай.

Прогреми в бездольной выси
Голубой,
Принеси дары чудесные
С собой.

Осчастливь посевом добрым
Бедный край,
На приволье с нами дружно
Запевай.

Струны сердца всколыхни, весна,
Живей,
Чтоб на свете жить нам стало
Веселей.

Ты иди скорей, желанная,
Иди,
Раскачай ты нашу дрему,

Разбуди!

1913

Новому году
Перевод В. Цвелева

Кто нам скажет, кто ответит,
Чем грядущий год нас встретит,
Что в подарок принесет?

Год минувший не удался,
Трясся мир, и содрогался
Закопченный небосвод.

Нажитое стало прахом,
Беспощадным, страшным взмахом
Смерть коснулася земли.

На сиротских наших нивах
На места снопов счастливых
Кости грудами легли.

Вышли в поле батареи
И снаряды, не жалея,
Щедро сеяли весь год.

Отмечая путь крестами,
Разбегался, со слезами,
С мест насиженных народ.

В белорусские пределы
Злое горе залетело,
Край родной опустошен.

Чем же год нас встретит новый?
Кончит с бурею суровой?
Что несет с собою он?

29 декабря 1915 г.

Поле
Перевод В. Цвелева

Не видать межи в полыни,
Травы буйные кругом,
Поутру хозяин ныне
Не идет в поля с конем.

Пахота — не бабье дело,
Поцарапали едва,
И в сиротские наделы
Глубоко вросла трава.

Третье лето миновало,
А хозяев нет и нет,
Голоса-то их, бывало,
Далеко слышны чуть свет.

Где ж вы, где, селяне-братцы?
Вас не слышно, что стряслось?
Межи тихие боятся,
Не ответят на вопрос.

Смотрит поле сиротою,
Сорняки цветут везде.
От вопроса нет покоя:
«Где хозяева-то, где?»

Шелестит в полях тревога,
Пашни тихо шепчут мне:
«И калек, и пленных много,
И убитых на войне».

27 августа 1916 г.

Гуси
Перевод Н. Сидоренко

Гуси, гуси, стая вольных!
Грустен крик ваш, гуси:
Вас уводит путь раздольный
Прочь из Беларуси.

Запечалятся болота:
Отшумело лето;
И проплачут отчего-то
Лозы до рассвета.

Бобыль-ветер раным-рано
Зло в полях засвищет.
Что, бездомный, за курганом
В голом поле ищет?

Вы ж за облаком высоким
Крыльями взмахнете,
Чтоб не видеть, как осоку
Ветер гнет в болоте.

Что ж, летите! Крылья служат
Смелым для свободы.
Осень… осень… Дали тужат,

Грустно стынут воды,

И горюет сиротливый
Лес, в багрец одетый…
Ой вы, гуси! Унесли вы
Солнечное лето!

22 сентября 1916 г.

Врагам («Зачем же кровь лилась людская?..»)*Перевод В. Цвелева*

Зачем же кровь лилась людская?
Зачем губили мирный люд?
И все добро родного края,
И поколений многих труд?

Народ, как от чумы, помчался,
Себя не помня, в белый свет,
И горький дым столбом поднялся,
И все кресты росли вослед.

А сколько наших деток милых
У тех дорог войны лежит!
Тиха земля на их могилах,
И разоренный край молчит.

Теперь же вы, убийцы, каты,
Не прочь о мире поболтать,
Но кто же в вас решится брата,
Скажите, каины, признать?

Теперь иссякли ваши силы

В войне, что сами вы зажгли,
Руины вас страшат, могилы,
Неудержимый крах земли.

Народов праздник — день расплаты!
Пожар войны не вам залить.
Так руки прочь, убийцы, каты!
Не вам о мире говорить!

2 декабря 1916 г.

Полесье («Край лесов, край болот…») *Перевод М. Исаковского*

Край лесов, край болот
И туманов гнилых,
Хоть ты беден и глух
И хоть в лозах твоих
    Ветер осенью злобно шумит, —

Все же мил ты мне. Чем?
Я не знаю и сам,
Но твой образ моим
Приглядeлся глазам
    И к тебе мое сердце лежит.

Я люблю твой простор
И болота твои,
Где шуршат тростники,
Где бубнят бугаи[{59}]
    И где травы, как море, легли.

Если лес там — так лес!

В десять дней не пройдешь.
А простор — так простор!
И конца не найдешь,
Не охватишь и взглядом земли.

Я люблю твой покой,
Ясность тихих деньков,
Золотистый убор
И полей и лесов,
Что под солнцем осенним горит.

Я теперь далеко
От полесских равнин[{60}],
Но люблю я тот край,
Я родной его сын,
И о нем мое сердце болит.

1916

К труду
Перевод Е. Мозолькова

Пред нами славная дорога,
К труду зовет родимый край.
Пришла весна, работы много —
Науки семя засевай!

Туда, где тьма царила злая,
Несите правды свет живой,
Чтоб озарил он, пробуждая,
Нее уголки земли родной.

Пусть будет жизнь светлей и краше!
Не плеть царя, не панский кнут —

Пускай навек в отчизне нашей
Владыкой станет вольный труд!

1917

Клич
Перевод П. Семынина

Гей, чистые сердцем! Гей, души живые!
Идите вы долю ковать!
В груди вашей силы кипят молодые,
И есть у вас крылья летать.

Но зорко смотрите: болотная плесень
Обманной красою манит;
А гнилью затянет — душа не воскреснет,
В лазурный простор не взлетит.

Вы слышите гул молодого прибоя?
Вглядитесь-ка: ясные дни
Встают из тумана чредой золотою —
То нового мира огни.

Спешите же, братья, росою лучистой
Умыться в просторах родных,
Вдохнуть в себя воздух звенящий и чистый!
Лесов и криниц голубых.

И помните крепко: на совести вашей
Лежит еще долг вековой,
Тот долг пред народом, — ведь полною чашей
Вы черпали опыт живой

Из мудрого клада души его светлой,

Хоть был он унижен и гол.
То он, незаметный, наш труженик щедрый,
На гору вас молча возвел.

Вскормило вас п**о**том политое поле,
Земля валунов и песков,
Вас кормит сермяга, что ласки и доли
Не знала от века веков.

Как добрые дети к народу идите,
Зовите сплотиться в борьбе,
В глаза ему правду прямую скажите
О жизни его, о судьбе!

11 июня 1921 г.

Эхо
Перевод М. Исаковского

Коса ли звенит на покосе стальная,
Иль девушка песню поет,
Проносится ль ветер от края до края,
Иль буря ночами ревет.

То ль гром в небесах перебранку заводит,
Потоки ли катятся с гор —
Все отклик в широких просторах находит,
Всему отвечает простор.

И ты, коль про горе людское узнаешь,
Скорей отзовись, отвечай!
И ты, если кривду людскую встречаешь,
Быстрее свой голос подай!

А радость увидишь — надежды взовьются,
И птицей они полетят,
Пускай твои струны тогда засмеются
И песнею счастья звучат!

20 ноября 1921 г.

В полях Белоруссии
Перевод А. Кленова

День добрый вам, холмы и долы,
Просторы вольные земли!
Я к вам вернулся, пущи, села,
Полоски ржи и конопли.

Я рад вам, как родным и близким,
Тропинка в поле, серый стог,
И вам, под небом нашим низким
Следы несчитанных дорог;

Над речкой желтому песочку,
Где три сосны стоят кружком,
Березам в крапинках и в точках,
Бегущим рядом с большаком;

Лугам с ромашкою и мятой,
Дубам у дедовской избы,
Усадьбе аиста богатой
У обвалившейся трубы…

То здесь, то там лесок синеет,
В ложке, струясь, ручей журчит,
Везде, везде покоем веет,
Травинка каждая хранит

Следы задумчивости мудрой,
Простой и скромной красоты,
И песня жаворонка утром
Колышет травы и кусты.

А тучка в небе по-над полем,
Качаясь, медленно плывет.
И забываешь поневоле
Тревоги будничных забот.

В родных полях и в небе ясном
Все дышит дружбой, добротой,
Твое грядущее прекрасно,
Край горемычный, край святой.

1921

Песня о весне
Перевод М. Исаковского

Уходи, мороз-дедуля!
Слышишь, старый, или нет?
На пригорках «гули-гули» —
То весна нам шлет привет.

Льется, весело играя,
Ручеек — гонец весны.
На него, как мать родная,
Солнце смотрит с вышины.

Он смеется, он трепещет,
Он сверкает и дрожит,
А другой ему навстречу

С шумной радостью бежит.

Ты послушай, дед суровый,
Посмотри на небеса!
Песней радостною, новой
Льются, плещут голоса.

А зима аж почернела —
Хватит здесь ей кросна ткать!
Детвора, из хаты смело
Выходи весну встречать!

Возле хаты, у калитки,
Славно бегать и играть.
Собирай, зима, пожитки,
Полно нас в плену держать.

Молодая весна,
Золотая пора!
Будь красна и ясна,
Не жалей нам добра.

Словно мать, приласкай,
Силой нас наливай,
Чтоб росли и цвели
Дети нашей земли.
Мы венок заплетем,
Тебе песню споем.

1922

Ночь
(«Что за ночь! В тишине...»)
Перевод М. Исаковского

Что за ночь! В тишине
Травы засыпают.
Ясный месяц в вышине
Сказку начинает.

Небо слушает тот сказ,
Тучки не качнутся,
Лишь порой — в который раз? —
Звезды улыбнутся,

Чтобы сказочнику их
Было веселее,
Чтобы в небе в этот миг
Делалось светлее.

Только он от похвалы
Что-то застыдился:
Сторож ночи, сторож мглы
Потемнел и скрылся.

Потемнел, увял, поблек
В тучках молчаливых,
И на землю гуще лег
Сумрак сиротливый.

1922

Борцам за Октябрь
Перевод А. Кленова

Буря дол и небо застилала дымом,
Вы навстречу буре шли неудержимо.

Бушевало море, волны рокотали,

Вы вперед шагали, вас манили дали.

Раскалялись пушки, грохотали громы,
Вы их не слыхали, шли сквозь буреломы.

Разрывали цепи, вековые путы,
А за каждой кочкой — враг жестокий, лютый.

Города горели, полыхали хаты,
Не хотел сдаваться старый мир проклятый.

Корнилов, Каледин, Колчак и Деникин
Вас сломить пытались в ненависти дикой.

Суда и десанты слала заграница,
Не прошли убийцы, не смогли пробиться.

Ваша сила вражий натиск тот сломала,
На дорогах трудных вас легло немало.

А дороги ваши — горы, перевалы,
Вы их одолели, смерть вас не пугала.

Пройден путь почетный, пройден путь заметный,
Пусть враги грозятся, их потуги тщетны!

Пусть войну готовит Чемберлен[{61}] за морем,
Брошено по свету много наших зерен.

Зерна правды, света проросли не втуне,
Стали близкой явью думы о коммуне.

1927

Врагам
(«Еще колючки проволочных заграждений...»)
Перевод С. Городецкого

Еще колючки проволочных заграждений
Торчат в земле — проклятый след войны!
Еще на кладбищах кресты видны
Над головами жертв кровавых столкновений,
Еще не вспаханы поля былых сражений,
Валы окопные не снесены.

А вы, прислужники кумира золотого,
Острите вновь концы своих клыков
И пеной брызжете из злобных ртов...
Вам кровь нужна! Возжаждали ее вы снова!
Вам нестерпим расцвет союза трудового,
Где всем владеет мир былых рабов.

Ну что ж! Пускайте в ход и клевету и подкуп,
Науськивайте псов под хрип ворон!
Вам не сломить бунтующих колонн!
Нет сил у вас сдержать могучую походку
Свободной массы, сбившей с ног своих колодку,
Чтоб новой жизни возвести закон!

1927

Громадовцам
(К процессу над «Громадой»{62})
Перевод В. Цвелева

Мы знаем, братья, всё:
Неравное сраженье —

Ведь против вас и штык,
И тюрьмы, и мученья,
Шпиков продажных легион,
Господ-властей синедрион{63} —
Комедия суда,
Над истиной глумленье.

Но вы — не горсточка:
Нас, братья, миллионы!
Несем панам правдивые законы:
Историей осуждены паны,
И не загладить им вины!
Мейштовичи{64} страшны
В дни травли исступленной,
Но дни их сочтены,
Положен срок не длинный.
Дрожат, дрожат паны,
Как горькие осины!
А слово смелое на них наводит страх...

Страну терзал кумир
На глиняных ногах, —
Теперь он рушится
В кровавые пучины!
А Польша — не паны
Грабительской закваски,
Пилсудчики лгуны,
Прислужники-подпаски, —
Есть люди гордого полета,
Осушат грязное болото,
Приблизят панству миг развязки.
Тогда, паны, тогда, пилаты{65},
Нагрянет грозный час расплаты!

1928

Панам-воякам
Перевод Е. Мозолькова

Залязгали
«Шаб**е**льками»
Полковники-паны.
Не терпится
Пилсудчикам:
Им хочется войны.

Съезжаются,
Слетаются
Разбоя мастера,
Раздуть огонь
Стараются
Военного костра,

Чтоб на страну
Советскую
Вновь двинуться в поход.
Известны нам
Все замыслы
Магнатов, воевод;

Пугает их
Грядущее —
Народов грозный суд.
Желают
Нашей гибели,
А будет им капут.

Воители,
Грабители,

Что рветесь в бой, рыча?
Коль меч войны
Поднимете —
Ждет смерть вас от меча.

1930

Колхозу «Слобода»
Перевод Н. Вольпиной

Не больно велик он, колхоз «Слобод**а**»,
Зато слобожане — народ хоть куда!
Молодки — что вишни, мужчины — кряжи
А парни — с любого гвардейца пиши!

А дети — ой, славные дети пошли!
Они — украшенье колхозной семьи,
В их ясных глазенках отвага, не страх...
Таких не видал я в былых деревнях.

Не слишком велик он, колхоз «Слобод**а**»,
Да в дружной работе народ хоть куда!
Он в гору шагает, он — ветер живой,
Работают все бригадиры с душой.

Колхозники сил не жалеют своих,
Скажу: председатель на месте у них!
И речка на месте, и выгон, и гай,
Глядишь — и в душе занимается май!

1933

Янке Купале
(К тридцатилетию его литературной деятельности)
Перевод М. Тарловского

{66}

Вышел юноша когда-то
Из села, где рос ребенком.
Лес грустил в огне заката,
Кто-то пел в просторе звонком.

На полосках дали синей
Тени сумрака мелькали,
Сумрак стлался по долине,
Разливалась песнь печали.

Крест понурый, символ мрачный,
Путь означил, как могилу,
А мужик босой, невзрачный
Темя скреб себе уныло.

Слушал юный песни горя,
Яви впитывал напевы,
Чтоб в глаза кровавой своре
Их швырнуть словами гнева.

Он будил в народе силы,
Полной горстью сеял зерна,
Чтоб побольше правды было
И поменьше — кривды черной.

И слагал он песни-были
Для услады, для утехи
Тем, кого весь век давили

Их соломенные стрехи.

Он разнес немало песен,
Ярких песен по проселкам:
Общий путь ему был тесен,
Как идти, не знал он толком.

Только буря грозным гимном,
Волей Ленина пропетым,
Заклубясь над фронтом дымным,
Даль открыла пред поэтом.

День наш нынешний — просторы,
Светлый путь к чудесной цели,
День наш — сказка, о которой
Только грезить люди смели.

По осушенным трясинам
Тем путем идут герои,
Чтобы сделать мир единым,
Миром нового покроя.

Пой, певец наш, с новой силой,
Славь уход от бед постылых.
Честь отчизны нашей милой,
Честь орлов ширококрылых!

20 ноября 1935 г.

Раскованный Прометей
Перевод Н. Сидоренко

Зашумела, забурлила,
Струями играя,

Родников свободных сила
Без конца, без края;

Рушит горы, сносит скалы,
Запружает реки,
Чтоб созвездья там сверкали,
Где был мрак от века;

Чтоб насытились заводы
Все электротоком,
Светлый день неся народу
Далеко-далёко.

Этой силой в нашем крае
Мир чудесный создан!
Эта сила залетает
В поднебесье к звездам.

Расправляет плечи-крылья
Прометей{67} на воле.
Стали дни поэмой-былью,
Сказочною долей…

У кого еще на свете
Так же жизнь богата?
Таковы уж, видно, дети
Пролетариата!

Слава родине свободной,
Нивам и дубравам,
Большевистским нашим годам,
Ясным зорям — слава!

1935

Осеннее

1. «Поднимает гомон ветер непокорный…»
Перевод С. Родова

Поднимает гомон ветер непокорный
На суровый лад.
Холодеет. Звезды ярче ночью черной.
Дни идут на спад.
Сгорбленная осень под руку с ветрами
В слякоти бредет,
Отсыревшим ставнем хлопает по раме,
Мокнет у ворот.
Кончилося лето. Отзвенели песни,
Громы бурных гроз.
В юности я думал: есть ли что прелестней
Летних теплых рос?
Тосковал по лету, как по той любимой,
Что взяла покой,
И венки сплетал ей я из дум, палимых
Страстью и тоской.
С той поры немало сплыло дней суровых,
Много лет прошло.
И на свет гляжу я нынче с вышек новых,
В новое стекло.
Вижу и читаю новые скрижали —
Вот встают они:
Вольные дороги, солнечные дали,
Без конца — огни…
Позабыв печали, я любуюсь гордо
Родиной своей,
Наполняют сердце дивные аккорды,
Гимн великих дней.
Оттого сегодня не тужу о лете,
О своей весне

И о том, что тихо навевал мне ветер
В юношеском сне.

2. Земля советская
Перевод Б. Турганова

Сколько было споров, стычек и увечий
Из-за наших скудных
Дедовских делянок!
Спорили за межи, хаты свои, печи,
Узкие полоски,
Чахлые полянки.

Будто завязали нам глаза повязкой:
Свет сошелся клином,
Все пути закрыты.
Всё это сегодня стало только сказкой,
Диким сном-кошмаром,
Навсегда забытым!

Выйдем-ка мы в поле да посмотрим, братцы:
Не окинуть глазом,
Так раздолья много!
Вот он, край свободный, — есть где поразмяться…
Широко легла ты,
Сельская дорога!

Где былые межи — черные приметы
Горького бесхлебья,
Жути безысходной?
Ширь кругом без края, да гуляют ветры,
Ходят, словно сваты —
Вольно и свободно.

Этаких просторов не знавало панство,
Да и не узнает,
Не увидит боле:
Вырвали мы с корнем злое окаянство,
Что сосало соки
Из голодной голи.

За такие сроки — все переменилось!
И земля другая,
И другие люди.
Словно тень от солнца, злое горе скрылось
За работой дружной,
В неумолчном гуде.

Глянешь — не узнаешь ты родного края:
На былых болотах
Вырастают села,
А взамен лучины радостно сияет
Ильичева лампа,
Радугой веселой.

Пролегла сквозь дебри, сквозь лесные чащи
Скатертью льняною
Ровная дорога.
Едешь — сердцу любо, сердце бьется чаще,
Меришь километры,
А ведь их так много!

А наступит жатва — высыплют бригады,
Загудят машины,
Трактор зарокочет.
Разве мы мечтали о таких парадах,
О труде всем миром,
Всей семьей рабочей?

Мать уже не тащит за собой коляску,
Покормить младенца
Жарким полднем в поле,
Детского не слышно жалобного писка:
Наши дети в яслях,
И в садах, и в школе.

За детей спокойны можем быть отныне:
Новый мир открыт им,
Все пути им гладки,
Крепким поколеньем движутся к вершине,
Сильным поколеньем
Большевистской хватки.

Наши дети нынче — сами командиры,
Летчики-герои,
Инженеры стройки.
Стали им покорны дикие Памиры,
К полюсу дорогу
Пролагают стойко!

Кто штурмует небо, кто стоит в дозоре
Там, где ни единый
Не бывал на свете?
Кто проводит реки, покоряет море?
Это наши люди,
Это наши дети!

Вот каких героев, верных беззаветно,
Воспитала мудро
Партия родная.
Мутные туманы тают неприметно,
Солнце светит жарче,
Дали озаряя.

Оттого я нынче, на ущербе лета,

Не грущу по лету,
Как грустил бывало, —
Наша песня-радость нами не допета,
Видится весна мне
И в листве опалой!

3. Вчера и сегодня
Перевод Б. Турганова

Писала недоля
Завет свой проклятый
На бревнах замшелых
Продымленной хаты.

А чащи лесные
Замкнули дорогу,
И горе привычно
Прибилось к порогу.

С соломой на крыше
Ветр**а** говорили.
Мы слушали молча
Суровые были

О новых поборах,
Бесправье, бесхлебье...
Холодные звезды
Сияли на небе,

Тоскливые ночи
В оконца глядели,
О доле сиротской
Метели гудели.

Достаток наш жрало
Господское брюхо,
А наших детишек
Мела голодуха.

Вот так и жилося
Под паном и богом,
Да вспомнил Октябрь нас,
Пришел к нам, убогим.

Огнем полыхнуло,
И с грохотом ярым
Гроза разразилась
Великим пожаром.

И сникли туманы,
Тоска вековая,
И стала прямою
Дорога кривая.

4. За новое село
Перевод Б. Турганова

Сутулые хаты, соломка да мох —
Такая старинка, ох-ох!
Ослепли оконца, разбито стекло —
Не хаты, а так — барахло.

Косматые стрехи, обломки да гниль —
Не наш он, не наш это стиль.
Эх, хаты-хибарки! Ваш нищенский вид —
Он сам за себя говорит.

Довольно смотрелись вы в темень веков,

Блох тешили да прусаков.
Вы — темные пятна, постылая тень,
Что застит нам солнечный день.

Вы рублены горем, бедняцкой рукой —
Пора вам, пора на покой.
А быт стародавних, убогих людей
Покажет нам завтра музей.

Мы вместо хибарок, унылых темниц,
Настроим пригожих светлиц,
Садами украсим, любому в пример,
На наш, на советский манер.

Чтоб глаз веселили и радость несли
Нам, людям советской земли.
Пускай за границей увидят всерьез,
Поймут, что такое колхоз!

1935

Комсомольцам («Привет вам, племя молодое...») *Перевод Н. Сидоренко*

Привет вам, племя молодое,
Земель советских ясноцвет!
Дорога ваша — путь героев
В сияние грядущих лет.

Как солнце, первые в походе,
Стихиям злым наперекор,
Вы с песней шли, как половодье,
На штурмы недр и диких гор.

Сплоченно, гордо пламенея,
В пути не путая рядов,
Вы шли вперед, как чародеи,
Преграды все переборов.

Простор земли и поднебесья,
Болота, реки, глушь тайги
Ловили звонкий голос песни,
Горячей юности шаги.

Туда, где дым и грохот боя,
Где лишь отважные нужны,
Несли вы сердце молодое,
Борьбы и мужества сыны!

Вам страх не подгибал колени,
Без сил не падала рука, —
Всегда был рядом с вами Ленин,
Был в вас закал большевика!

Вперед же, войско молодое,
Всегда таким прекрасным будь!
Твоя дорога — след героев,
Былинный эпос, звездный путь.

Шагайте с песней боевою!
Привет вам, юные мои!
Пред комсомольскою волною
Враждебный мир не устоит!

1935

Счастливая минута
Перевод Б. Иринина

Сына мать несет из яслей,
Нежит да целует,
И ему про жизнь, про счастье
На ушко воркует:

«Бригадир ты мой удалый,
Свежий цветик маков!
День тебя я не видала,
Как ты там — не плакал?

Нет? Не плакал? Молодчина,
Мой колхозник славный.
Мой ударник, хват-мужчина,
Тракторист исправный!

Добрый хлеб я убираю
На колхозном поле
Да все думаю-гадаю:
Как-то мой соколик?

А соколик мой — умытый,
Словно месяц ясный,
И причесанный — гляди ты! —
Жалует из яслей.

Вот мой сын какой счастливый,
Знай растет без горя!
Он — что всход колхозной нивы
На родном просторе!

К лету будем мы, пожалуй,
С новым детским садом,

Вот где поиграет малый,
Лучше и не надо!

Там игрушки — надивиться!
Сам из них ты сложишь
Дом высокий со светлицей,
Клуб построить сможешь.

Подрастешь — учиться будешь
По красивым книжкам,
А кем быть — уж сам рассудишь,
Верно ведь, сынишка?

Может, будешь агрономом,
В инженеры ль выйдешь.
Мы теперь везде — как дома,
Все твое — что видишь.

А пилотом стать случится —
Знай по небу плавай
Да простор его лучистый
Полни лётной славой!

Пролетишь над нашим полем
Ты на самолете
В самый раз, как я, соколик,
Буду на работе.

В небе громко, басовито
Загудят моторы,
Всколыхнется в поле жито,
Смолкнут разговоры.

Заслоним глаза, а лица
К небу запрокинем,
Где гремит стальная птица

По просторам синим.

Надо мной промчишься бурным,
Грозным ураганом,
Ловко сделав круг фигурный
Вон над тем курганом.

Да письмо мне с самолета
Сбросишь на прощанье:
Мол, от сына, от пилота —
Колхознице Ганне!

То-то мать гордиться будет
Смелой хваткой сына,
Как тебя похвалят люди:
«Наш, мол, молодчина!»

Улыбается сыночек,
Смотрит безмятежно,
К материнской груди щечкой
Прижимаясь нежно.

1935

С дороги
Перевод С. Городецкого

Посвящаю Западной Беларуси

{68}

Летит поток годов,
Следы былого гаснут торопливо,
Их ветер сдуть готов,
Как лепестки цветов,

Косой забытых на осенних нивах.

И часто, как во сне,
Маячит тихо детство пред глазами,
Как песня о весне,
Давно звеневшей мне
Неясными своими голосами.

От этих старых снов
Уйти и нынче я никак не смею,
Нет-нет, я вспомню вновь
Один из уголков
Над Неманом, родной рекой моею.

Я мир увидел там
И понял стройность всех его звучаний,
Открыв своим глазам
Природы вечный храм,
Где все сияет в блеске трепетаний.

И сколько прежних чар
Заботливая сохраняет память —
Как драгоценный дар,
Как сказочный пожар,
Сверкающий над первыми путями.

Хоть след путей моих
Засыпан там уже давно ветрами,
Я вижу как живых
Мне близких, дорогих,
Замученных попами и царями.

Сиянье тихих вод
И детских дней счастливая беспечность!
Как часто вновь встает,
Струится и поет

Аккорд, давно ушедший в бесконечность!

Годов несется строй.
У нас давно взошла заря и блещет,
А за рекой Сулой[{69}]
Орлы[{70}] над хмурой мглой
Клюв свесили понурый и зловещий.

Я после многих лет
Опять взглянул в глаза родимым долам.
Край сном глухим одет,
Везде насилья след,
Кругом кресты, остроги и костелы.

И тянутся из мглы
Давно забытые у нас картины:
Двуглавые орлы,
Ряды жандармов злых,
Мотивы той же оперы старинной!

Вот он, другой жандарм!
Иные перышки, но та же птица!
Носитель тех же кар,
Он бог тут, он тут царь
И «польскости» хранитель на границах.

Хожу, гляжу вокруг,
Знакомых бед как бы читая список,
А где ж народ, мой друг?
В глазах его испуг,
Он ходит здесь, оттертый за кулисы.

А где ж посул панов
И крики их о равенстве, о воле?
В тоске колоколов?

И в звоне кандалов?
И в посвисте кнутов?
И в голоде, и в бедствиях подполья?

Так вот каков ты, край,
Приют моих ребяческих мечтаний!
Хлебнул ты через край
Легенд про панский рай,
Несчастный край подавленных рыданий!

Порублены леса,
И только хвощ на торфищах бушует,
Узки, как пояса,
Наделы: пан кромсал.
На те же голоса
Поешь, Край Западный, ты песнь былую.

Полыновым листом
Повеяло от песни, позабытой мною.
Мой край родной и дом
Под белым под орлом,
Спеленатый несчастною судьбою!

И я, твой сын родной,
Себя здесь чувствую чужим, далеким…
Пусть веет над тобой
Напев мой путевой
И скорбь о жребии твоем жестоком!

1935

Загибелька
Перевод М. Исаковского

Посвящаю К. Крапиве

Я был в Париже. Город — ничего,
Но Загибелька мне приятней все ж...
Гриба в лесу Булонском не найдешь,
А в Сене нет леща ни одного...

Эпиграмма К. Крапивы

{71}

Немного, может, я чудной,
Но все ж люблю я Загибельку{72}:
Там каждый кустик мне родной,
Там над прозрачною волной
Готовит берег мне постельку.

Я там бродил, встречал восход
Не раз весеннею порою;
Следил, как день идет в поход,
А с ним и тучек хоровод
Плывет и тает надо мною.

Замедлишь шаг. Покой и тишь —
Травинка даже не качнется,
А ты задумчиво глядишь,
Как будто здесь во сне стоишь
И слышишь — песня тихо льется.

На дол посмотришь — беден он:
Один песок, залегший плотно.
Но даже там со всех сторон
Мох, вереск и кукушкин лен
Ползут и ткут свои полотна.

А сколько здесь цветов цветет,

А сколько красок здесь пылает!
Над ними звон и гуд встает,
Над ними солнышко плывет
И радость щедро разливает.

Бредешь один вперед, назад,
Минуешь сотни поворотов,
Войдешь в борок… и сосны в ряд,
Как будто женщины, стоят,
Как будто ждут они кого-то.

Идешь и час и два часа
Чрез пустыри и перелески,
А сверху льются голоса,
Да так, что слушают леса,
Надев причудливые фески.

А вот и озеро-окно,
Такое редко где найдется, —
Среди болотища — одно,
И почему-то здесь оно
Гремячим озером зовется.

Лежит болото, каждый шаг
Глухим безмолвием окутав,
И лишь качает на ветвях
Сто тысяч шапок и папах,
Десятки тысяч парашютов.

Настроившись на философский лад,
Порой стою в лесной дремоте:
Куда ни глянь — наш край богат,
Дадим болоту шах и мат,
И будут нивы на болоте!

И так, с собой наедине,

Я узнавал тот край все ближе,
И вот, узнав его вполне,
Скажу, что в Загибельке мне
Милей и лучше, чем в Париже.

1935

Поэтам советской земли
Перевод Б. Иринина

{73}

Распахнем мы вам двери пошире,
Вас встречая, как близких своих,
В красный угол, как водится в мире,
Мы посадим гостей дорогих.

В откровенной и дружной беседе
Поведем мы трудам нашим счет,
Что, мол, сделали мы, что — соседи
И что надо нам сделать еще.

Все живем мы семьею согласной
На просторах советской страны,
И, как день, нам пути наши ясны
И огни нашей цели видны:

Для отчизны слагать свои песни,
Как никто не слагал никогда,
Чтобы пели их с нами совместно
Все деревни и все города.

И любовь не иссякнет в народе
К нам, поэтам советской земли,
Что в великие дни половодья

Нераздельной семьею взросли.

7 февраля 1936 г.

Песней приветствую вас
Перевод Н. Сидоренко

И широки же колхозные нивы!
В далях теряется взор!
Стежки-дорожки бегут торопливо,
Меряют синий простор.

Мир разгорожен, запаханы м**е**жи,
Стало на нивах светлей,
В поле работает сильный, прилежный
Трактор — хозяин полей.

Смолкла навеки песня неволи,
Жалоба-песня мертва.
Ясные дали! Привольное поле!
Песни счастливой слова!

Труд подарил нам радости песню,
Ей незнакома печаль.
Ясное завтра! День наш чудесный!
Синь, безграничная даль!

Жить стало лучше, и на просторе
Песни, что мак, расцвели.
Ими наполнены степи и горы
Вольной советской земли.

Песни вскипают звоном-разливом,
Славят цветущий мой край,

Песням веселым, песням счастливым,
Сердце мое, отвечай!

Марш победителей в радостном гуде...
Радости много сейчас.
Солнечный край мой, свободные люди,
Песней приветствую вас!

1936

Май-победитель
Перевод Н. Сидоренко

Степной, лесною, горною
Дорогою просторною,
Как наш советский край,
На радость всенародную
К нам с песнею походною
Идет зеленый Май.

Гляжу, закинув голову,
На солнышко веселое,
Не опуская глаз:
Такая ширь безбрежная,
Кипучая, мятежная
На родине у нас!

Колонны за колоннами
Идут, шумя знаменами,
Как волны вешних вод.
Над городами, хатами
Мчат песни, став крылатыми,
Ведь им неведом гнет.

Полна снегами талыми,
Бежит вода каналами
В гранитных берегах,
Впервые под столицею
Встречается с зарницею
Морских пространств размах.

Дорогою просторною,
Речной, степною, горною,
Зеленый Май, спеши!
Как много нами пройдено,
Как возмужала родина,
Как песни хороши!

22 апреля 1937 г.

Живет Руставели
Перевод С. Городецкого

{74}

Ни бури, ни вихри, ни черные годы
Его не задели,
В сказаньях-былинах и в думах народа
Живет Руставели.
В кристальных ручьях вдохновенного слова
И в песенной трели,
Звучащей из вечности снова и снова,
Живет Руставели.
В весенних зарницах певучего дара,
Что мир облетели,
И в образах ярких, светлее лазури,
Живет Руставели.
И в добрых порывах, чем души людские
Горят и горели,

В минуты покоя и в дни боевые
Живет Руставели.
Чудесные струны в старинные годы
Грузинам звенели,
Под солнцем советским на радость народам
Расцвел Руставели.

1937

Устье
Перевод Н. Сидоренко

Я вновь живу от города вдали,
Найдя приют в лесистом захолустье...
И весело всегда стихи текли,
Лишь вспоминал я уголок земли —
Заросшее, покинутое Устье[{75}].

Пускай пески желтеют там и тут,
Не пальмы южные под этим небосводом, —
Но мил душе гостеприимный люд,
И холмики пологие встают
В убранстве скромной и простой природы.

О сосенки густые! О пески!
Родной пейзаж на летнем солнцепеке!
Здесь в жаркие, погожие деньки
Ты пьешь смолистый дух, что ветерки
Несут в своем невидимом потоке.

Как в том краю чарующи леса!
Сошлись к дорожкам и тропинкам сосны.
Какой покой глубокий и краса!
Вот вереска краснеет полоса,

Гвоздики белой коврик медоносный.

Стоишь, бывало, в затишке один,
И целый мир лежит перед глазами.
Теплынь струится от лесов, долин.
Прогретый воздух свой прозрачный тын
За Свислочью возводит над полями.

Живет, дрожит, волнуется простор,
И каждая букашка тащит что-то.
Движенья сколько возле гнезд и нор!
Чабрец пушистый расстелил ковер,
Сзывая пчел, — тут есть для них работа.

Под горкою лучистый поясок —
То Балачанка светлою струею
Ласкает невысокий бережок.
Как хорошо, прилегши на песок,
Понежиться здесь утренней зарею.

Раскрыв шатры, богатыри дубы
Стоят за речкой лагерем могучим.
В борьбе с дубами вихри все слабы, —
Вершин ветвистых гордые чубы
И в час грозы не бьют поклонов тучам.

За Балачанкою, где Блужский бор
Веселым шумом наполняет дали,
Как будто охраняя косогор,
Над ельником склоняет свой убор
Сосна-старуха, затаив печали.

Натянутые струны тишины
Звенят от песни, что на крыльях мчится;
Гудит мотор в волнах голубизны;
Купаясь в солнце, дни моей страны

Не устают счастливой песней литься.

Летит-гудит над Устьем самолет,
А кое-где внизу — кривые хатки,
Заборы старые… Но мой народ
Там светлые строенья возведет,
Добьет былого жалкие остатки.

Тут волю я даю своим мечтам;
Знакомых мест я скоро не узнаю,
Прочь выметут колхозы старый хлам.
Я новые дома увижу сам
И Устья ни на что не променяю!

1937

Устьинский холм
Перевод Н. Сидоренко

Заветный холмик в Устье отыскав,
Люблю в свободные мгновенья
Я в соснах наслаждаться тенью,
Вести беседу, слушать пенье,
Впивая мед лесов и запах трав.

Пусть не богат, не славен холмик мой,
Пусть он простой, не знаменитый,
Но чабрецом зато покрыт он,
Там пчелки вьются деловито,
По капле мед сбирая золотой.

Ковер гвоздики близ холма расцвел,
Легко махровые снежинки
Легли на тонкие тычинки,

Колебля слабые былинки,
Украсивши песчаный этот дол.

Чудесный вид мне с холмика открыт,
Голубизна сквозит далече,
Семья дубов широкоплечих
Стоит, как воины на вече,
Что солнышко приподняли на щит.

А там луга вдоль Свислочи легли,
Лозняк с ольхой сплелись ветвями,
Над островками, пустырями
День веет синими шелками,
Что вытканы дыханием земли.

Вот аисты, чьи крылья тяжелы,
Сюртук надев свой черноперый,
Оглядывают косогоры,
Как землемеры-ревизоры
Иль важные заморские послы.

Алмазами росы сверкает луг,
След за охотником ложится:
Стрелок высматривает птицу.
Какой улыбкой взор искрится,
Когда бекаса он подстрелит вдруг!

Все видно мне, все звуки мне слышны:
Шум трактора за Балачанкой,
И мельница, что крыта дранкой,
И песнь девчат из Березанки{76},
И небо — сплошь окно голубизны.

Я с холмика в засушливые дни
Гляжу в окно, как чередою

Клубятся тучи предо мною,
Я покорен их красотою, —
В них гром грохочет, молнятся огни.

…Теперь живу от Устья я вдали,
Сижу средь книг, чернил, бумаги.
А в мыслях — лес, река, овраги,
Клев рыбы в час вечерней влаги,
Дары колхозной радостной земли.

Из этих дум венок я вью простой.
В нем вся теплынь и голос лета,
Что солнцем ласковым согрето,
В нем мирные мечты поэта…
И всё — тебе, о Устье, холмик мой!

18 октября 1938 г.

Близко весна
Перевод Б. Турганова

Не сошел еще в низинах
Снеговой покров,
Веет холодом в долинах,
Луг застыл, суров.

Но яснее свод небесный,
Больше в нем тепла.
И надеждою чудесной
Роща расцвела.

С шапок белый пух стряхнули
Сосны, тополя,
Под деревьями проснулась,

Ожила земля.

Солнце взгорья пригревает,
Сушит капли слез,
И ручьи журчат, сбегая,
Меж корнями лоз.

По округе зазвенели
Голоса весны,
И полны пьянящим хмелем
Радостные сны.

Веселей навстречу свету
Смотрят окна хат,
Эй, колхозник, дело к лету,
Шевелися, брат!

Над землею, как жалейка,
Солнцу в лад и в тон,
Сыплет пташка-чародейка
Первых песен звон.

1938

На новой земле («Легла дорога столбовая...»)

Перевод Б. Турганова

Легла дорога столбовая,
Она зовет меня вперед;
Иду, и мысль растет живая,
И чувство новое растет.

Куда ни гляну — ширь и воля,

Уходит в небо дальний лес.
Межи давно не видно в поле,
Бурьян — и тот с земли исчез.

Цветут луга в одеждах новых,
Шумит листвой зеленый сад,
И ветер в запахах сосновых —
И он шумит на новый лад.

Глядишь, дома встают, белея
То с той, то с этой стороны,
И тешат новизной своею,
И сердце радуют, стройны.

Вон там, раскинутый над долом,
Клубами к небу всходит дым,
И весть несет колхозным селам
Гудок напевом молодым.

Ползут по склону, через кочки,
Волы стальные вверх и вниз,
Ведет их девушка в платочке
Иль комсомолец-тракторист.

А тут, где лишь вчера болото
Плитой лежало гробовой, —
Колосья поднялись без счета,
Качая гордой головой.

И над осушенной трясиной
Пластами торф лежит, как щит,
И высятся над всей равниной
Громады черных пирамид.

Идут колхозные подводы,
Товар везут грузовики,

И всё моложе год от года
Седые даже старики.

Леса полны весенним зовом,
На край свой любо мне взглянуть.
К земле, в ее наряде новом,
Хотел бы сердцем я прильнуть.

1938

Джамбулу
Перевод С. Городецкого

В полях Украины, в предгорьях Памира,
В казахских счастливых аулах
Гремит многострунная звонкая лира,
Симфония песен Джамбула.

Чудесные песни его — словно зори,
Что утром сверкают в лазури,
Что радугой блещут в небесном просторе,
Сплетаясь из солнца и бури.

И дышит в них свежесть и юная сила,
В них мудрость живет Казахстана,
Порывы потоков, орлиные крылья
В пленительных думах Бояна.

Плывут его песни от края до края,
Полны вдохновенного гула.
Я деду Джамбулу привет посылаю,
Люблю я акына Джамбула!

Приветствую славную партию нашу,

Что руки народов сомкнула
Для дружбы великой, для дружбы всегдашней,
Что нам подарила Джамбула.

1938

Тарасу Шевченко
Перевод С. Обрадовича

{77}

Я в твоих глазах,
Двух глубоких, как небо, криницах,
Вижу долгий шлях,
Богатырский взмах
Ввысь, где светит заря-заряница.

Путь прошел ты свой,
Как борец с непреклонною силой.
Не угаснул твой
В тьме огонь живой, —
Прахом пал твой мучитель постылый.

И растет один
Злой бурьян на могиле тирана,
И дымит полынь
На дурной вспомин,
И, как пугало, пустошь кургана.

А ты жив, кобзарь,
И живут твои песни на свете.
И тебе как дар
Вольных песен жар
Твои внуки приносят и дети.

И приносят их
Все народы советского края,
Что в тяжелый миг
Из криниц твоих
Пили, в тьме бездорожья блуждая.

Ширь цветущих стран
Солнцем радостным ныне сияет,
И кобзарь Боян,
Словно великан,
По земле своей с песней шагает.

Я в твоих глазах,
Двух глубоких, как море, криницах,
Вижу светлый шлях
И орлиный взмах
Вдаль, где зори горят, заряницы.

14 января 1939 г.

Своему народу
Перевод Е. Мозолькова

{78}

На простор, на раздолье полей
Выйди радостной, дружной семьею, —
Сотни новых и ясных путей
Жизнь расстелет теперь пред тобою.

Новой доли восходит заря,
Будешь жить ты без панской опеки:
Отошла, отцвела их пора,
И панам не вернуться вовеки.

Погляди, как просторно вокруг,
Как притихли дворцы и костелы!
Все твое! Это поле и луг,
Строй в дворцах для детей своих школы.

Так иди с нами вместе вперед,
Распростившись с бедою-тревогой.
Нас к счастливым вершинам ведет
Наша партия верной дорогой.

На простор, на раздолье полей
Выйди радостной, дружной семьею, —
Сотни новых и ясных путей
Жизнь расстелет теперь пред тобою.

21 сентября 1939 г.

«Гудит земля, дрожат леса...»
Перевод Е. Мозолькова

Гудит земля, дрожат леса,
Им гулко вторят дали,
А в небе льются голоса
Крылатой, звонкой стали.

Гремит, шумит, как ураган,
Земли свободной сила.
Спустилась ночь на вражий стан
И плотно дверь закрыла.

Ударил гром, и нет панов,
И нет границ постылых:
Прогнивший строй былых веков
Не встанет из могилы.

Огнем Кремля пылает стяг
Над пробужденным краем,
Горит он в утренних лучах,
Ветрами колыхаем.

Идут полки, спешат бойцы
Советской славной рати,
Свободу, мир, как их гонцы,
Приносят каждой хате.

Народ глядит бойцам вослед
На стяги боевые:
Таких бойцов не видел свет, —
Спасибо вам, родные!

3 октября 1939 г.

Над Свислочью
Перевод П. Семынина

Стряхнули одежды леса,
Смолкают и птиц голоса,
И травы повяли;
Глядят сиротливо луга,
Как пни, потемнели стога —
Намокли, опали.
Туман и тоска над землей,
И ветви холодной росой
Кропят, как слезами.
И я вспоминаю в тот миг
О лете, пропевшем свой стих
Листвой и цветами.
К тем далям лечу я душой

На зори, на пир золотой —
К дубам над рекою.
Виденья и музыки звон,
Как тихий чарующий сон,
Плывут надо мною.

Солнце встает из-за Блужского бора
И стелет по взгоркам парчу золотую,
Багрянцем украсило ель вековую,
Что встала, как мать, и семью молодую
Хранит, величаво шумя над простором.

Шелка облаков уже прячут куда-то —
Должно, чтоб на солнце они не слиняли;
Как бусами, росы траву разубрали;
Разлившись в покое торжественном, дали
Внимают ликующим песням крылатым.

Как вольно, как молодо летнею ранью,
Когда просыпается тихая нива, —
Колосья на солнце глядят, как на диво,
Над заводью ходит туман белогривый,
И луг наполняется звоном, сверканьем!

Иду не спеша я на Свислочь с удою,
С червями, с краюшкой, распахнутый, б**о**сый,
И ноги мне моют прохладные росы;
Всем сердцем я слушаю день стоголосый,
Дубов шум зеленый над быстрой водою.

Тут счету им нет! И все, как магнаты,
Горды, неприступны, глядят сановито,
Как будто собралася царская свита, —
Один вон в плаще, жемчугами обшитом,
Другие же в тогах, отменно богатых.

А там старичина уж век доживает,
Стоит почернелый, и нет на нем кроны,
Забытый, как нищий, для всех посторонний;
Летят к нему только монашки-вороны,
Вдова-аистиха подчас навещает!

Унылая старость! И вдруг я невольно
С тоской вспоминаю: всему есть кончина!
Как долго протянется век старичины?
А мне далеко ли до той годовщины,
Когда я покину все это приволье?

Но грусть мимолетна, и вновь я шагаю
По листьям и мхам, по зеленому чуду,
С удою сажусь на песчаную груду,
Назло и на зависть рыбацкому люду, —
Рыбак рыбака ведь всегда проклинает!

А Свислочь играет, шумит, не смолкая,
Меж трав изумрудных, в горячем цветенье,
И вдруг то темнеет от облачной тени,
То снова сияет в довольстве и лени,
Деревья, осоку и птиц отражая.

Напротив — Кручок, заповедное царство{79}
Над озером старым, запущенным ныне,
Там буйствуют травы, ивняк и осины,
Там льется с зарею поток соловьиный,
Там дичи несметной свое государство.

Мне все тут знакомо: моя Балачанка —
Вон там, за холмом, она в Свислочь впадает,
Кустов прибережных гряда молодая,
И Блужское поле, и пустошь глухая,
И та вон тропинка, и та вон полянка.

На берег из Устья доносятся звуки:
Часы проверяет петух голосистый,
Смеются мальцы безмятежно и чисто,
По травам коса пролетает со свистом,
И где-то слышны топора перестуки.

Сегодня село, как корабль, отплывает
К другим берегам — счастливым и вольным,
Несут мое Устье могучие волны,
Лишь клен сиротиной глядит, удивленный,
И что здесь стряслось — старичина не знает.

«Ну что же, бывайте, — скажу им с душою, —
Живите и стройтесь по дружбе, не споря,
Советской семьей на колхозном просторе,
Навеки забудьте унынье и горе,
Да будет вам счастье большое-большое!»

Сквозь кудри кустарника сыплются стрелы,
И солнце выходит, всей славой блистая,
Туман в тростниках расползается, тает;
Вдруг солнце на мой поплавок приседает,
И радужный луч разгорается смело.

А я неотрывно слежу за лесою,
Звенит комарье и впивается в уши.
Я жду, когда рыба, червя обнаружив,
На поплавке моем солнце потушит, —
И к дому вернусь я с богатой сумою.

Но если не клюнет совсем — не горюю.
Я радуюсь солнцу, алмазному лугу,
Безбрежному небу и ветру, как другу,
Что ходит, как солнце, по вечному кругу
И тучу, коль надо, несет дождевую.

Я радуюсь лету, колхозному люду,
Веселью и чарам родимого края,
Цветам, мотылькам, что порхают, играя, —
Всему, чем отмечена жизнь молодая.
Так пусть эта юность нетленною будет!

3-13 ноября 1939 г.

Привет Москве
Перевод А. Прокофьева

Великих звезд Кремлевских свет
К нам от тебя струится.
Мы шлем тебе, Москва, привет.
Прими его, столица!

Ты — стяг нашей силы,
Ты — воли простор,
Прямой, быстрокрылый
Полет выше гор.

От городов, колхозных нив
И от любой столицы
Прими, Москва, сердец порыв,
Как шум живой криницы.

Ты — стяг нашей силы,
Ты — дружбы простор,
Прямой, быстрокрылый
Полет выше гор.

Огням твоим, что над Кремлем
Пылают, как зарницы,

Мы лучшие венки совьем
Из жита и пшеницы.

Ты — стяг нашей силы,
Ты — славы простор,
Прямой, быстрокрылый
Полет выше гор.

Прогнали тьму твои огни,
И нет для них границы,
На всей земле видны они,
Их света враг страшится.

Ты — стяг нашей силы,
Ты — счастья простор,
Прямой, быстрокрылый
Полет выше гор.

Живи, Москва! На целый свет
Горят твои зарницы.
Мы шлем тебе, сестра, привет
Сердечный от сестрицы.

Ты — стяг нашей силы,
Ты — правды простор,
Прямой, быстрокрылый
Полет выше гор.

1939

Копайте яму, долокопы
Перевод С. Городецкого

Земля в огне и в горьком дыме,
Разносит ветер гарь и чад.
Мир проклинает злое имя
Того, кто бешенством объят.

Колосья нив безбрежных стонут.
Призывный шум несут леса,
И ловит слух настороженно
Земли родимой голоса:

«Вставай, народ, всю мощь и силу
Вздымайте, села, города!
Пусть злую гибель и могилу
Найдет фашистская орда.

Сметай ее стальной метлою
Всю, до последнего полка,
И пусть под тучей грозовою
Не дрогнут сердце и рука.

Копайте яму, долокопы,
Чтобы в ее холодный прах
Упал навек тиран Европы,
Свободы, мира лютый враг!»

1941

Засада
Перевод С. Городецкого

Над затихшею дорогой
Лес развесил плащ-шатер.
Замер весь в молчанье строгом,
Ветви темные простер.

Ночь окутала просторы
Черным пологом-руном.
Старый дуб на косогоре
Спит тревожным, чутким сном.

Мрачен лес. А над болотом
Полыхает неба край.
Часовой, борись с дремотой,
Глаз с дороги не спускай!

Слышишь гул? Гудит дорога.
Всколыхнулся сонный бор.
С дуба, видевшего много,
Подает сигнал дозор.

Из чащи лохматой,
Трущобы лесной,
Бойцы-партизаны
Выходят гурьбой.

Ведет их лесничий
Сквозь дебри лесов, —
Отряд партизанский
К сраженью готов.

Бесшумно, как тени,
Идут через шлях,
Винтовки, гранаты
Сжимают в руках.

По краю дороги
Засели, сидят.
А там уже стонет
Под танками гать.

Чудовища лезут —
Армада машин,
Не раз нами битый
«Железный» их клин.

Ползет мимо леса
Змеиный их хвост,
Глядят партизаны
С лесничим на мост.

Окутала мостик
Болотная мгла,
Там загодя ночью
Ходила пила;

Там насыпь копали
Лопаты тайком, —
Борись, как умеешь,
С фашистским зверьем.

Колонна подходит,
Гудит броневик,
На мост он ворвался
И грохнулся вмиг.

Горящая глыба
Ныряет на дно,
Летит и другая
С ней в топь заодно.

Залязгала резко
Стальная броня,
Пошла суматоха,
Пошла суетня!

Стальной на фашистов

Посыпался град, —
И рвут их на части
Осколки гранат.

Пробираясь сквозь туманы,
Месяц из-за облаков
Не видал, как партизаны
Били, рушили врагов.

Только видел из-за тучи,
Как светился косогор,
Как за дубом за могучим
Из машин пылал костер.

Снова тихо в чаще стало,
Догорел костер-пожар…
Сложит нам былин немало
Белорусский лес-гусляр.

8 ноября 1941 г.

Голос земли
Перевод С. Городецкого

Я слышу голос неустанный:
Земля моя зовет меня,
И зов ее мне сердце ранит,
Как сталь косы, в траве звеня.

И шум дубрав, и леса стоны,
И вопли рек, и плач ручьев,
И взор немой озер зеленых
Несут мне вести про врагов.

Я вижу полчища тевтонов,
Звериный блеск в глазах пустых;
Не знает никаких законов
Орда разнузданная их.

О, если б мне такие руки,
Чтоб мог их простереть к тебе,
Моя земля, утишить муки
И силу дать тебе в борьбе!

Я слышу зов, земля родная!
Хоть песней я к тебе прильну.
Тебе я, сын твой, обещаю:
Недолго будешь ты в плену.

Твой лес объят весь шумом гневным,
Я вижу луч твоей зари.
Он солнцем заблестит полдневным, —
Есть у тебя богатыри.

31 декабря 1941 г.

Весною
Перевод П. Карабана

Весеннее синее небо,
Листва молодых тополей…
А мне бы, одно только мне бы —
В просторы родимых полей!

Здесь тихо, спокойно, привольно,
И нежится в солнце платан,
И ластится ветер раздольный,
Широкий, как Узбекистан.

А там, в Беларуси родимой,
Народ мой измучен бедой,
Страдает, чужой и гонимый,
И хлеб его — мох с лебедой.

Я знаю: там черная погань
Свирепствует в злобе своей,
А дети глядят на дорогу
И шепчут: «Придите скорей!»

О, тяжки железные цепи!
Но знай же ты, край мой родной, —
Пусть встречу руины и пепел,
Лишь быть бы мне только с тобой!

Лишь волю… Лишь цепи разбить бы,
Изгнать чужаков навсегда!
О Неман мой, Свислочь и Витьба,
Как был бы я счастлив тогда!

Пускай же разверзнутся недра
И сгинут фашисты на дне!..
Весенняя ласковость ветра…
О родина, снишься ты мне!

20 апреля 1942 г.

Старый путь
Перевод П. Карабана

Путь этот старый, известный в народе,
Лег между белых берез.
Пряди распущенных кос

Вьются, трепещут в живом хороводе.

Ласковый шорох беседы их чинной
Плыл над простором земли,
И замирали вдали
Звуки знакомые песни старинной.

Рядом с дорогой луга, перелески,
Море зеленое нив,
Речек капризный извив,
Мирно бегущих в серебряном блеске.

Села, деревни кругом; и по селам —
Ласковый, крепкий народ.
Озеро, сад, огород,
Рощи взбегают по склонам веселым.

В круговороте веков и событий
Время стремило свой бег.
Мир раздвигал человек.
Новые тропы легли, точно нити.

Путь же старинный, как в давние годы,
Между берез, в тишине,
Служит, как раньше, стране,
Именем прежним зовясь у народа.

Путь наш родимый! Стрелою прямою
С давних времен ты пролег,
Запад чужой и Восток —
Два рубежа ты связуешь собою!

Дай же о родине весточку ныне —
Как там народ наш живет?
Слышу: твой голос плывет,
Мчит через горы, леса и пустыни:

«Время лихое настало в отчизне,
Топчет дороги чужак,
Льет нашу кровь вурдалак, —
Нет от фашистского изверга жизни!

Только не ведает ворог покоя, —
Мстим беспощадно зверью!
Чует он гибель свою,
Ждет его пуля за каждой сосною!

С Немана, Припяти, Свислочи, Сожа
Крики доносит сюда:
«Наш этот край — навсегда!
Враг здесь проклятую голову сложит!»

Грозно поднялись бойцы партизаны,
Мщеньем горят их сердца:
«Зверя добить до конца,
Падали — место под диким бурьяном!»

Верь мне, товарищ! Незваному гостю
Равный повсюду прием,
Нечисть мы скоро сметем, —
Хватит ей места на нашем погосте!

Слышишь? Раскаты грохочут с востока.
Зверю наступим на грудь!»
Старый родимый наш путь,
Голос твой — верю я — голос пророка!

12 мая 1942 г.

Над могилой друга
Перевод П. Карабана

Памяти Янки Купалы

{80}

Упал по дороге ты, друже,
И сжались печалью сердца.
Лежит боевое оружье,
Не стало поэта-бойца.
Спи же, друг мой! Образ твой
Не забудет край родной.

Тебе не пришлося, товарищ,
Отчизну увидеть опять
И к стройке на месте пожарищ
Народ своей песней позвать.
Спи же, друг мой! Образ твой
Не забудет край родной.

Покончив с нашествием темным,
С фашистским кровавым зверьем,
Тебя мы всей родиной вспомним
За праздничным нашим столом.
Спи же, брат мой! Образ твой
Не забудет край родной.

И вспомним, как лучшего сына,
Что отдал стране до конца
Свой голос, распев соловьиный,
Талант несравненный певца.
Спи, певец наш! Образ твой
Не забудет край родной.

С тобою немало прошли мы,
Одни пролагая пути,
И слушали голос родимый,
Чтоб в мир этот голос нести.
Спи, наш сокол! Образ твой
Не забудет край родной.

И вот оборвался твой голос,
Объял тебя вечный покой,
Тебя, самый буйный наш колос,
Могучий наш дуб над рекой!
Спи, гусляр наш! Образ твой
Не забудет край родной.

Уж гусли навек отзвучали,
И сжаты тоскою сердца,
Отчизна в глубокой печали —
Не стало поэта-бойца.
Спи спокойно! Образ твой
Не забудет край родной.

2 июля 1942 г.

Батьке Минаю
Перевод С. Городецкого

Поклон тебе искренний, низкий,
Наш батька Минай{81}!
Родным стал для нас ты и близким:
Ты — это наш край.

Приветлив, умен ты и скромен,
И стоек, как дуб,
Тот дуб, что над Неманом в дреме

Возносит свой чуб.

Тот дуб не поклонится буре, —
И ты не упал,
И ворог на собственной шкуре
Твой гнев испытал.

Узнали фашистские звери
Отвагу твою.
Удар твой внезапен и верен,
И зол ты в бою.

Невинных детей твоих милых
Убил этот кат,
И пепел развеян застылый
Сожженных им хат.

Один, без детей ты, несчастный,
Один, без сестры,
И греют тебя в день ненастный
Лесные костры.

Да! Тягостно бремя такое
Несчастий и бед!
Ты все потерял дорогое
На старости лет.

И вышел ты, слезы сметая,
Навстречу врагам.
Сказал ты, герой: «Никогда я
Друзей не предам!»

Ты бьешься, все силы народу
И сердце отдав.
Смерть, смерть кровожадному сброду!
Сгинь, Гитлер-удав!

Скажу тебе братское слово:
Живи, наш Минай!
Расправим мы плечи, чтоб снова
Жил вольно наш край.

17 августа 1942 г.

Живет средь нас гений
Перевод П. Карабана

Как солнце он глянул в народную душу,
Для счастья народа всего
Он правду и мудрость народа подслушал,
Чтоб выполнить волю его.

Увидел он светлые дали, просторы,
Что новью теперь зацвели.
Нам Ленин пути указал, по которым
Идти к новой правде земли.

И в сердце людском, и на солнечных нивах
Лежит его правды печать.
Словам его мудрым, простым и правдивым,
Как песням, вовеки звучать.

Звучать им повсюду, где жизнь молодая
Бурлит во всю гордую мощь.
И в песнях и в думах родимого края
Бессмертен, как солнце, наш вождь.

Живет он в могучем дыханье заводов,
В кремлевских пурпурных огнях,
И в нашем единстве, и в дружбе народов,

И в партии зорких очах.

Живет он в делах нашей Армии Красной,
В отваге и силе бойца.
Ведет его имя на подвиг опасный
Бесстрашных героев сердца.

Живет средь нас Ленин — как светоч народов,
Как мудрость великой земли,
И светит лучами, огнями свободы,
Чтоб счастьем народы цвели!

1939-1943

М. Д. М
Перевод П. Карабана

{82}

Ты далеко. Во мраке ночи
Все в снежном вихрится дыму.
Степной буран слепит мне очи,
И мне тоскливо одному.

Тоскливых дней с тобой немало
В разлуке прожил я, скорбя,
Хочу, чтоб в песне прозвучало
Все, что я думал про тебя.

Мне ведом твой удел жестокий,
Ты горечь дум пила до дна.
Понятны мне твои упреки,
Хоть ты в душе моей одна.

Прости! Что вымолвить мне боле,

Поникнув тихо головой?
Забудь обиды, муки, боли —
Тобой я жил, живу тобой.

Близка и далека ты. Ночью
Все в снежном вихрится дыму.
Ночная степь глядит мне в очи,
И мне тоскливо одному.

25 января 1943 г.

Узбекистану
Перевод С. Сомовой

{83}

Пришел мой час. Я покидаю
Тебя, узбекский край,
И тяжко ласковому краю
Сказать: прости! прощай!

Иное небо надо мною
Шатер раскинет свой.
Огнями ярких зорь весною
Ты вспыхнешь предо мной.

Я полюбил, как ширь родную,
Твоих степей простор.
Я отблеск солнца поцелую
С узбекских дальних гор.

Припомню город, шумный, звонкий,
И парки, и сады,
Салар{84}, узор арыков тонкий

И тополей ряды.

Я вспомню храм тиши, покоя,
Заснеженный Чимган[{85}].
И по тебе душа заноет,
Край гор, Узбекистан.

В тяжелый час войны суровой
Ты дал приют и мне.
С узбеком мы слагали слово
И песни о войне.

И меч один мы с ним ковали
На злобный вражий стан.
Ты обогрел меня в печали,
Мой брат Узбекистан.

Повеял снова ветер вешний
Над нашею землей.
Прими же, друг, ты с этой песней
Привет прощальный мой.

23 октября 1943 г.

Салар
Перевод С. Сомовой

Кораллы закат рассыпает,
За облаком — солнечный шар.
Шумливые волны бросает,
Прохладою вея, Салар.

Деревья зеленой стеною
Его обступают кругом.

Салар говорит с тишиною,
Но только не знаю о чем.

И пташка, склонясь над водою,
Глядит на широкий арык.
Она подружилась с волною,
А я к ней еще не привык.

И мальвы, как в давние годы,
Заткали некошеный яр.
Гривастые желтые воды
Кидает на камни Салар.

За тополем серо-зеленым
Колышется бледный пожар,
И с поля поветрием знойным
Несет на холодный Салар.

Смеркается… Тише и тише
Деревья на склоне шумят.
Бесшумно летучие мыши
Над темной водою летят.

И час этой тихой печали —
Вечернего сумрака дар.
Молчат неизвестные дали.
Шумит неумолчный Салар.

На запад гляжу я сурово.
Мне тяжко в печали. Ты знай:
Весь в пламени дымном, багровом,
Мне видится милый наш край.

Сижу я один, размышляю
О наших скитаньях, судьбе,
Стремлюсь я к родимому краю,

Тужу я, мой друг, о тебе.

И звезды взошли над волнами,
Зажгли их сиянием чар.
Ты знаешь, о чем вечерами
Шумит монотонный Салар?

1943

Чимган
Перевод Б. Иринина

1

Под легким покровом, огромный, могучий,
Сквозь просинь возносится к небу Чимган
Там спит на вершинах холодный туман,
На плечи крутые склоняются тучи.

Как некий несметно богатый властитель,
Все в новых одеждах красуется он:
Дарит ему солнце расцветку и тон,
И звезды сучат золотистые нити.

Как сказочный замок, в тиши вековечной,
Он башнями скал небосвод распорол,
Где в гордом спокойствии горный орел
Один озирает простор бесконечный…

Но выше Чимгана летят мои думы,
Туда, где край неба с равниною слит,
Где мир необъятный широко открыт,
И родину вижу я сирой, угрюмой.

Грозой смертоносной Чимган и не тронут,
Спит мирно в горах первобытный покой.
В отчизне ж моей горемычной такой
Кровь, горе да слезы сливаются в омут.

Эх, горы и скалы, долины и кручи,
Во веки веков нерушимый Чимган!
Вы в сердце моем не залечите ран
И боли моей не избудете жгучей.

2

Стоит нерушимо Чимган белогривый,
Как витязь, расправивши плечи.
По склонам кочуют лучей переливы,
На землю струясь издалече.

Внизу же Чимганка шумит, не стихая,
Зажатая в каменном ложе,
Звенит однотонно, и песня глухая
Гудит и уняться не может.

По скатам пологим желтеющих взгорий
Таинственно шепчут арыки,
Цикады звенят и в не молкнущем хоре
Чимган прославляют великий.

Когда ж среди гор в облачении черном
Ночь гостьей нежданною ляжет
И каждый утес неусыпным дозором
В безмолвии встанет на страже, —

Тогда небосвод, необъятный, как море,
Гирляндами звезд загорится,

И небо предстанет в расшитом уборе,
Как будто готовясь молиться.

Великий покой, приглушенные звуки,
А небо все — жизнь, трепетанье.
И голос томящий вседневной докуки
В торжественном тонет сиянье.

А скатится звездочка с горнего луга,
Листочком кленовым пылая,
И вспомню тогда я далекого друга,
По ком я так часто вздыхаю.

1943

Живи, народ!
Перевод В. Цвелева

Под гром боев наш флаг соревнованья
В раскатах бурь несли мы в наши дни.
Минула ночь. Рассветное сиянье
Зажгло над нами ясные огни.

Живи, цвети, народ освобожденный,
Родная белорусская земля!
Нам Ленин путь наметил, озаренный
Немеркнущими звездами Кремля.

Просторен путь полетам быстрокрылым,
Разбег наш дружный сотрясает даль.
И дать отпор сумеем вражьим силам,
Своих рядов мы закаляем сталь.

Не одиноки в битве мы сегодня,

Многоязычной родины сыны.
И братства щит над нами гордо поднят,
Мы нерушимой дружбою сильны!

Живи, цвети, народ освобожденный,
Родная белорусская земля!
Нам Ленин путь наметил, озаренный
Немеркнущими звездами Кремля.

2 марта 1944 г.

Из поэмы «Возмездие»
Перевод П. Семынина

В лесу

О тайны — леса Беларуси,
О сказочный храм!
Я вам до земли поклонюся
И славу воздам.

Мне впали с младенчества в память
Дерев голоса;
Сквозь прошлого грустную заметь
Поют мне леса.

И время и даль не сокроют
Родимых ветвей, —
Шумят они в сердце листвою,
Как голос друзей.

Качаются мерно вершины
Над лоном реки.
Я вижу ковры на трясинах,

Что выткали мхи;

Тропинок глухих повороты
В траве золотой
И малых букашек заботы
Под старой сосной.

Когда же в одеждах из солнца
Придет к нам весна
И глянет впервые в оконце
Тихонько она, —

Тогда пробуждается в кронах
Бессмертия дух
И ходят чуть слышные звоны
И шепот вокруг.

И снег оседает зернистый
На мох у комля;
Брусничника лист серебристый
Выносит земля.

Покажется вдруг: на вершинах
Сидят гусляры
И славят в старинных былинах
Лесные дары.

И бор со счастливым доверьем
Раскроет свой дом,
Где люди, и травы, и звери —
Все в царстве своем.

Не раз я весною, и летом,
И в зимние дни
Входил в этот сумрак с приветом,
Как в хату родни.

И часто угрюмые думы,
Владевшие мной,
Своим ты развеивал шумом,
Даря мне покой.

Так как же тебя мне не помнить,
О песня земли,
Где люди от черной погони
Защиту нашли?

1944

«Желанные сроки мне ясно видны...»

Желанные сроки мне ясно видны:
Раскинется праздник над ширью страны,
Над полем, над гаем,
Над выжженным краем,
Прокатится радость — нет больше войны!
И скажут родимые дали земли:
Проклятые звери навек полегли,
Не будут уроды
Топтать наши всходы, —
Злодейские кости чернеют в пыли.
Мы взором окинем любимый свой дом,
Увидим глубокие раны кругом,
Разрытые долы,
Сожженные села,
Где даже и певень не машет крылом.
Мы горестно вспомним в свободном краю
Родных и друзей, что погибли в бою,
Сестер и братишек,
Невинных детишек,

И слезы прольем над могилой в строю.
Одно нас утешит — ваш подвиг святой,
Вы край отстояли отцовский, родной,
Вы ночь сокрушили
И жизнь положили
За день наш счастливый, венком завитой.
Как правду земли, как немеркнущий свет,
Мы вас понесем по дорогам побед.
Вы будете с нами
Навеки, как знамя,
Как ясные зори, как юности цвет!
Ничто нас в пути не отбросит назад.
Мы ниву засеем и вырастим сад, —
Ведь наши дороги
Светлы и широки,
А в душах народов созвучье и лад.
Мы справимся смело с любою бедой
И все соберемся на пир молодой,
Мы многое вспомним за дружным столом,
И присказку скажем, и песню споем
Про сердце большое
Народа-героя,
Что славен величьем, борьбой и трудом!

1944

В майские дни
Перевод С. Городецкого

Красной Армии

Отшумели бури,
Отгремели громы
И железный град.
И глядят так хмуро

Старых ив разломы
И руины хат.

Ноют еще раны,
Много еще боли,
Скорбь еще остра.
Но ушли туманы —
Горьких дней неволи
Черная пора.

Изгнан враг кровавый!
И его готова
Встретить бездна тьмы.
Не померкнет слава
Подвига святого,
Что свершили мы.

Горы эхом громким
Крыма, и Кавказа,
И крутых Карпат
Про него потомкам
Поведут рассказы,
Реки загремят.

Сталинград — и Вена,
Витебск — и Варшава,
Орша — и Берлин!..
Ты — добыча тлена,
Выродков орава,
Твой конец — один!

И летит за Одер
Ветер вольный, чистый,
Как весенний шум,
В светлом хороводе
Солнечных, лучистых,

Всенародных дум.

Лес такой порою
Вторит громогласно
Голосом весны:
«Слава вам, герои,
Честь и слава, Красной
Армии сыны!»

29 апреля 1945 г.

В родных местах
Перевод Е. Мозолькова

Пять лет прошло. Я снова в милом Устье,
В том уголке, что облюбован мной.
Где я когда-то отдыхал душой,
Где каждый кустик помню наизусть я.

На холмик устьинский я медленно шагаю…
Гвоздика белая, чабрец на нем…
Как старый дуб, что опален огнем,
Я никну головой, былое вспоминая.

Стою и молча вглядываюсь в дали,
Места родные нелегко узнать —
Здесь и деревьев поредела рать,
Как тех людей, что край мой украшали.

Безлюдье, тишь. Высокою травою
Знакомые усадьбы заросли,
И средь руин, меняя лик земли,
Шумит кустарник молодой листвою.

Тропинки той, что к речке Балачанке
Сбегала вниз, — теперь в помине нет;
Лишь в памяти моей оставив след,
Она исчезла с солнечной полянки.

И тех, с кем жил я дружною семьею,
Здесь не найдешь: кто выселился сам
К безрадостным, последним рубежам,
Где крест стоит над насыпью сырою;

Других война по свету разбросала.
Не все из них воротятся назад,
А скольких в рабстве мучил ворог-кат, —
Могилой их земля чужая стала.

И, ужасы войны напоминая,
На всем видны отметины ее,
Но с новой силой славит бытие
В лесах сожженных поросль молодая.

Растущих сил победное движенье
Не гитлерам унять, остановить.
Вновь жизнь снует за ниточкою нить
И миру ткет основу обновленья.

И знаю я: мы раны все залечим,
Из пепла край мой встанет, расцветет,
К высотам счастья вновь придет народ,
Наш светел путь, он солнцем правды мечен.

8–9 июля 1945 г.

На могилах героев
Перевод Е. Мозолькова

Детскому дому № 6 в Минске

На старом кладбище, где сосны
Торжественный сомкнули строй,
Герои битв, походов грозных
Нашли приют последний свой.

Повсюду зелень на могилах, —
Венками из цветов живых
Кружок детей, сироток милых,
Заботливо украсил их.

Те дети — жертва злой неволи —
Узнали горе страшных лет,
На них печаль недетской боли
Оставила свой тайный след.

Теперь в былом все их напасти,
Они узнали ласку вновь,
Вернула радость им и счастье
Бойцами пролитая кровь.

И так волнуют, тешат око
Любовь детей и нежность их
К тем, кто погиб в боях жестоких,
Кто жизнь свою отдал за них.

Родные, я забыть не в силах
Все, что увидел здесь в тиши.
Хочу я вам, сердечным, милым,
Сказать спасибо от души.

Растите, горестей не зная,
Согреты родины теплом, —
Вовек отныне сила злая

Не осквернит ваш светлый дом.

29 августа 1945 г.

Возвращенье
Перевод П. Семынича

Шагает к дому победитель —
Бывалый, стреляный солдат,
И отчий край едва увидел,
Как думы все — на мирный лад.

Блестят на нем медали чинно,
Нашивки — список многих ран,
На приступ Кюстрина, Берлина
Ходил наш воин-ветеран.

Сквозь бури он прошел полсвета,
От вечной тьмы народы спас
И в очи смерти, все изведав,
В боях лихих глядел не раз.

Идет он вольною дорогой,
Гудят, гремят грузовики;
Хозяйским глазом смотрит строго:
Что натворили чужаки!

Кругом завалы, пепелища,
Сады изрублены войной,
И в них безродный ветер свищет,
Тоскуя о красе былой.

А хаты те, что уцелели,
Стоят, как нищенки в черед,

Кривые стены черви съели,
На стрехах мох густой растет.

Солдат, задумавшись, гадает:
Как все поправить, подравнять;
Отчизна наша молодая,
Дай срок, поднимется опять!

Недолго ждать! И старый воин
Светлеет, глядя на поля.
В бескрайный сад, счастливый, вольный,
Мы обратим тебя, земля!

Я подхожу к бойцу с приветом
И говорю ему, как брат:
«Как много сил в тебе и света,
Страны великой сын, солдат!»

31 октября 1945 г.

В пути («Ты утомлен...») *Перевод Е. Мозолькова*

Ты утомлен,
Не близкая дорога…
Ну что ж, сядь, отдохни
И путь свой огляни —
От первых дней
До старости порога.

Ты все узнал
В скитаньях неустанных:
Огонь и грохот бурь

И светлых дней лазурь,
Свершений торжество
И радость встреч нежданных;

И много ты
Богатств неисчислимых
Собрал в сердцах людских,
В напевах, мыслях их,
В глуши дремучих пущ,
В полях родимых.

Из тех богатств,
Как ткач неугомонный,
Узор чудесный ткал,
Что красками сверкал
В родном краю,
В лесах, средь нив стозвонных.

И пусть не все,
Что собирал годами,
Что накопил в пути,
Сумел ты донести,
Пусть многое
Развеяно ветрами,

И меньше сил,
И времени пусть мало,
И страшен след утрат, —
Что ж, мужеством богат,
Вновь собирай,
Что бурею умчало.

Навстречу дням,
Шагая с жизнью в ногу,
Неси свой дар святой
В мир светлый, дорогой,

Благословляя юность
В путь-дорогу.

8 октября 1945 г.

Лесам Белоруссии
Перевод П. Семынина

Мне смолоду любы леса —
Таинственный шорох в зеленых хоромах,
Косматые дебри, а в них буреломы,
Где вихри кружились и рушились громы,
Где ливнем хлестала гроза.

Учил меня лес понимать
Великие песни и думы природы,
Весенних пернатых пиры, хороводы,
Криниц потаенных прозрачные воды,
Рожденных, чтоб край умывать.

Ой, лес, белорусский наш лес!
Я песен сложил о красе твоей много,
И в мир сквозь тебя мне лежала дорога,
Ты нянчил меня, но и в старости строгой
Даруешь не меньше чудес.

Тебя я всем сердцем пою.
Прими же спасибо за добрые встречи,
За тихие думы, за ясные речи,
Что ты напевал мне, прекрасен и вечен,
Спасибо за ласку твою!

Хвалу тебе все воздают.
И в мирные годы, и в годы лихие

Кормили, хранили нас чащи лесные:
Давали нам щедро стволы смоляные,
И мед вересковый, и трут.

Гляжу на отеческий край —
Промчались здесь смерчи, кровавые грозы,
Дубы полегли, как иссохшие лозы,
Пошли под топор и ольха и березы,
Что сникло в огне — сосчитай!

Изранена тяжко земля,
Война, как косарь, намахалась косою,
Омыла дороги смертельной росою,
На нивах раскинулась тенью ночною,
Леса потрясла до комля.

Родимые пущи мои!
Как вы поредели от битвы тяжелой.
Ах, сколько полян обожженных и голых,
Где свищет лишь ветер — бродяга веселый —
Шальные напевы свои.

Пора уж и вам отдохнуть,
Покрыться одеждой сияющей, свежей,
Пусть гром топоров пробуждает вас реже
И пилы стальные напрасно не режут,
Чтоб вновь вы расправили грудь!

Я грежу теперь об одном —
Немало сокровищ землею хранится,
Даст глины она на кирпич, черепицы,
Из камня мы выстроим школы, больницы,
Из камня дома возведем.

А вас, наши други леса,
Мы будем отныне беречь неустанно,

Засадим овраги, пески и поляны,
Заботливо вылечим все ваши раны,
Где смерти гуляла коса.

Пускай осенит вас покой,
Чтоб вновь вы простерли зеленые крылья,
Могучей и гордой набралися силы
И снова над нашим отечеством милым
Блистали бессмертной красой.

11 ноября 1945 г.

Минск
Перевод Б. Турганова

Согбенные вербы, совсем как старухи,
Уселись над Свислочью в ряд,
О чем-то тайком ей твердят,
О чем-то ей шепчут невнятно и глухо.

О чем они шепчут? Заботы какие
Согнули их спины дугой?
И что их смущает покой?
Неужто все снятся бои городские?

Дома на пригорке, больные калеки,
Увечье несут напоказ,
Свет в окнах — в глазах их — погас,
Огнем опалило им брови и веки.

Взошел на пригорок. Знакомые дали
Видны на пространстве большом.
Не только руины кругом,
Не всё пустыри захватили, сглодали.

Мне радостно видеть, как Минск оживает,
Как, раны свои повязав,
Из пепла пожарищ восстав,
Он голову к небу опять поднимает.

Вон там подвели уж под крышу домину;
А там, у соседней стены,
Рабочие всюду видны;
А там заровняли под площадь низину.

Да, заново, с толком возводим столицу:
Хоть много нехваток у нас,
Но всё ж каждый день, каждый час
Всё с большим размахом работа спор**и**тся.

И ты возродишься, наш Минск стародавний,
Садами опять расцветешь,
Колоннами зданий взойдешь,
Опять молодой, и могучий, и славный!

23 мая 1947 г.

Родному краю и народу
Перевод А. Суркова

К тридцатилетию БССР

{86}

Для тебя я когда-то слагал
Много песен, отчизна родная!
О судьбе твоей злой горевал,
Лишь во сне твое счастье видал,
Наяву повстречать не мечтая.

Я в одном был уверен тогда,
Жил, одно лишь уверенно зная:
Не придет бог на помощь сюда,
При царе не отхлынет беда,
Жизнь при нем не начнется иная.

Дни, как волны, катились во мгле,
Жизнь давила нас черною стынью.
Пановали паны на земле,
На просторах родимых полей
Только пырник шептался с полынью.

Ой, ходило по свету, брело,
Все в лохмотьях, сермяжное горе,
И сквозь мутное в окнах стекло
Людям горькие вести несло,
Разливалося горе, как море.

Но терпенье исчерпал народ,
Зрела гнева могучая сила,
Зрела дума про грозный поход,
Чтобы буря свалила господ,
Злую царскую свору спалила.

И теперь, через тридцать годов,
Боль ношу я, те дни вспоминая.
Ты прости мне печаль тех ладов,
Горечь горькую песенных слов,
Край мой новый, отчизна родная.

14 ноября 1948 г.

Рассказы в стихах

Игрище
Перевод С. Городецкого

1

Звуки музыки лихие
Из корчмы несутся ввысь.
И откуда же такие
Музыканты собрались?

Как засыплют, защебечут,
Не утерпит и больной!
А скрипач и рвет и мечет,
Как гонимый сатаной.

Как шальной, смычок летает,
Скрипка ж голосом поет.
Ну и диво! Как живая,
Речь задорную ведет:

«Топай, топай, разгуляйся!
Пропил грош — не огорчайся!
Пропил деньги — не беда!
Не везет нам никогда!»

А другая — звонче пташки,
Звук, таящийся в струне,
Так трепещет, что мурашки
Пробегают по спине:

«Ти-ли-ли, ти-ли-ли,

Веселиться все пошли.
Выпивали, танцевали,
На карачках уползли.

На одной ноге сапог,
На другой — лапоток,
Эй, Сымон, Сымон, Сымон,
Не вались ты на загон!»

Контрабас же без запинки
Знай рокочет на басах,
Жар веселой вечеринки
Отдается в головах;

«Контрабас мой! Целый день
Ты молчал, как в поле пень.
А теперь ты дубом дуб.
Тупу-тупу, тупу-туп!

Хочешь, басом заревешь,
Хочешь, струны перервешь.
Ты послушай, Апанас,
Что за струны, что за бас!»

Свищет дудка, не сдается,
Отдохнет и вновь начнет.
Как зальется, как зальется,
Прямо сердце всколыхнет:
«Не прощу я,
Не прощу я!
Для чего ты
Брал седую,
И седую,
И глухую!
Негодую,
Негодую!»

Хлопцы ног жалеть не стали,
«Гей, поддай, валяй, дружки!»
И кружились и летали,
Как ночные мотыльки.

А девчата — маков цветик,
Щеки розами цветут;
Все отдашь за них на свете,
Как глазами поведут!

А запляшут — кровь от страсти
Загорится, вспыхнет взгляд,
И, хоть ты плясать не мастер,
Пятки сами застучат!

Кончат пляску, отдыхают.
Музыканты вытрут пот,
Хлопцы ж снегу поглотают,
И сначала пляс идет.

2

Так в корчму глухой зимою
Валом шел честной народ,
Забавлялся сам собою
Дни и ночи напролет.

Молодежь игру затеет,
Люди взрослые — за стол,
А иной и просто шел
Поторчать там ротозеем.

Но зато каких же только
Не насмотришься тут штук!

Тут и вальсы, тут и польки,
Смех и шутки, гул и гук.

А когда пойдут вприсядку,
Все толпою закричат,
Всякий пляшет без оглядки,
Веселится на свой лад.

И не диво, что седого
Черт смутил тут Базыля:
«Отчего бы, право слово,
Не сплясать нам «коваля»?»

И толкает в бок Кондрата:
«А что думаешь? Давай!»
И Кондрат, плясун завзятый,
Крикнул: «Музыка, играй!»

Все притихли на минуту,
И замолкнул контрабас,
Деды старостью согнуты,
А взбодрились… В добрый час!

Дед один, дед другой
Вышли на средину,
Затрясли бородой,
Как хорошей метлой,
Распрямили спину.

Вышли два старика,
Поводят плечами.
Лук тугой — их рука,
И крепка их нога,
Глядят молодцами.

Первым топнул Базыль

И подался вправо,
Козырек заломил,
Замелькал, как мотыль,
Заплясал на славу!

И Кондрат ему в лад
Ловко начинает,
Армячок, рад не рад,
То вперед, то назад
Полы развевает.

И пошли говорить,
Удар за ударом,
Ноги их во всю прыть,
Ну, сдается, горит
Их нутро пожаром!

Ну и шум тут был, шум,
Гул разноголосый!
Хлопал сват, хлопал кум,
И поднял шурум-бурум
С радости Амбросий.

Он взобрался на стол,
Лаптями топочет,
Крошит, ломит, как вол,
Полы врозь развел,
Танцевать сам хочет.

Люди зрелых годов
Лезли вон из кожи
И на сотни ладов
Величали дедов,
На юнцов похожих.

А они, скакуны,

Хоть и употели,
Той же прыти полны,
Тем же пылом пьяны,
Знай ногами мелют.

То назад, то вперед,
Кончат — начинают.
Борода вихри вьет,
И ладонь пятку бьет,
Еще подпевают:

«Ой ты, мой куманек.
Лихорадка тебе в бок!
Отчего меня не ждал?
Где ты ночью пропадал?
Был, наверно, у Татели,
Иль у Текли, у Марцели,
Или, может, у Югали?
Черти где тебя гоняли?»
«Ой, кума! — без долгих дум
Почесал чуприну кум. —
Краль таких нигде ведь нет,
Как ты, кумушка, мой свет!
Я к тебе уж разбежался,
Да мой лапоть развязался.
Подвязал бы я не скоро,
Да мне бог послал Тадору.
Ой, Тадора, ой, кума!
Засушила б вас чума!
Для чего ж над нашим братом
Разводить поклеп дарма?»
«Молодцы Базы ль с Кондратом!» —
Загремела вся корчма.

3

Но средь пляски громогласной
Вдруг в корчму заходит поп.
Наблюдал он ежечасно,
Чтоб крестило «стадо» лоб.
А за ним синклит церковный:
Дьякон, староста, звонарь.
Строгий был отец духовный,
Не любил чертовских чар!
Особливо в дни святые
Эти игрища пустые
И бесовские раденья
Не дают попу доходу
И препятствуют народу
Посещать богослуженье.
Люд в корчме толпится густо,
А в церковных стенах пусто:
Поп да дьякон долговязый,
И на пенье «Аллилуйя»
Не заманишь тварь людскую.
Поп спасать людей обязан!
Он пришел сюда, чтоб словом
Чертов зуд расхолодить,
Этим дурням безголовым
Втолковать, как надо жить.
И не раз уже с амвона
Бичевал он прихожан,
Непослушных христиан.
Доставалось и Сымону,
И Петрусю, и Лявону
За чертовский их дурман.
Ведь они здесь коноводы,
Из-за них народ и пляшет,
И не сваришь с ними каши

Из-за этой новой моды.
Отщепенцы! В переделку
Взять раскольников-смутьянов!
Если в церковь и заглянут,
Грош не кинут на тарелку!
Не поставят богу свечки!
А на пляску, на игру
Они первыми попрут,
Шелудивые овечки!
Эх, Лявон, Лявон, Лявон!
Запевала первый он.
А Лявон гуляет франтом,
Не боится он попа!
Подморгнул он музыкантам:
«А ну, хлопцы, гопа-па!»
Барабан забил тревогу,
Бубен дробно забренчал,
Контрабас им на подмогу,
Визг и писк смычок поднял.
Загремели, разыгрались,
Ходят плечи зыбкой дрожи.
Старики не удержались, —
Будто черт их растревожил.
Сивый Тодар, весь взъерошен,
Стал плечами танцевать,
Янка хлопает в ладоши,
Ноги ж просятся гулять.
Поп для проповеди строгой
Открывал уж грозно рот,
Да застыл вдруг на пороге, —
Ох, попал он в переплет!
Музыканты не смолкают,
Поддают да поддают,
Будто черти тут снуют
И на пляску подбивают,
А Лявон одно долбит:

«Барабань, бубни, реви!»
«Отче! — дьяк попу кричит. —
Не сдержусь! Благослови!»
Поп стоит. Улыбкой доброй
На лице сменилась тьма,
А рука его под ребра
Подгибается сама.
Посох в угол он поставил,
Бородою вдруг тряхнул,
Рясу длинную расправил,
Низко голову пригнул
Да как ринется с разгона
Каблуком в каблук стучать!
Уж теперь ему с амвона
Наших игрищ не ругать!

1912

«Святой Ян»
Перевод С. Городецкого

1

Украшал костел нарядно
Пан Сарнецкий, органист:
Завтра праздник! Эх, изрядно
Ксендз накормит-угостит!
А гостей, гостей наедет,
Арендаторов, панов!
Много будет на обеде
Разных клириков, ксендзов!
Там рекой польются вина
И рояль начнет трещать,
А ксендзовская Мальвина

Будет праздник услащать.

Уж народ стал собираться
С разных мест, из дальних сел.
Ну и надо постараться,
Чтоб красивым был костел.
Вьют и вешают девчата
Полевых цветов венки,
Нарядить костел богато
Их послали старики.
За работою в костеле
Пан следит во все глаза
И мозги себе мозолит,
Чтобы вкус свой показать.

Но зато уж напоследок
Все сверкало красотой.
Из цветов и свежих веток
Весь в гирляндах был святой.
Ведь костел во имя Яна
Был построен, оттого
Так старательно и рьяно
Обработали его.

Все готово. Из костела
Все выходят. Органист,
Хоть усталый, но веселый,
Пред людьми и богом чист.
Пан остался перед Яном,
Ну и как же убран Ян!
Угодил всем прихожанам,
Угодил Сарнецкий пан!
Глянешь — прямо красота!
А веночек!
Поясочек!
А как ручка поднята!

Органист стоял и думал:
«Это, брат, не фунт изюму,
Прости господи! Для всех
Это выставить не грех!
Хоть вези его в Варшаву,
Хочешь — в Вильну, хоть куда!
Дело сделано на славу,
Не как в прежние года!
Только, если снизу глянуть,
Вздет венок чуть-чуть высоко!»
Органист в мгновенье ока
На подставку прямо к Яну
Скок с размаху! И нежданно —
Стук святителя плечом!
Ян о землю бряк ничком!
Головою прямо на пол!
До земли хоть путь недолгий,
Но разбился Ян в осколки,
Носик, лоб себе растяпал,
А кусочек той святыни
Залетел аж на престол.
Вот гостинец так гостинец!
Вот напасть-то! Вот несчастье!
По костелу гул пошел,
Будто черт загрохотал.
Пан Сарнецкий весь затрясся,
Холод, жар его пронял.

Он глазам своим не верит.
Что тут делать? Как тут быть?
Лучше б собственный свой череп
О помост ему разбить!
Он стоит, ломает руки,
Стон несется к небесам.
Это, видно, черт от скуки

Насмеялся над ним сам!

2

«Что так, пан, ты омрачился?»
Глядь — Винцент, его сосед.
«О браток мой! Ян разбился
На куски! Спасенья нет!
Ах, чтоб черт его подпек!
Посмотри сюда, браток!
Видишь? Нос где? Вон где ушко,
Вон кусочек бороды…
Ян-святитель, божий служка,
Натворил ты мне беды!
Ах, чтоб гром тебя сразил!
Что, дурак, я натворил!
Вот Сарнецкий постарался,
Угодил святому дню!
Вот попался так попался,
Как лисица в западню!
А теперь поклоны бей!
Паралич тебя разбей!
И зачем туда полез я?
О холера! Песья мать!
Смех и грех на все Полесье…
И как праздник нам справлять?»
«Брось, пан, нюнить! Все пустое!
И сам Ян того не стоит!
Если б меду пан достал
Да пол-кварты спирту взял
На пирушку небольшую —
Чудо дивное устрою!
Запоют все «Аллилуйю», —
Честь костела я утрою!»

«Брат мой милый!
До могилы
Не забуду, — помоги!
Я ведро поставлю меду,
Только б с плеч свалить невзгоду,
Ведь иначе я погиб!
Кварта? Шутки!
В две минутки
Я бочонок принесу!
Угощу я,
Ублажу я
И поджарю колбасу!»
«Если так, не плачь по Яну!
Вместо Яна сам я стану».
«Пан Винцент! Ты мне помог!
Это прямо благодать!
Награди тебя пан бог
И его святая мать!
Тут в костеле всем на диво
Будешь Яном ты красивым,
Коронованный короной,
Будешь нашей обороной!»
Яна выволокли прочь.
Пир горою шел всю ночь.
А чуть небо посветлело,
Не забыл Винцент про дело:
Вид святого принял он,
На подставку стал, как Ян,
Взор под небо возведен,
Ручка к небу поднялась.
«Ну, как, пан?»
«Слава богу, в самый раз!»

Солнце встало. Богомольный
Собирается народ.
Звон несется колокольный
И о празднике поет.
Возле Яна толчея:
Тут и панская семья,
Много женщин и девчат,
И старушек с постным ликом,
И все в рвении великом
Стать поближе норовят,
Чтоб молитву вознести,
Свою жертву принести:
Кто платок, кто полотенце,
Кто холсты, кто рушничок,
И целуют — кто в коленце,
Кто в лодыжку, — чмок да чмок!
«Ян» стоял, не шевелился,
Он держался и крепился,
Но беда пришла нежданно:
На усах был мед у «Яна».
Чуют пчелы — пахнет медом,
И на мед они летят
И над «Яном» хороводом
Суетятся и звенят.
«Ян» все держится, стоит.
Но проклятая пчела
Возле уха повертелась
И на ус ему уселась,
Губы лапками щекочет.
«Вот невзгода! — «Ян» бормочет. —
И пристала ж как смола!
Фу-ты, чертова пчела!»
«Боже милый! Ян, сдается,
Будто злится и плюется! —
Говорит одна бабуля. —
Ты не видишь, Пабиан?

Вот! Гляди, гляди, Ганнуля!
Рот скривил святитель Ян!
Осерчал святой, гляди,
Ручкой машет!
Боже, боже, пощади!
Отпусти грехи нам наши!»
Люди в ужасе взирают,
И вздыхают, и взывают.
Пчелка ж рыщет деловито,
Хоть кропилом отгоняй!
«Фррр!» — как фыркнет «Ян» сердито
Да как крикнет: «Ай-я-яй!
Вот, гадюка, упекла!
Чтоб ты сдохла, померла!»
Да с подставки как сорвется,
Да как ринется вперед!
По костелу «Ян» несется
Да за двери, в огород!
А за ним и прихожане:
«Ты куда, святой наш Яне?»
«Стой, пан Ян, не убегай!»
«Ой, пан Ян, не покидай!»
«Подожди, тебя молю!..»
«Ян», сорвав с себя манатки,
Без оглядки —
В коноплю!

1918

Донял
(Старая белорусская сказка)
Перевод П. Семынина

Жил-был пан, до сказок охочий;
Вот раз мужика он зазвал
И, с хитростью глянувши в очи,
На добрый ларец указал:
«Гляди, человече, — дукаты;
Все будут твоими зараз,
Коль сказкой потешишь богатой,
Что я не слыхал отродясь.
При этом — чтоб правды ни слова,
И ежели крикну я: «Врешь!» —
Тогда уж — такое условье —
Ты деньги с собой заберешь.
Промажешь — конец твоей чести.
Холопом умрешь в кабале».
Мужик был рассказчик известный
Аж в самом берложьем селе.
Взглянул на червонцы
Наш сказочник косо, —
«Как вырвать у пана
Их все из-под носа?
Как славу свою
Не сгубить, не убавит!
А пана хитрющего
В дурнях оставить?
Ну что же, осмелюсь,
Судьбу испытаю!»
И он небылицу
Такую сплетает:
«Чего не бывает на свете, панок!
Вот случай со мной приключился:
Тогда мне двенадцатый стукнул годок,
А я и на свет не родился, —
Пошел я по людям. Меня богатей
Поставил на пасеку летом
И так наказал мне: «Гляди же, Матвей,
Запомни все накрепко это:

Тебе сто один поручается рой,
Храни, как хранить их пристало,
Ты дважды их в день подои до одной,
И чтоб ни одна не пропала!»
Я хлопец был смирный, аж тише воды,
Служил, не жалеючи силы,
Надаивал меду чаны и бадьи, —
В кулях его пчелы носили».
Взглянул на рассказчика пан Доминик:
«Может, и правда, свет-то велик».
Дукаты же манят сильней и сильней,
Что звезды на небе играют;
Мужик от ларца не отводит очей, —
Богатство! Аж дух замирает.
«Считаю раз под вечер пчелок, — беда:
Двенадцати штук не хватает;
В болоте ль увязли, снесла ли вода
Иль стежка убила крутая.
Ну что же мне делать? Ищи, брат, лови!
Бегу я и вижу — плетутся
Одиннадцать, бедных, в грязи и в крови,
И слезы, как градины, льются.
А где же еще моя пчелка одна?
Вдруг слышу — ревет за рекою.
Не верю глазам своим — вот тебе на! —
Дерут ее волки толпою.
Она не дается, а волки все злей.
Хоть плачь тут, — порвут мою пчелку.
Бегу что есть духу на выручку к ней,
Кричу, но покуда без толку.
Примчался я к речке. А где ж тут паром?
Стою — ни плота, ни расшивы.
Не думаю долго, иду напролом, —
Хватаю за чуб себя живо.
Башку раскачал, как арбуз налитой,
И — гоп-ля! — за речку кидаю,

На берег другой пролетаю стрелой
И в землю по грудь оседаю».
А пан будто верит всему напрямик:
«Может, и правда, свет-то велик».
«Я так, я и эдак, — не выскочишь, брат,
Не вырвешься здесь без лопаты.
Опять себя кинул за речку назад,
Бегу сломя голову в хату.
Бегу перелеском и слышу в дупле
Зажаренный голубь воркует,
А есть мне охота — живот заболел,
Но время терять не могу я.
Однако не вытерпел, лезу на дуб,
В дупло свою руку толкаю;
Ан нет — ни рука, ни нога и ни зуб
Не лезут, — обида такая!
Тогда я всем телом подался, залез
И вытянул голубя мигом.
Послушал — от рева пчелиного лес
Бушует вокруг меня дико».
А пан лишь кивает да чешет кадык:
«Может, и правда, свет-то велик».
«Хватаю лопату, за речку бегом.
Себя из земли вынимаю,
На помощь к бедняжке лечу прямиком,
Гоню окаянную стаю.
И что же? Разорвана пчелка моя,
Лежит на земле чуть живая.
«Эх, горькое горе! — расплакался я. —
Пришла знать судьбина лихая!
Не жить ей на свете!» Махнул я ножом
По горлу — и кончено дело.
Двенадцать кадушек пчелиным добром
Набил и оставил в рассоле».
А пан удивляться как будто отвык:
«Может, и правда, свет-то велик».

«Я пчелкино мясо доставил домой
И лег отдохнуть уж под утро.
Да нет, не приходит желанный покой:
Скелет-то пчелиный не убран!
Осмотрятся люди — прибита трава,
Валяются роги да ноги,
Бранить меня станут. Я молча — раз-два! —
Обулся — и снова в дороге.
Пришел, потоптался, беру тот скелет, —
Дай, думаю, в речку закину.
Кряхтя, поднимаю, — а пчелкин хребет
Уперся аж в небо ребриной.
Я глянул, приладил скелет к облакам…
А что, если к богу податься?
Не худо проведать, чем заняты там!
И начал по ребрам взбираться.
Добрался не скоро, ступил на порог,
Гляжу — и сады и чертоги,
С клюкой ковыляет тропинкою бог,
Несут к богородице ноги.
На лавки из сахара сели за стол,
Их тенью береза венчает.
Господь вдруг ударил клюкою об пол:
«А может, в козла кто сыграет?»
Я вслушался — рядом совсем, за стеной,
Поют преподобные песни.
Иду потихоньку — не смотрят за мной,
Хоть ты тут умри и воскресни!
А там, как на ярмарке, — пьянство, шабаш,
Закуску подносят тазами.
Два лысых пророка, Лисей и Гальяш,
Пьют бражку святую ковшами,
Юзефа, Барбара и Ганна, втроем,
Подкрасили брови, завились,
Лявониху пляшут, аж ветер кругом;
Рох с Юрьем вприсядку пустились.

Апостолы ж Петр, Кузьма и Демьян
Поют удалые частушки.
Угодник Микола давно уже пьян, —
Уткнулся без памяти в стружки,
И шапка свалилась, окурков полна.
Я цоп ее тут же и — драла.
Добрался до выхода, — вот тебе на! —
Хребтина пчелы запропала…»
А пан свое тянет, упершись как бык:
«Может, и правда, свет-то велик».
«Ну, как мне спуститься на землю домой?
А прыгать не очень-то ловко.
Вдруг вижу — под боком опилки горой,
Решаю: сплету-ка веревку.
Скрутил, сколько можно, зачалил за рай,
Да в спешке не высчитал малость:
Гляжу с поднебесья — далече мой край,
Веревка мала оказалась.
Ну, что станешь делать? Я ножиком — чик!
Побольше кусок отрезаю,
Вяжу его снизу… Кулдык да кулдык, —
Вот так и к земле доползаю».
А пан не смущается, черт, ни на миг:
«Может, и правда, свет-то велик».
«Я встал, огляделся. Эх, брат, кутерьма, —
Не сплю, а как будто бы снится:
Земля, да не наша! Такого дерьма
Не видели пахарь и жница.
Уныло, голо. Ни воды, ни осин…
Лишь стадо свиное пасется,
Да кто-то стоит разнесчастный один,
Согнулся, от стужи трясется.
Замусленный, грязный, бедней бедняка,
В руке у него кнутовище,
Торчит из-под сальных махров колпака
Облупленный сизый носище.

Вгляделся я лучше — знакомый, никак!
И пуговки те ж на кафтане.
Да это ж не просто пастух и вахлак, —
Покойник — папаша твой пане!!!»
И пан подскочил, будто сел на ежа:
«Не может быть, врешь ты, холопья душа!»

1938

Поэмы

Новая земля
(Главы из поэмы)

I. Усадьба лесника
Перевод С. Городецкого

О детства уголок мой милый!
С тобой расстаться я не в силах.
Как часто, утомлен дорогой,
Годами юности убогой,
К тебе я в думах улетаю
И там душою отдыхаю,
Не раз душа моя мечтала
Дорогу жизни всю сначала
Пройти еще раз, оглянуться,
Убрать с пути каменья злые,
Что губят силы молодые,
И вновь к весне моей вернуться.

Весна, весна моя! О, где ты?
Не я, твоим теплом согретый,
Приход твой радостный встречаю, —
Тебя навек я провожаю.
Нет! Не вернется та волна,
Что вдаль рекой унесена,
Не раз она в парах летучих
Взлетит на крыльях солнца к тучам,
Чтоб вновь на дол сойти в туманах
Иль частым дождиком пролиться.
Никто не выйдет из границы
Седых законов, жизнью данных.

И ты, и ты, моя весна,
Вновь не придешь, как та волна!
Вот и теперь передо мною
Встает мой уголок пригожий,
Криницы узенькое ложе
И елка с тихою сосною,
Обнявшиеся над водою,
Как молодые в час разлуки,
В час клятвы и любовной муки.
И вижу лес я возле хаты,
Где, взявшись за руки, девчата
Играли песни дружным хором,
Идя с работы шагом скорым.
Напевы песен их раздольных
По лесу звонко разливались,
Им все пригорки откликались,
И радость пела в звуках вольных.
А сосны, ели вековые
Под эти песни молодые
Стояли в молчаливой думе,
И в их неуловимом шуме,
В печально-сумрачном смиренье
Как будто чудилось моленье.

Вблизи сторожки лесниковой
Лес выгибался, как подкова. —
Высокий, старый и тенистый.
Шатер осины круглолистой
Сплетался с соснами, дубами,
А елки хмурыми крестами
На небе четко выделялись
И словно с тучами шептались.
Они стояли, точно вдовы,
Поодаль, хмуро-одиноко,
Поднявши к облакам высоко
Своих вершин наряд суровый.

Лес наступал и расступался,
Лужком зеленым разрывался
И хату обнимал крылами,
Приветливо шурша ветвями, —
Тем видом каждый любовался!
А снизу этот бор косматый
Подбит был выпушкой богатой:
Лозой, черемухой, крушиной,
Ольхой кудрявой и рябиной.
Глядишь, бывало, — и сдается,
Что через эту ткань живую,
Сквозь эту поросль молодую
Ни мышь, ни птица не пробьется.
Из глуби леса мирно тек
Травой заросший ручеек.
К его струям неторопливым
Склонялись трепетные ивы,
Он из-под сени их густой
Едва заметной бороздой
Шел через луг, в траве скрываясь,
И, прихотливо извиваясь,
Вливался в Неман голубой.
А луг — насколько хватит ока —
Свободно, пышно и широко
Простерся скатертью богатой
Вдоль Немана от самой хаты,
Сверкая яркими цветами,
Всех красок жаркими тонами,
В неуловимых переливах
Оттенков нежных. Как на нивах
Колосья, наливаясь, гнутся
И людям радостно смеются
Своим звенящим тихим смехом
Под легким ветерка пробегом, —
Так травы буйные, без края,
Шумят, ликуя и играя,

И ходят волны луговые
Веселой светлой чередой;
Цветы кивают головой —
Ну, как девчата молодые.

Эх, луг широкий! Луг цветущий!
Ты, как живой, в лучах поющих
Стоишь во мгле перед очами.
Прекрасен ты, но и печален,
Как наша тихая сторонка,
Где пеленой тумана тонкой,
Синея, летний зной дрожит
И даль задумчиво глядит.
Хоть я терплю неволи муки{87}
С родимым берегом в разлуке,
Но я душою оживаю,
Когда в мечтаньях озираю
Тебя, мой берег, луг искристый,
Где льется Неман серебристый
И дружной высятся толпою
Дубы, как башни, над водою.
И только тут, под их ветвями,
На солнце утомлен трудами,
Косарь спокойно отдохнет
От дум тяжелых и забот,
Овеян сладостными снами.
Здесь так привольно, так прохладно,
И птицы резвые отрадно
Поют, кружатся в ясном небе, —
Кругом везде их слышен щебет.
Л на дубах, воздеты к звездам,
Темнеют аистовы гнезда.
Клекочут аисты, и звонко
Им жалуются аистенки
И клювы тянут из гнезда, —

Птенцам давно нужна еда.
А там, где птицы старше стали,
Манить их начинают дали.
Им сладко первое усилье,
Они уже разводят крылья,
Глядишь — на локоть подлетают,
Крылами ветер загребают
И неуклюжими ногами
Смешно танцуют над дубами.
В соседстве с ними, под ветвями,
Скворцы и воробьи гнездятся,
Пищат, щебечут, ворошатся
И молкнут поздно вечерами.
В дупле кричат сизоворонки,
И свист над лугом резкий, звонкий
Роняет коршун осторожный,
Томя простор тоской тревожной.
Эх, луг широкий! Как живой,
Покрытый свежею травой,
Ты зеленеешь предо мною,
Сияя светлою красою.

Как женщины, к которым старость
Тайком, исподтишка подкралась,
Чтоб незаметно отобрать
Их силу, красоту и стать
И, высосав из них все соки,
Навек оставить одиноких,
Забытых миром и недужных
И жизни молодой ненужных, —
Так рядом с хатою, в садочке,
Пригнувшись тихо в уголочке,
Дремали старые две ивы.
А тут же, стройны и красивы,
Деревья юные стояли
И весело на них взирали.

Раскинув ветви над бурьяном,
Росла здесь грушка с тонким станом,
И над забором валом пышным
Кудряво зеленели вишни.
Был невелик, конечно, сад —
Рябина, три дичка подряд,
Меж ними липка молодая,
Как будто внучка дорогая.
Но как же радостно и мило
Пчела тут в ульях гомонила!
И как приятно пахло медом!
Плодились пчелы с каждым годом:
Что лето — ульев прибывало,
Хоть было их уже немало.
И гул стоял и днем и ночью.
Бывало, летом, в час рабочий,
Вдруг разнесется крик веселый:
«Эй, тятя! Дядька! Вышли пчелы!..»

За хатой, прямо возле сада,
Навес стоял с гуменцем рядом,
А под навесом снасть простая:
Возок, телега запасная,
Колеса, хомуты и сани,
И ульев несколько, заране
Уж приготовленных; ушат,
Кадушка, старый понаряд{88}
И прочий запыленный хлам
Ютился здесь по всем углам.
Все — вещи нужные для дома!
Гуменце, крытое соломой,
От долгой жизни поседело,
Солома клочьями висела:
Ее и ветры потрепали,
Да и мальцы поободрали.

На крышу лазая, бывало, —
Их это дело забавляло.
А под щитом, на паутине,
Засохший колос-сиротина
Один в тиши слегка качался;
С каких он пор тут обретался,
Никто не мог бы дать ответа!
Еще старей постройки этой
Был хлев замшелый и гнилой;
Стоял он там, с годами споря.
Едва держась, как на заборе
Горшок, разбитый кочергой.
Тот хлев казался старичиной,
Согбенным тяжкою кручиной.
А сбоку, в поле, недалеко
Ютился погреб одиноко;
Припав к сырой земле стрехою,
Он зарастал густой травою.
Среди запущенных строений
В глуби двора стояла хата;
Она была щеголевата,
Как та шляхтянка из селенья,
Что в праздник около костела,
Чуть-чуть поднявши край подола.
Преважно ходит под зонтом
И юбкой вертит, как хвостом,
С дорожек пыль, песок сметая
И в хлопцев глазками стреляя.

За хатой поле начиналось,
Где рожь густая колыхалась,
Росли овес, ячмень, гречиха…
Привольно было там и тихо!

Мой уголок, мой кров родной!
Теперь я для тебя чужой.

И лес, и поле всё такие,
Но люди здесь живут другие.

Печаль мне в душу западает,
Что в вечность канули годочки,
Мои счастливые денечки, —
Весна промчалась молодая!

Теперь завесу лет раздвинем
И оком пристальным окинем
Житье Михася и Антося,
Посмотрим, как там все велося.

IV. Первое хозяйство
Перевод Е. Мозолькова

«Так что же делать? В чем спасенье,
От панской службы избавленье? —
Спросил Антось. — Обсудим дело,
Чтоб за него приняться смело;
Вот так-то, братец, не иначе:
Хлеб подневольный — хлеб собачий,
И ненадежен он к тому же,
Служить панам — нет доли хуже.
Но только слов одних тут мало,
Где средства взять нам для начала?
А коль твои карманы тощи,
То сесть на мель простого проще!»
«Ну, ты вперед уж забегаешь,
Да только плохо все считаешь.
Ведь ежели пошло на то,
Есть и у нас, брат, кое-что:
Двор, часть отцовского надела, —
Вот уж не меньше тыщи целой,

А там земельный банк поможет,
Быка, корову продадим —
Ни перед чем не постоим,
В таких делах робеть негоже!
Коль есть желанье и охота.
Не страшен и сам черт с болота!» —
Сказал Михась с усмешкой гордой,
Сказал решительно и твердо.
А мать сидела молчаливо,
О чем-то думая тоскливо.
Сказать хотела и не смела
О том, что в сердце накипело.
«Вот как раздумаешься только,
Уж так на сердце станет горько. —
Не удержалась, все ж сказала. —
Нет одного, другого мало.
А коль живешь, не размышляешь,
То и беды не замечаешь.
Земли у нас хоть и немного,
А все же есть, и слава богу.
Лишись ее — поймешь утрату.
Где ты тогда поставишь хату,
Коль вдруг несчастье разразится?
На службе может все случиться.
В краю чужом на белом свете
Никто тебя, ой, не приветит.
А землю ту — бог с ней, с землею! —
Возьмешь ли голою рукою?
Там все так смутно, незнакомо,
Так лучше уж держаться дома!»
«Вот тоже разговор чудной! —
Сказал Михась, махнув рукой. —
Иль землю мы уже сбываем?
Мы лишь к примеру рассуждаем.
К чему нам двор такой у хаты?
Иль строить думаешь палаты?

Тогда, что ль, и решать начнем,
Когда внезапно грянет гром?»
«Конечно, жаль бросать свой двор, —
 Сказал Антось, чтоб кончить спор, —
Но надо же дотолковаться
И одного уж всем держаться,
Да не чужими, а своими
Глазами оглядеть Заблонье,
Пощупать собственной ладонью, —
И вправду, может быть, подымем!
Тут дело нужно, а не слово,
Не то что ляпнул — и готово!
Узнаем все как есть верней,
Язык людской ведь без костей.
Я так смекаю: выбрать час
И осмотреть уж все зараз,
Чтоб увидать самим на деле,
Не зря ль охотники шумели
И, может быть, волков здесь нет!» —
На том закончен был совет.

Я здесь прерву повествованье,
Чтоб возвратиться к прошлым дням
И показать истоки вам
Надежд Михала и старанья
На новой почве укрепиться —
Обзавестись «своей землицей»,
А заодно и мир забытый
Хочу еще раз помянуть,
В тот темный угол заглянуть.
Где, ледяным покровом скрыты,
По руслам, в глубине пробитым,
Криницы свежие текут.

Михал… Спросите лучше сами
Про полесовщика Михала.

Его вся волость наша знала,
Он был известен меж панами.
Да что паны! Князь Радзивилл
Порой с Михалом ласков был,
Ему свое дарил он слово:
Ценил, знать, службу лесникову.
В округе всех крестьян Михал
От мала до велика знал.
Потрава ль где или покража —
Разыщет мигом и докажет,
И уж дойдет до голубочка,
Вот как по нитке до клубочка.
Так и не диво, что Михала
В селе любили очень мало.
И наш Михась про это ведал.
Да что поделать? Так уж с дедов
Велось от века и ведется:
Народ простой в оковах бьется.
Но час придет, минует горе —
Он выкорчует панский корень!

И вот что, братцы, странно в мире,
Взгляните только чуть пошире:
Коль проберется кто вперед,
Уж он и шагу не шагнет,
Чтоб не толкнуть в пути другого,
Как злого недруга людского.
И все на свете вмиг забудет.
Что осуждал доселе в людях;
Лишь палку в руки он возьмет,
Тащить за шиворот начнет
И станет извергом завзятым.
Куда он только совесть спрятал?…

Михал, как только поженился,
Тогда ж от батьки отделился,

Жить в тесноте не пожелав.
Ушел на баржи он, на сплав,
До Пруссов дважды доходил, —
Где белорус наш не бродил!
Но вскоре бросил это дело:
Жить по-бродяжьи надоело.
Решил на службу он толкнуться,
Ведь дома негде развернуться.
И у лесничего в каморе
Нашел Михал работу вскоре.
Лесничий — плут, каких немало, —
Ценил по-своему Михала:
Как бессловесную скотину,
И день и ночь гонял детину.
В ответ на жалобы Михала
Он говорил ему, бывало:
«Что ж, добрый конь и тянет дюже!»
И стягивал хомут потуже.
Михал рабочих нанимал,
За панским стадом наблюдал,
На нем лежал и сенокос,
Всю службу он исправно нес.
Что тут поделаешь? Старался!..
В другое место перебрался —
Ему лесничий «удружил».
И вот засел Михал в глуши,
Где только лес, кусты да поле,
Земельки было там — волока,
Тут корни наконец глубоко
Пустить он мог бы и обжиться,
Сил не жалея, потрудиться,
Да вот беда — волока та
Не унавожена, пуста,
Вся под пыреем и сивцом.
Спокойно заяц под кустом
Мог отдыхать здесь на приволье:

Соха вовеки не ходила,
Тоскливо, неприятно было
В пустом и одичалом поле.
Не с лошадьми и не с волами,
А так вот, с голыми руками,
Пришел сюда Михал весною.
Тяни соху хоть сам с семьею,
С женой, со всеми малышами!
Но все же твердыми ногами
Ступил он на пустырь бесплодный.
«Не плачь, не будешь здесь голодный;
Бог даст, помалу разживемся
И, может быть, добра дождемся, —
Так утешал Михал жену. —
Живыми не пойдем ко дну!
Земли же — глянь! Не схватишь глазом…»
И за свое хозяйство сразу
Он взялся, не жалея сил;
Коня, коровку раздобыл,
Завел свиней, две-три овечки.
А из деревни той порою
Антось с сохой и бороною
Приехал к брату и под гречку
Вспахал у леса клин немалый.
И оживать та пустошь стала.
Запахло взрытой целиною,
Как бы сам бог над той землею
Прошел и ласково взглянул.
Антось упорно спину гнул
И в землю вкладывал все силы.
И вот, как будто из могилы,
На белый свет травинкой чистой,
Густою щеткой бархатистой
Ростки выходят из земельки.
И как ребенок в колыбельке,
Что крепнет, быстро подрастает

И уж головку поднимает,
Мир озирая удивленно, —
Так маленький росток зеленый
Стремится к солнцу лепестками,
Как к матери дитя руками.
Меж тем ребята подрастали,
В работе старшим помогали.
Хозяйство крепло постепенно:
В косьбу луга запахли сеном,
На поле важно, сановито
Рядами встали копны жита,
Украсив золотом загоны,
А в огороде мак червонный,
Раскрыв нарядные листочки,
Сплетал из них свои веночки
Вокруг головки, чуть склоненной,
Такой пригожей и зеленой.

И часто в добрую погоду
Михась, идя домой с обхода,
Хоть чувствовал, что ноют ноги,
А все ж сворачивал с дороги
И делал круг, — не утерпеть,
Чтоб не зайти, не поглядеть
На рожь хозяйскими глазами!
Идет, а ветер с колосками
Ведет приятный разговор.
Все леснику ласкает взор.
Пройдет он, обогнув лесок,
Весь клин, и в пальцы осторожно
Еще зеленый и порожний
Возьмет усатый колосок.
Осмотрит с лаской во взгляде
И нежно так рукой погладит,
Как бы сыночка своего,
И прояснится взор его.

Тот уголок глухой и дикий
Старанье дядьки, труд великий
В короткий срок преобразили
И всем, что нужно, наделили.
Все зацвело, загомонило,
Как будто бы живая сила
От сна природу пробудила.
Гумно полнело с каждым годом,
Стал богатеть и двор приплодом,
И начал лишний грош водиться,
Был хлеб, и было чем прикрыться, —
Все в дом пришло, где жил Михась.
Давно уже и мать сжилась
С тем уголком, забыв про горе;
А ряд кувшинов на заборе
Гласил открыто, что дела
Хозяйка хорошо вела,
Что молока в хозяйстве вволю.

В сарайчике, при самом поле,
Свинья, как хворая, стонала,
Хотя болезней знать не знала.
Уж так велит ее натура:
Стонать и нос держать понуро —
Мол, тяжело ей жить на свете.
А поросятки, ее дети,
Всему, казалось, удивлялись
И, весело визжа, толкались.
А вот семья другой породы —
Десяток кур, петух дородный —
Перед крыльцом червей искала;
Цыплят наседка призывала,
Сбиваясь в кучку поплотней,
Они послушно шли за ней.
Все говорило здесь о том,

Что неуклонно с каждым днем
Росло хозяйство молодое,
Трудом тяжелым нажитое.

Подчас ненастною весною
Теплом повеет, тишиною,
И облаков густых завеса
Вдруг разорвется, опадет,
И солнце ласково блеснет
Над нивами, над шумным лесом, —
На землю яркий свет прольется,
И все вокруг повеселеет,
На миг притихнет, присмиреет,
Глядишь — и вот уже, сдается,
Навеки сгинуло ненастье,
А в мире лишь покой и счастье.

Но так ли это? Вдруг нежданный
Завоет ветер ураганный
И даль полей печальной станет,
Покой недолгий в вечность канет,
На всем угрюмости следы,
Все с замираньем ждет беды.
Вот так и в жизни: мчатся волны,
То радости, то горя полны,
Одна сменяется другою.
И не успел Михал с семьею
Пяти годков прожить в покое,
Как слухи стали появляться
I I сам лесничий намекал,
Чтоб в скором времени Михал
Готовился переселяться,
С углом обжитым расставаться.
И эта весть семью смутила,
К труду охоту всю отбила:
Опять клади здоровье, силы

В чужую землю, в дол постылый.
Соленым потом обливайся,
Навел порядки — собирайся
И вновь иди отсюда в гости…
Эх вы, паны! Эх, егомости!

V. Переселенье
Перевод С. Городецкого

Весенних дней Михал с семьею
Тревожно ждал: всегда весною
В лесничестве перетасовка
Объездчиков и лесников —
Уж тут порядок был таков.
Как ни вывертывайся ловко,
Лесничий к просьбам глух и нем,
Его не прошибешь ничем,
Ну, словно бык какой упрется.
«А может, даст бог, перетрется.
И тут годок иль два пробудем?» —
Не веря ни себе, ни людям,
Все ж, хоть и робко, наш Михал
Жену и брата утешал.

Но вот на сессии Михала[{89}]
К себе лесничий вызывает.
«Ну, это что-то означает,
И уж добра тут, верно, мало».
Он в канцелярию приходит
И глаз с лесничего не сводит.
«Ага, ты тут! Ну, человече,
Вяжи пожитки и в Поречье —
Подсохнет чуть — перебирайся,
Да перед пасхой постарайся

На новом месте основаться.
Ну, с богом, нечего бояться!»
«За что ж немилость мне такая? —
Спросил, растерянно моргая, Михась. —
Иль в чем я провинился?
Иль пан вельможный рассердился?
Ведь я не крал, трудился честно,
Моя работа всем известна,
За что ж нас пан перемещает?»
Лесничий строгий взгляд бросает:
«Мне человек там нужен верный,
Известный службою примерной,
Такой, как ты, лесник ретивый,
А не гуляка нерадивый.
Поречье — место не плохое,
Хоть поле там и небольшое,
Зато лугов богатых много.
И хлеб и каша будет. С богом!
Пока я жив — не пропадешь,
Где лучше службу ты найдешь?
Держись за место и старайся,
Стеснять не буду — разживайся».
Михал пошел домой в раздумье,
А по дороге к тетке Фруме
Решил свернуть и выпить малость,
Чтоб голова бодрей держалась.
И стало впрямь светлей от хмеля:
«Чего боюсь я, в самом деле?
Меня лесничий уважает,
По службе вроде повышает.
А место, правда, не плохое».

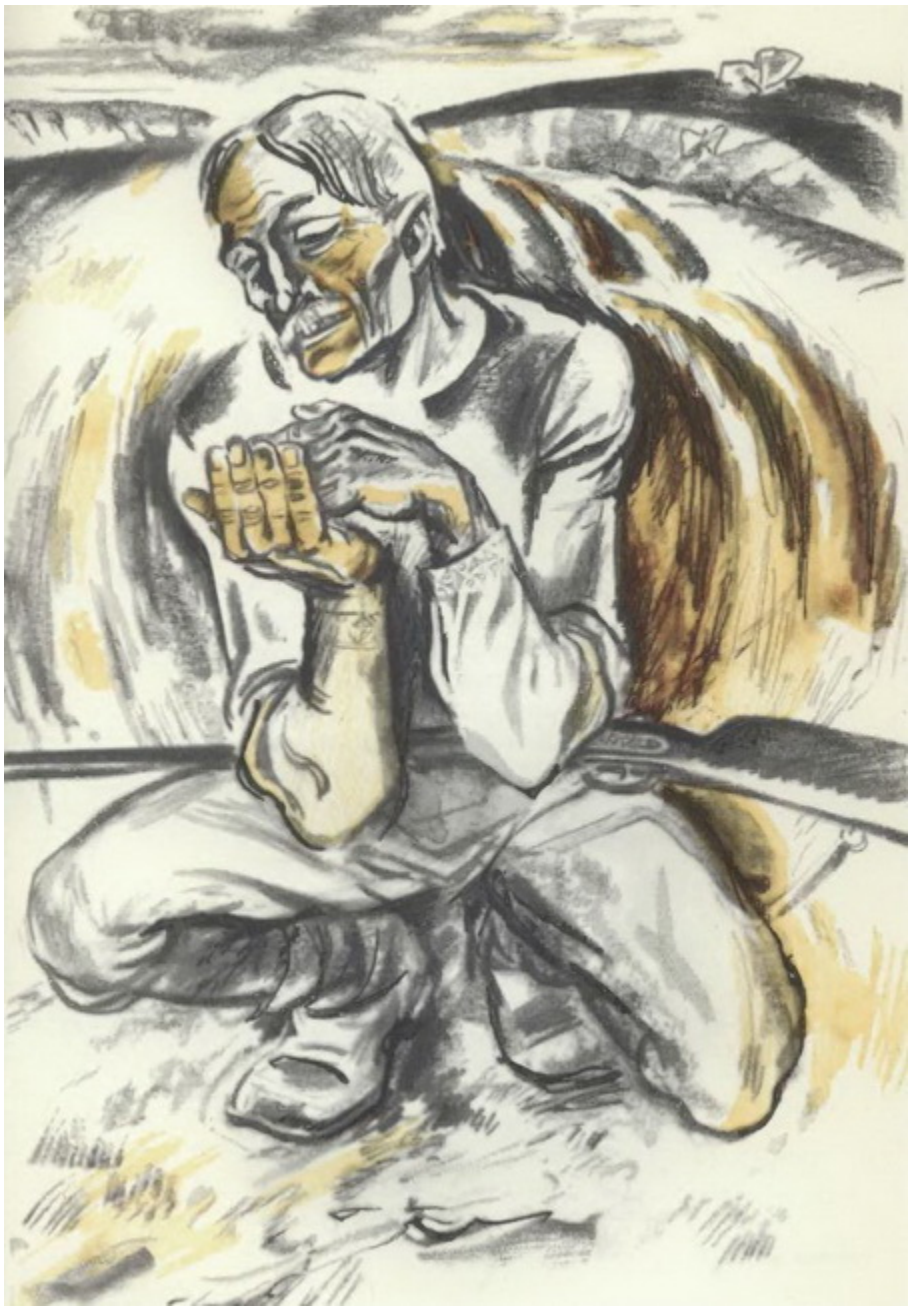
«И-эх! Житье ты наше зло-о-ое!» —
Запел Михал в тиши лесной,
Знакомой тропкою шагая
И песне в такт ружьем махая.

Скорей бы уж прийти домой
Да новостями поделиться.
Идет он смело, не боится
Проборки дома за горелку, —
Ну, выпил сущую безделку,
Ведь с горя чарку опрокинул.
Вновь на Михася мрак нахлынул,
В душе тревогою разлился.
И он внезапно разозлился.
А на кого? За что? Не знал.
Иль, может, злость он напускал,
Чтоб дома женка не ругалась,
Тем боле что уж показалась
Его усадьба за пригорком, —
Ох, будет все-таки проборка!
Михал вошел не сразу в хату,
Он к стенке хлева привалился
И так в свинью глазами впился,
Как будто в цирке где, за плату.
Потом, кренясь, в гумно зашел,
С Антосем разговор завел.
И после уж ровней как можно
Побрел к крылечку осторожно.
Но как Михась наш ни старался,
Чуть-чуть, а все-таки качался.
Антось давно заметил это:
«Плывет, как панская карета!»
Михал, чтоб отвратить атаку:
«Ей-богу, хмеля в рот не брал!»
Зашел на пчельник, постоял,
В сенях же изругал собаку,
Что худо хату охраняет,
Чужих не чует и не лает,
За зайцем в поле не бежит
И всякий раз лишь норовит
Скорее затесаться в хату.

«Ах, лодырь ты, дурак лохматый!
Беги, бреши, чтоб слышно было!
Горшечник! Чертово ты рыло!»
Пса на все корки разбранив,
Михась ружье с плеча снимает,
На ржавый гвоздь его цепляет
И в хату входит, приуныв.
Молчит, глаза отвел в сторонку,
Чтоб сразу не узнала женка:
Ведь если только скажешь слово,
Дохнешь — и влип уже, готово!
«И где ты этак налупился?
А чтоб ты, сыч, смолы напился! —
Жена накинулась сердито. —
Пропьешь ведь разум, волокита!
Хоть в пост бы, ирод, воздержался,
Не зря свиньей, знать, любовался!»
«А в пост, скажи, ругаться можно?
Ведь это, мать моя, безбожно! —
Смеясь, ответил ей Михал. —
Я ж под забором не лежал.
Ну, перестань кричать, не лайся.
В дорогу лучше собирайся!»
«Да ты совсем сдурел. Хорош!
Куда в дорогу? Что плетешь?»
Жена к Михасю подступила,
Но сразу тон переменила,
Почуяв правду. Как иглою,
Пронзило сердце ей тоскою.
К отцу придвинулись ребята.
Как раз вошел и дядя в хату.
«Так вот, Антось, переезжаем.
Последний час тут доживаем».
«Куда?» — «В Поречье, брат, в болото!»
«Чтоб треснуть пану! Вот забота!

В какую глушь он загоняет!»
Антось Поречье проклинает.
А мать вздохнула: «Трудно, трудно!»
И сразу в хате стало смутно,
Как будто из углов и щелей,
Где пятна, мох, суки чернели,
Все беды вдруг повыползали
И так сурово озирали
Больших и малых, скарб их нищий,
Их неприглядное жилище,
Что люди руки опустили
И разом речи прекратили.
Почти без сил сидела мать:
Сказать легко — переезжать!
Ведь как-никак тут обжились,
На ноги было поднялись.
Пожить еще б годочек тихо!
Так нет, опять такое лихо —
Пожитки собирай, трясись
По колеям, с добром, с семьею,
Как раз в распутицу, весною.
«Где наше, брат, не пропадало! —
Сказал Михал. — Трудней бывало!
Иль только света, что в окошке?
Ну, что ж! Помаемся немножко,
А там приладимся за лето.
Не сыщешь ямы горше этой.
Где здесь покос? Идти устанешь!
А там ведь близко, возле дома.
Поречье мне насквозь знакомо.
Луга что море, не оглянешь.
И, как в венке, стоит там хата.
Грибов и ягод — страх богато!
И детям будет веселее...»
«Поедем, тятенька, скорее!
Грибы я быстро собираю

И где какой заране знаю!» —
Костусь в ладоши бьет и скачет.
А мать от горя чуть не плачет.
«С одних грибов, брат, не запляшешь.
Вот что про хлеб ты нам расскажешь? —
Спросил Антось уже сердито. —
Где там посеять можно жито?
Земли — лишь бабке старой сесть!
Ведь это вроде в петлю лезть!»
«И ничего, брат, не попишешь, —
Живем не под своею крышей…»
«Ему, как выпил, горя мало!» —
На батьку снова мать напала.
«Мне, думаешь ты, очень сладко?
Тут ясно сказано и кратко,
А с паном не затеешь спора,
Ступай — и все, без разговора!
А нет — так вон! С куста ворона,
А семь — на куст… Все люди стонут,
Хлеб не легко теперь дается!



Новая земля

Пустым быть месту не придется.
Не будет нас — другой там сядет,
Не разбирая и не глядя,
Какой надел лесничий дал».
«Так оно так, да жаль труда,
Ведь сколько сил здесь положили

И землю славно угноили.
А вышло, что напрасно бились
И столько тяжких лет трудились
На черта лысого с болота!
Придет на наше место кто-то
Плоды чужие пожинать
И никаких забот не знать.
Спасибо он за то не скажет,
А фигу лишь тебе покажет».
«Ну, что ж поделать, коль такая
Нам доля выпала лихая».

На третий день пришли подводы,
Все свояки поприезжали —
Делить и радость и печали;
Как будто ехали всем родом
На ярмарку под рождество
Иль на иное торжество.
И суета пошла большая:
Была открыта кладовая,
И сени настежь. Как попало
Добро крестьянское лежало,
Все громоздилось без разбора.
Кадушки, ведра у забора
В траве на время приютились,
А возле них горшки толпились,
Ушаты старые дремали
И кротко очереди ждали.
И тут же сбоку, словно пьяный,
Навой приткнулся деревянный.{90}
Верстак разобранный валялся,
А на веревке мех болтался.
Пустела хата. Стены в ней
Как будто сделались темней.
Все поразметано кругом,

Все не на месте, все вверх дном, —
Совсем чужой казалась хата.
Ухваты, вилы и лопата
Теперь в одном углу стояли.
А гвозди тут и там торчали
По стенам голым, как щетина.
Сновали дети и мужчины, —
На двор пожитки каждый нес
И там укладывал на воз.
А мать сундук свой паковала
И мелочь всякую сбирала.
Бее суетились деловито,
Как в муравейнике разрытом, —
До нитки все с собою брали —
Подводы на глазах вспухали.

Когда же кончили грузиться,
Зашли все в хату подкрепиться.
Меж стен понурых, невеселых,
Таких обобранных и голых,
Остался стол один на месте,
Чтобы в последний раз накрыться,
Дать людям посидеть, проститься,
Побыть еще минутку вместе
И выпить чарочку-другую
За жизнь, за долю молодую.

Сошлись: Базыль, Антось Татьянин,
Карусь Дивак (он скрыл в бурьяне
Ухват, и вилы, и две оси,
Снеся их тайно от Антося),
Еще Антось, Павлюк Куртатый,
Стецок, Казюк Скоробогатый
Да брат Михася и Антося, —
Мужчин немало набралося.
И вот пошла по кругу чарка,

Беседа разгорелась жарко.
Один Антось уже смеется,
Свой мелкий хохот рассыпая,
Аж голова его седая,
С широкой плешиной, трясется.
«Да ты, брат Ганка, зря томишься,
Вот выпей — враз развеселишься.
Поможет бог вам в жизни новой!»
«Ну, будьте ж крепеньки, здоровы!»
«Э, выпей чисто! Что за баба!»
«Нет, не годится! Пьешь ты слабо!» —
Мужчины дружно загудели
И так со всех сторон насели,
Что Ганна все же покорилась
И трижды к чарке приложилась.
«Вот это дело! Молодчина!
Пусть будет доброй к вам судьбина!»
«Ой, буду пьяной! Зашатает!»
«Костей горелка не ломает! —
Кричит Базыль. — Здоров будь, Павел!» —
И, голову свою закинув,
Он ловко чарку опрокинул,
За ней кус хлеба в рот отправил,
Такой, что и двоим бы впору.
Не тратя слов, мужчины споро
За чаркой чарку осушают,
Хозяевам добра желают.

Карусь Дивак же той порой
С осями бегал, как шальной. —
В своем возу их глубже прятал.
Потом туда же воровато
Рогач и вилы запихал,
Чтоб не увидел их Михал.
И воз поставил чуть не в садик,
Решив заране ехать сзади.

Теперь уж вышли все из хаты.
«Ну, шевелись, Скоробогатый! —
Взяв кнут, Базыль сказал соседу. —
Я за тобою, брат, поеду».
И ряд повозок понемногу
Со скрипом тронулся в дорогу
И в лес чуть видною тропою
Поплелся длинной чередою.

И тяжко, тяжко Ганне стало,
В груди как будто что упало,
Тоскою сердце защемило,
Все разом сделалось немило,
И ей уж больше не терпелось —
Бежать отсюда вон хотелось,
Лишь бы углов не видеть голых
И стен пустых и невеселых.

Уж конь запряжен, поджидает,
Копытом бьет нетерпеливо.
Мать напоследок торопливо
Обычай старый исполняет:
Кладет кусочек хлеба с солью
На видном месте в зауголье.
Еще раз глянула устало
На хату, где от быстрых сборов
Кой-что из мелочи осталось.
«Ну, мать, мы трогаем! Ты скоро?» —
Михал кричит ей со двора.
И вправду уж давно пора!
Вновь сердце, холодея, сжалось.
Крестясь и плача, мать забралась
На воз, где малые сидели,
Приладясь на домашней кладе.
А старшие, Алесь и Владя,
Коров погнали за возами;

Последний раз между ветвями
Пустая хата показалась
И за пригорком потерялась.
Одна труба лишь сиротливо
Торчала меж кустов тоскливо,
А шест колодца в вышине
Как бы дивился тишине.
Гумно печально вслед смотрело
И, думалось, спросить хотело:
Куда они все уезжают?
Зачем одних нас оставляют?

VI. Около землянки
Перевод С. Городецкого

Как для меня отрадно будет,
Коль эти близкие мне люди
В душе у вас хоть на часок
Занять сумеют уголок.
Конечно, жизнь их не ярка,
От шумной славы далека.
Про них сказаний не слагают
И в песнях их не величают.
Вот только ветры, что к заборам,
Среди завьюженных просторов,
Холодный снег несут-сгребают
И бедным людям напевают
О доле горькой их, постылой,
И плачут, стонут над могилой,
Где селянина кости тлеют, —
Одни лишь ветры их жалеют.
Но ведь не каждый разберет,
Что ветер между хат поет,
О ком так жалостно рыдает

И песни для кого слагает.
Отцов не долго помнят дети,
А уж простые люди эти
Уходят без следа. Такая
У бедняка судьба лихая:
Намучиться, нагореваться
И в неизвестности остаться.
Забвенье — общий жребий их —
И у своих и у чужих.
И всякий раз мне горько станет,
Когда увижу на кургане
Приют последний селянина.
Стоит там крестик-сиротина,
Весь убран мохом седовласым,
Холстиной белой опоясан.
Кого зарыли здесь, рыдая?
Девчина, может, молодая
В расцвете красоты и силы
Сошла без времени в могилу?
Иль славный хлопец-молодчина?
Молчит могила селянина.
Никто не скажет, кто в ней спит.
И душу мне тоска теснит:
Ведь тут закопаны навеки
Надежды, радость человека,
И горе, и беда глухая,
Жизнь беспросветная людская.
Мои друзья не имениты,
Они ничем не знамениты,
На вид невзрачны, захудалы,
И хоть по-своему удалы,
Но удальцами не слывут.
Живут, мужичий крест несут
И злую долю терпят тихо,
Добра не видя из-за лиха.

Что делать? Я и сам бы рад
Не знать тех мук и тех неправд,
Что на своем горбу, как камень,
Несет народ простой веками.
Но горькой правды не схоронишь,
Ее лукавством не отгонишь.
Да и зачем? Спаси нас, боже!
А правда мне всего дороже!
Обучен правде я отцом,
Так с ней и дальше мы пойдем.
День добрый, новая сторонка!
Встречай ты нас, как мать ребенка
В час после длительной разлуки,
И распахни с приветом руки
Тем, кто, измучившись в неволе,
Пришел к тебе за светлой долей.
Взгляни ты взором, полным ласки,
Овей крылом чудесной сказки,
Чтоб людям эта жизнь-дорога
Дала часов счастливых много;
Надеждой распрями нам груди, —
Ведь мы твои, земелька, люди!

Сперва убогим, запустелым
Поречье это показалось,
И грусть в душе заколыхалась
От вида тех берез замшелых,
Что на болоте меж кустами
Шумели голыми ветвями.
Двор, хата были в беспорядке, —
Жердины изгороди шаткой
Перекосились, разъезжались,
А щепки кучками валялись
И во дворе и на задворках;
Хлев чуть держался на подпорках;
Гумно под крышей поседелой

Тряслось от ветра и скрипело;
Повети, погреб, все кругом
Тут говорило об одном:
О непорядке, запустенье
И о хозяйском нераденье.
Слезами Ганна заливалась —
Такою ямой ей казалась
Гнилая хата в три оконца!
Порог она переступила —
О, как здесь бедно, боже Милый!
Да светит ли когда тут солнце!
Так сыро, тесно, нелюдимо
И все в грязи непроходимой:
Печь, скамьи, стол, окошки, стены!
Из всех углов пахнуло тленом
И словно неприязнью скрытой.
Земля, как оспою, изрыта.
Видать, задерживаться тут
Надолго люди не желали,
Из хаты грязь не убирали:
Придут другие — уберут.

Уже растаяли снега,
И дружно в поле рокотали
Ручьи и под водой скрывали
Овраги, рвы и берега,
От зимних снов леса будили
И людям душу веселили…
Все понемногу оживлялось:
На ветке почка наливалась,
Она листочек потаенный,
Пахучий, клейкий и зеленый,
Под солнцем развернуть старалась.
А сосны старые и ели
Любовно, ласково глядели,
Далеко простирая ветки,

Как их потомки-малолетки
Стояли ровной чередой,
Склоняясь к солнцу головой.
В лесах дрозды уже свистали,
В болотах кулики кричали,
А высоко под небесами
И поутру и вечерами
Был слышен гомон журавлиный,
И омертвелые долины
Будил их вольный, звонкий клик,
Как будто птичий тот язык
Приветствовал издалека
Родные чащи тростника…
Хотелось жить, и ввысь подняться,
И лучшей доли добиваться.
Грудь раздавалась, крепли силы
И белый свет казался милым.

Помалу день за днем в Поречье
(Таков характер человечий!)
Сживались с местом, привыкали,
Гнездо былое забывали,
И через две иль три недели
Уж веселей вокруг глядели.
Постройки, что недавно гнили,
Как будто сразу подменили, —
Их осмотрел Антось, подправил,
И новые столбы поставил
В гнилой забор; весь хлам убрали;
В оконцах стекла засверкали;
Отмыли скамьи добела, —
И жизнь по-новому пошла;

Но через год беда: пожар!
Сгорели хата и амбар,
И утварь вся, и вся одежа,

Внезапно, как от кары божьей.
Мужчин же не было, — с утра
Поразбрелися со двора:
Один на службу, а другой
Пахал поляну у болота,
С каймой зеленой очерета;
Ушел и Владик за травой.
И что ж с малютками своими
Тут сделать женщина могла?
Сгорело все у них дотла,
Растаяло в огне и дыме.
С добром, накопленным годами,
Сундук и тот пожрало пламя.
Там были Ганнины пожитки,
Платки, полотна, ленты, свитки,
Сгорела полочка с богами
И сорок семь рублей деньгами.
Костуська, правда, не боялся,
С пожаром яростно сражался:
Солому скидывал с постели,
Когда овчины уж горели,
И долго с нею он носился,
Покуда сруб не повалился.
Беда, беда! Куда деваться?
Куда от холода спасаться?
И мать в несчастные те дни
С детьми ютилась у родни.
А на горелом месте бойко
Вставала новая постройка —
Землянка — будочка простая,
В одно окошечко, кривая —
До лучших дней сойдет и это…
А солнце шло уже на лето.
Кой-как, терпя, перебивались, —
С недолей горькою спознались.
Вблизи землянки чуть заметно

Мерцал очаг огнем заветным,
Но все ж не гас он. Вечерами
Смеялись дети, суетились,
Тут хлопотала мать с горшками,
Семейству ужин собирала.
Тогда местечко оживало:
Как рыба в сетке, ворошились,
Поленца, щепки подбирали
И ловко их в огонь кидали.
А пламя прыгало проворно,
Оно как будто бы смеялось,
То своевольно кверху рвалось,
То расстилалось вниз покорно.
И ветер хитрый не зевал,
Он из-за хатки налетал,
Внезапно на костер кидался, —
Огонь туда-сюда метался.
А на дворе уж вечереет,
И ночь близка, и мрак густеет,
Огонь цвета свои меняет,
Блеск желто-красный принимает.
Смолкают птицы в темном лесе,
Баранчик божий в поднебесье{91}
Печально блеет над болотом,
Как будто ищет там кого-то.
И смутный звук в тиши болот,
Когда вечерний мрак встает,
На сердце грустью отдается,
Уныньем тихим в душу льется
И думы смутные наводит;
Они приходят и уходят,
Как облака в часы заката.
Природа тишиной объята…
Работу кончив, почивают
Все старшие — кто в хатке спит,

Кто на дворе вовсю храпит, —
Покой их звезды охраняют.
Бывало, часто вечерами,
Чуть-чуть поддерживая пламя,
Алесь и Костусь засидятся.
Когда ж совсем начнет смеркаться
И в небе искры замигают,
Томить их страхи начинают.
Тогда они друг к дружке жмутся,
Но все-таки не признаются,
Что страшно им во мраке ночи.
«Алесь, ты чуешь, как хохочет
В березняке баранчик божий?
А знаешь, брат, с чем это схоже?
Послушай-ка, мне все сдается,
Антось Татьянин так смеется!»
И хлопцы вдруг захохотали,
Но сразу смех свой оборвали.
И вновь покой. Костер пылает.
Кругом густая тьма свисает
И хочет пламя золотое,
Что, словно сердце молодое,
В тенетах тьмы огонь рождает,
Скорей задуть. Оно серчает,
Порою брызнет и прорвется,
И тьма в испуге отшатнется
На шаг, как будто обожглась.
Огонь блестит, волной струясь.
Поленья тихо догорают,
Спокойно искры улетают
И быстро гаснут без следочка.

Уж поздний час. Глухая ночка.
Сидят ребята молчаливо
И озираются пугливо.
Л в их фантазии ребячьей

(Ой, кто-то стонет, кто-то плачет!)
Ночные призраки летят:
Вон змей крылатый тяжко дышит,
В бору же страшный голос слышен, —
То, верно, колдуны кричат.
А каждый куст в себе таит
Того, кто всюду норовит
Пройти, пролезть с мешком, с клюкою,
С седою, длинной бородою,
Кто ребятишек забирает,
След бородою заметает.
Из-под нахмуренных небес
Глядит недвижный, смутный лес,
Беду во мраке укрывая.
Блуждает нечисть там ночная.
Мертвец пригнулся под ветвями,
В ребят уставился очами.
А вдруг он черною рукою
Положит крест перед собою,
Скакнет на них, отнимет силу
И унесет с собой в могилу?
Там волк блуждает в чаще темной;
Разбойник яростный, бездомный,
Грозясь, трясет над головой
Окровавленной булавой;
Безумный бегает, рыдает,
Кого ни встретит, всех кусает…
«Ну что, брат Костусь, ты дрожишь?
Куда так пристально глядишь? —
Алесь тихонько вопрошает,
Но рук его не выпускает. —
Иль видишь что?» — «Нет, ничего!
Все тихо. — А у самого
Тревога к сердцу подползает… —
Пойдем-ка лучше, брат, домой!» —
Алесь кивает головой,

И братья за руки берутся,
В землянку со всех ног несутся.

VIII. Смерть лесничего
Перевод С. Городецкого

«Михал! Михал! — внезапный крик
В рассветной тишине возник
У хатки темной за стеною
И — частый стук в окно рукою. —
Михал, вставай же, одевайся!»
«А, кто там?» — «Я! Скорей сбирайся!
Лесничий помер!» — «Быть не может! —
Михал вскочил. — Ох, боже, боже!
Да как могло все это статься?
Ведь он уж начал поправляться!
Другой сказал бы — не поверил!»
Но тут объездчик, пан Ксаверий
С печальной вестью прибыл сам.
«Пусть добрый пан заглянет к нам», —
Михал открыл пред гостем двери.
Через порог шагнул Ксаверий,
Вошел и, словно оступился,
Растерянно остановился:
Ведь тут и шагу не шагнешь,
Да и спины не разогнешь!
Как можно жить в таком закутке?
Кажись, просторней в песьей будке.
«Садитесь, пане, отдохните.
Вот наша хата, поглядите».
Михал с колоды пыль смахнул,
Ксаверий молча сел, вздохнул.
Он был мужчина пожилой.
«Ах, как же это, боже мой!

С чего ж так скоро пан собрался?
Позавчера я с ним видался,
Доволен, весел был, шутил,
Подробно обо всем спросил», —
Михал промолвил, одеваясь.
«Да, смерть крушит, не разбираясь,
И никому не смотрит в зубы.
Гадюкой черной из-под сруба
Вдруг подползет и всадит жало.
А много прожил ты иль мало,
Богатый иль бобыль с сумою,
С душою доброй или злою —
Ей все равно. А мы-то бьемся,
Хлопочем да куда-то рвемся.
А для чего, спроси, — не знаем,
Так, не узнав, и помираем».
«Так это, верно, пан Ксаверий,
Нам от рожденья путь измерен,
Давно для каждого на небе
Особый уготован жребий,
И ходит смерть, как тень, за нами!» —
Сказала Ганна со слезами.
«Ну, я готов! Пора идти!
Поговорим о нем в пути…»
Ксаверий и Михал выходят.
Уж посветлело на восходе.
Над гатью в сумраке дрожащем
Был слышен клик гусей звенящий, —
Они призывно гоготали;
Со свистом утки пролетали;
В туманных лозняках реки
Стонали скорбно кулики.
Михал с Ксаверием шагали
Сквозь чащу леса молчаливо
Да изредка лишь, сиротливо,
Друг другу горе поверяли.

«Нет у нас пана... Потеряли...» —
Сказал Михась.
«Да, был глава,
Теперь одна живи вдова», —
Вздохнул опять Ксаверий тяжко.
«Ну, пане, будет перетряска.
Порядков новых жди сейчас!» —
Угрюмо произнес Михась.
«А, верно! Кутерьма начнется,
Без этого не обойдется.
Эх, пан!.. А был такой здоровый,
Не человек, а кряж дубовый!
Раненько дом покинул свой,
Дай, господи, ему покой!»
С такими шли они речами
То через луг, то хвойниками, —
А всей дороги-то — полмили.
Шли и покойника хвалили,
Как это и всегда бывает,
Коль человек вдруг помирает.
«Не злой хозяин был, терпимый
(Пусть почивает со святыми!),
Всегда расспросит, если встретит,
Как ты живешь... Как женка, дети!
Не завелось ли горе в хате!
Что принесешь ему — заплатит,
Рублем одарит иль полтиной, —
Не гнался он за даровщиной».
«Да, человек был справедливый,
Не привередливый, правдивый!» —
Ксаверий поддержал соседа.
На том и кончилась беседа.
«Начнется свара меж панами,
Местечко это многих манит,
Пустым не будет долгий срок,
Они, как рыбы на горох,

Сюда попрут, и каждый пан
Отдаст последний свой жупан,
Любую службу бросит, дом,
Скажи — придет, хоть босиком, —
Так сам с собою рассуждал,
Шагая меж дерев, Михал. —
Но кто же это место схватит?
Кого лесничим князь посадит?
Панов ведь словно зайцев в чаще,
Да горе в том — один ледащий,
Другой — дурак, а третий — ирод,
Несправедливый и придира,
Как, например, вот Табартовский
Или подловчий — пан Бяловский.
Назначат этакого ката, —
Ох, как своя запахнет хата!
Добра добиться тяжело,
Оно как хрупкое стекло —
Не так дотронешься рукою,
И — глядь — осколки пред тобою!
А зло приходит без подмоги,
Ему открыты все дороги,
И все на свете стежки вольны —
То ровно гладки, то око льны, —
Никто его не минет ока».
Так смерть лесничего глубоко
Михалу сердце всколыхнула
И все вверх дном перевернула.
Тогда-то в первый раз Михала
Мечта заветная объяла:
Купить землицы где-нибудь,
Чтоб панской лямки не тянуть, —
Зажить свободно жизнью новой!
Своя земля — вот где основа!

Вставало солнце из-за леса,

Сквозь легких облачков завесу
Лучи, как стрелы, разметало.
А все живущее встречало
Восход его на ясном небе,
И думой о насущном хлебе
Денечек новый начинало,
Когда Михал и пан Ксаверий
Дом увидали с крышей серой.
На горке тихой, невысокой,
От деревеньки недалеко,
Окрай дороги, перед садом
Тянулась панская ограда.
А двор просторный и веселый
Был живностью галдящей полон, —
Ходили куры с петухами,
Гордясь знакомством с индюками,
И, распуская хвост на славу,
Гулял павлин с своею павой,
Как пан вельможный, родовитый.
А в уголочке у корыта
Шныряли утки-плескотухи.
Кабан дородный, лопоухий,
Бродил свободно меж плетнями,
Смешно тряся окороками,
И сам с собой вел разговор,
Похрюкивая на весь двор.
У самой кухни, под оконцем,
Собаки грелися на солнце —
Как видно, тоже панской крови!
Им все тут было наготове.
Сараи, гумна, будки, клети,
Конюшни, закрома, повети,
Куда ни поглядишь, кругом —
Все было здесь полно добром.
Но вдруг в хозяйстве этом прочном,
Как в механизме хитром, точном,

Сломался винтик — стоп машина!
Нежданно выпала пружина.
Григорий-кучер был без дела, —
Сперва побуркивал несмело,
Потом вдруг храбрости набрался,
Ходил багровый и качался:
Хлебнул — не с горя ли? — немного:
«А ну-ка, выйди, недотрога! —
Кухарке крикнул он. — Живее!
Не то вот дам тебе по шее!»
«Отстань. Еще нашлась забота!
Припер, как лысый черт с болота!»
«Эх, Настя, спляшем! Сердцу жарко!»
И, подбоченясь пред кухаркой,
Присел и встал — расшевелился, —
Ногою топнул, закрутился
И заплясал пред ней вприсядку,
Вперед выкидывая пятки.
«А чтоб распух ты, забулдыга,
Ишь петухом каким запрыгал,
Ведь ты ума совсем лишился!
В такой бы день хоть постыдился!
Греха бы, ирод, убоялся!»
Но наш Григор не унимался:
«Пляши, валяй и ты, Настуля!
Что ж? Если гули, брат, так гули!
Пан в рай пойдет, а мы с тобою…
Мы — к бесу в омут головою».
«Да перестань, покойник в доме!
Пойди проспись-ка на соломе!
Вон пани смотрит на тебя».
«А я-то кто? Пан-кучер я!
Иль ты того не понимаешь?
Зачем Григором называешь?
Зови меня… вельможный пан!»
«Ох, провались! Совсем ты пьян.

Такого пьяницу под стать
Вельможным паном величать.
Смотрите, люди! Нализался!
Как пес на бойне. Вот несчастье!»
«Но, но! Пойдешь без юбки, Настя!»
«Отстань! Как муха привязался».

«Там, на полке, солонина,
Пани петуха смолила,
А в кастрюльке жир густой,
Да не твой! Нет, не твой!»

А дом молчал в тоске суровой,
Еще вчера живой, здоровый, —
Сегодня пан был недвижим,
Глух ко всему, чужой живым.
С поселка шляхтичи сходились
И в тихой комнате толпились,
Где гроб с покойником стоял.
«Дай бог ему, чтоб в рай попал! —
Крестились старики, вздыхая,
Седые головы склоняя,
И поминали добрым словом: —
Не скажешь про него дурного!»
Простившись, кучками стояли.
Потом паны съезжаться стали…

Все лесники уж были в сборе,
В парадном стражницком уборе:
В суконных куртках со шнурами,
С большими на груди значками,
В воротниках глухих, зеленых;
На шапках было «R» с короной.{92}
Они теснились у забора
И тихо дожидались, скоро ль

Идти им к пану будет нужно.
Они ему желали дружно
Блаженства вечного и мира;
Крестились, сокрушаясь сиро.
Со стороны глядеть — сдавалось,
Что впрямь они осиротели,
А что на сердце все имели,
То так на сердце и осталось.
Тут только должен я признаться:
Когда уж начало смеркаться
И пана с плачем схоронили,
Все лесники у Фрумы Пили.
Амброжик Кубел разгулялся,
Со всеми нежно целовался,
Уже он третью кварту ставил
И по-хозяйски пиром правил.
«Гуляем! Раз поминки, значит,
Должны мы выпить побогаче, —
Кричал Амброжик. — Ну, держись! —
Перемигнулся он с Михалом
И чарку осушил удало. —
Эй, тетка Фрума, появись!»
В чепце своем вошла она.
Ну, как живешь ты? Не больна?»
«Ну, вот гляди!» — смеется «тетка»
И смотрит так приятно, кротко,
Что наш Амброжик прямо тает
И Фруму кралей называет.
«Ах, что за шутки, пан Амброжик!»
«Две кварты для друзей хороших!»
Все оживились, зашумели
И от горелки осмелели,
Пошли плести и вкривь и вкось.
«Подать мне Тэша! — крикнул Лось. —
Распотрошу ему утробу!
Житья не стало от хворобы!

Усы ему сорву под носом
За все придирки и доносы!..»
Абрыцкий Тэш, объятый страхом,
Исчез с их глаз единым махом.

Был поздний час, как «тетку»
Фруму С веселым хохотом и шумом
Лесная стража покидала.
У всех в глазах земля скакала
И месяц, смехом заливаясь,
По небу прыгал, словно заяц.
Спустя немного разошлись,
И песни сразу полились
То тут, то там, и лес будили,
Как будто это волки выли.

«Ой, домой я приду —
Никого не найду.
Я зарежу кота,
Он, как я, сирота!»

Так пел Амброжик за болотом.
А Пальчик сыпал без заботы:

«Будет меня женка бить,
Некому оборонить!»

Михал же басом распевал,
Как будто молотом ковал:

«Пусть в кармане ни гроша,
Веселилась бы душа!»

IX. Новый лесничий
Перевод С. Городецкого

Когда заря уж занялась,
Вернулся с похорон Михась.
Вошел в землянку, расстегнулся,
Зевнул и с хрустом потянулся, —
Ведь целый день толкался он
И, ночь не спав, был утомлен.
Так сладко-сладко ныло тело —
Скорее отдохнуть хотело.
Жена его не теребила,
Про похороны лишь спросила
И, раз-другой вздохнув по пану,
Сказала: «Спи! А я уж встану».
И тотчас стала одеваться,
Чтоб за работу приниматься.
Пошла корову подоила,
Картофель свиньям перемыла.

Лучи восхода золотые
Дерев макушки зажигали,
Сияньем, блеском выстилали
Небес пучины потайные.

«Эй, хлопцы, хлопчики, вставайте!
Скотину в поле выгоняйте!
Давно пора уж! Хватит спать!» —
Алеся, Владю будит мать.
А хлопцы только потянулись
И с боку на бок повернулись.
Тут мать немного постояла
И головою покачала:
«Будить-то жаль! Ох, сны их сладки!
Пускай поспят еще ребятки».

А дядя уж на поле росном
Сохою ткал борозды-кросна.
Но в поле так пырей разросся,
Что руки вспухли у Антося,
Ежеминутно поднимая
Сошник и корни очищая.
«Ну и болото! Нет терпенья!
Не пахота — одно мученье.
Два шага сделаешь и стой,
Воюй тут с нечистью такой.
Да как же раньше-то здесь жили?
С сохой, что ль, вовсе не ходили?
Что можно было тут взрастить,
Коль в землю сошника не вбить?
Конь с борозды одной устал.
Ну и народ, чтоб он пропал!
Так расплодить сорняк на ниве!
Видать, тут жил лайдак ленивый!»
Антось стоит и размышляет
И поле хмуро озирает.
Но вдруг на солнце кинул взор
И побежал к себе во двор.
«Никак, еще коровы дома? —
Спросил он Ганну. — Вот напасть!
И на гумно к ребятам — шасть. —
Вы что зашились тут в солому?
Вставайте мигом, лоботрясы!
Прошло уже не меньше часа,
Как солнце в небе засветило,
Они же… Хоть воткни им шило!
Эй, хлопцы, говорю кому?
Не то прутом вас подниму!»
Мальчишки заспанные сели,
Бросают нехотя постели
И лапти обувают хмуро.
Потом во двор идут понуро,

А мать вослед бежит из хаты
И торбу подает ребятам.
В ней хлеб, а может быть, и сало.
И хлопцам веселее стало.
Когда уж солнышко пригрело,
Антось, на поле кончив дело,
Распряг конягу своего,
Подмогу жизни трудовой.
Довольный Сивко за гумном
Прошелся медленно, шажком,
Понюхал землю деловито —
А может, где колючка скрыта —
И с превеликою охотой
Валяться начал у заплота.
Антось глядел и потешался
И тихо, ласково смеялся.

На месте ж погоревшей хаты
Теперь работа шла завзято.
Там плотники уж сруб вершили
И плахи ровненько пилили.
Антось, довольный мастерами,
Улыбку прячет под усами,
Шагает к будочке своей
И видит брата у дверей.
Михась уж малость отоспался, —
В обход он нынче собирался,
Заботой занятый другою:
Под чьею же теперь рукою
Служить в лесничестве придется?
Откуда, кто сюда припрется
И место сытное займет?
Кого из замка князь пришлет?
За завтраком Антось с Михалом
Об этом думали немало
И кандидатов обсуждали, —

Одних хвалили, тех ругали.
«Галонского бы нам сюда!
Вот стали б на ноги тогда, —
Простой, спокойный, не надменный,
Лесничим был бы он отменным!»
«Да, это так, — Михал вздыхает, —
Но князь его почти не знает,
Поддержки в замке он не встретит,
Там есть другие на примете.
Такого выищут кащея,
Такого гада-лиходея,
Что проклянешь с ним все кругом —
И землю панскую и дом».
То правда, — поддержала Ганна. —
Житья не будет нам от пана,
Коль сунут дурня или ката,
Немилой станет эта хата.
Так допекут, хоть волком вой
Иль по миру иди с сумой!»
«Эх, брат! — махнул Михась рукою. —
Мы власть видали над собою,
А будем жить — еще увидим!
Но так мы из беды не выйдем
К не добьемся ничего,
Покуда не устроим сами
Горбом, вот этими руками
Угла на свете своего!»
Свой угол! Вымолвить-то просто,
Да, видно, мы не вышли ростом:
Тут денег надобно мешок,
А не пустой наш кошелек;
Считай — за землю заплатить
Да лесу на избу купить…
А в Миколавщину вернуться —
Так лучше тут терпеть и гнуться.
Там теснота, галдеж и споры,

Из-за травинки — драки, ссоры, —
И вновь туда — страдать и жаться?
Давайте службы уж держаться,
Пока еще держаться можно, —
Антось заметил осторожно.
И Ганна с дядей согласилась. —
Еще беды ведь не случилось!
Вот скоро кончим строить хату.
Лугами здесь места богаты.
Никто пока не притесняет
И глаз в горшок не запускает.
Свой хлеб — за все тебе награда,
А потерпеть, известно, надо».
«Да! Потерпеть! Одно терпенье
Вот так и даст тебе спасенье! —
Хозяин усмехнулся криво. —
Век гнись, сноси все молчаливо
И думать даже позабудь
Сорвать ярмо когда-нибудь.
А над мечтой про землю, хату
Закаркай вороном проклятым,
Тяжелый крест поставь над нею,
Как и над всей судьбой своею.
Терпенье — все! Ему нет края!
Чего же мы тогда страдаем?
Зачем все наши устремленья
Пустить поглубже в грунт коренья?
Вот если б вам в глаза плевали
(Вы этого не испытали!)
И унижали, как скотину,
Ежеминутно, без причины,
А вы б моргали лишь глазами
Пред полупанками, панками
И перед всяким панским чирьем,
Тогда б терпенью не учили! —
Глаза Михала засверкали,

А губы яростно дрожали. —
Терпи безмолвно, непрестанно,
А каждая свинья у пана,
Свистун и выродок гнилой,
Лакей последний, грошевой,
Тебя «премудро» вразумляет!
Терпи! Пусть он честит и лает
И за нос как захочет водит!..»
Антось и Ганна не находят,
Что им ответить, как тут быть,
Как узел этот разрубить.

Так, день за днем, не ожидая,
Прошла неделя и другая.
Готова новая изба,
Над белой крышею труба
Сверкает красною короной,
И двор расчищен захламленный.
В окошках зайчики играют
И солнце в гости закликают.
Ну, хата добрая на вид
И жизнь хорошую сулит.
Когда семейство перебралось,
Всем эта хата показалась
После землянки раем божьим.
«Хоть поживем в дому хорошем, —
Довольная сказала мать. —
Берлоге прежней не под стать!..»
Но вдруг Ксаверий к ним пришел.
«Эх, брат, попали мы в засол!
Приехал пан, да уж такой,
Что лучше в речку головой!»
«Откуда, кто?» — спросил Михал.
«Да ты его, наверно, знал:
То пан Раковский из Татарки.
Паскуда, слышал, высшей марки!»

«Стой, пан! Я это имя знаю!
Слыхал о нем, припоминаю.
Так пан Раковский? Злей собаки!
Покажет, где зимуют раки! —
Михась, поднявшись, отозвался
И вдруг недобро рассмеялся, —
Тот смех был над самим собою,
Над глупой, детскою мечтою
О неком справедливом пане…
Теперь мытье пойдет без бани. —
Слыхал, слыхал про эту пташку!
Всем от него придется тяжко!
Поганый пан, чуть осерчает,
Уж с кулаками налетает!»
Еще лесничий не явился,
А уж о нем все разузнали
И так подробно расписали,
Как будто с ними он родился:
И с виду он каков собою,
И что имеет за душою,
И чем известен, сколь богат,
И одинок он иль женат,
И где, когда, чем отличался,
Как к подчиненным придирался, —
Ну, одним словом, «изучили»,
Все кости пану перемыли.
И правда, пан попался злой,
На редкость въедливый, крутой,
Всех ненавидел, презирал
И нос надменно задирал.

Однажды возвратясь из бора,
Подавленный, с угрюмым взором,
Михал в семье повел рассказ,
Как встретил пана в первый раз.
«Иду, а он навстречу, значит.

За ним верхом Абрыцкий скачет.
Подъехал пан, остановился.
«День добрый пану!» Поклонился.
А он, как столб! Не отвечает!
Потом сквозь зубы начинает:
«А где ты служишь, человече?»
«Служу, паночек, я в Поречье».
«Так это ваше благородье
Со всей округой дружбу водит?
Чужих телят на луг пускаешь!
Ты этак службу исполняешь?
Зачем в лесу так стежек много?...
Сидишь у своего порога!
Такой я службы не люблю, —
Лентяям хлеба не даю!
Забыл ты, для чего нанялся?»
Сказал и далее помчался.
«С телятами уж влезли в уши!
Ох, ну и люди! Что за души!» —
Проговорила, вспыхнув, мать.
«Чего ж еще могла ты ждать?
Тот самый Тэш, чтоб подлизаться,
Готов хоть в черти записаться.
Брехать умеет чисто, гладко —
Такая у него повадка».
От грустной повести Михала
Тоска в избе на всех напала.
«Ну что ж! Терпи, молчи, таись,
Выходит так, друзья мои?
Нанялся, говорят, — продался!» —
Михал с усмешкой отозвался.

X. На панской службе
Перевод С. Городецкого

Едва умолкли разговоры
Мартин явился из каморы.
Таким же самым лесником,
Как все, служил он, но притом
Между делами был обязан
От пана разносить приказы.
Издалека, почти у Клина
Антоний разглядел Мартина.
«Ну, прется уж сюда с приказом!
Сгорел бы ты, панок, с ним разом!» —
Так пану пожелав «удачи»,
Все ждали, что несет Мартин.
«С какой вы ныне к нам задачей?»
«Приказ принес я для васпана,{93}
Чтобы Антоний утром рано
Шел рубку намечать в бору.
Михал же должен поутру
К поселку лыжи навострить
И рыбки малость наловить…
Бери там невод с рыбаками,
Панов порадуй окуньками.
Им голодать, сам знаешь, вредно.
А может, им приелись, бедным,
Колбасы разные, котлеты —
От них и сохнут, как скелеты,
Их ветер с ног чуть не сбивает», —
Мартин тут перцу подсыпает.
«Ну, вот навесил пан мне грыжу!»
«Ты недоволен этим, вижу?
Постой, брат, до конца дослушай,
Потом уж отведешь ты душу.
Еще тебе урок приятный:
Крупнее рыбу отберешь
И в замок сам ее свезешь —
Друзьям лесничего… Понятно?»

«Приказ хороший для начала!
Вот, брат, какая жизнь настала!
Пан разве жалость к людям знает?
Двоих на службу запрягает:
Меня — на рыбу, брата — в бор!
Когда же их прихватит мор —
Всех этих иродов пузатых,
Вельможных прихвостней проклятых!
Нет, видно, присказки вернее:
«Кляни ты пана — пан толстеет». —
Михась, озлобясь, бушевал
И пана «Рака» проклинал. —
По горло дела, сеять время,
А на тебя тут валят бремя —
Г они коня за столько верст
И все бросай коту под хвост!
Беда тебе, коль ты бедняк!
А жил бы сам, все шло б не так!»
«Вот тут-то, брат, и горе наше,
И тем удел служебный страшен,
Что не за что нам зацепиться,
И мы со злом должны мириться,
Под дудку панскую плясать,
Любую дурь их исполнять.
Тебя ж стригут, ну, как барана! —
Доставши трубку из кармана,
Мартин продул чубук сердито
И развернул кисет расшитый. —
Тьфу, всех подряд костит и лает,
Себя ж царем воображает,
Так нос дерет пред нашим братом,
Что не достанешь и ухватом!
Всегда косится вроде волка!
И придирается без толка!
Дождались пана мы, Михась!
Что делать, коль пришла напасть,

Жить надо, как там ни гляди!
На свете не впервой, поди,
Имеем дело мы с панами!
Пусть лучше сдохнут они сами,
Пусть прах их ветер разметет!
Сироты, что ли, мы без роду?
И пан, коль повезет народу,
Под нашу дудку запоет!
Придет, придет такое время!
Навеки сгинет злое племя!»
Они еще потолковали
И малость злость свою согнали.
Но от проклятий этих толку
Не прибыло и на иголку.

С тех пор, как белка в колесе,
Михал замучился совсем:
С рассвета дотемна обходы,
И что ни шаг — везде невзгоды:
Там срубят дуб, березу свалят,
А там и лес, глядишь, подпалят
(Чтоб навредить панам проклятым),
Траву сожнут на корм телятам.
Народ голодный, стиснут очень,
Готов золой засыпать очи.
И свой же брат — лесник — кусает,
Пред паном выслужиться хочет, —
В глаза тебе одно лопочет,
А в мыслях петли расставляет.
И случая не упускает
Хоть чем-нибудь тебя донять
И этот горький хлеб отнять.
А сколько беспокойства летом!
Гляди, чтоб бабы без билета
Грибов и ягод не сбирали{94}

И хворост даром не таскали.
Не видишь света от забот,
А пан-лесничий жмет да жмет.

Уж должен сам ходить с корзиной,
Носить ему грибы, малину.
Хоть разорвись, ему плевать,
Одно он знает — шкуру драть.
То пастуха ему найди,
А то служанку приведи!
А как нагрянет косовица,
Вставай, чуть небо прояснится,
Ищи и косарей и жней.
Ни в чем отказывать не смей!
Все делай быстро, гладко, чисто,
А ведь погода норовиста!
Бывает, в самую страду
Обложит небо, на беду,
И невода за неводами
Растянут тучи над лугами
И дождиком, летящим косо,
Зальют и копны и прокосы.
А за дела Ильи-пророка
Пан на тебя прищурит око.
Служи, трудись на пана-ката,
Сам не управишься, так брата
Бери себе ты на подмогу, —
В одном ярме шагай с ним в ногу,
Трать заодно с ним сил остаток.
Где ж справедливость? Где порядок?
И как ни гнись, ни лезь из кожи —
Ничем ты угодить не сможешь,
Найдет придирку, обругает
И кулаками намахает.

Друзья мои! Кто ж катам этим

Дал силу всю и власть на свете?
На что земля их только носит?
Ой, кто от них не заголосит?
И где на них искать управы?
Ведь суд наш «скорый», суд наш «правый»
Панов за подлости не судит!
А кто же нам защитой будет?
Кто выручит народ в беде?
Кому пожаловаться, где,
Чтоб хоть маленько полегчало?
А миру между нами мало, —
Один другого не покроет,
Один другому яму роет,
Готовы лиха прикупить,
Чтоб побольнее укусить!
А пан лишь этого и ждет —
Он нас по очереди жрет.

«Ну и «Рачок»! Ведь всех мордует!
Чего он так, злодей, лютует? —
Не раз говаривал Антось. —
И как тут быть? Хоть службу брось!
Ну, может, стоило б смириться,
Будь урожайная землица,
А что у нас? Тоска-забота:
Шесть десятин! Чего? Болота!
Вон Лихтаровичу в Затоках
Земли отпущено — волока.
Отдельно и живет и служит,
Как пташка вольная, не тужит.
А ты трясись, как хвост овечий,
Да подставляй невзгодам плечи!
Нет, хуже службы не найдется,
Здесь каждый бес к тебе суется».
«А вы и сами виноваты,
Покорно катитесь из хаты,

Как только пан куда пошлет.
Какой за это вам почет?
Так что ж на вас и не налечь,
В телегу почему не впречь!
А надо часом огрызнуться,
Иначе будешь вечно гнуться
И вечно отдыха не знать!» —
Решительно сказала мать.
«Ого! Смела ты возле печи,
И мудры все твои здесь речи,
А вот сама бы послужила,
Тогда б не то заговорила, —
Ответил ей Михал сердито. —
Губа к губе была б пришита!
Где правду ты на свете сыщешь?
Кому пожалуешься? Нищим?
Судиться будешь с ним? За что же?
И кто тебе в суде поможет?
Иль пан тебя не отпускает?
Служить насильно заставляет?
Не хочешь службы? Поругайся!
Сбирай манатки, убирайся!
Кому ты мил, когда в беде!
Эх, не приклонишься нигде!
Дроздом запрыгаешь, блохою,
Коль нет угла с своей землею.
А коль узнают это люди,
Отбою тут от них не будет.
Чего ж ему не козырять, —
Не побоится и прогнать».
«А зря ты трусишь! Ты ведь нужен,
И уж хомут не стянешь туже.
И кто же так, как ты, радеет?
О каждом пустяке болеет,
Не спит, не ест и ног не чует,
В лесу и днюет и ночует!

Кому, кому, а уж Антосю
Сказать бы можно, коль пришлося,
Ведь он служить не нанимался».
«А думаешь, я испугался? —
Ответил дядя, в хате храбрый. —
Чуть что — так я его за жабры!»
«Послушать вас — смелы и хватки,
А при лесничем — сердце в пятки.
Весь пыл ваш мигом пан остудит.
А крик — как был, так криком будет!»
«Пусть он кричит, и ты кричи!»
«Как жаба у пенька в ночи?
С таким же толком и успехом?» —
Спросил Михал жену со смехом.
И так не раз вот говорили,
Над горькой долею тужили,
А прок один — растравишь раны
Да гуще свет заткут туманы!
«Рачок» за службу прытко брался,
По лесу целый день метался,
Чтоб отыскать где непорядок, —
На это был лесничий падок.
Когда ж проигрывал он в карты,
Бывал в особенном азарте.
Тогда его остерегайся,
Как от заразы злой скрывайся.
Однажды рыскал пан весь день
И, не найдя грехов нигде,
В Поречье прискакал, как черт.
Михала требует, орет.
«Откуда там следы скота?» —
Кричит он с пеною у рта,
Скривив лицо, насупив брови.
«Ходили панские коровы!..»
Ох, как лесничий тут озлился!
Волчком на месте закрутился!

Кричит и топает ногами,
От злости машет кулаками,
Глаза сверкают, как у змея,
От гнева став еще чернее.
Последними словами лает,
Из хаты выгнать угрожает.
Михал молчал, да вдруг нежданно
И сам накинулся на пана!..
(Лесничий сразу испугался.)
«Чего пан этак раскричался?
За что меня хулит, ругает?
Пусть эта служба пропадает!
Пускай сгорят и двор и дом
С неправдой панской и ярмом,
Со всею долей распроклятой!
Замучили, загрызли, каты!»
Михал тут плюнул, отвернулся, —
Хоть раз, да славно огрызнулся!

Новая земля

XIII. Выборка меду
Перевод С. Городецкого

Поречье — славный уголок,
Пригожий летом и веселый.

Как море — лес, как небо — долы,
Цветами светится лужок.
А сколько по реке смороды!
А как гречиха пахнет медом,
Когда начнет она цвести!..
Ну, как тут пчел не завести!
Им столько выгод здесь и места!

Весной, во время переезда,
С собою взяли пчел колоду,
На всякий случай, для разводу,
И пчелы начали роиться.
Нашлись охотники — сложиться:
Кто ульем в складчину ссужал,
А кто под мед и денег дал.
Ну, как же тут откажешь людям?
Не примешь — меду не прибудет,
Накличут всяческого зла:
Не любит зависти пчела.
В том предприятии пчелином
Антось был высшим, главным чином,
Хоть эта новая наука
Далась ему с немалой мукой, —
И первой вылазки своей
Не позабудет он, ей-ей!
То было время солнцепека,
Выходит рой, гудит высоко,
Летит на вербу и садится.
Никак к нему не приступиться!
Антось берет дымарь и сито,
Глядит на этот рой сердито —
Вот на тебе, еще беда!
Загнал же черт его куда!
Антось по лестнице добрался
К ветвям и там обосновался, —
Скатерку приоткрыл над ситом,

За ложку взялся деловито.
Но только чуть затронул рой —
Гудит пчела над головой, —
Другая — в ухо жалит метко.
Качнулся дядя наш на ветках,
Невольно хвать за толстый сук!
А сито выпало из рук!
Пошла у пчел тревога тут,
Звенят, как ангелы, поют,
Но жалят дядю, словно черти.
«Чтоб вам сгореть! Язвят до смерти!»
Пригнулся дядя — вот напасть!
На землю вся свалилась снасть.
Антось за нею, будто сноп,
Туда ж с вершины вербы — хлоп!
Поднялся дядя, побежал,
Так, словно разум потерял,
В шалаш укрылся под застреху.
И горя было тут и смеху!
Потом Антось наш научился,
К повадкам пчел приноровился,
Стал скоро бортником завзятым,
Хоть не сравнить его с Кондратом.

Прошел и спас. Кончалось лето.
Пылает лес, в багрец одетый,
Трепещут в золоте осины,
Свисают гроздья у рябины.
Пчела уж меньше занята,
Пожива ей теперь не та,
К тому ж и ульи не пустые,
Рои окрепли молодые
И малость меду наносили.
Вот кумовьев и пригласили
На выбор меда в добрый срок.

Веселый, тихий был денек.
Мужчины на заре поднялись,
Подмолодить себя старались:
В корытах головы помыли,
Усы повыше закрутили
Да мылом их понатирали,
Чтоб крепче были, не свисали.
А для гостей, на праздник этот,
Надели новые жилеты
И сапоги так налощили,
Что просто шляхтичей затмили.
«Ты, дядя, в зеркало взгляни:
Ну, хоть в бумажку заверни!
Такой красавец, что держись!» —
Дразнить мальчишки принялись.
«А ты не смейся, дуралей,
Утри-ка лучше нос живей,
Сопля уж губы запирает», —
Алеську дядя подсекает.
Алесь затих, потупил очи,
На шутки что-то неохочий
Сегодня дядя, — смотрит вбок.
Алесь — смышленый паренек!
Он молча Костусю кивает,
Из хаты выйти приглашает, —
Договориться им пора
О том, что мучит их с утра:
Кому и где пасти скотину?
«Я вот, брат Костусь, как прикинул:
Коров мы выгоним вдвоем,
Под старым вязом попасем.
Когда ж они чуть пополнеют,
Бока их малость округлеют,
Мы их запустим на болото,
И закипит у нас работа!
То ты, то я — на перемену!

Куда вот только мед я дену?
Живот здесь надобно, браток,
Как у Баландихи мешок».
И хлопцы, кончив договор,
За речку устремляют взор,
Туда, где пролегла дорога, —
Гостей сегодня будет много,
Родных, знакомых и соседей.
Быть может, кто-нибудь уж едет?
А малыши в дому резвились,
Близ мамки, как всегда, крутились,
По временам ей помогали,
Но больше все-таки мешали.
Одна всех дума занимает:
Что день сегодня необычный,
От всех он праздников отличный, —
Такой лишь раз в году бывает.

На этот день молодцевато
Принарядилася и хата:
Все выскоблено добела,
А стены красного угла
Увиты зеленью кленовой,
И стол накрыт скатеркой новой;
Святых украсить не забыли,
Цветной бумагой обложили, —
Они взглянули веселее,
Их лики сделались добрее.

Алесь и Костусь в этот час
Гостей под дубом поджидали
И меж собой шутя гадали:
«Узнай, Костусь, кто из гостей
Приедет первым? Ну, скорей!»
«Ну, кто? Конечно, Юрка, друже».
«А почему?» — «Мед любит дюже.

А там, гляди, Язэп припрется,
И Фабиан из Королины.
Подвыпьют, знаешь сам, мужчины,
Вот разговор у них начнется!
А после выступит Кондрат,
Шутить, плясать всегда он рад,
Его Ялевка подстрекнет.
А Ухин песню запоет:
«Пей горелку! Эй, соседи!..»

«Смотри, смотри, уж кто-то едет! —
Алесь вскочил и вдаль взглянул
И локтем Костуся толкнул. —
То Ухин едет! Видишь, вот он!»
И хлопцы кинулись в ворота,
Несутся что есть духу к хате:
«Там Ухин едет! Ухин, тятя!»
«Цыц, вы! Не сметь его так звать,
Не то — ремня не миновать!» —
Отец на сыновей серчает.
Пиджак свой чистый надевает
И из избы спешит скорей
С почетом принимать гостей.
Андроцкий — Ухин — в воротах
Остановил конягу так,
Как будто тот — лихой рысак,
Хоть конь, как вол, неповоротлив
И бегать сроду неохотлив.
Кадушка Зося вся сияет.
Михал сойти ей помогает:
Она ж как глина — даже тяжко
Под нею стонет колымажка.
«Привет, кума! Войти вас просим!»
А в узелке бутыль у Зоей.
Кума, как утица, качаясь,
Идет к крылечку, улыбаясь.

Тут и хозяйка выбегает,
Ей двери в сени отворяет.
Они сердечно засмеялись
И крепко так поцеловались,
Как будто бы слились две речки;
Горохом сыплются словечки.
«А где же крестница Алена?» —
Спросила Зося удивленно.
Глядит Аленушка волчонком,
Но Зося обняла ребенка,
Спешит гостинец передать
И понежнее приласкать.
В глаза заглядывает ей:
Ведь у самой-то нет детей!
Алесь успел тут под шумок
Распотрошить весь узелок.
И Костусю бормочет в ухо:
«Там, брат, горелка-веселуха,
И каравай, и сыр как плаха!
Эх, коли не было бы страха,
Вот можно было б поживиться.
Но этот дар не залежится!
Я каравай не упущу,
Тебя как надо угощу».
Так пошутили, посмеялись
И весело за дверь помчались.

Якимов воз уже прибрали,
Коня вожжами привязали
В кустах ольховых возле дуба,
Где погулять так было любо.
Затем к избе подъехал чинно
Язэп с фольварка Королина.

А там Кондрат коня стегает.
«Гей, смерть турецкая!» — ругает.

И лишь заметили Кондрата,
Загомонила сразу хата:
«Ну, вот и бортник наш спешит,
Всех распотешит, насмешит!»
«Ноль! Смерть турецкая! Мякина!..» —
Кондрат веселый был мужчина.
Он прибыл с матерью седою —
(Ее Алесь прозвал совою).
Высокий, сухощавый, статный,
Всегда желанный, всем приятный,
Кондрат с приветом в дом вступил
И о здоровье всех спросил.
И бабка, Пальчиха Дорота,
Хлеб-соль внесла, еще чего-то, —
Таков обычай белорусский,
В узле ж — горелка и закуски.

Но вот гостей полна уж хата.
Перекрестясь, Антось с Кондратом
Берут корыто и дымарь.
«Ну, помогай, небесный царь!»
«Куда ты лезешь? Вот дурная!»
Кондрат пчелу увещевает
А пчелка, словно в паутине,
В его запуталась щетине, —
Поймал тихонько, отпускает,
Неспешно соты вынимает.
«Ах вы, лентяйки, — соты голы,
А ведь не молодые пчелы!
Дай дыму им! Дымку им дай!
Га, есть немного! принимай!»
Кондрат пласты ножом срезает,
Кряхтит, бедняга, и потеет;
Пчела в дыму как бы пьянеет,
В колоду выше уползает.
«Таскали, бедные, таскали,

А мы в минуту все забрали!» —
Так пожалеют, повздыхают,
И к улью новому шагают.
Внесли корыто с медом в хату,
На долю выпало Кондрату
Делить его меж кумовьями.
Подходят женщины с жбанами, —
Тут шутки, толкотня и смех,
Веселье захватило всех.

А в это время стол накрыли,
Гостей шумливых пригласили.
Они садятся, но без спешки,
Так полагается — помешкать.
(Мол, вежливость нам не чужда!)
Идут тут споры, как всегда,
Все начинают прибедняться.
«Садись, Язэп!» — «Пускай садятся! А
я тут с краешку приткнусь!»
«Садись, чудак!» — «Ну, ну, сажусь!»
«Пан Фабиан, и ты, Кондрат,
Яким, и Ян, и Юрка, — брат!
Прошу, прошу вас!» Усадили.
Таким же чином упросили
И женщин. Дядя же Антоний
Немедля в ход пустил ладони:
Так ловко пробки вышибает,
Что удивленье вызывает.

Криницы радостного хмеля,
Непринужденного веселья —
Бутылки, чарок ожидали
И, как епископы, стояли.
Горой лежит у их подножья
Закуска, эта милость божья, —
Как снег белеют ломти сыра,

Колбасы же в слезинках жира,
А в рот возьмешь — блаженства вкусишь
Их только встретишь в Беларуси.

Мой милый Янка, мой Купала!
Судьба в одном нас вихре мчала.
Но почему же той порою
Не повстречались мы с тобою,
Чтоб стол селянского банкета
Развеселил твой дух поэта?...

Михал тут чарку поднимает.
«Ну, а за мной кто? — вопрошает.
Глазами всех гостей обвел. —
Начнем с конца кропить наш стол!
Ну, кум Яким, мой старый друг!
Пусть горе не войдет в наш круг,
Дай бог нам доброго приплоду,
Да чтоб побольше было меду,
Чтоб пили мы, еще просили,
Чтоб мы на головах ходили,
Справляя праздник наш пчелиный,
За ваше, гости, пью здоровье!» —
И после этого присловья
Он ловко чарку опрокинул,
Глотнул и губы утирает,
Затем Якиму наливает.
И вот пошла по кругу чарка,
Хмель в головы ударил жарко,
Все больше гости веселеют,
Все больше лица их краснеют,
А голоса звучат сильней,
От смеха разговор живей.
Склоняясь с лаской и приветом,
Как нива светлая под ветром,
Хозяйка потчует гостей.

И каждый мил и дорог ей.
«Ну, будьте ласковы, возьмите,
Вот мясо, сыром закусите,
Колбаски иль окорочка,
Ну, хоть кусочек пирожка!
Побольше масла положите!»

И вот бутыль уже пустая!
На смену ей спешит другая,
И гости шумным удивленьем
Приветствуют ее явленье.
А женщины свой пир ведут
И от мужчин не отстают,
Хотя от них отмежевались —
Своей горелкой угощались
(Тем отличалася она,
Что чуть была подслащена).
Послушать любопытно было,
Как их собранье гомонило
И как они, подвыпив малость,
От новой чарки отрекались:
«Прошу вас, пани Юзэфова!»
«Нет, нет, кума! Даю вам слово —
Совсем пьяна, побойтесь бога!»
«Не любит бог, коль пьют немного!»
Кума на просьбу поддается,
За чарку в третий раз берется,
И только губы омочила,
Как чарку снова опустила, —
К бутылке тянется рукой.
«Не дам, Анелька! Нет, постой!»
(Обычай так повелевает:
Кто чарку пьет, тот наливает.)
«Ты выпей чистенько-чистенько!»
«Ох, я пьяна уже маленько!
Язэп мой лысый, вишь, серчает!»

Куму Анелька обнимает,
И завершает спор на том,
Что чарку пьет одним глотком.
И вот не выдержали женки
И песню затянули звонко,
Чтоб осмеять всех неженатых —
Антося, Яську и Кондрата.

«Сидит в хате, чешет темя,
Не с кем молвить слова!
Ой, женись! Ускачет время,
Старость тебя словит!
Поседеешь, сядешь маком,
Девки отрекутся,
Будешь стынуть, как собака,
Под забором гнуться
Да лизать горшки и мисы,
Не свои — чужие!
Ты женись, Кондратка лысый!
Дурни — холостые!»

«Ох, уж умеют бабы выть!
Одно им дело, чтоб женить!
Эх, эх, турецкие вы сватьи!
Когда вас нет, спокойней в хате!»
Кондрат очами заблестел,
А Яська, брат его, запел:

«Я один, все пути
Мне теперь открыты.
А женился — взаперти
С бабою сиди ты.
Я один, я казак,
Для чего мне женка!
Не женись, холостяк,
Изведет бабенка!

Бог мужчину создал,
После с толку сбился:
Драл чуприну Адам,
Что с Евой скрутился!»

«Вот так! Вот так их! Молодчина!» —
Смеясь, воскликнули мужчины.
«Ну, поддадим же, хлопцы, жару!
Яким, бери-ка свою чару!»
«Нет, брат Михал, ей-богу, будет!»
«Да не задерживай! Ждут люди!»
Яким дошел уже до точки:
Нет, он не выпьет ни глоточка!
Мужчины нрав Якима знали
И лишь дружнее наседали.
И наш Яким хоть и с божбой,
Но выпил весь стаканчик свой.
А дальше вновь таким же чином
Клялся, выискивал причины,
Но чарка в чарку пил с друзьями;
И вот уж заморгал глазами,
Потом ладони вдруг развел
И песню старую завел:

«Ой, летел полем шмель,
А навстречу мушка.
Пододвинься, кума,
Пошепчу на ушко!»

На круг тут Ганна выступает,
В ладоши плещет, подпевает:

«Заиграйте, музыканты,
Чтоб я заплясала.
Купил батька черевички,
Чтоб я их стоптала».

На голос тот мужчины рьяно
Выталкивают Фабиана.
И хоть он был изрядно пьян, —
Пустился в пляску Фабиан.

«Полюбуйся, Ганка,
Как трясется шапка!»
И вместо шапки волосами
Трясет, как ветер колосками,
Да разминает свои кости.
И разошлися наши гости.
Тут гребень Пальчик Ян хватает,
К нему бумажку приставляет
И начинает так играть,
Что просто ног не удержать.

«Без музыки, без дуды
Ходят ноги не туды.
Играй, дудочка моя,
Куда дудка, туда я!»

И сам хозяин — ловкий, статный,
Согнувши руку деликатно,
С кумой Анелькой стал плясать,
Всех панским вальсом удивлять.
За ним Язэп из Королины
Вступил с торжественною миной
И так с хозяйкой закружился,
Что потом лоб его покрылся.
Андроцкий перестал божиться,
Сидит, не может шевелиться,
Беседу Юрка с ним ведет,
Яким же тоненько поет:

«Мой сосед горелку пьет,

Пока пьется.
Конь сам до дому дойдет,
Не собьется».

«Плясать хочу! Кто мне сыграет?» —
Ян Пальчик громко восклицает,
Но, не дождавшись дударей,
Пустился с музыкой своей.

«Там-там! Тара-там!
Там-та-тита, ти-та-там!
Ходи, хата, ходи, печь!
Не жалей своих плеч!
Я найму дударя,
Дударика-комара.
Ты, комар, играй, играй,
А ты, муха, подпевай!
Слепень, скрипкой будь у нас!
Возьми, овод, контрабас!
Шмель, ты в бубен бубни,
Шершень, песню затяни!
Я хочу поплясать,
Всех на бал поскликать.
Развернись же, душа!
Берегись Тамаша!
Я тогда только пан,
Когда здорово пьян,
Тогда весел и рад,
И сам черт мне не брат!
Там-там! Тара-там!
Там-та-тита, ти-та-там!
Лысый черт бежит с болота,
Одному жить неохота.
Хоть хитер, а оступился —
Взял жену и утопился.
Эх, не будь, чертяка, слаб!

Не люби ты, дурень, баб!
У нее коса растет!
Кого хочешь оплетет!
И Язэпа и Михала,
А меня вот не поймала!
Разве что ума лишусь,
Да и то остерегусь!
Держи шире карман!
Не поддамся на обман!»

Тут гости с места повскакали,
В ладоши били, подпевали.
«Ах, чтоб он скис! Вот разыгрался.»
А Пальчик лишь сильней старался, —
Взлетают руки, плечи ходят,
Бровями лихо так поводит…
Но стало тут уже смеркаться.
«Пора домой нам собираться!»
«Да посидите, погуляйте!»
Останьтесь! Песни поиграйте!»
«Ну, песню! Песню! Начинайте!»

«Ой, пора вечерять, а отца нет дома.
Иль ему дорожка эта незнакома?
Иль он заблудился, со следа конь сбился?
Иль среди дороги он остановился?
Хоть трудна путина, да конь ее знает.
Но не конь дорогу себе выбирает.
Ой, кто по дороге коня погоняет,
Коня погоняет, песню запевает?
То везет сосед наш подарок великий:
Сапоги для сына, дочке — черевики.
А нашего татки нету — все гуляет,
Про детей, про хату и не вспоминает.
Пора спать ложиться, а татки нет дома —
А дорога бита, хорошо знакома.

Вот и полночь скоро, а все нету татки...
Ой, пора нам, гости, пора к своей хатке!»

Тоской неясной песня веет...
На свете все конец имеет.
И гости свой банкет кончают,
Одни другим добра желают.
Минута настает прощанья,
Слышны приветы, пожеланья:
«Не забывайте же! Простите!
Коль что не так, не осудите!»

XVII. Волк
Перевод С. Городецкого

По будням все вставали рано:
Безделье, лень — хворобы пана,
А тут не надо подгонять,
Когда хлопот — не занимать!
Вновь запрягайся на неделю!..
Склонялась Ганна над куделью,
Мужчины, обрядясь теплее,
Шли поутру в гумно скорее, —
Михал Антосю помогал,
Покуда день не наступал:
Ведь нужно кончить с молотьбою,
Чтоб не висела над душою.
«Директор» Яська доброхотом[{95}]
Здесь тоже по утрам работал.
Он был парнишка деловитый
И до работы страх сердитый,
Хоть и казался с виду квелым;
Душевный хлопец и веселый!
Порожняком не ходит в хату —

Ну, что за тяжесть парню-хвату
Взять на дворе охапку дров.
Все сделать Яська наш готов
Для дорогих своих хозяев, —
Нет, Яська, брат, не из лентяев!
Раз каблуком он зацепился,
С дровами навзничь повалился
На шаг — не дальше — от порога.
Ну, почесался лишь немного
Да поглядел на каблуки:
Эх, миновали те деньки,
Когда, проворны и крепки,
Они на игрищах плясали,
А тут ходить не пожелали.

Своим порядком шло ученье.
Но все же Владя с б**о**льшим рвеньем
За цеп и за метелку брался
Иль по лесу с ружьем шатался,
Охотясь на рыжух-лисиц
И на пронырливых куниц.
И батька с этим примирился.
Что ж! Для науки не родился.
Вот из меньших что, может, будет?
Пускай они уж выйдут в люди!

Алесь сидит, «закон» читает
И сам с собою рассуждает,
Чему-то тихо засмеется
И носом в книгу вновь уткнется.
У Костуся — «Родное слово»,
Он за склады берется снова,
Да что-то худо все выходит
И только злость одну наводит!

Из чащи темной и суровой

Заря денек выносит новый,
Денек короткий, чуть заметный,
Но все ж веселый и приветный.
Мороз берется, поджимает,
По лесу белому гуляет
И ткет холсты на бережку,
За ночь подкинуло снежку.

Михал с утра идет в обходы.
От звонкой солнечной погоды
Помолодел как будто весь.
Какой уж раз он ходит здесь!
Тут все тропинки и дороги
Ему давным-давно знакомы,
В любом конце Михал как дома:
Где не ступали его ноги!
Каких он уголков не знает!
Михал идет, следы читает.
Вот тут тонюсенькой цепочкой
Прочерчен путь по снежным кочкам —
Лежат следки друг к дружке близко,
Видать, мышиная расписка.
Другой рисунок — след тройной
Оставил заяц озорной.
А лис-хитрец, чтоб с толку сбить,
По снегу ровно тянет нить,
И следом в след свой попадает,
Ну, как одной ногой ступает.
В лесу мертво и глухо-глухо.
Напрасно звуки ловит ухо:
Кругом сугробы, все застыло,
Все сковано железной силой,
И только где-то на суке
Вдруг свистнет сойка вдалеке
Да дятел простучит уныло.
Не оттого ль и на Михала

Тоска внезапная напала, —
Глядит вокруг он хмуро, вчуже,
Как этот лес, объятый стужей.
Но все же бор, хоть онемелый,
Ведет невнятно сказ несмелый,
И сквозь холодный белый сон
Беседует с Михалом он.
Ведь каждое местечко бора —
Полянка, чаща, ров, пригорок —
Особый лик имеет свой
И воскрешает пред тобой
Все то, что память сохранила.
Да, много всякого тут было!
Ведь тут полжизни лесниковой!
Ну, хоть бы эта вот дуброва!
Грибов под осень здесь тьма-тьмуща,
И люд приходит гуща гущей, —
Смех, песни, выкрики несутся,
Далеко в чаще раздаются.
И вот, бывало, пан прикажет
Сойтись сюда тихонько страже —
С боков, и спереди, и сзади,
Чтоб очутился люд в засаде.
И это все на голых, бедных,
И все из-за панов зловредных!
Лови! А у иного нет
Рубля, быть может, на билет.
Но должен драть и с бедноты,
И виноват не пан, а ты:
Зол не хозяин — скажет всякий,
А злы хозяйские собаки…
А этот хвойник обгорелый?

Да тут рассказ бы вышел целый,
Когда б поведать все сначала,
Что в память остро так запало.

Но горько вспоминать об этом:
Здесь пан ругал Михася летом,
А он стоял, моргал глазами
Перед людьми и лесниками.
Вновь, как всегда, к одной тропинке
Сошлись все стежки-паутинки:
Своей земли бы раздобыть
И эту каторгу забыть...
Да только вот в чем заковыка:
Купить земли — купить не лыко, —
Откуда, из чего заплатишь?
Эх, руки коротки, не схватишь!
И только грусть гнетет сильнее!
Но думку все ж Михась лелеет,
Ее под самым сердцем носит —
Земли свободной думка просит!
Она с ним дома и в обходах,
Она и боль его и отдых.
И коль признаться, наш Михал
Давно уж угол свой создал.
И хатка эта вот какая:
Удобная, хоть небольшая,
Стоит над речкой иль криницей,
И две трубы, как две сестрицы,
На крыше высятся форсисто;
В дому покойчик светлый, чистый,
Все солнцем залито, а бревна
Лежат одно к другому ровно,
Широкие и без приточек,
И желтые, что твой желточек.
Гумно, сараи и ограда —
Все новое, все сбито ладом.
При доме садик молодой,
Но уж развесистый, густой.
И тут же рядом луг и поле,
Простор душе твоей и воля!

Из хаты вышел — и работай,
Без пана, собственной охотой!
Но это лишь мечты одни.
Исполнятся ль когда они?

В лесу еще угрюмей стало.
Заныло сердце у Михала,
Тоскою давит этот бор,
Душа же хочет на простор,
И очи просят света, воли.
Михал идет туда, на тюле,
Где Неман, быстрый и суровый,
Охватывает бор подковой.
Теперь же глух он и молчит,
Под ледяной укрывшись щит.

Кругом все тихо, тихо… Дали
Повиты дымкою печали,
А там над Неманом, на круче,
Село синеет темной тучей, —
Понуро, горько никнут хаты,
Снегами грузными прижаты.
Михась на голый холм взобрался
И тут немного задержался.
И как во сне — так зримо, живо
Его былое окружило.
Вот тут, в струях водоворота,
Девчина славная, Дорота,
Давно когда-то утонула, —
Ее волною захлестнуло.
А после случай был другой,
Уж года три назад, весной —
Якима к берегу прибило;
Родные выбились из силы,
Недели две пред тем искали
И, не найдя следов, отстали.

И тут же призрак появлялся
(Народ потом ходить боялся) —
Недвижный кто-то на воде,
Еще не виданный нигде,
Сидел и трубочку сосал
И вдруг распался, с глаз пропал…
Загадочны молвы скрижали!
Каких легенд вы не знавали!

Михал внезапно содрогнулся,
Взглянул еще раз и пригнулся,
Сорвал с плеча ружье-двустволку
И взял его наизготовку.
За камень спрятался, глядит:
Ему навстречу волк бежит,
Ну, просто валит на Михала!
Душа от радости взыграла:
«Постой же, брат, постой, волчуга!
Уж я сумею встретить друга!»
А волк несется, снег взрывает,
И только хвост его мелькает, —
Видать, задали где-то страху.
«Ну, брат Михась, не дай же маху!»
Патроны в сумке у руки,
Вот взведены уже курки.
«Не удерешь, башка дурная!» —
Михал смеется, поднимая
Ружье, а волк уже на речке…
Вот он за горкой… Не видать…
Ну, скоро выбежит опять…
«Держись же, брат, не дай осечки! —
Михась притихнул, не моргнет. —
Сейчас, сейчас он подойдет —
Ну, шевелись, скачи, зверюга!»
А время движется так туго!
Пора уж, был он недалеко,

Тьфу, что за чертова морока!
Вокруг себя глядит Михал.
Неужто так и потерял!
А руки все еще дрожат:
Не мог же волк уйти назад!
Куда ж он, дьявол, провалился?
Михал бегом с холма спустился,
Туда, сюда — и все не впрок,
И ринулся наискосок
Чуть вправо — там, быть может, встретит
Иль хоть следы его заметит.
Но понапрасну снег он топчет:
Нигде следов не видно волчьих.
Опять назад — все нет! Пропал!
Аж пот охотника пробрал.
Тогда на Неман он рванулся,
Взглянул Михал и содрогнулся,
Внезапно все в нем задрожало
И сердце громко застучало —
В широкой полынье пред ним
Метался зверь, водой гоним.
И, увидав Михася рядом,
Метнул в него звериным взглядом.
Михал схватился за двустволку,
Чтоб тотчас выстрелить по волку,
Но вдруг ружье само собою
Поникло тихо над водою, —
Вот он, бери его руками,
Висит на лапах, словно в яме.
Провал глубокий, лед покатый,
И бедный волк, водой прижатый,
Скребет по краю льда когтями,
Хрипит и ляскает зубами,
И весь пружинится, и рвется,
Но выбраться не удается!
Слабеет волк, иссякла сила, —

Страшна, видать, для всех могила!
Но он опять судьбу пытает,
На лапы крепче налегает,
Да не за что им зацепиться,
Из них уж кровь на лед сочится,
Они царапают, скользят,
Край полыньи перебирают, —
И тень надежды уплывает,
Мутнеет острый волчий взгляд.
Да, нет тебе уже спасенья,
Напрасны все твои стремленья,
Уже недолго остается
Тебе с погибелью бороться.
Изнеможен борьбой с бедою,
Волк поднял морду над водою
И вскинул взор свой на Михала,
Но злобы нет в его очах,
В них лишь мольба и мутный страх…
Тьфу! Жалко даже зверя стало,
Так очи горестно глядят,
Ну, как в него пустить заряд?
Еще раз бедный волк рванулся,
Вверх животом перевернулся
И, взвыв отрывисто, тоскливо,
Исчез под белой снежной гривой.
Михал стоит и размышляет,
Сосняк, сугробы озирает,
Как будто хочет он узнать,
Хоть никого там не видать:
«Ну, как, брат, это понимать?»

XXI. Таинственные звуки
Перевод М. Исаковского

В ином году, в мороз суровый,
Когда весь мир, сдается, скован
И все под снегом коченеет, —
Нежданно вдруг теплом повеет.
Погонит тучи ветер южный,
Польется дождик, крупный, дружный;
Идет он, с крыш ручьем стекает
И снег как будто поедает.
Лес, сбросив зимний свой убор,
Другой заводит разговор
Под помутневшим небосклоном,
И хорохорятся вороны.
«Грязь! Грязь! Весна!» — кричат, взывают.
Как будто впрямь весну встречают.
В кустах ольховых, под горою,
Ручей волнистой полосою
На свет явился, лед пробил
И зашумел, заговорил;
И косогоры облысели,
И рвы водою заблестели.
Вода поет во всех лощинах,
И вздулся лед на озеринах.
Дороги почернели сразу,
И всюду — сколько видно глазу —
Луга затоплены водою,
Как может только быть весною.
Но это все — игра, забава.
Зима тепла не любит, право,
Она свое всегда возьмет —
Так забушует, запоет,
Так в поле ветер заиграет,
Что прямо с ног тебя сбивает.
И воют в поле завирухи,
Как возле гроба молодухи,
Лес белым снегом покрывают,
Вокруг сугробы наметают.

Вороны сразу стали тише,
Они летят поближе к крыше,
Дрожат, голодные, и стынут,
Для крика клюва не разинут.
Деревья снова запушились,
И снегом «лысины» прикрылись.
Ручьи и речки смолкли снова
Под гнетом зимнего покрова.
Лед на лугах стеклом сверкает,
И редко солнышко гуляет.

Настанет ночь. Повсюду тихо,
Завоет разве где волчиха
Да в крыше дранка затрещит,
И все опять кругом молчит…
Но что же это? Что за звуки?
Откуда это? Чьи там руки
Бьют тяжким молотом во мгле,
Как конь копытом по земле?
Какой там трудится кузнец,
И что кует он, наконец?
Стоишь, поводишь головою,
А луг гудит, гремит и воет;
То треск послышится средь ночи
Такой, что, кажется, хохочет
Сам черт рогатый средь болота;
То завизжит, застонет что-то,
То вдруг закашляет, залает, —
Стоишь, и сердце замирает.
«Гу-гу!» — и воздух содрогнется.
«Бах-бах!» — над лугом пронесется
И по лесу заходит эхом:
То засмеется диким смехом,
То загрохочет, то засвищет —
Ночное чертово игрище!..
Вдоль всей реки — по самый Неман —

И впрямь какой-то ходит демон
Всю ночь, до самого рассвета!
И жутко и приятно это.

А ночь тиха. И в бездне темной,
В пустыне страшной и безмолвной,
Сверкают звезды молодые,
Как будто бусы дорогие.
То в одиночку, то гурьбою
Плывут они над головою,
То станут в ряд, сойдутся в круг,
Бросая лепестки вокруг.
Они горят, живут, играют,
Как будто чьи глаза мигают.
Порой же с неба в тьму ночную,
Чертя дорожку огневую,
Слетит падучая звезда
И вмиг исчезнет навсегда.
Когда шатер ночной, богатый
Раскинет небо над землею,
Веселой шумною гурьбою
Выходят хлопцы вон из хаты.
«Стой! Тише там! Шуметь не смейте!..
Ой, что же деется на свете?»
И хлопцы сразу затихают
И на Алеся взгляд бросают;
Но наш Алесь стоит безмолвный,
И сам он, удивленья полный,
Мгновенно руку поднимает:
«Вот! Вот! Вы слышите? Стреляет!..»
«Что ж это, хлопцы? Вот так диво! —
«Директор» шепчет боязливо. —
Ужель Несвиж из пушек бьет?»
И Яська в дом бежит, орет:
«Сюда, сюда, эй, дядя, тетя!
Да что ж вы, право, не идете?

Идите быстренько, идите!
Что тут творится — поглядите!»
И так он охал, так он звал,
Что в хате всех перепугал.
«Нет у меня к тебе, брат, веры,
Хватаешь часто выше меры», —
Антось на это отозвался,
Но все же со скамьи поднялся
И натянул кожух на плечи;
И мать тотчас же прялку к печи,
Работу бросив, прислонила
И за Антосем поспешила.
Стоят и смотрят молчаливо
И ухом ловят — что за диво? —
Как будто выпь бубнит в болоте
Иль по кадушке черт колотит.
«Ну что, услышали? Что это?» —
«Директор» тихо вопрошает,
И страх беднягу пробирает.
«Эх, Яська, брат, идет комета, —
Пропали мы, кончина света! —
Сказал Антось, шутливо плача. —
Ох, Яська, Ясь, погиб ты, значит.
Не повстречаешься с родными,
Навек теперь прощайся с ними,
Их видеть больше не надейся…»
«Нет, дядя, что это? Не смейся!» —
Антося хлопцы обступили
И разом все заговорили.
«Идемте в хату! — молвит мать. —
Уж лучше в хате помирать».
И хлопцы видят — промахнулись,
Ошиблись в чем-то, обманулись,
Но в чем — узнать им интересно,
Пока же это неизвестно.
Антось идет и лишь хохочет,

Он сразу объяснить не хочет:
Порой любил Антось, признаться,
Над Яськой малость посмеяться.
А хлопцы думали-гадали
И в ход все способы пускали,
Чтоб разузнать, что там за сила,
Но ничего не выходило.
«Ну, дядя, хватит насмехаться:
Самим нам трудно догадаться,
Скажи, откуда эти звуки?»
«А ты же знаешь все науки,
Напихан ими до отказа
И знать про все ты сам обязан.
Какой же ты «директор», друже,
Выходит, что мудрец не дюжий,
Тем боле что предмет несложен…
Ну, кто «директору» поможет? —
С улыбкой дядя продолжает: —
Быть может, Костусь отгадает…
А ну-ка, постарайся, Костусь,
Тут дело очень-очень просто. —
И все взглянули на того,
Но он мотнул лишь головой. —
Да ты смелей! Чего стесняться?
Ведь ты ж охоч по льду кататься…»
«А чтоб вы, дурни, погорели! —
Тут батька вдруг сказал с постели.
Он там дремал, теперь поднялся
И в общий разговор вмешался,
У теплой печки ставши сбоку. —
Ох, вижу, в вас не много проку:
Такую глупость не понять!
Вам по затылку б надавать,
Тогда бы поняли небось,
Что и откудова взялось!»
Носы ребята опустили,

Сидит наставник, как на шиле:
Вот уж заноза так заноза!
«Да это ж лед трещит с мороза!» —
Алесь и Костусь вдруг вскричали
И тайну звуков разгадали.
У батьки гнев сошел на милость,
Лицо мгновенно прояснилось.
«Вот молодцы!.. А вы-то… эх!
Меньшие вас побили… Смех!
Один — большун, другой — учитель,
Наставник, всех наук рачитель.
Фу, стыд какой!» — их дядька кроет.
А Владя только хмурит брови:
«По пустякам какая ж стать
Была мне голову ломать?»
«О ты, великий Соломон,
Во всех науках ты силен!
А если так, скажи-ка вот:
С чего трещит наземный лед?»
Другая выплыла задача.
Потеет Яська, чуть не плачет,
Ответить хочет и боится
При всех позорно провалиться.
И Владя очи опускает.
«А штука, видите, такая, —
Сам дядька начал вдруг рассказ. —
Был, значит, паводок у нас,
Вода повсюду разлилася
И крепким льдом потом взялася,
Мороз ударил, и тогда
Вода ушла из-подо льда
И над землею лед повис.
Теперь и падает он вниз.
И только глыба упадет —
Такой и шум и гром пойдет,
Что будто пушки, в самом деле…

Ну что, теперь уразумели?»
«Я это знал, — Ясь отозвался, —
Да только высказать боялся».
«Я тоже», — Владя отвечал.
«А ты бы лучше помолчал, —
Отец на Владю напустился. —
Совсем ты, хлопец, обленился!
Не будет от тебя, знать, проку,
Уйдешь ты в жизни недалеко:
С твоей наукой — видно сразу —
Всю жизнь ты будешь коломазом».{96}
«Что ж, и колеса мажут люди, —
За это тоже плата будет!» —
Спокойно Владя отвечает
И смех всеобщий вызывает…
«А у меня вопрос есть тоже,
Кто на него ответить может? —
Внезапно Костусь речь заводит
И тем отцовский гнев отводит. —
Бывает, с неба иногда
Слетит падучая звезда,
Мелькнет на миг — светла, ясна, —
Куда ж девается она?
И до земли не долетает,
Над нею где-то пропадает».
Отец и дядька замолчали,
Что отвечать ему, не знали.
«Ага! — тут хлопцы подхватили. —
И мы вас тоже прищемили!»
«Да что сказать на твой вопрос?
Какой нам толк от этих звезд?
Звезда мелькнула и пропала,
Но нам с того корысти мало, —
Таким ответил батька словом. —
Явленье это, брат, не ново:

Частенько звездочки мелькают,
А где, сгорая, пропадают,
То, несомненно, тайна божья,
И знать ее никто не может:
Ведь выше головы не прыгнешь
И всей науки не постигнешь».
«Нет, почему ж? Постигнуть можно, —
Вмешался дядька осторожно, —
Все может объяснить наука,
Что астрономией зовется,
Что, как, откудова берется,
Замысловатая та штука.
И вы, коль будете учиться,
Ответа можете добиться.
Когда ходил я в школу сам,
То, помню, на уроках там
О звездах много говорилось,
Но все теперь перезабылось...»
«И я, — в беседу мать вмешалась, —
Сказать хотела, да боялась.
С тех давних пор, с тех самых лет,
Когда был создан белый свет,
Бог человеку на роду
Дал каждому свою звезду.
Она житьем руководит
И за судьбой людской следит.
Когда же душу бог возьмет,
Звезда тотчас и упадет.
И небо слух к земле приклонит,
И ангел вдруг слезу уронит.
Когда годов мне было мало,
То вечерами дед, бывало,
Об этих звездочках не раз
Среди детишек вел рассказ.
Он говорил им: «Коль кто сможет
Пока не сгибла служка божья —

В момент падения ее, —
Сказать желание свое,
То бог исполнит то желанье!»
И хлопцам это толкованье
Всех больше по сердцу пришлось
И в их душе отозвалось.
Их мир увлек необычайный
И глубиной своей, и тайной.

XXV. Летней порой
Перевод С. Городецкого

Прошла пасхальная неделя,
Пора подумать и о деле.
За борону, соху, за кнут
Берется помаленьку люд.
Вновь пахотой запахло поле;
Воронам и грачам раздолье —
Кормись личинками, жуками!
Веселый шум и понуканье
Слышны до вечера. А в небе
Под голубым его простором
Звенящих жаворонков хоры
Как будто песнь поют о хлебе
И умолкают по-над бором.
У бора же своя потеха:
Он чутко вторит чистым эхом
Напеву-посвисту дроздов,
И громким трубам пастухов,
И тихой дудке за горою.

Одна работа за другою
Плывет привычной чередою,
То на полях, то в огороде,

И вечно ты в круговороте!
Вот так, в заботах и в труде,
По доброй воле иль нужде,
Пройдет весна, настанет лето.
Тогда, что день, — вставай до света!
И огнеокая денница,
Как молодая чаровница,
Тебя обдаст лучистым смехом,
Овеет воздухом лугов,
Небес широких и лесов,
И брызнет радостью по стрехам.
Но тот ее достоин встретить,
Того дарит она красою,
Кто сам умоется росою,
Кто в поле выйдет на рассвете.

За сколько дней до косовицы
Хозяин уж не спит, томится!
Достал он бабку, молоток,
Идет с косою в холодок.
Проверьте, братцы, ладом косы,
Чтоб вам не портить зря прокосы,
Чтоб не вводить людей во грех,
Косьбою вызывая смех.
Коль у кого промашка выйдет,
Наш дядя раньше всех увидит
И пальцем ткнет — мол, эх, тетеря!
Беда лентяям и растерям!
А кто не косит, а «жует» —
Того насмешками доймет,
Заденет прямо за живое,
Хоть сердце дядино не злое.
Антось великий хват и дока:
За век набил на косах око,
И коль уж купит он какую,
Считай, что выбрал золотую:

Идет легко, проворно, звонко.
Другой скорей отыщет женку,
Свою судьбу, свою красу,
Чем дядя по сердцу косу.

И стоило взглянуть, ей-богу,
Как он и ласково и строго
Косу на рынке выбирает, —
Каких ей проб не учиняет!
Сперва осмотрит молчаливо
Со всех боков, не суетливо,
А постепенно, по порядку —
Носок, все лезвие и пятку,
На марку глянет и на шейку,
Поразмышляет хорошенько.
Но это, братцы, лишь начало!
Он проверяет ногтем жало
И долго бьется над обухом.
Потом идет проверка ухом —
Звонка ли будет коска эта?
У дяди тут своя примета,
Да вот не ведаю какая, —
Ее он трижды окликает:
«Ко-са!» — и ухом приникает.
Секрет здесь в том был, что она
Особый отзыв дать должна.
А коль она глухонемая,
Еще наш дядя способ знает:
Косу он чисто оботрет
И на рубец ей поплюет,
Потом положит поперек
Тончайший самый стебелек,
И тут коса уж правду скажет:
Добра — так вдоль травинка ляжет!

Купить косу — о, это штука!

Но есть важнейшая наука:
Ее наладить и пригнать
Да ровно-ровно наклепать.
Мастак был дядя и на это,
Он много правил кос за лето
И так наклепывал, так ладил,
Что, на его работу глядя,
Косцы лишь ахали, вздыхали
Иль молча головой кивали.

За день, за два перед косьбою
Звон начинается с зарею,
Знакомый звон, разноголосый —
Пошли клепать и ладить косы.

Настал денечек долгожданный —
Леса, пригорки и курганы
Надели алые короны,
И крыши пламень солнца тронул.
Как бы паромы, чередою
Плывут туманы над водою.
А в небе блещут переливы
Всех красок, сказочно красивых,
И радость щедрую потоком
Земле и небу льют с востока.

Как чутки струны тишины!
В них вздохи ветерка слышны
И лепет листика, травинки,
И шорох рос на паутинке.
Но ты послушай, друже милый,
Что за волна великой силы
На этих струнах зазвенела
И с Немана плывет так смело?
Идут косцы, звенят их косы,
Их буйные встречают росы,

Цветы же никнут головой,
Заслышав этот звон стальной.
Косцы проходят то толпою,
То парами, то чередою —
И льется смех их удалой,
Как воды бурною весной.

Шум, ржание коней и гам —
Живой привет родным лугам!

Косцы — солдаты мирной сечи —
Выходят дню труда навстречу,
И на полоски заливные
Ложатся косы их кривые.
Пошли промеры и расчеты,
Чтоб не было потом заботы —
Закосов за межу нежданных
На чьих-нибудь чужих делянах.

Эх, час косьбы, веселый час!
И я им тешился не раз,
И с той поры и в снах, и в яви
Мне свет Наднеманья сияет!
И вот в сиянии зари
Пошли в атаку косари, —
Клинки блеснули золотые,
И травы росные, густые
Ложатся ровными рядами,
А за косцом двумя следами
Ног отпечатки остаются,
Взлетают косы и смеются.

А солнце ввысь выходит скоро,
Из безграничного простора
Струит лучей горячих лаву,
И вянут скошенные травы,

Грустней глядит земля нагая.
На луг волна идет другая:
Девчата с вилами, с граблями,
Пестрея новыми платками, —
И алый цвет, и белый — всякий,
Ну, словно в огороде маки.
Идут, прокосы разбивают,
На взгорки сено выгребают.
В честь косовицы, в честь петровок,
Средь этих маковых головок —
Девчаток славных, яснооких,
В лугах просторных и широких
Вдруг песня начинает литься,
Светла, как тихая криница,
И грустно тает в знойном поле,
Звуча укором божьей воле.
А день горит, а день пылает.
За тучкой тучка выплывает
На дымном крае небосклона,
И с тихой думой затаенной
Они просторы озирают,
Как бы дорогу выбирают.
В лугах раздолье! Эх, раздолье!
А сколько смеху, своеволья,
Толчков, и шуток, и плесканья
На Немане в часы купанья!
Ну, разве можно удержаться
И в этот миг не искупаться?
Да где на свете есть такая,
Как Неман, реченька другая?
Он светом — серебром залит,
А берега — как аксамит.
На дне песочек желтый, чистый,
Водою сглаженный, зернистый.
Идешь к волне, что к двери рая!
Я счастья большего не знаю,

Иль знать его уж не пришлося,
Как только там, на сенокосе.
А поглядеть на луг под вечер!
Копен неисчислимо вече —
Кругом, куда ни кинешь оком,
И за дорогою далекой.
Как свежи копны луговые,
Ну, кажется, совсем живые.
У каждой облик свой и мета,
И смотрят все с таким приветом!
Возы идут с лугов зеленых
Степенно, важно, как вагоны.
Повеет ветер — дух отменный!
Мед разливают копны сена
С вином и ромом пополам,
Как плату щедрую косцам.

А вечер чуткий, говорливый
Разносит шум и смех счастливый,
Вливая в души молодые
Желанья жаркие, хмельные.
Закат ласкает небеса,
Ткет огневые пояса
И сыплет вдаль кораллы-бусы;
Уж тучки, сняв свои бурнусы,
Надели легкие сорочки
И спать идут под полог ночки.
День гаснет, тихо замирая,
Заносит крылья тень густая.
Побудь в грозу на луге том,
Когда вдруг молнии крестом
От страха лик свой крестит туча,
И силой грозной и тяжелой
Колышет гром холмы и долы —
Такой раскатистый, могучий,
Все приводящий вдруг в смятенье,

Как страшное предупрежденье.
Взгляни тогда на эту ширь:
Трепещет-ходит луг, как вир
Иль как котел смолы кипящей,
Злорадно плещущий, бурлящий!
Ой, страдный час, горячий, тяжкий!
Бегут косцы, ну, как мурашки,
Бегут девчатам на подмогу, —
И стар и мал — все бьют тревогу…

А тучи выплыли нежданно,
Хоть, правда, парить стало рано.
Их сумрачные облаченья
Повисли в небе без движенья.
А вечер чуткий, Удары молний небо рвут,
Но, будто бы по волшебству,
Кладутся копны все быстрее,
Все больше ими луг пестреет.
А там, где стог под старой хвоей,
Кидает сено люд толпою, —
Горячка всех взяла такая,
Что пот аж очи застилает.
А туча сивою грядою
Висит уж низко над землею,
Ползет сердито, космы стелет,
Блестит, трясет своей куделью,
И многоглавыми клубами
Грозит, стрижет, как змей глазами.
В бечевки вьет уже — глядите! —
Дождя серебряные нити.

А дождь шумит, а дождь гудит,
Все ближе он, сюда спешит,
Туманом дали застилая.
Упала капля, и другая,
За ними целым водопадом

Тугие капли, словно градом,
По листьям дуба стеганули
И дальше сети потянули.
Вот молнии всплеснулось пламя
Криницей алой над лугами
И гром-перун бичом великим,
Как некий царь косматоликий,
Оря, трясет, колотит тучи,
И луг, и небосвода кручи,
Бушует долго, с дикой злобой,
Несется над лесной чащобой,
И гнева тяжкие раскаты
Опять в удар сливает клятый,
Всеоглушающий, железный,
Как будто в огненную бездну
Низвергнуть землю хочет вдруг
И все спалить, стереть вокруг.
И дождь надвинулся стеною,
Непроницаемой, сплошною,
И хлещет накосо жгутами
Над лугом, бором, над полями.
Кругом посмотришь — вот забота!
Остановилась вся работа.
Мужчины, женщины бегом
Спешат к стогам, зарыться в сене, —
Вот это дождик, нет спасенья!
Кто, прикрываясь армяком,
А кто, накинувши дерюгу,
Сидит как курица средь луга.
«Кропи нас, дождичек, стегай!
Сюда, девчата, под стога!
Бог даст от копен и стогов
У нас прибавится косцов!»
Под дождь, под гром, под ветра гуд
Несутся шутки там и тут,
И жаркий смех, и визг девчат —

Ведь кто ж затронуть их не рад!
Но и они не уступают
И остро хлопцев подсекают —
Находчивы в ответах тоже.

В неделю, если дни погожи,
Проходит, глохнет косовица,
И только кое-где копна,
Поникнув над водой одна,
Глядит забытою вдовицей
И, скорбь какую-то скрывая,
Печалью сердце овевает.
Стога ж — итог трудов богатых —
Стоят, как панские палаты,
А луг, своей красы лишенный,
Такой унылый, оголенный,
Наводит скуку видом жалким.
Вороны, и грачи, и галки
Давно детей повыводили
И вот над лугом закружили,
Слетелися ордой шумливой:
Тут ждет их славная пожива!

Эх, скошен луг, погасли краски
Цветов, как чары милой сказки,
Что в годы грустного скитанья
И одинокого блужданья
Тебе слагают думы сами
И золотыми поясами
Твои дороги обвивают
И в горькой доле утешают.
Глядит-грустит пустая даль,
И на душе растет печаль:
Эх, лето, лето дорогое,
Ты отцветаешь, золотое!..

Но ведь косьба — начало лета.
А сколько в нем еще привета!
Оно так щедро и богато —
Тужить о лете рановато!
Еще не раз над спелой нивой
Заря с улыбкою счастливой
Пройдет царицей по росе,
Пройдет во всей своей красе.
Еще немало дней у лета,
Немало ласковых рассветов,
Когда туманы бор скрывают,
Его вершины обнимают,
А в море жита, нежно-мглистом,
Вдруг заблистает свет лучистый —
Жемчужно-алый тихий свет,
Зари ласкающей привет.

Луга молчат, не видно люда,
Пошла коса дремать покуда,
Висеть под крышей на покое.
Чтобы всегда быть под рукою —
На всякий случай и потребу.
Теперь почет давайте хлебу!
Серпок кривой уж просит дела,
Подходит жито, побелело.
Свой стебель выгнувши дугою,
Свисает колос над землею,
А зернышки во все сторонки
Глядят, как шустрые глазенки,
Как будто хочется скорей им
Попасть в снопы к веселым жнеям.
И вот настал желанный час:
Зарей пригожей даль зажглась,
В лучах растаяла роса,
Свежи и ясны небеса,
Как взоры чистые детей.

Недвижна тишина полей.
Дымочек тонкий, розоватый
Уж развевается над хатой, —
Ведь надо ж печку истопить,
Да и на ниву поспешить.

Пригрело солнце. Вереницей,
Как лебеди, проходят жницы,
В платочках легких, в кофтах белых;
Их руки, ноги загорелы.
Идут девчата, молодицы,
Весельем, силой пышут лица.
Вдруг кто-то песню запевает,
И поле сразу оживает.
И женки медленно идут,
Детишек за спиной несут —
Такая уж ты, бабья доля!
Идут усталые на поле.
Пришли на узкие загоны,
Где колосочки шумы-звоны
В напев таинственный сплели,
Челом склоняясь до земли.
Горячий день. На поле душно.
Притих и ветер непослушный,
Как бы отдавшись думам-чарам;
Земля, что пекло, дышит жаром,
И пот струит лицо парное,
И губы высохли от зноя.
А жницы жнут и в хлебном море
Везде мелькают на просторе —
То встанет тут одна над рожью
В платочке, как цветок, пригожем,
Оглянет поле, усмехнется
И вновь с серпом своим согнется;
Другая ж там — над головою
Взмахнет проворною рукою,

Пучок колосьев колыхнется,
Дугу, как радугу, опишет,
Как след погасшей в небе искры,
И в перевясло ляжет быстро.
Посмотришь, красотою дышат
Все эти взмахи, все движенья.
По правде — просто загляденье!

Горячий день! Зной льет потоком.
Прохлада вечера далеко.
Земля сомлела от жары,
Нагрелись камни и бугры.
Кругом все тихо, немо, глухо.
И только мушка возле уха
Гудит и вьется надоедно, —
Не хуже доли нашей бедной, —
Да в колыбельке лубяной
Ребенок плач заводит свой.
А кучерявые снопочки,
Над ним смыкая колосочки,
Стоят и терпеливо ждут
И будто жниц к себе зовут:
«Под нашу тень спасайтесь, жницы!
Для вас мы можем потесниться!»

А жницы жнут. Лицо горит,
Их жажда лютая томит.
Серпок мелькает деловито
И в рожь вгрызается сердито,
Под корень стебли подрезая,
Недаром вылез из сарая.
Теперь ему быть господином.
Живей, живей сгибайтесь, спины!
И жницы глаз с серпов не сводят,
По струнам-стеблям пальцы ходят,
Горстями рожь кладут на жгут,

Снопочки на глазах растут.
Пойди под вечер ты на поле
И полюбуйся им, соколик, —
Стоят тут копны ровно-ровно,
Ну, по шнуру их клали словно!
И как они пригожи, статны,
Как шапки ладны их, опрятны!
Все, как одна, — за рядом ряд,
Но все по-разному глядят,
У каждой облик свой особый.
Посмотришь — важные особы!
И заберег тебя потеха,
Тут не удержишься от смеха.
Они приветливы, скромны,
Но уважения полны
К земле, к тебе, к себе самим —
Лишь приглядись поближе к ним!

А утро в поле, боже мой!
Начало летнего рассвета!
Эх, выйди в поле, брат, до света —
Навек запомнишь час такой!

В тиши душа твоя услышит,
Как мирно, весело все дышит,
Как в каждом дереве, листке
И в самом маленьком ростке,
Во всем, что взор твой обнимает,
Надежда светлая играет.
Все здесь в согласье меж собою
И радостью живет одною,
И воздух столько счастья льет,
Как будто жизни гимн поет,
Хвалу всей прелести земной.
Чтобы исчезнул мрак ночной.
Восток живет, горит, пылает,

Столбы лучей своих вздымает,
Как матерь, нежит все вокруг…
Ну, как забудешь это, друг!
Чтоб завершить картины лета,
Чтоб песня уж была допета
Сполна на мой манер и лад,
Чтоб описать мне все подряд
И под конец родному краю
Спасибо молвить, — я желаю
Вернуться в милый уголок,
И хоть еще один разок
Пройтись с кошелкой по лесочку.
Тогда уже поставлю точку
И кончу с летнею порою.

Грибы мне не дают покою,
Боровики — ну просто снятся.
Мне надо с ними расквитаться.
Я чую — грех их обойти,
Привета им не принести —
Черноголовым удальцам,
Боровичкам, моим друзьям!
Какою славною семьею
Встаете вы передо мною!
Я помню летние походы
И бор с грибным его народом!
Чуть свет, нет никого кругом.
В лесу, еще объятом сном,
Своей заветною тропинкой
Спешишь тихонечко с корзинкой
Хозяек обогнать шумливых,
Бессонных, вечно хлопотливых
И завистью их всех помучить —
Набрать побольше, самых лучших!
Потом пускай кричат они,
Что тут лишь корешки одни.

Настроит струны бор могучий
На лад веселый и певучий.
И только солнца луч червонный
Осыплет золотом короны
Высоких сосен в том бору
И кинет пурпур на кору, —
Он весь вдруг вспыхнет звоном алым
И зарокочет, как цимбалы,
И только эхо задрожит,
Переливаясь, побежит.

«Марыля! Чу! Ау, Татьяна!»
«Ау, Магдуся! Чу! Марьяна!»
«Антоля! Тетка Михалина!
Алеся! Зося! Катерина!» —
По лесу переклик пошел
Девчат я женщин ближних сел.
Но вот запел и бас мужской, —
Дрожит от криков бор седой.
А как смешно в лесу бывало
(Давно то, правда, миновало).
Когда сверженские девчины
И бабы шли капеллой чинной.
Глядишь — одна уже отстала,
И вот пошла вопить, кричать,
По именам всех называть:
«Каруся, Палуся!»
«Цацеля, Марцэля!»
«Алена! Магдалена!»
«Зося, Антося!»
«Анэта, Праксета!»
«Тетка Югася!»
«Бабка Кася! Ау!»
Забавно это было, право!
Как будто шла в лесу облава.

Так ходят бабы и девчата,
Приподымают мох мохнатый,
Сгребают хвою, где приник
И прячет шапку боровик.
Иная низенько пригнется,
Не ходит — ползает кругом,
Рукою шарит подо мхом,
Ну, будто клад нашла, сдается!
Искать и лазать не устанет,
То там под елочку заглянет,
То вереск тронет, то пенек,
Осмотрит каждый бугорок,
И кучку листьев раздерет, —
Ну, все как есть переберет!
И посчастливится порой
Тебе, бродя в глуши лесной,
Найти такое захолустье,
Где ни Авдоля, ни Маруся
Ногой ни разу не ступали,
Где голоса их не звучали.
Остолбенеешь вдруг, как врытый, —
Ну, прямо — не грибы, копыта!
И под раскрытыми зонтами
Такими выглядят панами!
Серьезны, важны, даже хмуры,
Видать, что не простой натуры.
Стоишь безмолвный перед ними
И меришь взглядами своими.
Они ж глаза твои — вот-вот —
Отнимут! Ну, озноб берет!
Такой собор найдешь не часто:
Приземисты и коренасты,
Черноголовы, полнотелы,
На корешках, что скатерть белых,
Одни сидят особняком,

Иные ж, спарившись, вдвоем.
Что ни особа — свой узор,
Своя усадьба и свой двор.
Глядишь на них, и сердцу мило,
Какая-то исходит сила
От них, чарует, покоряет,
По жилам радость разливает.
Придешь домой, ложишься спать —
Они в глазах стоят опять...
Эх, утро детства, радость лета!
Навек тобой душа согрета.

Хата рыбака

XXVI. Осмотр земли
Перевод С. Городецкого

Прошло в Поречье лет немало;
Оно ж не тешило Михала,

Хоть место здесь пригоже было,
И привлекало, и манило
К себе лесами и лугами
И старосветскими дубами.
Да что краса без обладанья?
Порыв бесплодный и мечтанье,
Зарница в тьме глухой, суровой:
Ведь все тут, до куста любого, —
Магната, князя Радзивилла.
А ты, пока имеешь силы,
Служи, хоть тяжко и постыло,
Из-за господского огрызка
И гнись, покорный, низко-низко!
Неужто ж вечно быть слугою,
Угрозу чуя над собою,
Что пан легко найдет причину
Холопа выгнать, как скотину?
И выгонит — ему плевать,
Не станет думать-рассуждать,
Что у тебя семья и дети,
Что негде жить тебе на свете,
Что ты в сетях как рыба бьешься
И из сетей на волю рвешься,
Что для тебя весь свет завязан,
Просторный путь навек заказан.
А где же выход? Где спасенье,
От рабской доли избавленье?
Один лишь выход есть — земля!
Свой угол и свои поля!
Земля поднять на ноги может,
Земля, как друг, тебе поможет,
Земля даст волю, даст и силы,
Земля послужит до могилы,
Земля — опора детям в жизни,
Земля — начало всей отчизны!

Михась, когда один блуждал,
Он с глазу на глаз сам с собою
Горячим сердцем и душою
Вопрос мучительный решал
О собственном клочке землицы;
И как звезда сквозь щель темницы,
Земля звала его, манила
Своей чарующею силой.
Михал с упорством, неизменно
Шел к этой цели постепенно.
Он поскупел, и даже сильно.
Что ж? Можно есть не так обильно,
Продать запасы хлеба, сала,
Чтобы копейка перепала.
Да, надо жить еще скромнее,
Еще расчетливей, беднее,
Голодный рот замком зажать
И ничего не покупать…
Вот так тихонько да помалу
Собрали крохи капитала,
Чтоб хоть начать — не ворожить —
И первый камень заложить
На той земле обетованной,
Привольной, где не будет пана —
Приблуды жадного и злого,
Врага, мучителя лихого,
Что людям въелся в кости, в жилы!
Колом земля вам, Радзивиллы!
Ценою долгого исканья,
Советов, споров и старанья,
Всех сил и мыслей напряженья
И неустанного стремленья
С неволей панской распроститься —
Была отыскана землица.
Ее Михал — припомним это —
Словами пылкого поэта

Перед семьей живописал,
Хоть сам земли той не видал.
Да мало ль что! А кто живой
Входил хоть раз в тот рай святой,
Что так попы в церквах малюют,
Как будто сами в нем ночуют?

Но уж пора, пора в дорогу,
Чтоб к своему пристать порогу,
Пока желанье не остыло,
Пока охота есть и сила.
Земельку ж надо увидать,
Чтоб не вслепую покупать,
Чтоб ладом вышло все, толково.
Сама она пусть молвит слово,
Покажет, что таится в ней,
И это будет поважней
Пустых мечтаний, разговоров.
И вот осеннею порою,
Договорившись меж собою,
Михал с Антосем воз прибрали
И запрягли коня. И стали
В каком-то грустном размышленье,
В тревожно-смутном настроенье:
Дорога, даль и день грядущий
В туманах спрятаны гнетущих.
Эх ты, житье, житье людское!
Нет никогда в тебе покоя!
Ты — вихрь, водоворот бурливый,
В тебе погибнет боязливый,
Как щепка, как зерно пустое.
«Ну, что ж, поедем?» — «Едем, брате!»
Притихли все на время в хате,
Когда вошедшие мужчины,
Сняв шапки, постояли чинно,
Склонившись перед образами.

«Прощайте! Управляйтесь сами!»
«Счастливый путь! В дорогу с богом!» —
Сказала мать им за порогом,
Желая счастья и добра.
Мужчины вышли со двора,
На воз уселись и вздохнули
И влево к дубу повернули.
Взмахнул степенный Сивко гривой,
Потом заржал нетерпеливо, —
Видать, далекую дорогу
Почуял он, забил тревогу,
И, шею выгнувши дугою,
Привычной побежал рысцою
К туманно-сизым сводам бора,
Алесь и Костусь у забора
Вослед глядели молчаливо,
И думы смутные пугливо
На грустных лицах их блуждали
И очи тенью застилали.
И показалось им, что с ними
Делились мыслями своими
И старый дуб, и этот дом,
И эта речка с лозняком,
И этот лес, и небосвод.
Чего отцу недостает?
Зачем искать земли далеко,
Коль хороша и тут, под боком!
Иль тесно, что ли? Света мало?
Работы в поле не хватало
Для их сохи, серпов и кос?
Иль непригоже в каплях рос
Цветы и травы здесь сияют?
Иль худо птицы распевают?
Зачем искать другую хату?
Леса чем хочешь тут богаты —
И дичью всякой, и зверями,

Орехом, ягодой, грибами!

Эх, простота невинных дней!
Темна тебе судьба людей.

Мужчины тоже той порою
Тревогу в сердце ощущали
И долго думали, молчали,
Поникнув грустно головою.
Но для чего гадать о том,
Что думали они молчком,
И весь их путь живописать?
Путей-дорог не сосчитать!
Они всегда свежи и новы
И глаз и ум занять готовы!
Их не пройти, не оглянуть,
Эх, путь далекий, вечный путь!
Но все ж сказать необходимо
Про путников моих любимых,
Что их дорога утешала:
Пред ними Слутчина лежала, —
Сторонка, глянуть, торовата,
И люд тут, видно, жил богато,
Не зря работал, тратил силу;
Судить об этом можно было
По мельницам, большим и ладным,
По гумнам, крепким и громадным,
Хлевам просторным, сеновалам,
По тыквам, круглым и немалым,
По хатам, что, как бы в венках,
В кудрявых прятались садах.
А эти липы, тополя,
Их не обхватишь у комля!
Шумят зелеными ветвями,
Ведя беседу с небесами.
За много верст заметишь их.

«Не видел я дерев таких.
Вот у земли какая сила —
Такие башни взгромоздила!
А поле! Ровно, как ладони!» —
Михалу говорит Антоний.
«Тут не захочешь в рай на небо
С такой земли, с такого хлеба!»

Все привлекало их вниманье:
В сермягах встречные крестьяне
У хат своих с тенистым садом —
Простые люди с добрым взглядом,
Таким, что в душу проникал
И сердце путников ласкал;
И деревеньки с ветряками
И с придорожными крестами.
В просторах этих полевых
Все, все приветствовало их,
Как будто близкая родня.

Они уж ехали три дня, —
В пути маленько колесили
(Дорога ж мерялась на мили)!
И утром росным и туманным
Достигли цели столь желанной.
Михал окинул местность оком
И к дому зашагал широко,
Идет, хозяйство озирает:
Все старовато уж, ветшает!
И на дворе не очень ладно,
Все пораскидано, нескладно,
Постройки будто меж собою
В раздоре жили, брали с бою
Те закоулки, где стояли,
Друг друга словно отжимали
Или лепились безобразно.

И возле хаты было грязно.
Сама же старенькая хата
Казалась слишком простоватой:
У крыши ветхой, шелудивой
Обрезы шли коряво, криво —
То мох торчит, то плешь видна,
Вся продырявилась она.
Да и труба была щербата,
Ну, одним словом, горе-хата,
Своей красою не манила.
Но ведь не в хате смысл и сила!
В ней можно навести порядок
И перестроить добрым ладом,
И станет светлой и пригожей,
А не такой калекой божьей.
Была бы хороша землица,
А с хатой можно помириться,
Михал еще прикинул оком:
«Э, хата — мелочь! Лес под боком».
С такими думами Михал
Кнутом в окошко постучал.
В ответ на эти стуки в хате
Сначала скрипнули полати
(Темно в ней было, как в берлоге!),
А после шлепнули уж ноги.
Хозяин заспанный, помешкав,
К окну приблизился неспешно —
Степенный, с важностью великой.
«Тут ли живет Федос Ходыка?» —
Спросил Михал, напрягши слух.
Ответ дается, но не вдруг,
Ведь человек-то незнакомый.
«Тут, тут! И сам хозяин — дома.
Скажите только, ваша милость,
Зачем, откуда к нам явились?» —
И с гостя не спускает ока.

«Мы к вам, хозяин, издалека,
Четыре мили за Несвижем.
(Михал считал Несвиж Парижем,
Известным всем на белом свете.)
Мы вас имеем на примете.
Наслышалися от людей,
Что пан Ходыка, добродей,
Свою усадьбу продает.
«Да, дело к этому идет.
Так подождите же немного!»
И враз прошла его тревога
(Не вредно быть и осторожным
Пред незнакомцем подорожным!).
Ходыка вдруг засуетился,
Как будто сразу пробудился,
Кожух накинул, вышел в сени,
Его опаски нет и тени.
Сказал приветливо, как брату:
«Прошу вас, заходите в хату.
Да вы с конем! Так заезжайте,
Там у сарая распрягайте»,
Сюда, за этот стог соломы!
Ведет их, как давно знакомых.
Хозяин рад, и гости рады,
Меж ними нет уже преграды,
И нет ни хитрости, ни фальши,
Легко беседа льется дальше,
Минуты первой пали путы —
Сердца и души разомкнуты.
«Сюда, сюда, прошу вас, брате,
И место есть, и корму хватит.
Там, за овсяными снопами, —
Едят их мухи с комарами! —
И сено свежее, и вика, —
Не оголел еще Ходыка!

Распряжен конь и прибран воз.
И тут уж дело началось —
Конца не видно разговору.
Все ново и душе и взору,
Начнешь одно — всплывет другое,
Ведь надо ж про житье чужое
Порасспросить, поразузнать,
О том, о сем порассуждать.
Хоть разговор и осторожный,
А выудить кой-что возможно,
Словечко иль обмолвка даже
Иной раз многое расскажет.
И стало ясно из беседы,
Какие горести и беды —
Уж лучше б людям их не знать! —
Велят земельку продавать.
«Не наградил господь сынами, —
Едят их мухи с комарами!
А нет сынов — и нет подмоги,
А уж мои слабеют ноги!
Уходит силушка, браточки,
И миновали те годочки,
Когда земле я мял бока
Не хуже доброго быка.
Земля же тут, скажу, такая —
Цены ей нету, — золотая!
И надобно ей только, милой,
Старанье доброе и силы!
А сил уж нет — глядите сами —
Едят их мухи с комарами!
И я — скажу вам без стесненья —
К торговле чувствую стремленье,
И потому-то вот, дружочки,
Мои любимые сыночки,
Продать усадьбу я решил».
Он все так складно говорил,

И так разумно, и правдиво,
Что «купчики» лишь молчаливо
Ему кивали головой
Да усмехалися порой.
Но, про себя догадки строя,
Как видно, думали другое:
«Ты, брат, влезаешь прямо в душу,
Не продаешь ли с вербы грушу?»
«Так заходите ж в хату, братцы!
Не грех бы нам побаловаться
Хоть верещакою с блинами, —
Едят их мухи с комарами!»
«А может быть, вы, пан Ходыка,
Коли не будет труд великий,
Сначала б показали поле?» —
Сказал Михал. «Что ж? Ваша воля!
Полюбопытствуйте! Земелька,
Как перед маткой колыбелька,
Неподалеку, под руками, —
Едят их мухи с комарами!
Вот на ладони вся волока,
Глядит на нас, как божье око.
Вон и лужок мой. Сено — пиво!
Вкус, братцы, у него на диво,
Заправь, так будет есть и поп!
А рожь! Ну, не поднимешь сноп!
Смотрите: стебли — тростники,
Нигде не сыщете таких!
Ведь ваши минские песочки
Я знаю хорошо, браточки,
Своими их месил ногами, —
Едят их мухи с комарами!
Земля тут — ох, как урожайна!
Горох растет необычайно.
А гречка? Ну, кусты как лозы,
Ячмень как лес. И без навоза!

Имей охоту, силу, руки
Да чуть хлебни еще науки —
Богатство уж само придет
К тебе на двор — и хлеб и скот,
И будешь жить без горя, паном,
Копить деньжата чистоганом.
Живут тут люди богачами, —
Едят их мухи с комарами!
И даже на местах скупых,
Коли давно сидят на них.

Ходыка в поле вел гостей,
Хваля (язык ведь без костей!)
Свою усадьбу «золотую»,
Как сват девицу молодую.
Антося ж не проймешь словами,
Своими хочет он глазами
Земли пригодность распознать:
Что — мачеха она иль мать?
Тут выгода иль плутовство?
И светлые глаза его,
Проворные, ну, как мышата,
Поблескивали хитровато,
По ниве рыща и лугам,
Все испытуя тут и там.
Земли работник, а не гость —
Богат был опытом Антось!
Копнул земельку сапогом
И в руки забирает ком,
И между пальцев растирает,
И запахи ее вдыхает.
Земля и впрямь, кажись, что надо,
Но нет хозяйского пригляда.
За нею походить умело,
Она бы скоро подобрела.
«Земля запущена у вас,

Вся коркой дерна убралась,
И только сорняки рожает. —
Так цену дядя ей сбивает. —
Чертополох разросся дико,
Глядите сами, пан Ходыка,
А где сорняк уж заведется,
Там урожай с трудом дается —
Земля оправится не скоро».
«Э, плюнь, Антоний, то — не горе!
Сорняк? Ну год-другой труда —
Его не будет и следа!
Скажу по правде, братец милый:
Нет у меня на землю силы.
Она ж без добрых рук скучает,
Ей дай вниманье и терпенье
И, коль хотите, уваженье,
Зато и хлебом угощает,
И молоком, и пирогами, —
Едят их мухи с комарами!»
«Так, это так! — Михал ответил. —
Средь нас никто еще на свете
Богатства с ветерка не брал
И в будни праздник не справлял.
А все ж на поле одичалом
Жить надо начинать сначала!
Не просто это! Тут и за год
Не изживешь хлопот и тягот!»
Михал с Антосем, сколь возможно,
Вели беседу осторожно,
Чтоб цену сбить, хоть та цена
Еще была им неясна.
Земли ж тут было в самый раз.
Михал прикидывал на глаз,
Что может стоить это дело.
И перед ним уж поле рдело
И разливалась рожь рекой, —

Ее он собственной рукой
На собственной земле посеет.
Все видел он, чем завладеет!
Пред ним, на взгорье, чернолесье
Вздымалось гривой в поднебесье,
К себе манило, взор ласкало.
Равнинна за рекой лежала.
Река ж в ольшанике густом
Блестела чистым серебром.
А хуторки вокруг с садами,
То как попало, то рядами,
Раскинулись в полях привольно.
Лугов и пашен здесь довольно!
Здесь если наведешь порядок,
В довольстве будешь, сыт и гладок.

Прошли мужчины по межам,
Ко всем ничтожным мелочам
Приглядываясь зорким оком, —
Решать здесь надо не наскоком,
Чтоб после плакать не пришлося!
Михал остановил Антося:
«Ну, что ты скажешь? Как решаем?
Иль подождем, иль покупаем?»
Совета просит он, а сам
Решил уж — видно по глазам.
«Земелька эта, брат, жирна,
Как сажа из трубы, черна!
Бери, хоть завязавши очи.
Вот, сколько денег он захочет?
Под силу ль будет это нам
И нашим тощим кошелькам?»
И после долгих совещаний
К усадьбе подошли в молчанье.
«Прошу вас в хату! Заходите!
Что бог послал — перекусите!»

Ходыка их в дверях встречает,
К столу любезно приглашает.
Антось к повозке устремился
И тотчас с торбой возвратился.
Вошли Михал и дядя в хату.
Вид у нее подслеповатый:
Свис потолок, перекосись,
По щелям паутина, грязь.
И печь и стены — все неровно,
В углах заплесневели бревна,
Земля не сглаженная, в ямах;
На подоконниках, на рамах
След червоточины заметен.
Нет! Неуютно в стенах этих!
«Ну, люди добрые, садитесь,
С дороги малость подкрепитесь!» —
Гостей хозяйка просит чинно,
Сама Федосиха — Аксинья.
А стол уж скатерью накрыт,
Сковорода на нем стоит.
Чтоб завершить достойно дело,
Хозяин, сбив сургуч умело,
Бутыль поставил. «Ну, налью!
И землю окроплю свою!»
Как только чарка раз, другой
Прошла дорогой круговой,
Все языки поразвязали
И убеждать друг друга стали,
Что люди все они простые,
Что ни лукавства, ни обмана
Терпеть в делах своих не станут,
Что мысли их всегда прямые,
Что с первых слов одни в других
Друзей почуяли своих!
А как сводить расчеты стали, —
Их поцелуями скрепляли.

«Вы любы мне! — сказал Ходыка. —
Ведь сам я минский горемыка, —
Хочу я подружиться с вами,
Едят вас мухи с комарами!
Я только вам, мои браточки
(Вот не дожить до этой ночки!),
Могу продать свою усадьбу.
А самому поторговать бы...
Мои вы родненькие братцы,
Хочу я свиньями заняться».
«Браток Федос! — сказал Михась. —
О чем тут спорить целый час?
Все! По рукам! Вот вам моя!»
Начался шумный торг. Друзья
Пошли и клясться и божиться,
Ладонями с размаху биться,
Чтобы потом при встрече новой
Дурным не обменяться словом.
«Ну, соглашайся, брат Федос!»
Федос потрогал пальцем нос,
Минуту тяжко размышляет, —
Минута важная, большая.
И тихо-тихо стало в хате.
«Ну, пусть так будет, милый брате!
Согласен я, Михал! Сошлись!»
И за руки они взялись.
Антось им руки разнимает:
«Пускай же бог нам помогает!»
«Панами будете, панами, —
Едят вас мухи с комарами!»

XXVII. По дороге в Вильну
Перевод Е. Мозолькова

Дороги, вечные дороги!
Во тьме времен, знать, сами боги
Вас заплетали, расплетали,
Когда узоры жизни ткали.
Дороги, вечные дороги!
Вы то задумчивы, то строги,
То солнцем радуете взоры,
То, в мрачные ведя просторы,
Среди болот змеясь тоскливых,
Несчастьем путнику грозите
И ночь небытия таите
В своих запутанных извивах.

Немало я узнал скитаний,
Счастливых встреч и расставаний.
Не раз в грозу и непогоду,
Казалось, не было мне ходу,
И, глядя на свою дорогу,
Я чувствовал порой тревогу.
Печаль и горе испытал
И только зависти не знал
К тому, кто в час людских страданий
Был чужд мучительных исканий,
Кого сомненья не томили,
Тяжелым камнем не давили
И для кого весь белый свет
Есть лишь одной тележки след,
Кто средь пустых погряз забот,
Чей путь к кормушке лишь ведет.
Но тот, в ком дух живой таится,
Покоем этим не прельстится,
Простой, исхоженной, убогой
Не будет соблазнен дорогой.

Покуда круг не замкнут мой,
Я вновь хочу взглянуть назад,

Под крыши дорогих мне хат,
В тот край, навеки дорогой,
Откуда путь я начинал,
Где часто в детстве счастье знал.
Итак: за землю на початок
Три сотни отданы в задаток.
Ужель то правда, не мечты,
Что из-под гнета выйдешь ты,
И панский кнут забудешь скоро,
И дни не кончишь под забором?
Теперь уж нет пути назад,
Все одолеть ты должен, брат!
Помехи все убрать спеши
И с тем наследством пореши,
Что от отцов тебе досталось:
Землицы худородной малость.
Крепись, коль все уж решено,
И в голове держи одно:
Как обернуться тут ловчей,
Чтоб все закончить побыстрей.
Возьми в дорогу, что посильно,
И в банк скорее, прямо в Вильну, —
Там справки надо раздобыть
И разрешенье получить.
Об этом много говорили
И ехать дяде присудили.

Оделся дядя, как на праздник, —
Хоть без затей и штук там разных:
Пиджак простого был суконца,
И тот весь порыжел от солнца;
Рубашка из холстины белой;
Шапчонка ж козырем сидела,
Хоть и знавалась часто с горем,
А сапоги он смазал здором;{97}

На посошке же за плечами
Висела торбочка с кистями, —
В ней были хлеб, немного сала,
В кармане ж трубка и кресало, —
Товарищей вернее нет,
Коль табаком набит кисет!
Не скажешь, что щеголеват,
Но чист, опрятен весь наряд.
Вот дядя уж Морги проходит
И долгим взором даль обводит —
Идет на луг, на нивы взглянет,
И на душе отрадней станет,
И дальше, время не теряя, —
Дорога впереди большая.

Был занят дядя мыслью сложной:
Как сократить расход дорожный,
Когда в Столбцы прибудет он,
Как за три гривны сесть в вагон.
В Столбцах у дяди — друг служака,
Вокзальный сторож, Донис Драка.
Он с машинистом жил, как с братом,
И с кочегаром водку пил,
Ему роднёй кондуктор был,
Конторщик приходился сватом,
С телеграфистами он знался
И с дядькой год назад встречался.
Подумать только: с этим хватом,
Болтая запросто, бывало,
Они из одного бокала
У тетки Гени выпивали
И вместе оси воровали.

Своими увлечен мечтами,
Как бы подхваченный волнами,
Антось усталости не знает,

С холма на холмик знай шагает.
Но все ж нет-нет и грустно станет,
Как на поля вокруг он взглянет,
На этот лес, сырой, туманный,
На милый Неман и курганы,
На ельник и на груши в поле,
Как будто не увидит боле
Он образы, картины эти,
Родней которых нет на свете.
Идет наш дядька, размышляет.
Вот он в Сустреновку вступает,
Гать переходит и болото.
Ложится солнца позолота
На темные верхушки леса,
И ночка сумрачной завесой
В низинах землю укрывает.
Ей сны-виденья навевает.
Вот пройден лес, и город близко.
Туман на озеро лег низко,
Вода у мельницы шумит,
Машина вдалеке пыхтит,
А там, за озером, как струнка,
На запад тянется чугунка.
Вот переезд, давно знакомый;
Правей — вокзальные хоромы.

Там все кипит, как в час разрухи.
Снуют службисты, словно мухи,
Гудят, шумят, как в ульях пчелы,
И ходят шумно балаголы,{98}
Каменотесы с молотками,
Торговки бегают с лотками,
Огни фонарные дрожат,
Снуют носильщики, кричат.
А дядька трубку набивает,

В вокзальный вслушиваясь гам,
Как разыскать дружка, гадает.

Вдруг слышит крик: «А, брат Антоний!»
Глядит: к нему сам Драка Донис
Спешит, кивая головою,
Как будто встретился с роднею.
«Здорово! — дядька отвечает,
Дружка в сторонку подзывает. —
Скажи мне, братец, если можно… —
При этом дядька осторожно
Пригнулся к Донису, замялся,
Но Донис сразу догадался,
Смекнул, в чем смысл его секрета. —
Так вот, нельзя ль мне… без билета
Чуток проехать на машине?»
«А вот постой, пусть люд отхлынет,
Пройдет курьерский, а тем часом
Мы перемолвимся с Уласом…
Спокоен будь: мы все уладим,
Хоть на товарный, а посадим».
«Так ты, брат Донис, постарайся!»
«Уверен будь, не сомневайся:
С козами мы на торг успеем».
В минуту эту лютым змеем
Летит курьерский. Задрожали
Все стекла в окнах на вокзале,
Казалось — воздух содрогнулся.
И в тот же миг народ метнулся,
На дядьку вихрем налетел.
Антось и ахнуть не успел,
Как и его волна людская
Несла, все крепче зажимая,
Как будто кто их испугал.
Плечом тут дядька поднажал,
Рванулся вбок что было сил,

Чуть с ног извозчика не сбил
Да пана придавил немножко, —
Зато в толпе пробил дорожку.
Хоть шума было там немало,
Зато кругом просторней стало.

Звонок, другой и вскоре третий,
И дрогнул поезд, будто черти
Его сердито всколыхнули,
Снопами искры ввысь взметнули,
На сто ладов заскрежетали
И в клубах дыма вдаль умчали.
Вокзал пустел, люд разбредался,
Один Антось еще слонялся.
Болели ноги, сникла сила,
А сядет чуть — ко сну клонило.
«Ну что, Антоний, рыбу удишь?
Уснешь-тебя и не разбудишь,
Пойдем-ка лучше выпьем пива!»
Друзья уходят торопливо.
Сидят за пивом, рассуждают,
О прежних встречах вспоминают.
А пиво веселит им души,
У них краснеют щеки, уши.
Был верен слову Драка Донис.
И вскоре дядька сел на поезд —
В Барановичи до рассвета
Приехал мирно без билета.
Знать, начал путь он в добрый час:
Все гладко шло, как на заказ.
С кондуктором хорошим он
В Барановичах повстречался.
Тот с ним недолго торговался —
Взял деньги, проводил в вагон.
И вот, тревожно озираясь,
Забился в уголок наш «заяц».

Шло утро. Солнышко всходило,
В полях пригорки золотило,
И серебристой пеленою
Туман повиснул над водою.
Вагон битком набит народом,
Несется поезд полным ходом,
И только пыль он поднимает,
Антоний то и знай чихает.
Прошел кондуктор и глазами
Суму холщовую с кистями
Искать стал. Дядька в уголке
Притих, зажав суму в руке.
Совсем не спал он прошлой ночью,
На свет глядеть не в силах очи.
А голова сама гуляет
И ритм движенья выбивает:
То вниз сползет, то вверх рванется,
Туда-сюда она качнется
И стукнет в стенку, как шальная,
Что с ней, сама не понимая.
Так на гулянке молодица,
Вина хлебнув, развеселится,
Забудет все и в пляс пойдет,
Плечами дернет, поведет,
Земли не слышит под ногами
И плещет в такт себе руками.
«Легаш», впиваясь в сумку взглядом,
Вмиг очутился с дядькой рядом.
Толкнул его в плечо рукою
И подмигнул: мол, шпарь за мною.
Поднялся дядька наш проворно,
И за кондуктором покорно
(Одна веревка их связала)
Идет он, заспанный, усталый.
Пройда чрез узкий коридор,

Кондуктор шепчет, словно вор:
«А ну, сюда залазь сейчас же!
Я буду сам стоять на страже.
Идет контроль, так ты скрывайся,
Сиди молчком, не отзывайся,
Не кашляй громко и не стукай!»
И с этой мудрою наукой
Кондуктор дверку открывает,
Искусно пломбу он снимает,
Засунул гвоздь, ключом знай крутит,
А дядьке страх аж очи мутит,
Хоть по натуре он не робкий
Вот наконец дверь грязной «топки»
Сумел открыть кондуктор ловко.
Втолкнул он дядьку чуть не силой
В глубь этой конуры постылой
И запер там, как в клетке волка.

Шагнул Антось, остановился —
И белый свет ему закрылся,
Стоит, оторопев, бедняга.
«Вот удружил, помог бродяга!
Чтоб ты пропал с своей норою!. —
Гуторит дядька сам с собою. —
Куда ж ты, гад, меня засунул!»
И в темный угол зло он плюнул.
«Ой, что такое? Хлоп паршивый,
Ведь мы же здесь!» — в углу пискливый
Раздался голос человечий,
Хоть вздрогнули у дядьки плечи,
Но скрыть испуг он постарался,
На крик спокойно отозвался:
«А кто велел тут господину
Свою подставить образину?»
Теперь лишь дядьке видно стало,
Что «зайцев» в клетке с ним немало.

Сердито «зайцы» зашептались,
Они давно, знать, тут скрывались.
Передний, с красным, злым лицом,
Все щеку вытирал платком.

Здесь все от копоти лоснилось.
Густая пыль вокруг носилась,
Одно оконце небольшое
Глядело тускло, как слепое,
А теснота — ни стать, ни сесть,
С трудом вперед он мог пролезть.
В далекий уголок забрался,
Там примостился возле печи,
Расправил грудь, раздвинул плечи,
Вздохнул и закурить собрался.
Достал кисет, чубук продул,
Так смрадом из него дохнул,
Что в тот же миг сосед его,
Врага в нем видя своего
(Давно на дядьку он надулся),
Зашмыгав носом, отвернулся.
Но дядьку это не смущает:
Табак он в трубку насыпает;
Табак был свой, не покупной,
И драл он горло, как шальной.
И, как Дямежка говорил,
По голове дубиной бил.
Табак отменный, злой на диво,
И не один «знаток» ретивый,
Его дымку хлебнувши рьяно,
Как будто спирту из стакана,
Чихал и кашлял с полчаса,
И ошалело тер глаза,
Аж пуп с него трещал и рвался.
(Он бессарабским назывался,
Табак тот дядькин знаменитый.)

Как черт был дым его сердитый.
Антось огниво достает,
Кремнем по звонкой стали бьет,
Чирк-чирк — и искорки живые,
Словно пылинки золотые,
С негромким треском поднялись,
На трут богато полились.
Вот дядька трубку в рот берет,
Чубук хрипит, пищит, поет,
И дым большущими клубами
У дядьки виснет над усами.
Как только трубка разгорелась —
Курить давно ему хотелось, —
Дал волю он привычке жадной,
Затяжкой насладясь изрядной,
И дым как из трубы пускает,
Дыханье от него спирает.
И мух тем дымом доняло,
В тревоге бьются о стекло.
А «зайцев» кашель забивает.

«Ой, фэ! Не выдержать! Спасите!
Хоть нашу старость пощадите!»
Антоний дым клубит волнами
И смех скрывает под усами.
Но из-за стенки в этот миг
Кондуктора донесся крик,
В дверь застучал он кулаками.
«Эй, ты там, слышь, сума с кистями!
Сейчас же перестань дымить,
Вагон так можно развалить.
Твой дым терпеть не стало сил,
К нам через дверь он повалил.
Вот это дым, аж в пот бросает!
Ну, прямо нос тебе срывает!»
Контроль прошел. В вагон обратно

Впустили «зайцев». Так приятно
В вагоне дядьке показалось:
Пред ним равнина расстилалась
Полей, засеянных хлебами;
Полоски стройными рядами
Антосю душу веселили,
Своим нарядом взор манили
И расступались пред машиной,
Как кавалеры пред девчиной
Иль как пред свекром молодицы.
Она ж, как вольная орлица,
Летит стрелою, грозно дышит
И серым дымом тяжко пышет.
И что ни миг — из светлой дали
Картины новые вставали.
Столбы мелькали верстовые,
Дорожки, стежечки кривые,
Что средь полей, покрытых рожью,
Тянулись ленточкой пригожей;
Боры, лесочки возникали,
И маковки церквей сверкали.
Мелькали станции, селенья,
Панов богатые именья.
«Какой разгон и ширь какая! —
Дивится дядька, размышляя. —
Посмотришь — ни конца ни края,
Но всей земли простор великий
Принадлежит царю-владыке,
Первейший он богач на свете,
Да только бедны его дети:
Едят мякину, мох толченый
И ездят «зайцами» в вагоне.
Имений сколько, боже милый!
А всюду бедный люд, унылый
Кишит в полях и нищих селах».
И вздох приглушенный, тяжелый

Готов с мужицких уст сорваться,
На голос мысли отозваться:
«Эх, всюду жмет людей нужда!»
И вспомнил дядька наш, куда
И для чего он в путь пустился,
И грустью взор его затмился.
Что их на новом ждет пути?
Как долю лучшую найти?
Пока почуешь каплю силы,
Банк вымотать сумеет жилы
Налогом, гербовым ли сбором, —
С ним расквитаешься не скоро,
Останешься, быть может, голый.
И с этой думой невеселой
Антось наш к Вильне подъезжает,
Свою одежду поправляет.

XXVIII. Дядька в Вильне
Перевод П. Семынина

Вагон еще катился, грохал,
А началась уж суматоха:
Багаж хватают пассажиры,
Шныряют темные проныры,
Паны снимают чемоданы,
Коробки, где духи, румяна
И прочий женский скарб хранится,
Чтоб их паненкам молодиться,
Скрывая хитростями моды
Подвохи матери-природы.
Средь люда разного и панства,
Средь шляп и прочего убранства
И дядька виден в скромном платье —
В сермяге, в шапочке-оладье.

Машина стала. Валит валом
Народ в туннеле под вокзалом,
И дядька тут же трется сбоку —
От армяков неподалеку.
Антось еще не видел сроду
Такого скопища народу —
Панов, чиновников богатых,
Таких толстенных и пузатых,
Что можно булку съесть для спору,
Пока объедешь эту гору.
И выступают все тузами,
Не видят ног под животами.
Под ними даже камни гнутся.
«Как студень, шеи их трясутся.
Ну и панов! Ох, боже милый,
Какие гладкие все рыла!
А что за бороды, усищи,—
Для пугала страшней не сыщешь!
На огород поставь такого —
Вороны сдохнут, право слово.
И нет им ни конца ни края,—
Глазеет дядька, размышляя. —
Лоснятся щеки, как под лаком,
Видать, едят и пьют со смаком.
И панночки, на крыльях вроде,
Кажись, летают, а не ходят,
Так деликатно, так красиво,
Как мотылечки, право, диво.
Да что ж и делать им другое,
Как не порхать веселым роем, —
Растут, цветут в довольстве, в холе,
С серпом идти не надо в поле,
Где вся краса твоя слиняет,
А ржище ноги пробивает».
Идет наш дядька и боится,
Чтоб как-нибудь не оступиться,

Не отдавить прохожим ноги
И не спихнуть кого с дороги.

Хата рыбака

А сапожищи, как назло,
Ступают, черти, тяжело —

Гремят, как конские копыта,
На весь вокзал, такой умытый.
Дивился дядька наш немало
Устройству хитрому вокзала:
Как все прилажено тут славно,
Как чисто прибрано, исправно,
А сколько блеска, полировки,
Ступеней, переходов ловких!
Вверху ж над самой головою
Бегут вагоны чередою.
Тут чей-то хитрый ум старался!..

Туннель отсюда разветвлялся,
И вал сермяжного народу
Направо ринулся к проходу.
Паны ж налево важно шли,
Где оскорбить их не могли
Ни запах дегтя, ни корчаги,
Ни вид заплатанной сермяги.
На площади перед вокзалом
Антосю дурно чуть не стало:
Ну, пекло! Шум неугомонный,
А воздух затхлый и зловонный.
Народ толчется возле конки,
По камню бьют подковы звонко,
Гремят повозки и колеса —
До неба гомон стоголосый.
И эти звоны, грохот, крики,
Сливаясь в общий гул великий,
Терзают с непривычки ухо
И бьют по сердцу тяжко, глухо.
Народ снует, как на пожаре,
Ну просто — гнутся тротуары.

Эх, божий люд! Какая сила
Тебя здесь вихрем закружила?

Зачем тут бьешься и шумишь?
Какую в сердце боль таишь?
Куда ведет твоя дорога?
И отчего печаль, тревога
На лоб морщины наложила?
Глядишь на божий мир немило,
И нет в твоих глазах привета,
Как будто ты не видишь света!..
Течет народ, как волны в море,
Как тучи в небе на просторе,—
И старики и молодые,
Друг другу дальние, чужие,
Идут несметной чередою,
И каждый занят лишь собою.
С толпою дядька наш смешался,
Зерном меж зерен затерялся.
Антось в лесах, в борах бывал,
И голос дебрей понимал,
И со столетними дубами
Знавался близко, как с друзьями,
А тут — один, для всех чужой;
На камне камень, пыль и зной,
Не видно неба за домами,
Все загорожено стенами.
Шагает дядька, не спешит,
Один за пятерых гремит.
«А где ж тот банк?» — спросить он хочет.
Тут прошатаешься до ночи,
Задаром время проведешь,
А сам туда не попадешь.
Но к людям страшно приступиться,
Спросить прохожих он боится,—
Все смотрят важно и сурово,
Ни одного лица простого.
Вот мужика бы повстречать,
Да тут нигде их не видать.

И дядька начал озираться,
Чтоб у кого-нибудь дознаться.
Один уж раз он сделал пробу,
Спросил какую-то особу.
Она Антосю так сказала,
Что лучше б рта не разевала.
Тут дядька шагу прибавляет,
С кокардой пана нагоняет,
Бочком подъехать норовит,
Но гордый пан и не глядит,
Идет себе и знать не хочет,
Как дядька вкруг него хлопочет
И как нуждается он в нем,—
Идет, играючи хлыстом.
Тут дядька чуточку пригнулся,
Рукою к пану прикоснулся:
«Скажи, паночек, как далеко
Земельный банк?» Недобрым оком
На дядьку глянул пан суровый:
«Спроси о том городового»,—
И шагу, рассердясь, прибавил,
Как будто дядька обесславил
Его мужицкими словами
Перед вельможными панами.
«Ишь, навострил, гляди-ка, лыжи,
Как от причастья черт бесстыжий!» —
Антось беззлобно усмехнулся
И на прохожих оглянулся.
Помалу дядька стал свыкаться:
«Да что? Чего мне здесь бояться!»
Пошел вольней, глядит смелей,
На сердце стало веселей.
Глаза он кверху поднимает,
На лавках вывески читает,—
Недаром же когда-то в школе
Учитель дядькой был доволен.

Да зачитался он не в меру —
На столб наткнулся, на холеру, —
Ударился с разгону лбом,
Аж белый свет пошел кругом,
Слетел с панели, как шальной,
Крутясь на пыльной мостовой,
Чуть-чуть манерку не расквасил
И грязью сам себя украсил.
Но все ж быстрехонько вскочил,
Глаза таращит — угодил,
Совсем как глупый окунь в нерет,
Не разберешь, где зад, где перед.
«А, чтоб вас дьяволы спалили,
Столбов без счету понабили!» —
Антось бранится, сам не свой,
Сбивая с шапки пыль рукой.
Очнувшись, дядька оглянулся
И видит, что в тупик уткнулся.
И впереди и сбоку — стены…
И шагу не шагнешь, как пленный.
Пропала улица куда-то,
Толчется дядька наш помятый —
Нет ходу из угла глухого,
Ну хоть зови городового.
Кой-как все ж выбрался бедняк,
Усталый, красный, словно рак.
Бредет и город проклинает.
Зашибла злость его такая,
Вот взял бы, кажется, соломы
Да подпалил подряд хоромы,
Что все пути загородили
И белый свет ему затмили.

Минуты шли. Из переулка
На свет он выбрался, где гулко
Носились шум, и лязг, и крики,

Где город пел многоязыкий.
Уж дядьку чтенье не манит,
Он больше под ноги глядит.
Лишь иногда посмотрит вбок —
Не видны ль шашка и свисток.
Как будто бога, ищет дядька
В толпе блюстителя порядка.
А вот и он. Стоит, здоровый,
И смотрит поверху сурово —
Ну, впрямь тебе пастух над стадом,
Следит, чтоб все вершилось ладом:
Губернский город как-никак.
На мостовую сделав шаг,
За шапку дядька наш берется:
«День добрый, — молвит, как ведется,
Еще поближе подступает
И шапку вежливо снимает. —
Скажите, где тут банк? Уважьте.
Мне по земельной нужно части».
«А вот пойдешь ты, человече,
Костелу этому навстречу,
Там будет улица направо, —
Заговорил служака бравый.—
Ты правой улицы держись,
Да вновь спроси, а не кружись,
А там и банк совсем уж близко».
Антось опять склонился низко.
«Вот это человек иной, —
Подумал дядька, — как родной!
Коль дело кончится счастливо,
Ему поставлю пару пива.
Есть и закуска — ломоть сала».
И дядьке снова легче стало.
Еще протопав три квартала,
Переспросив людей немало,
Антось уперся в двери банка;

Ступени чистые, как склянка,
Широкий шаг его сдержали
И страху на душу нагнали.

Стоит наш дядька в размышленье,
Ступить не смея на ступени:
Боится он мужичьим ботом,
Пропахшим и землей и потом,
Корябнуть что иль замарать,
Уж лучше б «их» вовек не знать.
Пройдешь не так, и — милый боже! —
Ведь сразу по шеям наложат.
И это «их», как муть лихая,
Покой у дядьки отнимает.
«Их» — это вражья сила, темень,
Обман, коварство, бич над всеми.

Но дядька страх перемогает
И шапку загодя снимает,
По чистой лестнице мурашкой
Ползет наверх, вздыхая тяжко.
Душа, забитая веками,
Уж чует страх перед панами.

В просторной, чистой, светлой зале
Паны туда-сюда сновали,
Цигарки длинные курили,
Развязно, громко говорили.
Коль уходить кто соберется —
Прислужник тут уж бесом вьется,
Одежду мигом подает
И смотрит пану прямо в рот.
А пан, приняв пальто и трость,
Сует ему монету в горсть.
Прислужник чуть ли не присядет,
Аж смех берет, на это глядя.

Но видно сразу — и паны
Не все тут меж собой равны:
Одни пузаты, ходят валко,
Другие ж — тощие, что палка;
Одни с горы на всех взирают,
Другие ж глаз не поднимают…
Но, кроме панства, в той же зале
Смиренно мужики стояли
В углах с людьми простого званья,
Сюда пришедшими заране.
Они негромко гомонили,
И дядька втиснулся меж ними.
Соседей всех окинув оком,
Антось к стене приперся боком.
«Садись-ка, друг хороший, рядом,
Тут за постой платить не надо», —
Сказал сермяжник добродушно.
Антось на лавку сел послушно,
Взглянув на доброго соседа,
Уж пожилого, чуть не деда.
Пошли вопросы — к слову слово:
Откуда, кто, села какого,
Какой губернии, повета.[{99}]
«Я вот приехал с краю света,
Из-под Столбцов, слыхали, может?»
«Не привелось… Велик свет божий».
«А вы откуда?» — «Из-под Лиды,
Село Великие Демиды.
(Он Гришкой Вересом назвался.)
Вчера весь день тут проболтался.
Пустое дело у меня,
А года два идет возня.
Уж пробовал и так и сяк,
И все не справлюсь с ним никак.
Эх, милый мой, нам за панами

Не видеть правды. Кто с деньгами
И мажет сбоку, — те не ждут.
Уж так, сосед, ведется тут».
Чиновничьи он ведал сети,
Недаром мыкался на свете,
Ища земли себе с друзьями,
Частенько знался с писарями.
«Из банка нужно разрешенье.
Пишите, милый мой, прошенье.
Я знаю писаря такого,
Он это сделает толково,
Любую грамотку за злотый
Напишет с полною охотой».
«Ах, пане Верес, вам, как другу,
Сто раз спасибо за услугу.
Ведь тут пока чего добьешься,
Так и от жизни отречешься».
«Ну что ж, пойдем». Встают, выходят,
По господам глазами водят,
И перед столиком пустым —
Никто не восседал за ним,
Лишь склянка с донышком широким
На нем стояла одиноко —
Друзья остановились тихо.
«Вам что?» — спросил их кто-то лихо.
То был сам писарь. Староватый
И росту малого, косматый,
Перед друзьями он возник,
Как гриб поганый, дождевик,
В осенний дождь из-под земли.
«А мы-то к вам как раз пришли», —
Вперед тут дядька выступает
И просьбу кратко излагает.
«Одну минуту, подождите.
А вот вам кресло, отдохните».
Он вынул лист бумаги гладкой

И с чисто писарской ухваткой
Перо за ухом ухватил,
Чем дядьку сильно удивил.
Потер, нахмурясь, лоб рукою,
Подергал носом и губою,—
Так покуражась для прикрасы,
Стал выводить он выкрутасы.
Антось почтительно взирает
И злотый в кулаке сжимает.
«Ну вот, прошеньице готово:
Все тут как надо, слово в слово.
Вы, может, грамоте учились?»
«Да уж подпишем, ваша милость».
И дядька пальцы разгибает,
Берет перо, в бутыль макает,
Но пальцы-грабли боязливо
Зажали ручку боком, криво.
Покуда наш Антось трудился,
Он весь испариной покрылся —
Ну, словно летнею порою
Он целый день махал косою.
«Отметку надобно теперь,
За ней пройдете в эту дверь», —
Кивает писарь головою.
И дядька, сгорбившись, трусцою
Пробрался к двери, заглянул,
Прошенье трубочкой свернул.
А там за длинными столами,
Уткнувшись в груды дел носами,
Сидят писцы, как грязи кучки,
Скрипят их перья, ходят ручки,
Трещат, как шашели в полене
Иль как кузнечики на сене.
И всяк своим завален делом.
Антось вперед ступает смело
К тому столу, что был поближе,

Подходит к бородище рыжей
И перед тою бородою
Опять сгибается дугою.

Чиновник пробурчал сердито,
Как жирный боров у корыта,
Но все же проглядел листок
И почесал пером висок.
«К тому столу, налево третий. —
Мотнул он рыжею метлой
И вновь в дела зарылся, злой. —
Откуда лезут эти черти!» —
А дядька далее шагает
И снова голову склоняет
Уж перед третьим полупанком
И ждет, согнувшись, как баранка.
Чиновник только вскинул оком
И, повернувшись к дядьке боком,
Пером забегал по бумаге —
Уж здесь такой почет сермяге!
Стоит Антось наш, не отходит:
«Ну что ж, пускай пером поводит.
Тут крыша есть, не на дождю.
Не пан я, малость подожду».
Вновь глянул писарь, негодуя,
На дядьку, как на тещу злую,
И вновь в свои бумаги ткнулся,
А дядька и не шелохнулся.
Чиновник наконец вспылил.
«Тебе что надо тут?» — спросил
Сердитый, полный нетерпенья.
«Насчет землицы, вот прошенье», —
Ответил, не смутясь, наш дядька,
Да так приветливо, так сладко,
Что писарь только морду скорчил.
«Придется ждать, вопрос не срочный,

Приди часа так через три».
Антось вздохнул: «Эх, черт дери!
Ах, выжига ты, вор проклятый!
На взятку, видно, все вы хваты.
Не жди добра от лиходея,
Три чирия тебе на шею!
Водили бы тебя слепого,
Как водишь за нос ты другого!»
Но как ни клял Антось пиявку,
А все же отдал рубль за справку.

XXIX. На замковой горе
Перевод П. Семынина

«Ну, что ж! — окликнул дядя Гришку. —
Пора нам сделать передышку
Да подкрепиться мало-мало,
Я захватил из дому сала,
И хлеба добрый кус со мною,—
Чего он сохнет сиротою? —
Перекусить бы не мешало,
А то уж в брюхе заурчало,
Теперь, брат, чарочку пульнуть,
Чтоб в рай при жизни заглянуть.

Друзья встают и шагом важным
Выходят на проспект отважно,
А там панов — хоть пруд пруди,
Ну, словно в праздник, — не пройти.
Откуда понабралось их,
Важнецких, прибранных таких?
И так одеты, так побриты,
Что и Раковский знаменитый —
А чтоб издох он! — просто голь

В сравненье с ними, чистый ноль,
Ну, прямо пес какой-то Лыска,
К ним подойти не смеет близко.
Боишься глянуть — пред тобою
Вдруг князь с графинею какою!
Идут с прохладцей, деликатно,
Воркуют меж собой приятно!
А то вдруг генерал шагает,—
Его вся Вильна, верно, знает.
А грудь сияет, как картина,
А что за взгляд, а что за мина!
Ну ж и панов! Не дай ты боже!
Антось едва сдержаться может, —
Пускай нечистый им приснится! —
Чтоб тем панам не поклониться.
Над дядей Верес засмеялся:
«Ты не гляди, что он прибрался,
Навесил галстук и манишку,
А вот раздень его, братишку,—
На нем рубахи нет худой,
А на цепочке — вошь с блохой.
По виду пан — осанкой, взором,
А спит, наверно, под забором.
Одним живет: где что урвать...
Их тьма — заваливай хоть гать!»
Чем больше дядя озирался,
Тем все сильнее изумлялся —
Бегут, спешат... Ну, мешанина!..
Блистают окна магазинов,
А сколько тут труда чужого,
А сколько горя в нем людского!
Какие брички и кареты!
И для кого вся роскошь эта?
Не по себе Антосю стало...
Иль роскошь ядовитым жалом:
Его нечаянно пронзила

И зависть в сердце пробудила?
Иль это бунт был против барства
И власти панской и коварства,
Что делят люд, его судьбины
На две неравных половины,—
На голытьбу и богачей:
Одним блуждать во тьме ночей
По грязным улицам, задворкам
В глухой тоске, в раздумье горьком,
Весь век бесправными, слепыми,
Во мраке лжи и в горьком дыме,
Терпеть покорно и молиться
И с этой долею мириться;
И вся надежда на спасенье
И на конец того мученья —
Настанет он когда-нибудь! —
В могиле навсегда уснуть.
А для других — тут вечный рай,
Всю жизнь танцуй себе, гуляй;
А ты — ломай свой горб, служи
И должный страх в душе держи!

«Ну, брат, и город! Вот домищи!
Так вот куда идут деньжищи:
Какие башни и костелы,
И как их только держат долы!
Смотри, смотри — и глянуть жутко
На гору ту с кирпичной будкой.
Оттуда б посмотреть на город!»
И дядя, позабыв про голод,
Уж подбивает друга Гришку
Взойти на эту гору-вышку.
Как вознеслась она высоко
И как манит, ласкает око!
А скат горы такой зеленый,
Каштаны, липы там и клены

Одним виднеются кустом,
Одним сверкающим шатром!
Проспект, костел друзья минули
И в сквер зеленый повернули.
В тени развесистых дерев
Дорожки вьются меж цветов
Такие чистые, ну, чудо!
И много тут бродило люда,
Но больше, смотришь, — молодые,
Все истомленные, худые.
Паны нарядные, девицы,
Со станом тонким, бледнолицы,
Гуляют тихо по дорожкам,
И черевички на их ножках
Скрипят, как будто припевают,
Точь-в-точь копытцами мелькают.
Глаза опущены стыдливо,
Совсем ягнятки, божье диво!
А паничи снуют стрижами,
Стреляют в тех девиц глазами
И льнут, как пчелы к сладкой гречке,
Как мотыльки к зажженной свечке.
На длинных лавках пожилые
Паны расселись, как святые.
Богато все они одеты,
Читают книги и газеты.
Антось глядит с почтеньем строгим,
И уж без страха по дороге
Идет, освоился с панами,
Постукивает сапогами!
Друзья из сквера вышли скоро,
Налево своротили — в гору.
Вдруг страж из будки вопрошает:
«Куда? Чего вас бес гоняет?»
«Мы на гору», — друзья в ответ.
«А вам известно или нет,

Что здесь бесплатно вход заказан,
И кто идет сюда, обязан
Билет купить — такой порядок».
Друзья уперлись — жаль деньжаток!
В чуприну руки запускают
И так и этак размышляют:
«За что ж платить тут, неизвестно!
А все же глянуть интересно,
Какой на все там сверху вид?»
И дядя стражу говорит:
«А за билет возьмешь ты сколько?
Один разор тут в Вильне только!»
«Всего шесть грошей. Заплатите, —
Тогда, пожалуйста, идите».
«Где наше, брат, не пропадало,
Терпи, лиха беда — начало!»
Друзья, смирясь, билеты взяли
И бодро в гору зашагали.
«Ого, гора, как печь крутая,
С того и тропка винтовая
По самой кромке кверху вьется,
Полезь-ка прямо — дух займется!»
«Ну, брат, гора, аж ноги млеют».
Друзья идут и веселеют.

Они наверх горы забрались,
Едва-едва там отдышались,
Невмочь уж шевельнуть ногами.
Зато и вид перед друзьями
Открылся славный с этой вышки!
Залюбовались дядя с Гришкой!
Огромный город, плотно сбитый,
Полдневным солнышком залитый,
Все занял, как ни глянь, кругом
Строенья жались — к дому дом,
То вдоль, то поперек — рядами,

То закрывались вдруг садами,
А то пригорком крутобоким.
Кой-где надменно, одиноко,
Стеснив лачуги, как овец,
Вельможей высился дворец.
Лачуги толпами стояли,
Как бы друг другу помогали
В несчастье горьком и в трудах,—
Казалось, их тиранил страх.
А меж громад, как между грядок,
Держа особый свой порядок,
Вились проулки так и этак
Густою тканью темных клеток.
С холмов, высоко над домами,
Позолоченными крестами
Блестели церкви и костелы,
И говор звонниц их веселых
Носился в небе ярко-синем
И замирал здесь на вершине.
Налево в берегах высоких,
Среди камней, кустов, осоки,
В русле песчаном, словно змейка,
Бежала шустрая Вилейка
И, закрутившись вдруг петлею,
Терялась сразу за горою.
А справа, ринувшись с размаху,
Вилась другая речка шляхом,
Под солнцем радостно блестя —
То Вилия, Литвы дитя.
Она катилась меж обрывов,
Чаруя красотой извивов,—
Как серебро живое, волны
Играли на просторе вольном.
Так майским днем дрожит листами,
Облитый знойными лучами,
Зеленый клен, шумя, сверкая,

В огне листву свою купая.
А за рекою, как шнурок,
Деревьев виден был рядок,
Как бы по мерке — ровный, строгий,
Ну, словно на бумаге строки.
Дома — кирпичные громады,
Дворцы и пышные посады,
Крутые горы с желтым скатом,
Песком и глиною богатым,
Весь правый берег обступали,
И в речке тени их дрожали.

А там, за городом далеко,
Приветно, радостно для ока
Холмы желтели в синей дали.
По их отложистым извивам
Гуляли ветерки по нивам
И тихо жито колыхали,
Как мать, склоненная над зыбкой,
Ребенка пестует с улыбкой.
Друзьям послышались живые
Напевы сердцу дорогие.
Там их душа, и там их думы,
Им дальше хочется от шума
Трескучих улиц, переулков,
От пыли, смрада закоулков.
Но здесь дышалось им спокойно.
Чуть долетал сюда нестройный
Далекий шум чужого мира,
Где было им так смутно, сиро.
Гора спокойная молчала,—
Казалось, тайну сохраняла.
«Ну, что, Антось, уж надивился?» —
От дум вдруг Верес пробудился. —
Пора давно в трактир податься,
А то кишки поют, признаться».

«Пойдем. Смотри хоть до полночи,
А все, брат, не насытишь очи!»
Друзья еще чуть постояли
И вниз обратно зашагали.
«Постой! А там что?» — «Пушка это!»
«А что ж при ней солдата нету? —
Промолвил дядя. — Иль худая?
Или фальшивая какая?
Давай посмотрим, что за диво!»
Друзья свернули торопливо,
У старой пушки важно встали
И долго-долго размышляли.
Глядели сзади и с боков,
Сказали много разных слов.
А дядя глаз не отрывает,
Все ближе, ближе подступает,
Хотел ее уже погладить.
«Не тронь, не тронь, а то рассадит!
Пускай она уж лучше сгинет —
Зацепишь, дуру, так, брат, двинет
И очи выхлестнет и кишки,
Забросит к бесу на Лукишки.
Уж я-то знаю эти штуки!»
В испуге, словно от гадюки,
Рванул от пушки дядя руки,
А Гришка ну вовсю смеяться:
«Пойдем, брат, лучше угощаться!»

XXX. Смерть Михала
Перевод П. Семынина

Конец!.. Простое это слово!
Но как глубоко, вечно ново!
Как часто мы под гнетом муки,

В тоске воздев глаза и руки,
Зовем освобожденья миг!
Счастливый миг! Уж никаких
Нет на тебе цепей и пут.
Конец — и некий круг замкнут,
В небытии он исчезает,
Другому место уступает.

Конец!.. Как много размышленья
И неизбывного томленья
В простом и страшном этом слове,
Что нашей жизни прекословит,
Когда последнею межою
Ложится грань между тобою
И тем, что дорого и мило,
Что душу грело, веселило,
И пело сердца глубиною,
Как гимн в устах ручья весною,
Когда раскованной водой,
Где солнце тешится собой,
Шумит он, вольный и смятенный,
Громкоголосый, белопенный,
И ты, мое повествованье,
Ты, отблеск жизни и страданья,
Ты, след далекой бедной доли,
Ты, отзвук правды, отклик воли,
Уже подходишь к окончанью.
Утихнет лиры звон тоскливый,—
Закат твой близок молчаливый,
Последний шаг твоих скитаний.
И грустно мне: я жил с тобою
Одною думою, душою,
Носил тебя, как носит мать
Пред тем, как жизнь ребенку дать.
Рождалось ты на свет бурливый
В срок многотрудный, несчастливый —

Еще далекою весной,
За мрачной каменной стеной,
В остроге, вольных дней не зная,
Когда над нами ночь сплошная
Висела тучею густою
И гнула тяжкою пятою.
Как часто я питал тобою
В разлуке с милою землею
Свою мечту, ее стремленье —
И миг счастливый вдохновенья.
Святым огнем душа пылала
И тайным слухом ощущала
Отчизны звук многоголосый:
И шелест золотых колосьев
На нивах близких и далеких,
И песни жниц голубооких,
И шум на взгорьях крутобоких
Старинных хвой во мхах седых,
Таких приветливых, родных,
Как добродушные бабули.
Они так нежно к сердцу льнули,
В глазах стояли, как живые.
И с ними песни огневые
Дрожать содружно начинали
И на незримые скрижали
Людской мечтой рожденных слов
Текли, как летопись веков.
Сейчас разлуки час настанет…
Последний шаг твоих скитаний!

Хлопот с землею накопилось:
К Ходыке ездить приходилось,
Да и раскидывать мозгами —
Как обернуться тут с деньгами.
А деньги плыли то и дело,
Аж голова от дум лысела.

И надоела так забота,
Что пропадала вся охота —
Волна такая набежит! —
И землю брать, и просто жить.
А сколько этой волокиты!
На деньги рты у всех раскрыты:
Тому дашь рубль, тому — двадцатку,
А не найдешь нигде порядку,
Куда ни кинься и ни ткнись,—
Чтоб все они перевелись,
Нотариусы, и конторы,
И писаря, и крючкотворы!
Блуждай, как средь болот чертовских, —
Иль дурни все, иль сам таковский,
Иль все смеются над тобой,
Раз в тех законах ты слепой.
Знай только деньги вымогают,
А ни на грош не помогают.

Но дело все ж вести пришлось,
И сильно попотел Антось!
Бывало, явится таким,
Что просто смех и горе с ним —
Как головня, весь грязный, в саже,
И нос его опущен даже,
Ну словно дядя с чертом бился
И, не осилив, — отступился.
Он в первый миг семье своей
Не сообщает новостей:
Не хвалит землю, не бранит,
Конторы же огнем палит
И крепость купчую ругает,
Холеры, смерти ей желает.
Бумаги вынув из кармана,
На стол швыряет зло и рьяно.
Но помаленьку остывает,

Запал начальный иссякает,
В душе стихают ветры-громы,
И вновь он прежний, всем знакомый,
Спокойный, добрый, терпеливый,
Приветливый и хлопотливый.

Но вот и все семейство в сборе.
Чтоб дядино развеять горе,
Мать поскорей идет в чулан
И творогу приносит жбан.
Нальет сметаны пожирней,—
Из дяди тут хоть нитки вей!
Лицо Антония светлеет,
Он за едою веселеет,
Рисует с живостью горячей
Удачи все и неудачи
Поездки виленской своей,
Изображая писарей
И все их хитрые замашки,
Когда они из-за бумажки
Стараются наперебой
Залезть в карман сермяжный твой.
Ох, надо знать их нрав собачий!
А впрочем, как им жить иначе?

Потом рассказ ведет Антоний
О том, что видел он в Заблонье.
Смеясь, Ходыку вспомнит вдруг,
И комаров его и мух.
И тем кончал повествованье,
Что, мол, тревоги и терзанья
Лишь начались и путь их длинный,
Дай бог дойти до половины!
Да, много мытарства с землею!
Легко ли голою рукою
Такое дело поднимать?

А сколько сплетен — что скрывать?
Досужей всякой болтовни
Среди завистливой родни,
Средь дядей, теток, свояков —
Был человек всегда таков!
И крику больше, чем событий.
Ох, трудно, трудно в люди выйти
И стать на собственные ноги!
Легко ли все оббить пороги!
Подчас на этом перепутье
Пред темной и слепой судьбою
Антось стоял, как под грозою,
Охваченный какой-то жутью.
Что ж, оробеешь поневоле
От этой распроклятой доли, —
Сгореть ты должен, разориться,
Чтоб к воле хоть на шаг пробиться!
Но есть ли, есть тому порука,
Что не напрасна эта мука?
Даст ли земля освобожденье
От панских пут и притесненья?
С одним рассватаешься тут,
И снова лезь в другой хомут!
Паны ж и разные чинуши
И там сумеют выбить души
И вырвать из тебя все жилы,—
Ведь ты без права и без силы! —
Сомненья тяжкие нежданно
Как молот били в сердце Ганны:
Тут не спасут земля и хата,
Коли вся власть в руках богатых!
Хмурел тогда Михал, смолкая.
Так что ж, навек им тьма такая?
И все старанья — дымом, прахом? —
Себя он спрашивал со страхом.
Нет, больно вдруг мечту утратить!

Пожить, пожить в своей бы хате.
«Конечно, этот труд не мал,—
Вслух говорил семье Михал,—
Но что же без хлопот дается? —
И тут, бывало, засмеется,
Чтобы развеять грусти тени.—
Сам бог велит ведь крест мучений
Нести, не зная мукам меры.
А вы уж сдались, — маловеры!
Коль ты свое наладил дело,
Иди упорно, ровно, смело,
Иди, назад не озирайся
И на других не полагайся!
И вам, сынки, — что тут таиться,—
Не век за батьку хорониться,
Пора подумать молодцам,
Как жить на свете без отца.
Ведь смерть нас спрашивать не станет,
Готов ты в яму или занят?
На грунт вам нужно опираться
И батраками не скитаться.
Какой же грунт? Земля, наука,
А не под панской плеткой мука».

Михал боролся, не сдавался,
Победы жадно добивался
И, наступая, не заметил,
Как лихо уж связало сети,
Чтоб на него накинуть разом.
Оно подкралось тихим часом,
Когда никто его не ждал:
Однажды осенью Михал
В мокроте след увидел крови.
«Эге, брат! Надорвал здоровье!
Пришел твой черный срок, Михась!
Теперь ее, старухи, власть!»

И сердце, занемев, упало.
Настигла, подлая, нагнала!
Впилась! Не сладить с окаянной!..
Но нет! О смерти думать рано!
Михала обдал ужас лютый,
Ему казалось в ту минуту,
Что никогда столь одиноким
Он не был на земле широкой,
Как будто чья-то вражья сила
Мир, полный света, разделила
И встала темным грозным валом
Меж всем живым и им — Михалом.
Впервые перед ним возник
Неотвратимый этот миг.
«Неужто все тут, боже милый?
Сгнию в сыром песке могилы
Ненужной шелухой земли?»
И тени страшные легли
Ему на сердце и на душу,
Все спутав, разорвав, нарушив.

Чуть затуманенные мглою,
Пред ним поплыли чередою
Томящей, неизбывно длинной
Воспоминанья и картины.
И все, что было пережито,
Вставало, словно сон забытый.
Глухая, смертная тоска,
Как тьмы незримая рука,
Его пригнула, придушила,
И стало горько все, немило.
Одно горело в нем стремленье —
Упасть пред кем-то на колени
И в чьих-то благостных объятьях
Спастись от страшного проклятья.
Из жизни вспомнил он былой

Свой детский страх перед грозой.
О, как та ночь была страшна,
Навеки памятна она!
Проснулся — стекла дребезжат,
За ними молнии горят
Огнем слепящим, синеватым,
И вербы старые у хаты
Стенают под дождем и гнутся
И во все стороны мятутся.
А буря злая ветви крутит,
Ерошит с воем, баламутит
И рвет их острыми зубами.
А гром тяжелыми клубами
Как будто землю разбивает,
И стонет хатка их, рыдает,
Трясется, словно хворостина.
А он, малец, как лист осины,
Дрожит от страху, плачет, жмется.
«Засни, мой мальчик! Гром уймется.
Не бойся, милый! Ты со мною!»
И мать горячею рукою
Его за шею обнимает;
И к матери он приникает,
И гром уж больше не пугает.
Он спрятан, не страшна напасть.
Ну, а к кому теперь припасть?
Кого просить? Кому молиться?
От смерти как оборониться?…
А может, это так, пустое?
Тревоги никакой не стоит?
Ведь он в груди не чует боли.
В конце концов, все в божьей воле!
И в нем надежда снова тлеет,
Отводит страх и сердце греет,
Как солнце землю после бури.
Уж так у всех людей в натуре.

Да лихо это цепким было,
Оно с Михалом не шутило!
Сперва Михал перемогался,
Болезни злой не поддавался,
Потом лечиться начал сам,
Доверясь сельским знахарям,
Пил зелья разные и травы,
Но все ж здоровья не поправил.
Зимою к доктору Михала
Возили раза два в морозы,
А злая хворь свои занозы
Все глубже в тело запускала:
Ничто ему не помогало.

Лежит он, сумрачный и смутный,
Глаза бесцветны стали, мутны,
И в глубину души глядят.
Печален и суров их взгляд.
И мучит горькое сознанье,
Что ты от жизни отрешен,
И, может, уж приговорен,
И близок с нею час прощанья.

Житье ж тащилось, как всегда:
В заботах, в тяготах труда,
То медленнее, то быстрей
Тропой пробитою своей.
С порядком этим вечным в ногу
Все в доме шли одной дорогой,
И только он под крышей хаты,
Как будто льдинами зажатый,
Один влачит часы свои,
Уж выбитый из колеи.
И то, что ранее, бывало,
Его так сильно волновало,
Теперь душе его недужной

Казалось мелким и ненужным.
Над ним стоит судьба немая,
Своих завес не поднимая.
Но есть ли что-нибудь другое
За этой темнотой немою?
Михалу жутко и тоскливо,
И сердце в нем стучит пугливо.
Ох, страшно смертное томленье!
Что ждет его? Могила, тленье!
Он хочет жить… Прочь, мрак и тьма!
Там тяжело, там ночь сама…
И он погибнет в той пустыне?
О, нет же, нет! Кровь в жилах стынет!
Как жизнь летуча, скоротечна!
Он разве жил?… О вечность, вечность!
Кто обоймет тебя, измерит?
Кто даст ответ? Кому поверить?
Волною потрясен угрюмой,
Михал не хочет дальше думать.
«Ну, что ты, мать? А ты б присела», —
Жене он говорит несмело
И ждет сочувствия, надежды.
«Дай руку, милая. Ну, где ж ты?»
И у нее в душе тоска.
Да, песня жизни коротка!
И как не вовремя стихает!
Но Ганна боль перемогает,
А в горле слезы комом, льются,
И давят, жгут, на волю рвутся!
«Помру я, Ганна!.. Ой, как жарко!..
До дна свою я выпил чарку!..»
И удивляется Михал:
Не то сказал он, что желал,
Совсем не то… Ну, что ж, пускай!..
«Ты эти думы отгоняй!
Немало люди ведь болели,

Болели годы, не недели,
И сколько случаев таких!
А смерть не уносила их».

Михал с усмешкою кривою
Качает тихо головою,
Устало, тяжело вздыхает,
И вновь душа его блуждает
Вдали от жизни, а глаза
Туманит горькая слеза.

Антоний шумно входит в хату
И, сев на лавку возле брата,
Смеется, шутит разудало,
Чтоб как-нибудь развлечь Михала,
Надежду добрую подать
И думы мрачные прогнать.
«Ну как, Михась? Ты, брат, бодрись!
Не падай духом, не клонись!
А день какой! Эх, день хороший!
Пройтись теперь бы по пороше!»
«Пойти — пойду, да не вернусь!
Пойду туда же, где Петрусь,
В Теребежи — под крест сосновый…»
«Ох и чудак ты, право слово!
Так и пошел! Ну, нет, брат, дудки!
Ты брось, Михась, такие шутки!
Еще походим мы с сохою,
Еще и над своей землею
Ты попотеешь, и немало —
По картам бабка так гадала.
Нет, нет! Пожить придется нам!»
Антоний говорит, а сам
Душою никнет, холодеет,—
Знать, вправду худо! Смертью веет:
Пред нею не захлопнешь дверь!

И дело странное: теперь
Любой пустяк, как ни был мал,
Особый смысл приобретал:
То куры в хате задурят,
Кудахчут целый час подряд.
Одна ж из них, взмахнув крылом,
Вдруг кукарекнет петухом
С каким-то бесовским задором;
То где-то в чаще леса ворон
Закаркает зловеще, глухо,
А то в трубе завоет вьюга,
Затянет жалобно, пугливо,
Иль закугукает тоскливо
По вечерам сова ночная,
В кустах ольховых пролетая,
Застонет так, что сердце ноет.
А то собака вдруг завоет.
Все это — вести издалека,
На правду страшную намеки,
Все это неспроста бывает —
Все смерть-старуху закликает.
А ночь придет!.. Эх, ночь-темница,
Каких ты ужасов криница!
Глядит в окно и сердце гложет
Без отступа… Ой, милый боже!..
В объятьях стужи ледяных
Трепещет тонкий серп луны,
На стеклах белит он полотна,
Такой печальный и холодный.

Михал не спит, а боль тупая
Растет, под сердце подступает.
Нет ни надежды, ни желаний.
Его померкшее сознанье
Все беспокоит, все тревожит.
Ни спать, ни есть уж он не может.

Огонь колышется и пляшет,
Кругом немые тени машут.
Они качаются, трясутся
И смехом пустеньким смеются;
То бегать по стенам начнут,
То снова медленно плывут.
Огонь все движется, все скачет…
Михал вдруг слышит — кто-то плачет.
Иль то бубенчик под дугой
Звенит печалью и тоской?
А чьи же очи там блеснули?…
И мысли далеко скакнули
В поток просторов и времен,
Где нет границ и нет препон.

Глядит Михал. Нет, что такое?
Он не один, а их уж двое:
Один Михал — больной и сонный,
Другой — силач неугомонный.
Один лежит, другой идет,
Идет по лесу без забот,
Веселый, песню распевает,
Того ж, дурной, не замечает,
Что за спиной, за шагом шаг,
Крадется страшный, темный враг
В каком-то длинном балахоне
И водит пальцем по ладони,
Кивнет с усмешкой и чертит,
Записывает, ворожит.
Кто он такой? Чего он хочет?
Что он, нагнувшись, там бормочет?
И неприятный запах тленья
Пахнул от черного виденья…
И запах ладана исходит…
Так это ж смерть за ним там ходит!
Иль это поп?… И все пропало.

Михала и следа не стало.
Куда ж он делся? Где он, где?
Эх, быть беде! Ну, быть беде!
Ах, нет! Вот он! Он волком стал:
Бежит — испуг его забрал.
Ой, прорубь! Ой! Он — прыг туда,
И понесла его вода.
Конец… В воде он пропадает.
Ушел под лед, а лед сверкает.
Взирают, дрогнув, дебри леса.
И вдруг какая-то завеса
Под чьей-то страшною рукой,
Сближая небеса с землей,
Надвинулась суровой мглой.
Михалу стало тяжело,
В груди дыханья не хватает,
А мрак все ниже нависает,
И светлый круг немой пустыни
Вот-вот погаснет в тьме-пучине.
Михал кричит и в страхе бьется,
Чуть-чуть завеса раздается.
Глаза он тяжко размыкает,
В его руке — рука другая.
Он изнемог — теснит дыханье.
Ах, сколько скорби и страданья!
Он просит помощи людей,
Жены, и брата, и детей.
Ведь небо черство, небо глухо
И не приклонит к людям уха;
Хоть ты проси, хоть ты моли,
Хоть сердце стонущее вынь,—
Не шевельнешь его твердынь.
Оно далеко от земли,
Оно бесчувственно: немое,
И безответное: пустое.
«Ты узнаешь меня, Михал?»

Он веки тяжкие поднял
И на жену уставил взгляд:
«Жена… Спаси меня!.. О, брат…
Спаси, спаси!.. Спасайте, детки!..» —
И струи слез полынью едкой
В глазницах впалых выступают.
Михал вздохнул и затихает.
«Ой, свечку, свечку! Умирает!»
Лицо дрожит в последней муке,
На грудь бессильно пали руки.
Михал еще раз содрогнулся,
Еще на миг один очнулся,
Как будто что припоминая…
Он дышит, но дыханья мало,
И вдруг ему все ясно стало.
«Антось… Родной мой… Жить кончаю!
Я весь сгорел, брат… Умираю.
Веди хозяйство… сам, один,
Как брат родной, как лучший сын…
Бог не судил мне видеть воли,
Свой хлеб посеять не позволил.
Земля… земля… люби родную.
Трудись над ней. И дай красу ей!
На новый лад… Жизнь сделай новой…
Детей не брось… Ох!..» И готово.
Ни слов живых, ни сердца стука.
И холодеющую руку
Антось целует, и рыдает,
И к телу брата припадает.

В поле, в поле
При дороженьке
Наклонился крест
Над могилою.
Все тропинки шли
В свет широконький,

Привели ж они
К той могилушке.

Ой вы, дороженьки людские,
Тропинки узкие, кривые,
Во тьме свои вы петли вьете,
Как будто по лесу бредете.
Простор вас кличет небывалый,
Где горизонт лазурно-алый,
Где солнца так пригожи взоры,
Где думы ткут свои узоры,
Чтоб жизнь по-новому начать
И счастье воли сердцу дать
И разогнать его тревоги...
Свободный путь!.. Когда ж во мгле
Ты засверкаешь на земле
И все в одну сведешь дороги?

Март, 1911-5 января 1923 г.

Хата рыбака
(Главы из поэмы)

{100}

Глава первая
Перевод С. Городецкого

1

Глядит в окошко тихий вечер,
Струится мрак на тесный двор.
Мороз, зимы художник вечный,

На стеклах пишет свой узор.
Лежит земля в одежде белой,
Лес нарядился в жемчуга.
Покой холодный, омертвелый
Хранят безмолвные снега.
Но в старой хате жизнь мерцает:
Свидетель дедовских времен,
Печалью древней удручен,
Лучник, как колокол, свисает.{101}

2

Лучина в лучнике дымится,
И весело огонь трещит,
Как бы живой, как бы жар-птица,
О чем-то о своем шумит.
Казалось бы, что в этой хате,
Замшелой, сгорбленной, седой,
Лежать бы должен на полатях
Ведун с крестьянскою душой
Или ворожея, что может
О будущем поворожить,
Людей гаданьем удивить
И даже сердце им встревожить.

3

Нет! Тут как раз во цвете силы,
Весны своей встречая дни,
Живут Марина и Данила.
Год, как повенчаны они.
Стоит верстак, кипит работа,

И стук бежит во все углы.
Данила трудится с охотой.
Для санок тешет копылы.{102}
Он топором взмахнет широко,
Отрубит, выверит на глаз,
А мысль летит и унеслась
Куда-то в новый день, далеко.

4

К лишеньям и труду привычный,
Он свой лелеял в сердце план:
Уйти от доли горемычной,
Не жить, как в щелке таракан.
Довольно гнуть пред паном спину,
Ходить по людям бобылем!
Теперь их двое, и с Мариной
Они построят новый дом.
А эта хата ожидает
Хозяина который год.
Его ж все нет, он не идет,
И где-то он — никто не знает.

5

Не век пуста была избушка,
В ней проживал — еще не встарь —
Приволья друг — Сымон Латушка,
Рыбак завзятый и дударь.
Но жил он птицей перелетной,
Хоть, правда, в стаях не летал,
А больше в дреме беззаботной

Зимою ночи коротал.
Когда же голод потревожит,
Стучась в окно сухой рукой,
Сымон и зимнею порой
Спешит на «промысел отхожий».

6

Но по какому же маршруту
Идти, к хозяевам каким?
Он на дворе стоит минуту,
Ноздрями втягивая дым.
И нос Сымона не обманет,
Как компас, поведет туда,
Где у хозяюшки в сметане
Блинов полна сковорода.
Любили люди нрав Сымона.
Свой человек он был для них:
Ведь он; обычаев людских
Держался твердо, как закона.

7

К тому ж он весел постоянно
И рассмешить любого мог.
Везде и всюду гость желанный,
Он шутки сыпал, как горох.
Как только воды речки звонкой
Войдут весною в берега,
Один Христос живет в хатенке,
Сымон же мчится на луга.
Несет с собой рыбачьи снасти,

Ведро, уду и котелок,
Садится в легкий свой челнок,
Уверенный в рыбацком счастье.

8

Весна и летнее приволье —
Веселый праздник для него.
Бедняк он, но кругом раздолье,
Тепла и света торжество.
Простор небесный над лугами,
Дыханье чистое лесов,
Костра приветливое пламя
И думы мирные без слов.
Простой себе он сварит пищи,
Лежит и нежится в траве,
Спокойно, ясно в голове.
Весь белый свет — его жилище.

9

Вот так, в занятьях беззаботных,
Жил наш Сымон — один всегда,
Сам и хозяин и работник.
Но и к нему пришла беда.
Сымон вязал на рыбу сети,
А на Сымона в этот час
Панами хищными в повете
Сеть хитроумная плелась.
Сучили нити их шпионы,
Как паутину пауки,
И нити были так крепки,

Что застонали все Сымоны.

10

Пришел однажды панский гончий,
Полициант, — проверил снасть
И актом свой осмотр окончил
Таким, что можно с ним пропасть.
За невод подать назначает,
За густоту его глазков
Еще пять злотых набавляет —
Плати, Сымон, и будь здоров!
Потом пошли еще налоги:
За хату, землю и за двор,
И штраф! На головы их мор!
Чтоб протянуть скорей им ноги!

Хата рыбака

11

Сымон подумал: «Что ты скажешь?
Платить? Кому же? Брюхачу?
Скорей ты сдохнешь, сила вражья,

Чем я налоги заплачу!»
Собрал Сымон свои манатки —
Он тут не слишком в землю врос!
Хоть, правда, жалко было хатки, —
Ну что ж! Храни ее Христос!
Он оглянул уют свой скромный —
Скамейки, печь — в последний раз.
Прощай же, хата! В добрый час!
И в мир пошел бобыль бездомный.

12

Три года хата пустовала.
Земли ж гектара полтора
Присвоил местный обдирала,
Прислужник панского двора.
А кто ж Марина и Данила?
Как очутились вдруг они
В той хате, брошенной, унылой,
Где стены дымные одни?
На свете прожито немного,
Но если поглядеть назад, —
Их век событьями богат.
Тяжелой их была дорога.

13

Жила Марина близ Пружанов,
И незадолго пред войной
Ее родители нежданно
Скончались раннею весной.
Она одна осталась с братом,

Ей — десять, брату — три годка.
Пошла Марина жить по хатам,
И жизнь была ей нелегка.
Пасет коров, ребенка нянчит,
Без ласки матери росла.
А брата в дом родня взяла,
Пускай он в доме побатрачит.

14

Но скоро вновь пришло несчастье,
Как только грянула война.
Душа, не разорвись на части,
Тоской пронзенная до дна!
Родной был дядя у Марины.
И вот когда пришел приказ
Бежать от фронта, от лавины,
То дядя в грозный этот час
Подбил Маринку ехать с ними
И вместе жить с его семьей —
Зачем ей горькой сиротой
Слоняться меж людьми чужими?

15

Поехали: она, Игнатка
Да дядя с теткой, их сынок.
Куда? Никто не знал порядком.
Найдет ли пристань их челнок.
И день и два то воз за возом
Скитальцы едут, то одни.
То под кудрявою березой,

То под сосною спят они.
Картин дорожных не опишешь
С их горем слезным и тоской,
Что нес с собой поток людской
И что лишь чутким сердцем слышишь.

16

Глазами детскими Марина
На мир глядела, на людей,
И горькая ее судьбина
Ей не туманила очен!
То на возу она сидела,
То шла с Игнаткою пешком.
А встретится сосняк замшелый,
Стремглав бегут туда вдвоем,
Или в дубняк, коль он дорогу
Овеет запахом грибным,
И, разживясь добром лесным,
Плетутся дальше понемногу.

17

Так проходили дни и ночи,
А лето уж к концу идет,
И день становится короче,
И птицам уж пора в отлет,
Все едут — нет конца дороге.
С ночлегом каждый день трудней,
И Галя, тетка их, в тревоге,
И грустен дядя их Авдей.
Маринка сердцем понимает:

Обуза им она и брат,
Хоть в том никто не виноват.
А дядя что-то замышляет.

18

На сердце у Марины смутно,
С братишкой шепчется она,
Тревожится ежеминутно,
Предчувствий горестных полна.
Вот начал день к концу клониться,
Пора подумать про ночлег.
Да где же им остановиться?
Здесь лес повсюду, как на грех.
«Ну что ж, в лесу и заночуем:
Подходит ночь, измучен конь.
Вот хворост. Разведем огонь». —
И дядя снял с коняги сбрую.

19

Костер... И пламя отпылало.
В золе картошки напекли.
А ночь алмазы рассыпала
По кровле стихнувшей земли.
За путниками наблюдает
Сквозь ветви месяц молодой.
Ночная птица их пугает,
Кричит, как будто пред бедой.
Окончен ужин. Дядя с теткой
Постлали на возу постель.
Маринка мох сгребла под ель,

И сладок был их сон короткий.

20

Она следит, как мать родная,
За братом маленьким своим,
Легла, ребенка обнимая,
И сном забылась молодым.
Ночь на исходе. Звезды гаснут.
В лесу светлеет поутру…
И солнце луч бросает ясный
И будит брата и сестру.
Глаза Маринка приоткрыла,
С ресниц сгоняя сладкий сон,
Глядит на брата: дремлет он,
Весь озарен улыбкой милой.

21

И сразу вздрогнула сиротка,
Кольнуло грудь ей, как иглой.
А где ж повозка? Где же тетка?
А где их дядя? Боже мой!
Они одни средь дебрей хмурых.
Следов не видно от колес.
Куда поплелся конь понурый
И дядю с теткою увез?
Маринка замерла, бледнеет.
И сон развеялся, как дым.
А лес безмолвен, недвижим,
Лишь уголь от костра чернеет.

22

Что делать детям? Как такое
Предательство перенести?
Где им искать тепла, покоя?
Куда, беспомощным, идти?
Глядит Маринка на Игната.
Он спит, покинутый малыш.
А лес, дремотою объятый,
Молчит. Кругом их глушь и тишь.
Девчина в горе и печали.
Земли не видит из-за слез.
Но едет беженский обоз,
И люди их с собой забрали.

23

И едут вновь они в тревоге
С людьми чужими в мир чужой,
А вслед за ними по дороге
Бежит беда, стучит клюкой.
Догнала бедную Марину,
Свалила с ног ее, и вот
В беспамятстве везут девчину
В больницу, разлучив сирот.
Маринка потеряла брата,
В больнице мается одна,
Где он, не ведает она.
И не найти следа Игната.

24

Мелькают дни, плывут недели,
Забылась беженства печаль,
И детства годы улетели
Куда-то в выцветшую даль.
Маринка крылья в жизнь раскрыла.
Цветочком майским расцвела.
Хоть много горького сносила,
Но друга милого нашла.
И под венец пошла с Данилой,
Батрачкою за батрака.
Им дали хату рыбака:
Живите, если вам тут мило!

25

Она хозяйничать любила,
Жить веселее стало ей,
Не пропадет она с Данилой!
Живет не у чужих людей!
Ее работа не пугала:
Не привыкать ей жить трудом!
Хоть было нелегко сначала,
Все ж легче, чем в дому чужом,
А что произошло когда-то,
Уходит в глубь души, на дно.
Не забывается ж одно:
Тоска по брату, по Игнату.

Глава шестая
Перевод П. Семынина

1

Проходит время мерно, тихо,
Ни грозных смен, ни новостей,
А где-то уж крадется лихо
И лишь минуты ждет своей.
Не слышно Богута, не видно,
Как будто был у них во сне,
Но чаще зло подходит скрытно —
В покое полном, в тишине.
Повадку Богутову зная,
Ждут панских козней бедняки.
Покажет он свои клыки,
Настигнет их невзгода злая.

2

И неизвестность их тревожит,
И мучит призрачный покой.
Чем пан еще «приветить» сможет?
С какой он явится бедой?
Приедут, верно, из участка,
Там есть у Богута рука,
И скажут хмуро, безучастно:
«Съезжай, пся кость, не жди пинка».
Они гадают так и этак,
Когда наступит черный срок…
Да что за толк от их тревог?
Тут жить не до конца же света!

3

В руках быстрей кипит работа,
Возок Данила мастерит,

Не помешает лишний злотый,
Топор сверкает и звенит.
По горло дел и у Марины:
Средь хаты высится станок,
Навиты нитки-паутины,
Хоть и чужой прядет ленок.
За пряжу платят чем придется:
Кто шерсти принесет, кто льна.
В кудели, как в венке, она.
Любой ей труд шутя дается!

4

Марина — добрая хозяйка,
Хозяину — надежный друг.
Читатель, вместе с ней давай-ка
Заглянем в расписной сундук.
То от Данилы дар на память,
Когда ходил он женихом.
Внутри на крышке — розы пламя
И домик с ярким цветником.
Рисунок сделан кудревато,
Видать, с охотой и теплом,
И в сундуке веселом том
Весь лучший скарб Марины спрятан.

5

В минуты отдыха Марина
Сундук любила отомкнуть,
На радость и себе и сыну
Все выложить, перетряхнуть.

Тут скатерть есть ее работы —
По краю в белых кружевах,
На ней узоры, переплеты —
Искусной выдумки размах.
Под скатертью же аккуратно
Она хранила рушники,
На них такие петушки,
Что и самой взглянуть приятно.

6

Гляди, Валерик, видишь — птицы.
А это — полотна кусок.
Пришлось здесь мамке потрудиться…
А вот — на праздник поясок.
Сошью рубашку для сыночка
И так украшу воротник,
Чтоб стал Валерик василечком
Среди колосьев золотых,
А он, смеясь, ручонки тянет.
Мать не натешится сынком
(Жизнь кажется ей сказкой, сном…),
И наконец в прискрынок глянет.{103}

7

Да разве можно удержаться,
Чтоб пропустить прискрынок тот?
В нем так приятно покопаться,
Валерик даже замер, ждет.
Один ларец работы тонкой
Достоин самых лучших слов, —

Данила для любимой женки
И тут не пожалел трудов.
Ну, чем бы, кажется, полезен
Тот дуб, что век лежит в реке?
А вот ларец в ее руке,
Не наглядишься, так чудесен!

8

Как жук, он черный весь, скользящий,
Возьмешь в ладони, ну — плывет.
В нем, словно в зеркале горящем,
Все движется, блестит, живет.
И так искусно он исполнен,
Что крышки не отыщешь в нем.
И весь он доверху наполнен
Лишь самым дорогим добром.
Два перстенька тут, крестик медный —
Сыночку куплен в день крестин, —
Найдется злотый не один,
И талисман есть заповедный.

9

Сам по себе он глупость, может, —
Никчемный красный черепок,
Но для Марины он дороже,
Чем весь тот полный сундучок.
Хранит его Марина свято,
Как чистую печаль свою.
С ним брат меньшой играл когда-то, —
Жив он иль нет? В каком краю?

Не раз Игнатка в изумленье
Сквозь стеклышка холодный жар
Смотрел на луг, на крутояр,
На лес пылающий, осенний.

10

Ей станет тяжко, с новой силой
Тоска, как уголь, сердце жжет:
Где он, бедняга, братец милый?
Неужто к дому не придет?..
Вот так Марины жизнь катилась
В кругу тревог, надежд простых;
С рассвета допоздна трудилась
И для себя, и для других.
Эх, бедность! Вечно над тобою
Нужда и беспросветный мрак!
И вспомнится Сымон-рыбак
С его бездомною судьбою!

11

Уже и сретенье минуло,
Осели пышные снега,
К теплу помалу повернуло,
День раздвигает берега.
А все февраль, холодный, лютый,
Ведущий зиму на причал,
Твердит: «Эй, люди, вы обуты?
А дров запас у вас не мал?»
Но люди рады: день светлее,
И время движется скорей,

Просторы смотрят веселей,
Покров зимы, чернея, тлеет.

12

В окошко солнце смотрит чаще,
А в полдень капает со стрех,
На речке пухнет лед скрипящий,
Кругом ребячий крик и смех.
Светлей и рыбака жилище.
Валерик вырос не шутя —
Ему уж четверть года с лишним,
Он сесть пытается, кряхтя.
Растет мальчонка — загляденье,
Уж знает и отца и мать.
Ну как же им не ликовать?
Ну это ли не утешенье?

13

Все шло тропой, сдавалось, доброй,
И жить бы можно кое-как,
Когда бы пан коварной коброй.
Не сторожил их каждый шаг.
И вот из гмины к ним нежданно{104}
Приносят желтый панский лист:
О платеже строчит пространно,
Грозя судом, канцелярист.
Но пану мало только платы,
И приказал им строго он:
В недельный срок — из хаты вон!

Вот он и пробил, час проклятый!

14

Через неделю и другая
Пришла бумага — пан не ждет:
Паук свирепый, налегая,
Все крепче сеть свою плетет.
Данила — к Богуту, взмолился,
Но пан ни на вершок назад.
«Что ж, случай был — не согласился,
Так кто ж, выходит, виноват?»
Теперь уж просьбы безнадежны,
Ведь хата по суду — его,
Она стоит не для того,
Чтоб в ней ютился сброд мятежный.

15

И в Петрушах известно стало,
Какое зло замыслил пан.
И эта новость взволновала
Привыкших ко всему крестьян.
Чего он так навис над хатой?
За что платить? Зачем их гнать?
Как терпим мы такого ката?
Весь век он будет лютовать!
Мужик Данила — домовитый,
Марина — поискать таких!
Едва житье пошло у них —
И прахом все, пути закрыты.

16

Деревья клокотали глухо,
Горячий гнев копя в тиши.
И на усадьбу без испуга
Глядели молча Петруши.
Им пан-осадник въелся в кости —{105}
Так опостылел жадный гад.
Не раз непрошеные гости
Последний скарб несли из хат.
Ну, словно воды в половодье —
Долги, налоги, штрафы, суд,
Никак не вырвешься из пут, —
И ненависть росла в народе.

17

Несладко жить им под панами;
Кругом неволя, произвол,
И заработка нет годами,
А дети голые, без школ.
Своих газет и книжек нету,
Родное слово — в тупике,
Кружки, собранья — под запретом,
И весь ты в панском кулаке.
Чуть что — нещадные расправы,
Штыки, конвойные, острог,
Растет густой чертополох,
И дымом тянет из Варшавы.

18

О Петрушах хоть мимоходом
Сказать пора немного слов
И познакомиться с народом,
Что здесь живет спокон веков.
Людей, по правде, тут немного —
Всего, считай, семнадцать хат,
Строенья выглядят убого,
Все бедны на единый лад.
Вросли, скривившись, в дол песчаный,
На заскорузлых крышах мох,
Как бороды лешачьи, лег,
Прикрыв клоками струпья-раны.

19

Чтобы придать красы лачугам
И Польши честь не уронить,
Приказ был дан по всем округам —
Немедля хаты побелить.
Не много бодрости прибавил
Халупам сгорбленным побел,
И петрушевцев позабавил,
Потешил тот «державный» мел.
Лемех Авген придумал мудро
Пословицу на этот счет:
Мол, стенам нашим мел идет,
Как бабушке столетней пудра.

20

Нет, никогда не одобряет
Мужик того, что хочет пан,

Но всем, что пан ни затевает,
Он видит блажь или обман.
А как могло быть по-другому,
Когда тебе простор закрыт?
Вот дед Кутейка, всем знакомый,
Его табак был знаменит.
Теперь бедняга стонет стоном —
Табак свой разводить не смей,
Для пана по приказу сей,
А уж какой там вкус — в «казенном»!

21

Да не один Кутейка только
Панами выбит из седла.
Прикинь-ка, наберется сколько
Таких из каждого села.
Всечасным грабежом, обманом
Уж так зажали — не вздохнуть,
Ну, словно пойман ты капканом,
Не устают душить и гнуть.
А коль, не дай господь, узнают,
Что слух направил на восток,
Тогда пропал ты — свалят с ног
И без пощады доконают.

22

Соблазн же у людей немалый
Узнать побольше, как живут
В краю за пограничным валом,
Где власть своя, где волен труд.

А кстати, на дворе Авгена,
Как часовой мужицких хат,
До туч возносится антенна,
Прельщая хлопцев и девчат.
Идут сюда и пожилые,
Не смело, правда, а тайком,
Послушать вести вечерком —
Родной Москвы слова прямые.

23

Вокруг стола засядут чинно,
Окно задернут поплотней.
Крути Варшаву для почина
И цельсь на Москву скорей.
Варшава — так, на всякий случай,
Особенно же в этот час,
Когда возможен шпик-лазутчик,
Нахлебник панский, лоботряс.
Но люди здесь не без сноровки,
Здесь видят подлеца насквозь,
И коль такой вотрется гость,
Так не погладят по головке.

24

Давно ведется, хоть и глухо,
Война с панами у крестьян,
Востро держать им надо ухо,
Чтоб не поддаться на обман.
Вот и сегодня — нету веры,
Что тут не ходит сыщик-бес.

Нет, дудки, приняты все меры —
Свои кругом на страже здесь.
Заметит кто-нибудь чужого —
Сигнал, Авген за ручку круть,
И уж ксендзы вовсю орут,
Слышны псалмы из Ченстохова.

25

И веры не теряют люди,
Храня надежды свет в груди,
Пусть ныне правит пан и судит —
Весна им блещет впереди!
А дед Кутейка молвит строго:
«Мужик вовеки не помрет,
Пред ним великая дорога,
А пана только гибель ждет.
Он царь сегодня, всех сильнее,
А завтра — прах, зола и дым,
Полынь не вырастет над ним.
Я ж табачок еще посею!»

Глава тринадцатая
Перевод Б. Иринина

1

На людях я иль сам с собою,
Все с ними в думах я живу.
Мне не дают они покоя
Ни в чутком сне, ни наяву.
Не день, не два — по доброй воле —

Идти мне с ними по пути,
Чтобы избыть их злую долю,
Чтоб счастье им помочь найти.
Я снова к вам, мои герои,
Мои три близкие души,
Иду в деревню Петруши,
Где, знаю, нет и вам покоя.

2

Они в каморке крепко спали —
Нет крепче сна перед зарей, —
И сны их уносили в дали,
Ласкали щедрою рукой.
Своя Марине хата снилась,
И пашня, и они втроем;
В краю свободном был Данила,
Мальчонка — грезил о своем.
А у ворот их тихой хаты
Стучалась между тем беда:
Сходились стражники сюда,
Как будто по невесту сваты.

3

Двор окружен, закрыты ходы.
У темных окон, в смутный час,
Стоят душители свободы,
С них не спуская зорких глаз.
На двери навалясь всем телом,
Ватагой рвутся в мирный дом.
Ох, кто пришел за добрым делом,

Тот не полезет напролом!
«Кто там?» — дрожащий от тревоги
Донесся голос из сеней.
В ответ — все громче и сильней
Стук раздается на пороге.

4

Колотят в двери, словно в бубен,
Чтоб кончить дело до зари.
На языке — угрозы, ругань,
Грохочет окрик: «Отопри!»
Марина шепчет: «К нам! О боже!..»
«Молчи! — Данила на нее. —
Ни плач, ни крик твой не поможет,
Поживы ищет воронье».
Она, как смерть, с переполоха,
И он, раздетый и босой,
Дрожат, как стебли под косой.
Куда им деться? Дело плохо!

5

И отпирает дверь Данила,
Сам отступая в уголок.
Ввалилась в сени вражья сила,
Гремят шаги тяжелых ног.
Стоят, как псы, зловещей сворой.
«А ну-ка, кто Данила Смык? —
Вдруг властно молвил пан Пшебора. —
Что ж пан молчит? Прилип язык?»
«Данила — я. Что надо пану?»

«То пан увидит скоро сам…
Пан Гжыб! Прошу вас — гляньте там,
А в их халупу сам я гляну!»

6

Паны торжественно, степенно
Творили обыск, как обряд,
Весь перерыли дом отменно,
Все вещи трогали подряд.
Совали нос в любую щелку,
Трясли подушки, сенники,
В подпечье лазили, за полку,
Измяли скатерть, рушники.
Стучали в стены, от порога
Пол изломали вширь и вдоль,
Перетрясли в кадушке соль,
Святых ощупали и бога.

7

Сложив, как на молитве, руки,
Стоит Марина у стены,
Глядит, с душою полной муки,
Как произвол чинят паны.
Что ищут? Что у них за мысли?..
Как сердце ей сосет тоска!
Густые волосы обвисли,
Как будто ветки лозняка.
Молчит Данила, брови хмуря,
Ни рук не чувствуя, ни ног.
И только их малыш-сынок

Спокойно спит, не слыша бури…

8

И дед Кутейка для порядка
Присутствует как понятой,
Молчит, смотря вокруг украдкой, —
Да что и скажешь своре той?
Стоит он хмурый, молчаливый,
Но на заметку все берет,
И мысли роем суетливым
Шныряют здесь и у ворот.
Тут оборота жди крутого!
Нет-нет — и екнет в сердце страх:
А вдруг как за единый мах
Прижмут паны и понятого?

9

Застав за обыском Пшебору,
Кто мог бы описать его?
Ему сравниться разве впору
С самим ксендзом под рождество.
И впрямь, он строг, как ксендз в костеле:
Мол, властен здесь отнюдь не он,
Он поступает поневоле —
Ведь надо всем стоит закон.
Его же долг — одним ударом
Крамолу тайную пресечь:
Он «высшей власти» щит и меч,
И ценит власть его недаром.

10

Данила смотрит и гадает —
Чем грозный кончится налет?
Пшебору злость не зря снедает:
Улик ему недостает.
Напрасны хитрые уловки,
И ни к чему весь панский труд, —
Брошюры, книжки и листовки
За банькой спрятаны под спуд
И все ж на сердце тяжко, смутно,
И он уверен лишь в одном:
Гроза близка, и может гром
Их разразить ежеминутно.

11

Он смотрит на жену: бедняжка!
Как перепугана она!
Как ей все это видеть тяжко!
Стоит белее полотна.
Ох, сердце женское, родное!
Ну просто рвется вся душа…
А тут еще дитя грудное, —
Кто пожалеет малыша?…
Весь красный пан, как идол медный.
На них не глядя, в уголке
Брезгливо шарит в сундуке,
Перебирая скарб их бедный.

12

Как не кипеть обиде жгучей:
Ворвался, гад, в их мирный дом,
Перерывает все онучи,
Тряпье, нажитое трудом.
В сундук залез, как вор клейменый,
Перевернув им все нутро,
Бессовестно рукой холеной
Швыряет скудное добро.
И душу грязными ногами
Он топчет нагло, пес шальной!
О, будь ты проклят, панский строй,
Где жизнь насильники поганят!

13

Уж отточив лучи, как косы,
Проходит солнце вдоль межи,
Огнями радуг блещут росы
В бескрайнем море спелой ржи.
Уж за окном, под небосводом,
Простор сияющий расцвел,
И свежий луг душистым медом
Зовет рои проворных пчел.
Гудит земля согласным хором
На свой старинный, вечный лад,
Выходит люд из душных хат.
Они же — точно под запором.

14

Конца не видно волоките.
Скорей бы черт их всех унес!

Но измененье в ход событий
Нежданно вносит панский пес:
То в хату Гжыб поспешно входит,
Тупое, старое бревно,
Довольным взглядом всех обводит,
Как будто не видал давно.
В заплывших глазках восхищенье
И мелкий, хитренький смешок:
«Попался, миленький дружок,
Преступник пойман, без сомненья!»

15

И эдаким к Пшеборе чертом
Подходит, выпятивши грудь,
Кладет на стол тяжелый сверток.
«Пан, погляди-ка: «Красный путь»! —
И, ног не чуя под собою,
Докладывает нараспев: —
Лежало это под стрехою.
Хитро запрятано, пся крэв!»[{106}]
В лице меняется Данила,
Кричит он гневно: «Ложь! Обман!
Подстроено все это, пан,
Чтоб взять добычу легче было!»

16

Но с оскорбительной усмешкой
Они взглянули на него.
«Пан, погоди-ка! Что за спешка?
Себя вини ты одного!» —

И пан Пшебора деловито
Разглядывать брошюры стал.
Он вслух читал их ядовито,
Страницы медленно листал
И толковать в насмешку начал,
В глазах восторг изобразив,
К восстанью пламенный призыв
И большевистские задачи.

17

Какая горькая минута!
О, как унижен человек!
Кому — смеяться, а кому-то —
Терпеть насмешки весь свой век!
Горит душа и кровь от боли,
От плоских слов тупых людей,
Что топчут честь твою, и волю,
И чистоту грядущих дней.
А дед глядит, скрывая горе,
То на нее, то на него,
Сказать не может ничего.
Да что и скажешь при Пшеборе?

18

Но вот конец, как видно, скоро,
У пана все идет на лад.
Бумагу достает Пшебора
И пишет скучный свой трактат.
Слова выводит аккуратно,
Чтоб наслажденье растянуть:

И сам устал, а все ж приятно
Помучить жертву чем-нибудь.
Скрипит перо тягуче, нудно…
Какой конец их ждет? Как знать?
От той руки, однако, ждать
Конца хорошего им трудно!

19

И он кончает, ставит точку.
Читает молча протокол,
То морщит лоб над каждой строчкой,
То думает, уставясь в пол.
Затем зовет он понятого
Скрепить, как должно, акт святой.
И шаткий крест, сопя сурово,
Пером выводит понятой.
«Все на законнейшей основе
У нас теперь! — промолвил пан,
И встал он, разгибая стан. —
Ну что же? Взять его, панове!»

20

Сомлело сердце у Данилы,
И ясный свет померк в глазах,
Пред ним встает глухой, унылый,
Неведомый далекий шлях.
Как оглушенная, Марина
К нему кидается на грудь:
«Данилка! Родный! Сиротина!
Ведь есть же правда где-нибудь?»

«Не плачь! Вот глупости! Вернусь я.
Есть правда!.. Верь!.. Не забывай!
Берут меня… Ну что ж, пускай!
А под неправдой не согнусь я!»

21

«Довольно! Хватит мелодрамы…
Пан Гжыб, зови конвой, пора!»
И, опустив глаза от срама,
Плетется стража со двора.
«Маринка, — шепчет дед негромко, —
Сбирай-ка мужа поскорей!»
Она последний хлеб в котомку
Кладет с десятком сухарей,
Белье сует… Каков обычай —
Она не знает и сама:
Оденет панская тюрьма
Иль обдерет свою добычу?

22

Одно осталось в горькой сцене:
Поставив крест, уйти без слов.
Но спит, не зная треволнений,
Малыш во власти светлых снов.
Дыханье ровное, и щеки
Весенним полымем горят…
Данила грустный, одинокий
Остановил на сыне взгляд.
Какое с горя скажешь слово?
К чему тревожить мирный сон?

Когда увидит сына он
И суждено ль увидеть снова?

23

Стоит над хлопчиком Данила
И, глаз не в силах отвести,
Целует в лоб… «Прощай, мой милый!
Держись, и крепни, и расти!..»
Не может слез унять Марина,
Кутейка под ноги глядит,
А пан Пшебора с хмурой миной
Одно назойливо гудит:
«Пора! Пора!» Ведут, как вора:
Гжыб — впереди, за Гжыбом — он,
Четыре стража с двух сторон,
А сзади шествует Пшебора.

24

На болоте никнут лозы,
Ветер ломит гай.
Тень плывет с Картуз-Березы,[{107}]
Застилает край.
Смотрят, в гневе очи хмуря,
Люди фабрик, сел:
Над панами грянет буря,
Час ее пришел!
В ясном небе после ночи
Вновь займется день,
Дуб растет на доброй почве

Крепкий, что кремень.

25

Под наблюденьем перекрестным
Шагнул Данила за порог.
Кому пожаловаться? Соснам,
Что встали строем вдоль дорог?
Во все концы ведут дороги,
А он шагает по одной,
В чужой толпе волочит ноги,
Поникнув хмуро головой.
Он — сук, что от родного дуба
Отсечен острым топором,
Идет он в темень не добром, —
Чужая воля гонит грубо.

Глава двадцать первая
Перевод С. Городецкого

1

Мне трудно, память напрягая,
Припомнить черный день былой,
Когда шумел под свист нагаек
Полночный ветер надо мной.
Но и забытое страданье
Из сердца нелегко изгнать,
Хоть дней острожных прозябанье
Так неприятно вспоминать.
И должен я с моим героем
Пройти и тем его путем,

Где проходил он под кнутом,
Под панской стражею, конвоем.

2

Я проклинаю вас, остроги,
И вас, надменные паны!
О, сколько мук народ убогий
Терпел от вас! И без вины!
Теперь вы сброшены с дороги,
И к власти нет у вас пути.
В народе никакой подмоги
Обломкам панства не найти!
Так сгиньте, тюрьмы и страданья!
Паны, промчались ваши дни!
Вы — без народа, вы — одни,
Остатки разной панской дряни.

3

Путь тяжких мук прошел Данила,
Конца ему он не видал.
Таких страданий и не снилось,
Что он по тюрьмам испытал.
Данилу били, истязали,
Угрозой думали смирить.
Подачек много обещали,
Чтобы к себе переманить.
Данила не сдавался катам,
Не уставал одно твердить:
«Паны мешают людям жить.

То Богут виноват проклятый!»

4

Допросы — первый круг мученья —
Окончены. Пред ним лежат
Все той же страшной цепи звенья,
Кругом него все тот же ад!
Дорога пунктов пересыльных,
Где брань конвоя и пинки,
Пред ним раскрылась в далях пыльных,
И сердце ныло от тоски.
Все дальше, дальше уплывали
Его домашний уголок,
Марина, маленький сынок,
И сердце рвалось от печали.

5

Он не один! Их тут немало,
Ему неведомых людей,
Забитых, загнанных, усталых…
Иди, противиться не смей!
Куда их гонят? Все равно им:
Один острог или другой.
Покрыт туманной пеленою
Грядущий день, как лес ночной,
Идут с ним люди разных званий,
Из городов и мужики,
А есть, наверно, и шпики,
Что служат псами в панском стане.

6

Данила с этим уж встречался —
Меж них предатель может быть,
И он в пути остерегался
С подобной тварью говорить.
Идет он мерно полем, лесом
С каким-то жуликом вдвоем
Их руки скованы железом,
Как шеи двух волов ярмом.
И, как волы, они друг другу
В пути не скажут двух-трех слов.
Их понукают, как волов,
Они ж наручник тянут цугом.

7

Приводят ночью их к вокзалу,
И под кандальный тихий звон
Сдают там новому капралу,
И загоняют их в вагон.
И хоть темно тут, тесно, грязно,
Как будто в клетке для зверей,
Но слов не слышно безобразных,
Над головою нет плетей.
Проходит ночь, день угасает,
А их везут. Вдруг паровоз
Запнулся, будто в землю врос…
Одна минута и другая…

8

Кругом шумливое движенье,
Свистки, гудки и стук колес,
Треск, грохот, тяжкое пыхтенье —
Другой подходит паровоз.
Вагон под выкрики конвойных
Назад под семафор идет,
И постепенно шум нестройный
Затих. Рожок сигнал дает.
И снова звуки все заглохли.
Вдруг лязг замка. Упал засов.
Вновь окрик грубых голосов:
«Слезайте, черти, коль не сдохли!»

9

Тяжелый путь уж за спиною —
Этапы, где нельзя вздремнуть
Под палкой панского конвоя,
Неволи горькой первый путь.
Но к новым мукам и заботам,
К бессчетным дням тоски, тревог
Ведут железные ворота,
Острожный двор и сам острог.
Стоит Данила у конторы
Среди зеленых кунтушей,
Мордастых наглых палачей,
Стоит средь хищной панской своры.

10

Наживы жаждой обуяны,
Все обыскав, все перерыв,

Они трясут твои карманы,
Ты ж стой, молчи, ни мертв ни жив.
Все, что пригодно, все, что ценно,
Уходит к жадным хапунам,
Все попадает к ним мгновенно
И прилипает к их рукам.
Но вот окончен обыск этот.
Теперь твой путь ведет в острог,
Но есть еще один порог,
Что может сжить тебя со света.

11

Есть в том остроге изолятор.
Там — свой порядок, свой уклад,
В той тесной камере проклятой —
Убийца, жулик, вор и кат.
Там все — отпетые бандиты,
Закон их — убивай! Возьми!
Они тем живы и тем сыты,
Чтоб издеваться над людьми.
Они охранников страшнее,
И в руки этой злой шпаны
Сдают невольников паны —
Ломать им ребра, мылить шеи.

12

Ведут Данилу в изолятор
И с ним еще троих людей.
Вот теснота! Все сбиты, сжаты —
Тесней, чем в бочке для сельдей.

И глянуть «гости» не успели,
Как тут их взяли в оборот.
«Принес ли дьявольского зелья?» —
Спросил верзила-обормот.
Взор — дикий, цвет лица — землистый,
Глаза пронзают, как ножи.
Кричит Даниле: «Покажи,
Чем наделили коммунисты?»

13

Данила, хоть и был измаян,
Сжал кулаки. «Ты кто такой?
Что думаешь, ты здесь хозяин?
Ты кто? Начальник надо мной?»
Затихла камера, ни слова:
Как руку он посмел поднять?
Пред ним Адольф из Ченстохова,
Что всех заставил здесь дрожать.
Весь побледнел нахал усатый.
Лицо пылает, как в огне.
«Целуй, несчастный, руку мне!» —
И ткнул кулак свой волосатый.

14

Да так он ткнул, что кровь из носу
По бороде пошла струей.
Как отомстить ему, барбосу?
Как вытерпеть позор такой?
Невзвидел света мой Данила.
Забыв себя, он кулаком

С такой Адольфа двинул силой,
Что полетел тот кувырком.
«А ну! — на битву вызывая,
Данила оглядел шпану. —
Иди, кто хочет! Долбану!»
И присмирели негодяи.

15

А по углам, сперва несмело,
Довольный, загудел народ:
«Вот это голос! Это дело!
Что, гад, посеял, то и жнет?»
Встает Адольф побитой псиной.
Так уронить авторитет!
Глядит вокруг с кривою миной —
Теперь аминь ему пропет!
Таков закон меж уголовных:
Того спешат они признать,
Кто может крепко в зубы дать,
И нет тому меж ними ровни.

16

Ватага разом зашумела
И разделилась, все кричат:
Немало тут таких сидело,
Кому в печенки въелся кат.
Они — сторонники Данилы,
Долой — Адольфа-вожака!
Из них выматывал он жилы,
Он — здешних стражников рука.

А эта стража тихо, ловко
Допрос по делу начала.
Судьба Данилы тяжела:
Ему назначили «рэйбовку».

17

«Рэйбовка» — это истязанье,
Чтоб за провинность наказать:
Дают виновному заданье —
Пол голой палкой подметать.
Вот палка! И пошло мученье!
Иди и чисти коридор,
А за тобою наблюденье
Ведет острожников дозор.
Твой каждый шаг они измерят,
Мети, как изверги велят,
По восемьдесят раз подряд,
И не противься злому зверю.

18

Так начиналось для Данилы
Житье острожника в тюрьме,
Как тяжело и как постыло
В неволе вечной, в вечной тьме!
Метет, метет в бессильной злости,
И пот с лица его бежит,
И млеют руки, ноют кости,
А наблюдатель все кричит:
«Скорей, сильней, ловчей, зараза!
Тебе ли панский строй сломать?

Панов не любишь, песья мать?
Всю дурь повышибу я сразу!»

19

Но все кончается на свете,
Пришел конец «рэйбовке» той.
Данилу из бандитской клети
В другой отдел повел конвой.
А там свои сидели люди,
Чьи души мужества полны,
Сегодня жертвы — завтра судьи,
От них не знают сна паны.
Они прошли огонь и воду —
Путь героической борьбы,
Стоят, как мощные дубы,
Служа лишь правде и народу.

20

Тут легче я вздохнул с Данилой:
Хоть он по-прежнему в тюрьме,
Но все же здесь не так уныло,
И свет блеснул ему во тьме,
Тут можно то услышать слово,
Что силу людям придает
Надеждой скрасить путь суровый,
Что нас к свободе приведет.
Я тут приветствую сердечно
Всех верных партии людей,
Носителей ее идей,

Ведущих к счастью, к правде вечной.

21

Текли печально дни за днями,
И проходил за годом год,
А хищный зверь терзал когтями
Несчастный скованный народ.
Паны, пробившиеся к трону,
Все совершали, что могли,
Чтоб был покорен их закону
Народ подвластной им земли,
Чтоб он забыл родное слово,
Обычаи свои забыл,
Смиренно голову склонил,
Панам прислуживать готовый.

22

Но, несмотря на все стремленье
Держать народ в руках своих,
Не раз терпели пораженье
Паны от пахарей простых.
Но лучше всех их бег форсистый
Сдержать могли большевики,
Свои, чужие коммунисты —
Панам жить с ними не с руки.
Повсюду любят их в народе,
Они идут своим путем,
Пред смертью страх им незнаком,
Они отважно в бой выходят.

23

И даже тут, в охранке строгой,
Со стражей рядом, под замком,
Они идут своей дорогой,
Объединяются тайком.
Не отступают, не сдаются
И семена своих идей
Бросают там, где в страхе жмутся
Ряды измученных людей.
Они — как факел для народа,
Везде, как горе и нужда,
Паны в смятении: беда,
Мутят они повсюду воду.

24

Их не подкупишь, и не сломишь,
И не приманишь их ничем.
Они в своем как будто доме,
Хоть он для них чужой совсем.
И хоть их держат в черном теле,
Следят за каждым шагом их,
Сажают в карцер на недели, —
Сломить нельзя борцов таких!
Упорство грозное в их взорах.
Они своим путем идут,
На панский суд они плюют.
В чем сила их и в чем опора?

25

Спросил раз ветер у травинок:
«Как не убила вас зима?»
И молвят тысячи былинок:
«Согрела нас земля сама».
Мороз спросил: «Родник шумливый,
Ну как тебя я не сковал?»
Родник ответил горделиво:
«Из недр земли тепло я брал».
И вихрь спросил у старца-дуба:
«Как я главы тебе не снес?»
Ответил дуб: «Я в землю врос,
С землею в дружбе жить мне любо».

Хата рыбака

Глава двадцать третья
Перевод С. Городецкого

1

Семь лет — недолгий срок. Но как же
Переменилось все кругом!
Паны сидели тут, и каждый
Мечтал о будущем своем.
А кто сейчас они, где ныне?
Где панский гонор их былой?
Гниют и сохнут на чужбине
И сорной заросли травой,
Навеки прокляты народом.
Им больше не видать земли,
Где их мечтанья отцвели,
Не возвратиться к ней уродам.

2

Злодеи всякие бывали,
Ярмом давили людям грудь.
Куда теперь они пропали?
Куда завел их темный путь?
Гниют они, как падаль, в яме,
На них проклятия печать.
Народ недобрыми словами
Их долю будет поминать.
Глашатаи тюрьмы и плети,
Они свой предали народ.
Земля к возмездию зовет,
Не даст им жить на белом свете.

3

И хоть тяжелый запах тленья
Плывет еще то здесь, то там,

И хоть войны кровавой тени
Кой-где мелькают по полям, —
Они дорог не загородят.
Реки не удержать им той,
Что мощно катится в народе
Живой и чистою волной.
И в той реке я вижу дали,
Я вижу счастье всех племен,
Ведь жизни солнечной закон
Мы в книгу дружбы записали.

4

Былого тьма не возвратится!
Я вспоминаю этот год,
Когда разрушилась темница,
Распалась власть нужды, невзгод.
Смятенье в Польше. В беспорядке
Бежит торговец, мчится власть,
Бежит и войско без оглядки,
Чтоб в окруженье не попасть.
Бегут! Задержка их погубит!
Магнаты — впереди других,
Л в Польше много было их,
И путешествовать пан любит.

5

А по усадьбам и по селам
Смешки веселые слышны.
Гудит народ, подобно пчелам,
Хохочет: драпают паны.

Ему немного страшновато —
Война идет ведь как-никак!
В фашисте ты не встретишь брата,
Он, может, злей, чем пан-поляк.
Но ведь подобного несчастья
И не бывало никогда,
Чтоб мы тут долгие года
Страдали под немецкой властью.

6

Тут Беларусь. Воюя с Польшей,
Нагрянут немцы. И от них
Еще мучений будет больше,
Чем от своих панов лихих.
И так в хребет впились налоги,
Без них и шагу не шагнешь:
Плати за рынок, за дороги,
За хлев, за тын — сплошной грабеж!
А взять осадников вот этих —
Всех задушили, палачи!
Забрали все, а ты молчи!
И нет от них житья на свете.

7

Теперь небось паны притихли,
И нет в них резвости былой.
И все Мик**о**дымы и Михли
Сидят, как мыши под метлой.
Грустят, что песенка их спета,
Что гаснут с каждым днем мечты.

И пан Пшебора скрылся где-то,
И Глынка-пан шмыгнул в кусты.
В народе ж вести друг за другом
Несутся, как ручьи весной,
Шумят, как ветер пред грозой,
Когда он ивы гнет над лугом.

8

И в Петрушах везде волненье,
Но уж не то, что у панов!
Тут знают: близко исполненье
Мечтаний и заветных снов.
Тут праздника ждут неустанно,
Нет суеты и криков тут:
Подходит час, они воспрянут
И жатву счастья соберут!
К Авгену ж ходят за вестями:
Не слышно ль новости какой
Насчет войны еще одной?
И что там с беглыми панами?

9

Мой дед Кутейка вновь на сцене,
И ходит гоголем старик!
Он рад желанной перемене —
Свет от нее в сердца проник.
Народ к одной лишь вести чуток,
Хоть новостей летит поток.
И дед, скрываясь в свой закуток,
Все смотрит, смотрит на восток.

Оттуда ждут спасенья люди,
И слух живет в сердцах людских,
Что будут тут большевики,
Друзья и праведные судьи.

10

Частенько дед мой по задворкам
Бежит в свой тайный уголок,
И ловит каждый звук и зорко
Глядит с надеждой на восток.
И слышится ему, что где-то
Там пушки вдалеке гремят.
Пусть слух обманывает деда —
Обману этому он рад.
Народ шумит, к борьбе готовый:
Куда идти, путем каким?
Коль панской власти нет над ним,
Так нужно строй наладить новый.

11

Неслись событья, как мгновенья,
Неудержимой чередой,
И обсудить все их значенье
Не успевает люд простой.
Одно для деда ясно стало:
Что под нагрянувшей грозой
Власть панская не устояла
И строй тут должен быть другой.
И все так думали о панстве,
Ну, хоть бы наш рыбак Сымон.

Тут снова появился он
И говорит: «Довольно странствий!»

12

Советует друзьям, что надо
За паном Богутом следить
И все пути отрезать гаду,
Чтобы его не упустить.
И двор его берут заране
Под наблюденье Петруши,
Ведут надзор со всем стараньем,
На совесть, прямо от души.
И ликованья не скрывает
Перед народом наш рыбак,
И, на панов подняв кулак,
Он громко песни распевает.

13

«Как на ярмарку вдвоем
Текла едет с Лукашом.
Чарку выпили и две,
Зашумело в голове.
Рада бабка, дедка рад,
Едут с ярмарки назад.
Конь под горку взял разбег,
Бабка с санок прямо в снег.
Бабка голос подает,
Но не слышит дед ее.
А проехав верст пяток,

Ей кричит: «Вот наш домок!»

14

«Ой, старец был рад,
Что пережил март.
Ясный май подошел,
Старец в землю ушел.
Так и ты, пан, часто
Своей силой хвастал.
Нос задирал,
Да все растерял.
Поздно иль рано
Спрошу я у пана:
Где мой дворик, мой домок,
Где мой терем-теремок?»

15

«Я рыбак, я бобыль,
Старый здешний житель.
Вы взгляните на мой бриль,
Прошу вас, взгляните!
Стар он так же, как и я,
Из ржаной соломы.
Мы с ним старые друзья,
Давненько знакомы.
Я на панский капелюш
Бриль свой не сменяю.
Не замай меня! Я дюж!
Я хозяин в крае!»

16

В те дни Марина к бабке с дедом
Приходит вдруг из Буяков.
Ей захотелось их проведать,
Как самых близких свояков.
Побыть хотелось ей с друзьями,
Послушать разных новостей.
Тут много ей пришло на память,
Тут дорог каждый угол ей.
Дед шутит: «Пан промок от поту,
Сидит тихонько, сам не свой,
Сидит ни мертвый ни живой
И уж не ходит на охоту».

17

Потом он ласково заметил:
«Живи, Маринка, с нами вновь!
Другой повеял нынче ветер
И с наших спин согнал панов.
Все разбежались, словно мыши,
А кто остался, тот примолк.
Сидит и, притаясь, чуть дышит,
И мягким сделался, как шелк.
Даст бог, их песня будет спета,
Вот в гроб я пана уложу
И табачок свой посажу,
Давненько я задумал это».

18

«Словам бы вашим, дедко милый,
Дойти до боговых ушей:
Дождаться б только мне Данилы,
И жить бы стало веселей.
А где он? Что с ним в панском плене?
Вестей ведь нету никаких!
Пропал он, как иголка в сене,
И, может, нет его в живых...»
Слезу роняет молодица...
И вдруг движенье, шум кругом,
И раздается весть, как гром:
Отныне сметена граница.

19

Несется весть из хаты в хату,
Народу сердце веселя,
Ведь брат идет на помощь брату —
Ведь край один, одна земля!
А всех осадников орава,
Все эти пришлые паны
На землю не имеют права,
Хозяйничать здесь не должны!
Как перед праздником, до света
Народ встает встречать братов...
И сердцу горячо от слов
Любви, и дружбы, и привета.

20

Народ разбужен, словно громом,
Впервые он за двадцать лет

Себя почувствовал как дома,
Родился будто вновь на свет.
Сошла тревога с лиц унылых,
И блеска глаз не погасить!
Давно мечта в сердцах бродила —
К востоку путь свой обратить.
И вот настало это чудо!
Пора на новый мир взглянуть,
Жизнь по-иному повернуть,
Сказав панам: «Долой отсюда!»

21

Все любопытно, все тут ново!
Увидеть их, своих друзей,
Услышать братское их слово,
Узнать их ласку поскорей!
Какой там строй, какой порядок,
Как управляется народ?
Ужель из-за соседних грядок
Там спор извечный не идет?
Ужели всем доступна школа,
Дорога в жизнь открыта всем?
И не принижены ничем
В сравненье с городами села?

22

Паны и недруги Советов
Чего ведь только не плели!
Сбирали грязь со всех поветов,
Но сплетни им не помогли.

Ну, можно ль брать слова на веру
Магнатов, выкинутых вон?
Бреши, панок, но знай же меру!
Вовек не сбудется твой сон!
И как паны, и злясь и труся,
Ни забивали подлый клин,
Народ увидел путь один,
К единству путь с великой Русью.

23

Был тихий тот сентябрьский вечер,
Тот час, когда и ночь и день
Делили поровну при встрече
Между собою свет и тень.
Граница замерла в тумане,
Но средь тревожной тишины
Вдруг шум послышался охране
И гул с восточной стороны.
Шум ближе, ближе нарастает,
Земля трясется все сильней,
И лес трепещет до корней.
Чу! Сила движется большая.

24

В овраге, у опушки бора,
И по окопам притаясь,
Лежат, готовы в бой, жолнеры…{108}
И вдруг ракета ввысь взвилась.
Винтовки разом громыхнули,
Немую тишину гоня,

Секут и режут воздух пули,
И хлещет в сумрак вихрь огня.
Тут бой гремит грозою бранной,
А там, на фланге, слышен крик:
«Ура!» Еще минуты три,
И смята панская охрана.

25

Одним стремительным напором
Широкий сделан был проход
Для целой армии, с которой
Так долго встречи ждал народ!
Вот едет командарм. Машину
Он на границе задержал.
И, быстрым взором столб окинув,
Бойцов позвал и приказал:
«Столб этот взять с собой в повозку!
Поставить у границы той,
Где наша власть нам скажет: «Стой!»
И столб поехал вслед за войском.

Глава двадцать четвертая
Перевод С. Городецкого

1

Прощай, мой долгий труд. Довольно!
Дорога будь тебе легка.
Как наша родина, привольно
Живи ты, «Хата рыбака».
С тобою долго и упорно

Я шел, и думал, и мечтал,
С тобой я мирной жизни зерна
На нивы новые бросал.
И дни не уставали мчаться,
Года с тобой неслись, текли
За необъятный край земли.
И жаль мне с ними расставаться.

2

И грустно мне, моя поэма,
Ступить с тобой на тот порог,
Где исчерпается вся тема,
Где мне с тобою нет дорог.
В согласье жили мы с тобою,
И в суете походных дней
Всегда вдвоем, как брат с сестрою,
Немало мы прошли путей.
И вот подходит час разлуки,
Недолгий путь остался нам,
Пойду я по другим путям,
Пока не смолкнут сердца стуки.

3

Былые я припомнил встречи,
Припомнил дни своей весны,
Веселье, детство, тихий вечер,
Костер свой около сосны.
Притихла ночь меж сосен старых,
Костер погаснуть уж готов,
И шустрый ветер жатву жара

Сбирает с ярких угольков.
Последний уголь догорает,
Один, как будто сирота.
И слышу я, как пустота
Мне сердце в сумрак погружает.

4

Итак, последнее сказанье…
Приветствую тебя, мой край!
Победу праздную! Ликованьем
Отважных воинов встречай.
Они идут, как волны моря,
И в ширь и в даль дорог твоих,
Пред ними отступает горе…
А сколько техники у них!
Глянь! Пушки их мощней дубовых
Тяжелых вековых стволов!
Когда же видел ты бойцов
Таких веселых и здоровых?

5

Идут не с запада — с востока!
Идут не с тем, чтоб в рабство взять!
Идут стремительным потоком,
Идут народу счастье дать
И возвестить освобожденье
От издевательства и слез,
Поставить крест на всех мученьях,
Каких он много перенес.
У командира и солдата

В душе живет наказ один:
Земли советской верный сын,
За правду в бой и в бой за брата!

6

И ту любовь к несчастным людям,
Что наш боец песет с собой,
Народ вовеки не забудет,
Ему доверясь всей душой.
И всюду, по лесам и селам,
Народ наш праздничной толпой
Выходит, светлый и веселый,
С улыбкой счастья молодой.
И всюду, зеленью увиты,
Воздвиглись арки в честь бойцов,
Народ спешит со всех концов
В объятья их принять открыто.

7

И все, кого носили ноги,
И стар и млад, бегут из хат;
Как мак на поле, у дороги
Толпятся тысячи девчат.
Как солнцем, радостью согреты,
Встречая новой жизни дни,
Они несут цветов букеты,
Таких же свежих, как они.
Проходят танки, и танкисты
Букеты ловят на ходу.
«Спасибо, девушка! Приду!..» —

И танк несется с шумом, свистом.

8

И вот где праздник был богатый
И небывалый — в Петрушах!
Когда советские солдаты
Остановились в их местах.
«Сынки мои вы! — торжествуя,
Встречает дед родных гостей,
Танкиста крепко он целует,
Прижав его к груди своей. —
Братки! Голубчики! Вы с нами!
Мы поджидали вас давно,
Чтоб к солнцу распахнуть окно!
Намучились мы тут с панами!»

9

Идут танкисты в окруженье
Мужчин, и женщин, и ребят,
И каждый в искреннем волненье
Их на руках носить был рад,
Таких родных и долгожданных, —
Иль мало думали о них?
Стол под скатеркой домотканой
Откуда-то явился вмиг.
Рыбак, он больше всех хлопочет:
«Браточки! Дайте хоть взгляну
На вас минуточку одну!»
И усадить за стол их хочет.

10

«Ну что за хлопцы! Молодчины!
Все как один! Как на подбор!
А ваши танки и машины?
Везде дорога им, простор!
Гляди какой! — И дед Кутейка
Постукал по броне. — Не тронь!
Нет! Это, брат, не самосейка!
Вот он какой, советский конь!
Паны ж кричали: «Из фанеры
Настроил танков большевик!»
Ты прикуси-ка, пан, язык!
Советских сил узнал ты меру!»

11

Танкисты в шлемах, в блузах синих
Им улыбаются в ответ.
Один, другой словечко кинет,
И в каждом ласковый привет.
Марина, сына взяв на плечи,
Стоит задумчиво одна.
И вся картина этой встречи
Волнует душу ей до дна —
Ну, просто б глаз не оторвала!..
Вдруг чей-то возглас: «Эй, Игнат!
Потешь молодок и девчат,
Чтоб Беларусь затанцевала!»

12

И в этот круг живой и тесный
Выходит смуглый, удалой
Танкист и песельник известный,
Лицом пригожий, молодой.
Через плечо ремень форсисто
Накинут ловкою рукой.
И на девчат глядят танкисты
И в пляс зовут их круговой.
И гармонист развел бывалый
Гармонь, прошелся по басам,
По самым тонким голосам —
И все запело, заплясало.

13

Такого праздника, признаться,
Давненько не бывало тут.
Танцуют пары, веселятся,
Ногами к небу пыль метут.
Сымон Латушка в такт баяну
Прищелкивает языком
И вдруг какому-нибудь пану
Грозится молча кулаком.
Баян замолк. И к баянисту
Подходит дед: «Скажи, родной,
Кто ты? Где край родимый твой?
Играешь больно голосисто!..»

14

И музыкант-танкист, краснея,
Лицо улыбкой осветил:

«Здесь родина моя! Хоть с нею
Знаком я только в детстве был.
Отец и мать перед войною
Скончались. Старшая сестра
Делила горюшко со мною —
Мы с ней остались без двора.
Как будто через паутину,
Я вижу беженский обоз,
С собою дядя нас повез,
Да взял в лесу одних и кинул».

15

Марина в трепетном волненье
К танкисту ближе подошла.
Рассказ о страшном том мгновенье
Пронзил ей сердце, как стрела.
«Скажите, — говорит несмело, —
Сестру-то вашу как же звать?...».
Спешит в танкисте загорелом
Черты родные распознать.
Танкист весь замер. И былое
Вернулось вдруг из забытья:
«Марина! Ты! Сестра моя!» —
Он вспомнил имя дорогое.

16

Марина слез не удержала:
«Так это ж он! Мой милый брат! —
На грудь ему лицом упала: —
Игнатка! Братик мой, Игнат!»

Немеет тут поэта слово…
Раскрылся людям новый мир,
И в честь его, всем дорогого,
Общественный начался пир.
Когда ж танкисты уезжали,
Их провожало все село,
Бесследно горюшко ушло:
Ведь все в них братьев повстречали!

17

Один пан Богут смотрит криво,
Как волк, уткнувшись в частокол,
С одною думою тоскливой:
Расплаты грозный час пришел!
Уж пан хозяйничать не будет!
Свой срок он прожил — и под мост!
Пойдет он — так народ присудит, —
Как говорится, псу под хвост.
А тут еще панам несчастье,
Других тяжеле во сто крат:
Не хочет воевать солдат!
Домой, коль нет уж панской власти!

18

Уже неделя, как пан Богут
Не смеет дом покинуть свой,
Лишь иногда он на дорогу
Пройдет вечернею порой.
И лишь дорога, хоть безгласно,
Ему все новости несет.

Посмотрит на нее — и ясно,
Каков военных дней исход.
Стоит пан Богут, притаился.
Вдруг видит: путник! Кто? Жолнер?
Бездельник! Негодяй! Позор!
Наверно, он от фронта скрылся!

19

К забору пан тесней пригнулся,
И сразу вздрогнул он, как лист.
Ужели он не обманулся?
Нет! Это… это… коммунист!
Он вспомнил ночь и шелестенье
Под крышу сунутых бумаг,
Как к хате он прокрался тенью,
Свой каждый вздох, свой каждый шаг.
Дыханье пану захватило:
Измучен путник, истомлен,
Лицо худое. Это он!
Идет возмездье — Смык Данила!..

20

Идет, шагает мерно, гордо,
Несет на палке узелок.
Идет с какой-то думой твердой…
И сразу пана страх обжег.
На двор осадника, на пашни
Бросает Смык холодный взгляд,
Как будто молвит: «Пан продажный,
Теперь за все ответишь, гад!»

Он взор отводит от усадьбы.
Ему скорей бы в Петруши!
Давно не знал родной души.
Скорей, скорей своих обнять бы!

21

Свернул он в сторону с дороги,
Идет, шагает напрямик,
Глядит на милые пороги,
К которым с детства он привык.
И все же в сердце нет покоя!
Увидит ли жену, сынка?
И вот несмелою рукою
Ворота он толкнул слегка.
Все тот же дворик с той же хатой,
Где каждый камешек знаком,
Куда ни поглядишь кругом,
Но тишиною все объято.

22

Щеколда брякнула на двери,
И он вошел в знакомый дом.
Глядит: Марина и Валерик
Сидят, как прежде, за столом.
Жена, его не узнавая,
Встает, тревогу затая.
И он, объятья раскрывая,
Кричит: «Маринка! Это я!»
О, сколько ж радости, утехи
Тут было всем! Примчался дед,

Соседи прибежали вслед,
И счастью не было помехи!

23

Все на Данилу, как на диво,
Спешат взглянуть, и каждый рад
Сказать привет семье счастливой:
Теперь их жизнь пойдет на лад!
Авген, кивая на Марину,
Сказал: «Ну что? Не прав я был?
Нашелся брат, и муж не сгинул,
А пан, вишь, лыжи навострил».
«Теперь уж мы с тобой, Данила, —
Воскликнул радостно рыбак, —
Построим дом свой. Так ведь? Так!
А пану Богуту — могила!»

24

«А как же вышли вы на волю? —
Спросил Сымон. — Пустили вас?»
«Нет дед! Злодеев своеволью
Пришел конец в заветный час, —
Данила отвечал, лелея
Сыночка на своих руках. —
Услышав про войну, скорее
Все разузнали, что и как.
Хозяева тюрьмы удрали,
Оставив старых сторожей.
Запоры сбили мы с дверей,

А часовых в подвал загнали.

25

Мы вышли из тюрьмы гурьбою,
Высоких помыслов полны.
Идем рядами, словно к бою,
И удивлялись нам паны:
«Полковник, гляньте: смело, гордо
Шагает штатский наш народ.
В строю, без суматохи, твердо
Рядами стройными идет».
«Да, — говорит полковник, — чисто
Идут, но дураком не будь!
Идут вперед, расправив грудь,
Не наши, пан, а коммунисты!»

1940–1947

«И тут я распрощаюсь с вами…»
Перевод П. Семынина

И тут я распрощаюсь с вами,
Друзья, с кем столько мы прошли.
Теперь уже давно вы сами
Хозяева своей земли.
И все, что гнуло вас, топтало,
Что поселяло в сердце страх
И распрямиться не давало, —
Развеяно, как пыль и прах.
С пути отброшены магнаты —
Обломки рухнувших веков,
И нет панов, и нет панков —

Сметен народом строй проклятый.
Мне Богут очи намозолил,
И я сказать сегодня рад,
Что здесь его уж нету боле
И не вернется он назад.
Под школу дом его отдали —
Детишкам петрушевским в дар,
Гумно Сымону приписали,
Даниле — пуню и амбар.
Нашлись для всех земля и хата.
И я скажу от всей души:
Живи, мой край, и не тужи!
Живи привольно и богато!

1947

«Родные братья и соседи...»
Перевод П. Семынина

Родные братья и соседи!
Свободный, новый польский люд!
Пускай же песней звонкой меди
О дружбе нашей дни поют.

Пускай же станут тленом, прахом
Те подъяремные года.
Пойдем мы дальше светлым шляхом,
Не расставаясь никогда.

День новый встретим без боязни
И в мирный двинемся поход.
Пускай нас искренность сольет
И тень исчезнет неприязни!

1947

Алфавитный указатель произведений

Янка Купала

А кто там идет? — 43.
А кукушка куковала… — 106.
Алеся — 129.
«А ты, сиротина, живи…» — 92.

Белорусским партизанам — 139. Бондаровна *(По народной песне)* — 199.
«Братец и сестрица» *(Из народных мотивов)* — 90.
Брату — 58.
Брату на чужбине — 81.

Вдоволь сыты мы панскою лаской — 137.
Весна 1915-я — 96.
Вечеринка — 127.
В нашем поле — 118.
Вперед — неизменно — 116.
Волнуется синее море — 117.
В полет! — 105.
Все вместе — 32.
«Всюду лето, лето…» — 94.
Выйди… — 87.

Где вы, хлопцы непокорные? — 56.
Где ты, хмель мой, зимовал? — 104.
Генацвале — 136.
Гости — 123.

Две березы — 84.
Две доли — 96.

Две сестры — 110.
Деревня — 62.
Диктатура труда — 112.

Еще долго ль… — 38.

Желание — 88.
Жили-были у отца… — 48.
Жниво — 78.

За все — 111.
Зимой — 155.

Извечная песня — 165.
Из песен безземельного — 48.
Из песен недоли — 39.
Из песен о своей сторонке — 36.
Из цикла «На западнобелорусские мотивы» (2 стихотворения) — 137.

Как я молода была… — 128.
Как я полем иду… — 64.
Косцу — 46.
Курган — 192.

Лен — 130.
Лесное озеро — 102.
Летняя роса — 83.

Мать сыночка провожала… — 121.
Мой дом — 77.
Моя наука — 103.
Мужик — 25.

Над рекою… — 83.
Над рекой Орессой — 227.

На купалье — 77.
Наследство — 99.
На смерть Степана Булата — 105.
На тему критики и самокритики — 133.
Не ищи… — 95.
«Не свирель играет…» — 75.
Никому *(Из времен крепостного права)* — 145.
Новая осень — 114.
Ну как тут не смеяться… — 26.

О мужицкой доле — 66.
Она и я — 212.
Орлятам — 107.
Отповедь — 40.
Отцветание — 64.
Отчизна — 98.

Павлинка. Комедия в двух действиях — 269.
Памяти Т. Шевченко (*25 февраля 1909* г.) — 59.
Партизаны — 132.
Песня вольного человека — 44.
Песня («*Вспыхнет песня, словно искра*…») — 100.
Песня *(Из народных мотивов)* — 93.
Песня строительству — 115.
Погибшим — 59.
Поезжане — 101.
Полилися мои слезы — 65.
Поэту-белорусу — 61.
Приветствие — 76.

Расшумелся лес туманный — 29.
Родичам по речи — 89.
Родное слово — 78.

Сдается, вчера это было… — 125.
С надеждою смутной… — 57.

Снова будет весна! — 56.
Снова ждут нас счастье и свобода — 141.
С новой думой — 138.
Солнцу — 126.

Там — 30.
Тарасова доля *(Памяти Тараса Шевченко)* — 259.
Тем, кого люблю — 119.
Тут и там — 66.
Ты взойдешь ли, наше солнце? — 74.
Ты, зеленая дубрава… — 86.
«Ты приди ко мне весною…» — 85.

Украина — 121.
Уходящей деревне — 112.

Что там! — 98.

Это крик, что живет Беларусь — 41.

«Я казак, да не тот…» — 85.
Я — колхозница — 120.
Я люблю — 89.
Я мужик-белорус — 35.
Я не для вас… — 45.
Я не поэт — 34.
Я от вас далеко — 80.

Якуб Колас

Батьке Минаю — 423.
Белорусам — 321.
Близко весна — 406.
Борцам за Октябрь — 381.
Будет гроза — 369.

Будь твердым — 368.

Верба — 356.
«Верные друзья» — 359.
Весною — 419.
В зимний вечер — 365.
В лесу — 431.
В майские дни (*Красной Армии)* — 433.
Возвращенье — 437.
В полях Белоруссии — 379.
В пути *(«Ты утомлен…»)* — 438.
Врагам *(«Еще колючки проволочных заграждений…»)* — 382.
Врагам *(«Зачем же кровь лилась людская?..»)* — 375.
Врагам *(«Каты-лиходеи…»)* — 318.
В родных местах — 435.
В суде — 359.
Вчера и сегодня — 391.
В школу — 362.

«Где ты, моя доля…» — 324.
Голос земли — 419.
Громадовцам *(К процессу над «Громадой»)* — 383.
«Гудит земля, дрожат леса…» — 411.
Гуси — 374.

«Даром сохну я в остроге…» — 349.
Джамбулу — 408.
Донял *(Старая белорусская сказка)* — 456.

«Желанные сроки мне ясно видны…» — 432.
Живи, народ! — 430.
Живет Руставели! — 402.
Живет средь нас гений — 425.
Жниво *(Сельским женщинам)* — 329.

Загибелька *(Посвящаю К. Крапиве)* — 398.
За новое село — 392.
Засада — 416.
Земля советская — 388.

Игрище — 444.
Из поэмы «Возмездие» *(2 стихотворения)* — 431.

Как и прежде — 369.
Кирила — 329.
Клич — 377.
Колхозу «Слобод**а**» — 384.
Комсомольцам *(«Привет вам, племя молодое...»)* — 393.
Конституция — 328.
Копайте яму, долокопы — 416.
Край родимый — 317.
К труду — 377.
Куда денешься? — 366.

Лесам Белоруссии — 439.

Май-победитель — 401.
Мать — 342.
М. Д. М. — 425.
Минск — 441.
Мужик *(«Я — мужик, бедняк постылый...»)* — 341.
Мужик *(«Я мужицкий сынок...»)* — 330.
«Мы молчали как немые...» — 334.

Над могилой друга *(Памяти Янки Купалы)* — 422.
«Надрывайся и шуми...» — 355.
Над Свислочью — 412.
На заимке — 337.
На могилах героев *(Детскому дому № 6 в Минске)* — 436.

На новой земле *(«Легла дорога столбовая...»)* — 407.
На перепутье *(«На большой дороге...»)* — 367.
На перепутье *(«Ты скажи мне, тьма глухая...»)* — 323.
Наша возьмет — 322.
Наше село — 334.
Не верьте — 322.
Не горюй — 324.
«Не ищите, не просите...» — 317.
Неман — 320.
Новая земля *(Главы из поэмы)* — 463.
Новому году —373.
Ночь перед грозой — 358.
Ночь *(«Что за ночь! В тишине...»)* — 381.

«Осади назад!» — 326.
Осеннее *(4 стихотворения)* — 387.

Памяти Л. Н. Толстого — 358.
Панам-воякам — 384.
Певец — 325.
Первое знакомство — 348.
Перед отправкой — 360.
Перед судом — 363.
Песней приветствую вас — 401.
Песня о весне — 380.
Письмо из острога — 346.
Плотовщики — 332.
«Под легким покровом, огромный, могучий...» — 428.
Под напев ветра — 335.
«Поднимает гомон ветер непокорный...» — 387.
Поле — 373.
Полесье *(«Край лесов, край болот...»)* — 376.
Поэтам советской земли — 400.
Привет Москве — 415.
Призыв — 340.

Призыв к весне — 371.

Раскованный Прометей — 386.
Родному краю и народу *(К тридцатилетию БССР)* — 442.
Родные песни — 341.

Салар — 427.
Своему народу — 410.
«Святой Ян» — 451.
С дороги *(Посвящаю Западной Беларуси)* — 396.
Сельская учительница — 352. Старый путь — 420.
«Стоит нерушимо Чимган белогривый...» — 429.
Счастливая минута — 394.

Тарасу Шевченко — 409.
Тучи — 356.
Тюремная камера — 345.

Узбекистану — 426.
У порога — 350.
Устье — 403.
Устьинский холм — 405.

Хата рыбака *(Главы из поэмы)* — 605.

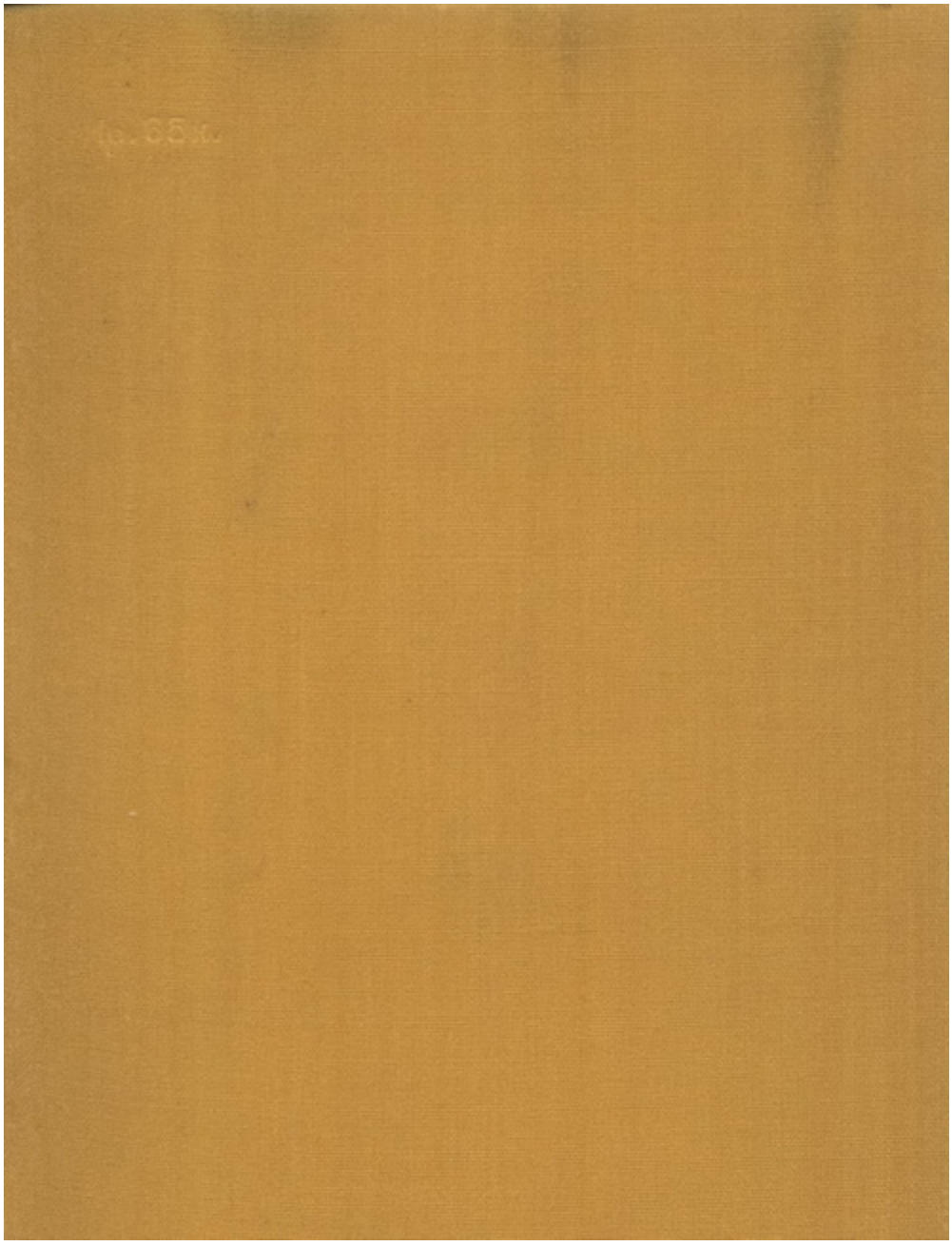
Чимган *(2 стихотворения)* — 428.
«Что ж, Григорий, поправляйся...» — 322.

«Шум затих по коридорам...» — 336.

«Эй, скажи, что это значит...» — 368.
Эхо — 378.

Янка — 354.
Я не знаю... — 344.

Янке Купале *(К тридцатилетию его литературной деятельности*) — 385.
«Я помню, был и я богатый...» — 340.



notes

Примечания

1

Совхоз имени десятилетия БССР. О нем далее. Для сокращения его называют по-старому: просто «Сосны».

2

Гартоль — деревянный толстый кол, привязанный к веревке. Исполняет роль якоря.

3

Бомы — толстые шесты, которыми поднимают и переворачивают колоды.

---

comments

Комментарии

1

ЯНКА КУПАЛА

Первая книга стихотворений Янки Купалы «Жалейка» была издана в 1908 году в Петербурге белорусским издательским обществом «Заглянет солнце и в наше оконце». Затем в течение пяти лет выходят его сборники «Гусляр» (1910), «Дорогой жизни» (1913), поэма «Извечная песня» (1910), драматическая поэма «Сон на кургане» (1912), комедия «Павлинка» (1913). В советские годы на белорусском языке вышли десятки книг Янки Купалы. Трижды выходили собрания его сочинений в шести томах: в 1928–1932 гг., в 1952–1954 гг. и в 1961–1963 гг.

На русском языке первый сборник стихотворений Янки Купалы был опубликован в 1919 году в Москве — «Янка Купала — белорусский поэт. Избранные стихотворения в переводах русских поэтов». С биографическим очерком и портретом. Собрал и редактировал Ив. Белоусов, М. 1919, 112 стр. С тех пор вышло более тридцати книг поэта в русских переводах. Важнейшие из них:

Сборник стихов, ГИХЛ, М.-Л. 1930;

Избранные стихи и поэмы. 1906–1935, Гослитиздат, М. 1935;

Избранные произведения. Вступительная статья и редакция Евг. Мозолькова, Гослитиздат, М. 1938;

Избранные произведения в одном томе. Перевод с белорусского под общей редакцией Якуба Коласа, Евг. Мозолькова, Гослитиздат, М. 1943;

Избранные произведения в двух томах, Гослитиздат, М. 1953;

Стихотворения. Перевод с белорусского. Составители П. Бровка и Е. Мозольков. Вступительная статья П. Бровки, Гослитиздат, М. 1959.

Начиная с 1911 года произведения Янки Купалы переводили на русский язык: В. Брюсов, А. Коринфский, И. Белоусов, рабочий поэт Е. Нечаев и другие.

Стихотворение «А кто там идет?» перевел М. Горький.

После Октября в переводах произведений Я. Купалы участвовали многие известные советские поэты, в том числе: М. Исаковский, Э. Багрицкий, А. Прокофьев, С. Городецкий, М. Светлов, А. Твардовский, М. Голодный.

Стихотворения и поэмы Я. Купалы неоднократно переводились на языки народов СССР, а также издавались за рубежом (Польша, Чехословакия, Болгария и др.).

Многие переводы произведений Янки Купалы, помещенные в этом томе, публиковались еще при жизни поэта, просмотрены и одобрены им самим.

Другие переводы появились и неоднократно перепечатывались уже в послевоенное время.

Поправки, внесенные переводчиками и редакторами при подготовке настоящего издания, а также уточнения дат написания представленных в томе произведений сделаны в соответствии с последним академическим Собранием сочинений Я. Купалы на белорусском языке: Я. Купала, Збор твораў у шасці тамах, Выдавецтва Акадэміі Навук Беларускай ССР, Мінск, 1961–1962 (Я. Купала, Собр. соч. в шести томах, Изд-во АН БССР, Минск, 1961–1962).

2

СТИХОТВОРЕНИЯ

Я не поэт (стр. 34). — Этим стихотворением открывается первая книга стихов Я. Купалы «Жалейка».

З

Еще долго ль... (стр. 38). — Впервые опубликовано в сборнике «Жалейка». Сразу после выхода в свет сборник был конфискован, а его издатели подверглись судебному преследованию. В заключении С.-Петербургского комитета по делам печати при министерстве внутренних дел, адресованном прокурору С.-Петербургской судебной палаты, содержится, в частности, оценка стихотворения «Еще долго ль...»: «Во втором стихотворении — «Ах ці доўга» («Долго ли еще»), описав тяжелую трудовую жизнь мужика, автор говорит, что всякий, даже ничтожный, заработок мужика отбирается на чинш и на подати, тогда как бог даровал землю крестьянам и не указал собирать с нее подати и требовать чинш. На это, однако, внимания не обращают: «дерут» с мужика деньги за землю и продают на подати последнюю коровенку.

Кто виноват в этом? — спрашивает автор и отвечает: много виноваты в этом крестьяне. Таким образом, указывая на несправедливость требования податей и чинша и обвиняя крестьян в том, что они сами виноваты в том, что такая несправедливость существует, автор тем самым, несомненно, возбуждает крестьян к неплатежу податей, то есть совершает преступление, предусмотренное п. 3 ст. 129 Уголовного уложения.

На основании изложенного С.-Петербургский комитет по делам печати постановил:

1. Привлечь к законной ответственности по силе пп. 1 и 3 ст. 129 Уголовного уложения, изд. 1903 г., виновных в напечатании брошюры «Жалейка» и

2. Наложить на нее (книгу) арест на основании ст. 3. отд. и временных правил для не повременной печати от

26 апреля 1906 года.

Сообщая о сем, Комитет имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство возбудить судебное преследование против автора брошюры, Янки Купалы (сведений о нем в Комитете не имеется), а равно против других лиц, могущих оказаться виновными по сему делу.

Экземпляр брошюры при сем препровождается. Подписал за председательствующего член Комитета граф Головин» (Ленинградский Центральный государственный исторический архив, ф. 775, оп. 9, д. 295, лл. 2, 3).

4

А кто там идет? (стр. 43). — Это стихотворение в своем переводе опубликовал Максим Горький в статье «О писателях-самоучках» («Современный мир», 1911, № 2, стр. 178–209; позднее неоднократно перепечатывалась отдельными брошюрами и в сборниках статей Горького). Интерес Горького к творчеству молодых белорусских поэтов отразился и в его переписке 1910–1911 годов.

Таким образом, Максим Горький был первым, кто познакомил русских читателей с поэзией Янки Купалы.

5

Жили-были у отца… (стр. 48). — В стихотворении нашли отражение мотивы белорусской народной песни «Были у батьки три сына, ды ух я!».

6

Стр. 48. — *Селиба* (от слова селиться) — поселение, селение, здесь — крестьянская усадьба.

7

Памяти Т. Шевченко (стр. 59). — День рождения великого украинского народного поэта Т. Г. Шевченко, 25 февраля 1814 года (ст. ст.), ежегодно отмечался прогрессивной общественностью, несмотря на жестокие правительственные, жандармские и цензурные репрессии.

Во всех предыдущих изданиях произведений Я. Купалы отсутствуют восстановленные сейчас четвертая и пятая строфы. По поводу этих строф Янка Купала сделал в издании Собрания сочинений (т. I, 1928) следующее примечание: «В первом издании (имеется в виду сборник «Гусляр») в этом месте выброшены издателем из цензурных соображений две четырехстрочные строфы. По причине отсутствия рукописи пробел остается и в этом издании».

Здесь, кроме двух указанных строф, восстановлен также первоначальный вариант и сорок третьей строки стихотворения («В избенке и в поле в годины глухие...»). Стихотворение «Памяти Т. Шевченко» свидетельствует о том, как горячо воспринимал молодой белорусский поэт страстную революционно-демократическую поэзию Шевченко, его «вечно живую» песню. По-видимому, не без влияния украинского поэта и один из первых сборников Я. Купалы был назван им «Гусляр» (1910); следы влияния Шевченко имеются в ранних стихотворениях Купалы. Несколько стихотворений Шевченко Янка Купала перевел («Думка», «Проходят дни, проходят ночи...», отрывок из стихотворения «Гоголю», а после Октябрьской революции поэмы: «Катерина», «Гайдамаки», «Сон», «Тарасова ночь» и многие другие стихотворения).

8

Жниво (стр. 78). — Впервые переведено на русский язык известным белорусским поэтом Максимом Богдановичем (1891–1917).

9

Родное слово (стр. 78). — Об этом стихотворении А. Луначарский писал: «Трудно найти лучшее, более прочувствованное и более торжественное подтверждение силе любви угнетавшегося народа к своей речи» («Известия», 15 мая 1930 г.).

10

«Я казак, да не тот…» (стр. 85). — Стихотворение построено на противопоставлении старой казацкой вольницы тем верным прислужникам самодержавия, которые в 1905 и последующие годы использовались царским правительством для подавления народных волнений.

11

На смерть Степана Булата (стр. 105). — Степан Герасимович Булат (1894–1921) — видный общественный деятель Советской Белоруссии, большевик, участник партизанского движения против польской буржуазно-помещичьей оккупации Белоруссии, журналист, педагог.

12

Орлятам (стр. 107). — Написанное в первые годы Советской власти, это стихотворение имело для Купалы программное значение. В нем поэт как бы определял направление своей дальнейшей творческой работы. А. В. Луначарский писал о стихотворении «Орлятам», что это «один из его гимнов, в котором целиком отражается его нынешняя революционная радость» («Известия», 15 мая 1930 г.).

13

Вперед — неизменно (стр. 116). — Стихотворение пользовалось огромной популярностью среди трудящихся западных областей Белоруссии, изнывавших под гнетом буржуазно-фашистской Польши. Одно из стихотворений известного западно-белорусского поэта-революционера Пилипа Пестрака, написанное в подражание Купале, начиналось словами: «Наперед гэй, хутчэй, хутчэй, да тэй жаданай мэты!» («Вперед, друзья, быстрей, быстрей, к желанной нашей цели!»)

14

Украина (стр. 121). — Стихотворение посвящено пятнадцатилетию УССР.

15

Лен (стр. 130). — На рукописи этого стихотворения Максим Горький сделал надпись: «Славно!»

16

Стр. 136. — *Генацвале* — дорогая, хорошая. Грузинское ласкательное обращение, выражение любви, уважения.

17

«Сулико» — грузинская народная песня.

18

Из цикла «На западнобелорусские мотивы» (стр. 137). — Этим общим заголовком объединен цикл стихотворений, написанных поэтом в связи с воссоединением белорусского народа в едином советском государстве в сентябре 1939 года.

19

ПОЭМЫ

Стр. 147.*Будто на кирмаш...* — Кирмаш — ярмарка *(белорус.).*

20

Стр. 148. *Свадьба — на Петра...* — на петров день.

21

Стр. 148. *Магазин,* — Так назывались в Белоруссии амбары для засыпки общественного зерна.

22

Курган

Поэма впервые напечатана в белорусской газете «Наша нива» 21 июня 1912 года. Янка Купала писал в редакцию газеты из Петербурга: «Посылаю также «Курган», эту вещицу, по правде говоря, я хотел бы видеть напечатанной в календаре. Если бы боялись ее пустить по причине неблагонадежности, то 32-е четверостишие, где говорится о виселице, выкиньте совсем и замените точками». (Письмо хранится в музее поэта в Минске.)

23

Стр. 192. *Филипповки* — Филиппов пост, рождественский (начинается 28 ноября).

24

Стр. 195. *Дукат* — серебряная, позже золотая монета.

25

Стр. 199. **Бондаровна** (По народной песне)

В основу поэмы положена широко распространенная в украинской и белорусской народной поэзии историческая песня о Бондаровне (Бондаровна), замученной жестоким паном Потоцким. В песне отражены реальные исторические события и лица. В частности, Николай Потоцкий, староста Каневский, крупнейший польский магнат (1712–1782), получил известность как жестокий колонизатор на Украине и в Белоруссии. Значительное собственное войско (до трех тысяч человек) давало ему возможность вести переселение крестьян в широких масштабах, не считаясь ни с предложениями польского правительства, ни тем более с желаниями и стремлениями самих крестьян.

26

Стр. 218. *Радуница* — христианский праздник, день поминовения усопших на кладбище на второй неделе после пасхи.

27

Стр. 221. *Вовна* — овечья шерсть *(белорус).*

28

Стр. 222. *Залом* — скрученный знахарем, злым человеком, пучок колосьев на пагубу хозяина нивы.

29

Стр. 232. *Их семеро весной пришло...* — Эту строку в первом издании поэмы «Над рекой Орессой» (Минск, 1933) Янка Купала снабдил следующим примечанием: «1) Модин — неизменный председатель коммуны от начала ее основания и по сегодняшний день; 2) Анисимов; 3) Осипов; 4) Данилов; 5) Ковальков; 6) Ковриков; 7) Шматов.

Коммуна организовалась и пополняется из демобилизованных красноармейцев Белорусского военного округа, но есть и другие. По национальности — большинство белорусы. Перечисленные семь товарищей фактически и явились как бы основателями коммуны».

30

Тарасова доля

Поэма, написанная к 125-летнему юбилею Шевченко, наиболее ярко раскрывает очень важную для Янки Купалы тему общности судеб украинцев и белорусов. Небезынтересно в этой связи привести выступление Янки Купалы на Шевченковском пленуме Правления Союза советских писателей в Киеве в мае 1939 года. Поздравляя собравшихся «с великим праздником, юбилеем гения украинской поэзии Тараса Григорьевича Шевченко», Янка Купала сказал: «Для нас, белорусов, особенно родное и дорогое это бессмертное имя.

Судьба нашего народа была тесно связана с судьбой Украины, так же как и с судьбой великого братского русского народа. Так же, как и украинский народ, стонал наш народ под игом польских панов и царизма. Так же страдал наш народ на своей земле, как страдали и другие, угнетенные царизмом, народы.

Когда невероятно тяжелая неволя гнула трудящегося белоруса к земле, он пел скорбную песню Тараса:

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива.

А когда горе на время уходило и наступали минуты радости, белорус пел:

Од села до села
Танці та музики.

Когда же в душе белоруса нарождалась великая вера в будущее, тогда он, как клятву, данную на могилах отцов, повторял:

Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте.

Так не из книг, а через пород еще в детском возрасте узнавали мы творчество Тараса Шевченко. Темные, неграмотные крестьяне пели песни Тараса Шевченко, не зная, кто их слагал. Песня Шевченко безымянно жила в белорусском народе многие десятки лет.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала возможность всем народам Советского Союза познать глубину и красоту поэзии гениального Шевченко во всей ее полноте. Его поэзия стала всенародно любимой во всех уголках Советского Союза.

На нашей белорусской земле Тарасова песня звучит в полный голос. Наши поэты учатся на ее образцах, любят ее и чтят. Они дали нашему народу возможность узнать ее силу и красоту на белорусском языке…

В нашей стране строится коммунизм. Гордо расцвела социалистическая Украина. Осуществились мечты Шевченко о братстве между народами» («Бюллетень VI пленума Правления Союза советских писателей СССР, посвященное 125-летию со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко», № 1, 1939, стр. 45–46).

31

Стр. 260. *Энгельгардты* — Т. Г. Шевченко родился в семье крестьянина, принадлежавшего помещику Энгельгардту.

32

ПАВЛИНКА

Комедия в двух действиях

Комедия «Павлинка» впервые была поставлена на сцене 27 января 1913 года Белорусским музыкально-драматическим кружком в Вильне. После победы Октября пьеса не сходит со сцены белорусских театров. В 1952 году «Павлинка» экранизирована студией «Беларусьфильм». Интересно отметить отношение к пьесе фашистских захватчиков, временно оккупировавших Белоруссию. Среди материалов немецкого генерального комиссариата в Минске обнаружен следующий документ:

«Касается: проверки пьесы «Павлинка» Янки Купалы.

Действие происходит еще в старой царской России. Повествуется, с одной стороны, о современном революционно настроенном учителе и, с другой стороны, о зажиточной, но очень консервативной и патриархальной крестьянской семье.

Вся пьеса показывает, как вся интеллигенция довоенного времени проникнута революционным духом.

Пьеса не может быть поставлена. Особо следует учесть к этому следующие основания:

1. Сам автор, Инка Купала, как будто находится в Москве и занят там работой, враждебной немцам. Если он даже является величайшим белорусским писателем, есть мнение его произведения не ставить и не печатать.

2. На второй странице упоминается известный русский большевистский писатель Максим Горький, и это с самого начала накладывает на пьесу известный отпечаток революционности.

3. Пьеса оканчивается арестом учителя Якима из-за его революционной деятельности. Это является кульминационным пунктом пьесы» (Центральный государственный архив БССР, фонд генерального комиссариата, д. 401, л. 19, на немецком языке).

33

Стр. 281. *Вось-цо-да.* — Вось-вот *(белорус.);* цо-что *(польск.).*

34

Стр. 294. *Мотыль* — болезнь овец.

35

Волока — мера земли, около 20 десятин.

36

ЯКУБ КОЛАС

Первая книга стихотворений Якуба Коласа на белорусском языке «Песни печали» вышла в 1910 году в Вильне, а спустя два года был опубликован сборник его рассказов. В 1913 году в Петербурге отдельными изданиями вышли его рассказы «Толстое полено» и «Неманов дар». В том же году появилась книжка рассказов в стихах «Пропал человек». Из дореволюционных сборников прозы Якуба Коласа наиболее значительным является сборник рассказов «Родные образы» (1914). После победы Великого Октября на родном языке изданы десятки книг писателя: стихи, поэмы, рассказы, повести, пьесы. В послевоенное время дважды выходили его собрания сочинений: в семи томах (1952) и в двенадцати томах (1961–1964).

На русском языке начиная с 1929 года издано более сорока книг Якуба Коласа, в их числе:

Избранные стихи. Перевод с белорусского под редакцией М. Исаковского, Гослитиздат, М, 1935;

Избранные произведения. 1906–1936. Лирика. Сатира. Авторизованный перевод с белорусского под редакцией С. Городецкого, Гослитиздат, М. 1938;

Избранное. Перевод с белорусского. Редакция и вступительная статья Евг. Мозолькова, Гослитиздат, М. 1947;

«Хата рыбака». Поэма. Перевод с белорусского, Гослитиздат, М. 1949.

«Новая земля». Поэма. Авторизованный перевод с белорусского. Минск, Гос. изд-во БССР, 1949.

«На росстанях». Трилогия. Перевод с белорусского Евг. Мозолькова. Гослитиздат, М. 1959.

В 1951–1952 годах вышло Собрание сочинений Якуба Коласа в четырех томах под редакцией П. Бровки, М. Исаковского, Е. Мозолькова (Гослитиздат, М.).

Из русских публикаций сочинений Я. Коласа следует отметить также: Избранные произведения в двух томах (Гослитиздат, М. 1956), и Собр. соч. в трех томах. Изд-во «Известия», М. 1958 (в серии «Библиотека классиков литератур народов СССР»);

Стихотворения, поэмы, повести и рассказы Якуба Коласа неоднократно переводились на языки народов СССР, а также публиковались за рубежом.

В переводах произведений Якуба Коласа на русский язык принимали участие М. Исаковский, С. Городецкий, А. Прокофьев, П. Семынин, Б. Турганов, Н. Сидоренко и др.

Переводы произведений Якуба Коласа, вошедшие в эту книгу, сверены с текстами последнего, наиболее полного прижизненного издания сочинений поэта на белорусском языке (Якуб Кола с, Собр. соч. в семи томах, Минск, 1954), а также с текстами последнего двенадцатитомного Собрания сочинений (Якуб Колас, Збор твораў у дванаццаці тамах, Выдавецтва «Беларусь», Мінск, 1961–1964). По этим же изданиям, а частично по первым публикациям уточнены даты написания помещенных в сборнике произведений. Учтены также поправки, сделанные автором в марте 1956 года при подписании корректуры последнего прижизненного русского издания его избранных произведений в двух томах (Гослитиздат, М. 1956).

37

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Не ищите, не просите…» стр. 317. — Этим стихотворением открывается первый поэтический сборник Якуба Коласа — «Песни печали».

38

Край родимый стр. 317. — Стихотворение впервые было напечатано в белорусской газете «Наша доля» 1 сентября 1906 года, что ознаменовало начало литературной деятельности Якуба Коласа.

39

Белорусам стр. 321. — Опубликование этого стихотворения (20 сентября 1906 г.) было одной из причин конфискации третьего номера газеты «Наша доля».

40

Не верьте стр. 322. — В белорусских изданиях стихотворение печаталось под заголовком «Николаю II». Здесь оставлено название, принятое в последних прижизненных русских изданиях произведений поэта.

41

Дал по шапке депутатам... — Царское правительство, напуганное требованиями рабочих и крестьянских депутатов по аграрному вопросу (принудительное отчуждение части помещичьих земель в пользу крестьянства), разогнало манифестом от 3 июня 1907 года II Думу и изменило избирательный закон, резко ограничив число рабочих, крестьянских выборщиков и представительство от национальных окраин.

42

Стр. 326. *Ну, так ценза нету...* — Имеются в виду ограничения, установленные избирательным законом с целью отстранить трудящихся от участия в выборах.

43

Стр. 328. ...*в острог нас повели...* — После разгона II Государственной думы большая часть депутатов социал-демократов была приговорена к каторжным работам и ссылке.

44

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — реакционный государственный деятель, глава царского «кабинета», организатор подавления революции 1905–1907 годов. Убежденный сторонник самодержавия, он пытался сохранить его путем уступок либеральной буржуазии и репрессии по отношению к народу; по его совету Николай II опубликовал Манифест 17 октября, в котором обещал дать народу «незыблемые основы гражданской свободы».

45

Речь вели насчет земли... — См. примечание к стихотворению «Не верьте».

46

Только черной сотне мил... — Черная сотня — монархические организации («Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела») созданные полицией в 1905 году для борьбы с революционным движением.

47

От кокард их и шнуров... — Полицейские носили красные наплечные шнуры.

48

Стр. 332. *На барбару, Янка!..* — Барбара — толстая веревка, свитая из лозы.

49

Опускай шырыгу... — Шырыга — бревно, которым останавливают плот.

50

Прысом двигай влево... — Прыс — шест, вроде багра.

51

Призыв стр. 340. — Поэт обращается здесь к своим друзьям — сельским учителям, вместе с которыми он принимал участие в нелегальном учительском съезде в селе Николаевщина летом 1906 года. Съезд был разогнан полицией, участники его уволены с учительских должностей и отданы под суд.

52

Стр. 345. — *Над дверями — «календарь»...* — Имеется в виду место на стене, где заключенные отмечали дни, проведенные в неволе.

53

Да «буфет» из трех досок... — Буфет — длинный деревянный стол, на котором делили хлеб, расставляли миски с едой.

54

Стр. 348. *Ты нежданно появилась...* — Речь идет о полиции.

55

Памяти Л. Н. Толстого стр. 358. — Написано под впечатлением смерти гениального русского писателя. Напечатано 3 декабря 1910 года в газете «Наша нива».

56

Стр. 359. *Что Никодим за Иисусом...* — По библейскому преданию, Никодим — тайный ученик Христа, который неотступно следовал за своим учителем.

57

Стр. 367. *Где стоит камора...* — Камора — здесь: лесная застава, контрольный пункт, где проверялась вывозка дров.

58

Стр. 369. *Я вам, егомости!..* — Егомость — благородие *(польск.).*

59

Стр. 376. *Где бубнят бугаи...* — Бугай — выпь, болотная птица.

60

«Я теперь далеко от полесских равнин...» — Летом 1915 года Якуб Колас с семьей в связи с немецким наступлением выехал из Белоруссии в Московскую губернию; служил в армии, был на румынском фронте, а затем учительствовал в селе Липовец, Курской губернии.

61

Стр. 381. *Чемберлен* Остин (1863–1937) — английский государственный деятель. С 1924 по 1929 год — министр иностранных дел; проводил политику изоляции Советского Союза, способствовал возрождению германского милитаризма с целью использовать Германию в войне против СССР; в мае 1927 года добился разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией.

62

Стр. 383. *«Громада»* — Белорусская массовая демократическая крестьянская организация, возникшая в Западной Белоруссии в 1925 году, в период подъема национально-освободительного движения. В ночь с 14 на 15 января 1927 года по приказу фашистского диктатора Пилсудского (пилсудчики совершили фашистский переворот в 1926 г.) была разгромлена польской полицией. Тысячи рабочих и крестьян попали в тюрьмы. Во время знаменитого процесса над «Громадой» на скамье подсудимых оказалось более восьмисот активистов.

63

Синедрион — совет старейшин в древней Иудее; высшее религиозное, правительственное, судебное учреждение; здесь — сборище, собрание.

64

Мейштович — польский магнат, реакционер, ярый сторонник Пилсудского.

65

Пилаты — здесь: предатели. В Евангелии Понтий Пилат — римский правитель в Иудее, с согласия которого Христос был предан казни.

66

Янке Купале стр. 385. — Со стихами Купалы Якуб Колас впервые познакомился в 1907 году. Личное знакомство выдающихся народных белорусских поэтов произошло летом 1912 года. С тех пор до конца жизни их связывала большая, глубокая дружба.

67

Стр. 386. *Прометей (греч. миф.)* — титан, который похитил огонь с Олимпа и принес его людям, а также научил людей различным искусствам и ремеслам; за это Зевс велел приковать его к Кавказским горам.

68

С дороги стр. 396. — Стихотворение навеяно путевыми впечатлениями и переживаниями поэта во время поездки (через Западную Белоруссию и Польшу) на Всемирный конгресс защитников культуры, созванный по инициативе Максима Горького и Ромена Роллана в Париже в июне 1935 года. Родное село Якуба Коласа — Николаевщина — также оказалась «по ту сторону межи» и разделило судьбы всех западных областей Белоруссии, насильственно отторгнутых от БССР в 1920 году.

69

Сула — приток Немана, до сентября 1939 года по реке Сула в некоторых местах проходила граница между Польшей и СССР.

70

Орлы. — Имеется в виду польский герб.

71

Загибелька стр. 398. — Стихотворение написано в ответ на эпиграмму известного белорусского драматурга и поэта-сатирика Кондрата Крапивы («Я был в Париже. Город — ничего...»).

72

Загибелька — небольшая деревня Пуховичского района, Минской области, где летом 1935 года отдыхал Якуб Колас и откуда он поехал в Париж для участия в работе Всемирного конгресса защиты культуры.

73

Поэтам советской земли стр. 400. — Написано в связи с состоявшимся в Минске в феврале 1936 года пленумом Правления Союза советских писателей СССР, в котором приняли участие поэты и писатели всех братских советских республик.

74

Живет Руставели! стр. 402. — Написано в связи с юбилейными торжествами по поводу 750-летия поэмы грузинского поэта Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

75

Устье стр. 403. — Небольшой поселок Устье, Пуховичского района, Минской области, а затем соседняя деревня Балачанка, куда был перенесен поселок, — любимое место летнего отдыха Якуба Коласа.

76

Стр. 405. *И песнь девчат из Березанки... — Березанка* — небольшая деревня неподалеку от Устья и Балачанки.

77

Тарасу Шевченко стр. 409. — Написано к 125-летию со дня рождения великого украинского поэта.

78

Своему народу стр. 410. — В стихотворении выражены чувства поэта в связи с освобождением в 1939 году Советской Армией западных областей Белоруссии и Украины. Этим же событиям посвящены стихотворения Якуба Коласа «Гудит земля, дрожат леса...», «Вольному народу» и др.

79

Стр. 412. *Напротив — Кручок, заповедное царство...* — Кручок — урочище при слиянии Свислочи и Балачанки.

80

Над могилой друга стр. 422. — Стихотворение написано вскоре после смерти Янки Купалы — 28 июня 1942 года.

81

Стр. 423. *Батька Минай.* — Под этим именем в годы Великой Отечественной войны получил широкую известность командир одного из партизанских отрядов в Белоруссии Герой Советского Союза М. Шмыров. Дети М. Шмырова были взяты фашистами в качестве заложников и уничтожены.

82

М. Д. М. стр. 425. — *М. Д. М.* — Мария Дмитриевна Мицкевич, жена Якуба Коласа (умерла в 1945 г.).

83

Узбекистану стр. 426. — В период Великой Отечественной войны Якуб Колас около двух лет прожил в эвакуации в Ташкенте. Узбекистану посвящены также стихотворения «Салар», «Песни пилота», «Чимган», «На заходе солнца» и др.

84

Салар ручей (арык) в Ташкенте.

85

Чимган — горноклиматический курорт в Узбекистане, расположенный среди скалистых гор в долине реки Чимганка.

86

Родному краю и народу стр. 442. — Белорусская советская республика была провозглашена 1 января 1919 года. Тридцатилетие БССР торжественно отмечалось 1 января 1949 года.

87

Стр. 465. *Хоть я терплю неволи муки...* — Поэму «Новая земля» Якуб Колас начал писать в 1910 году в минской тюрьме, где царское правительство продержало его три года за революционную работу среди крестьян.

88

Стр. 467. *Кадушка, старый понаряд...* — Понаряд — колесный скат.

89

Стр. 476. *Но вот на сессии Михала...* — По воскресным дням лесники должны были являться «для отчета» к княжескому лесничему. Эти сборы назывались «сессиями».

90

Стр. 481. *Навой приткнулся деревянный...* — Навой — задний вал у ткацкого станка, на котором навита основа.

91

Стр. 489. *Баранчик божий в поднебесье...* — Имеется в виду бекас.

92

Стр. 497. *На шапках было «R» с короной.* — «R» — начальная буква фамилии князей Радзивиллов.

93

Стр. 506. *Приказ принес я для васпана...* — Васпан (ватьпан) — вежливое обращение вроде — сударь, господин *(польск.).*

94

Стр. 508. *Гляди, чтоб бабы без билета грибов и ягод не сбирали...* — За право собирать ягоды и грибы в княжеском лесу крестьяне обязаны были вносить особую плату — покупать специальные билеты.

95

Стр. 525. *«Директор» Яська доброхотом...* — В старой, дореволюционной Белоруссии некоторые крестьяне, желая научить своих детей читать и писать, брали в дом грамотного подростка. Этих кочующих из дома в дом маленьких учителей называли «директорами».

96

Стр. 537. *Всю жизнь ты будешь коломазом...* — Коломаз — смазчик колес.

97

Стр. 567. *А сапоги он смазал здором...* — Здор — свиной нутряной жир.

98

Стр. 569. *И ходят шумно балаголы...* — Балаголы — извозчики.

99

Стр. 582. *Какой губернии, повета...* — Повет — уезд.

100

Хата рыбака

Первая глава поэмы написана в феврале 1940 года. 18 мая 1941 года была закончена семнадцатая глава. Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз заставило поэта временно прервать начатую работу, но не отказаться от нее. В течение всего периода Великой Отечественной войны Якуб Колас писал стихотворения, поэмы («Суд в лесу», «Возмездие»), статьи, рассказы на темы, непосредственно связанные с борьбой советского народа против немецко-фашистских захватчиков. После потрясений военных лет и тяжелых личных утрат (гибель на фронте сына, смерть жены) Якуб Колас в середине 1946 года вернулся к «Хате рыбака», и в январе 1947 года работа над поэмой была завершена.

101

Стр. 605. *Лучник, как колокол свисает...* — Лучник — дымовая труба.

102

Стр. 606. *Для санок тешет копылы...* — Копылы — деревянные бруски, вставляемые в полозья.

103

Стр. 616. *И наконец в прискрынок глянет...* — Прискрынок — отдельный ящичек внутри сундука.

104

Стр. 618. *И вот из гмины к ним нежданно...* — Гмина — волостная управа.

105

Стр. 620. *Им пан-осадник въелся в кости...* — Осадник — кулак-колонист. Лучшие участки земли в оккупированных буржуазно-помещичьей Польшей западных областях Белоруссии пилсудчики отдавали бесплатно бывшим офицерам и унтер-офицерам из числа участников антисоветского похода белополяков.

106

Стр. 628. *Хитро запрятано, пся крэв!..* — Пся крэв — собачья кровь *(польск.).*

107

Стр. 632. *Тень плывет с Картуз-Березы...* — Картуз-Береза — каторжная тюрьма для политзаключенных в буржуазно-помещичьей Польше.

108

Стр. 650. *Лежат, готовы в бой, жолнеры...* — Жолнеры — солдаты *(польск.).*

Е. Мозольков